

268
611

201-14
1365

Харьковская Старина.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРОЖИЛА.

В. П. ЖАРПОВА.

(1830—1860 гг.).

ис

33

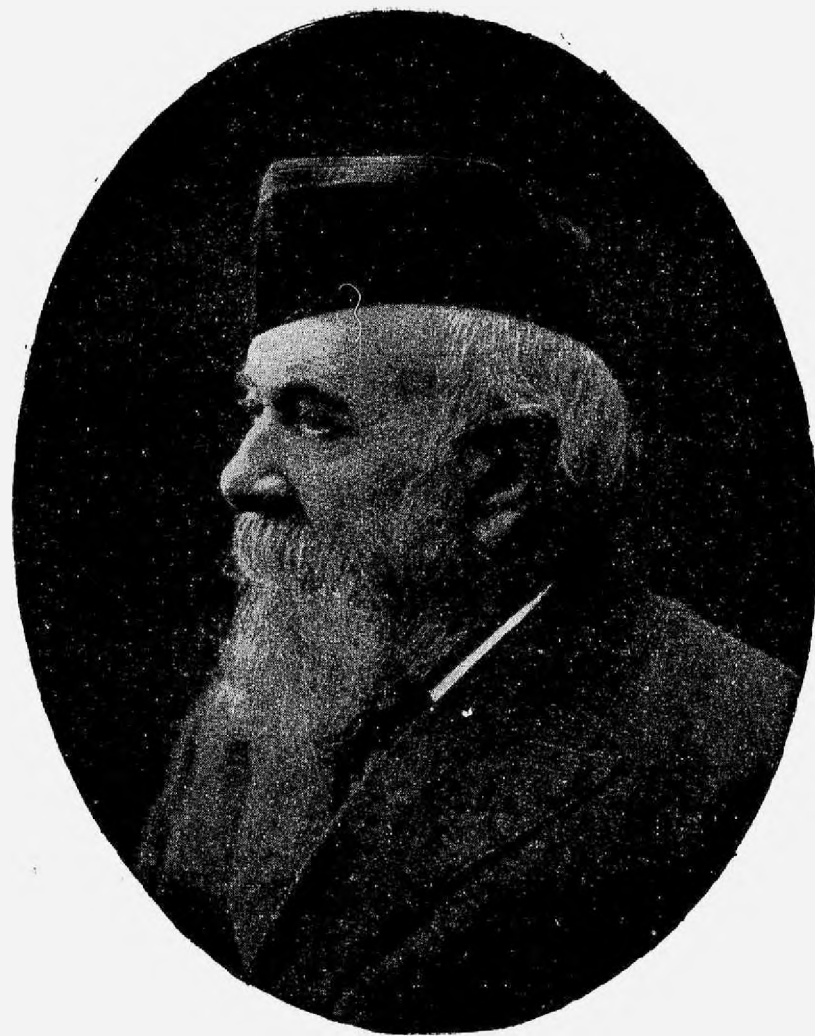
ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Южнаго Краю“, Сумская, д. А. А. Іозефовича
1900.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 1 Марта 1900 г.

82359-0

2011119911

В. П. Карповъ.

дѣтелемъ ихъ счастливой минуты въ жизни. И эти талисманы хранились, нерѣдко, всю жизнь и переходили въ наслѣдство дѣтямъ.... Да и можно-ли было этимъ счастливцамъ не запечатлѣть хотя чѣмъ-нибудь воспоминаній о томъ мѣстѣ, которое подарило имъ такъ много надеждъ на счастье? Онѣ любили и были любимы, а много-ли такихъ минутъ выпадаетъ въ жизни на долю человѣка?....

Въ тѣ годы старина, не мудрствуя лукаво, смотрѣла просто на жизнь и на ея задачи. Въ тѣ годы „женскаго вопроса“ совсѣмъ не существовало. Родилась дѣвочка въ міръ, и задача ея жизни была проста и не сложна. Дѣвочка росла и развивалась для того, чтобы въ семнадцать лѣтъ разцвѣсти пышнымъ цвѣткомъ и выйти замужъ. И потому въ то время Кочетокъ для многихъ и многихъ былъ лучшимъ воспоминаніемъ, какъ мѣсто, въ которомъ избранниками Гименея впервые былъ отпразднованъ пышный разцвѣтъ первой весны и испытано хотя бы и кратковременное, но все-же отрадное чувство любви.....

Воспоминанія старожила г. Харькова.

„И вѣру свѣтлую, и сладкія мечты
О торжествѣ добра, любви и
красоты,—
Я все хотѣлъ бы вновь душою
пережить...
И невозвратное хотѣлъ бы воз-
вратить....“

Гдѣ-бы я ни проходилъ по г. Харькову, куда-бы ни обратился мой взоръ—вездѣ и на всемъ я вижу образы давно уже прошедшей жизни. То тихою чередой проходятъ мимо меня когда-то жившіе люди, спутники моего дѣтства; то бурнымъ вихремъ мчатся и спѣшатъ жить люди моей юности; то робко и неувѣренно, шагъ за шагомъ, проходятъ мимо меня люди зрѣлыхъ лѣтъ, съ которыми я жилъ, которыхъ слушалъ и о которыхъ остались въ душѣ моей неизгладимыя воспоминанія. Гдѣ всѣ они теперь? Куда ушли, зачѣмъ не продолжали жить, не остались вмѣстѣ со мною доживать свой вѣкъ?

Быть можетъ, забыты они всѣми, но не забыты они мною и я ими живу и они живы въ моей памяти.

Помню, Фламмаріонъ, въ одной изъ книгъ своей, популярной астрономіи, говоритъ,

что въ высшихъ сферахъ всѣ событія земли неизгладимо отпечатаны; и если-бы человѣкъ могъ подняться на должную высоту, то онъ увидѣлъ бы и дѣянія Іоанны Д'Аркъ, и жестокую работу Робеспьера. Не знаю, что дѣлается въ высшихъ сферахъ, но могу съ увѣренностью сказать, что въ моей памяти, точно въ завѣтной книгѣ бытія, все мною прожитое хранится отпечатаннымъ и не блѣднѣетъ его ясный контуръ....

И вотъ, въ моей памяти возстаетъ съ изумительною ясностью образъ одной простой крѣпостной женщины, лѣтъ семидесяти. Она была всѣмъ намъ извѣстна подъ нарицательнымъ именемъ Петровны. Петровна по крѣпостнымъ актамъ принадлежала помѣщицѣ Смоленской губерніи, Слюзовой, и была отдана купцу Чунихину на выкупъ. Въ то время купецъ или разночинецъ, не имѣвшій права владѣть крестьянами, по обоюдному соглашенію съ помѣщикомъ, бралъ нерѣдко цѣлую крестьянскую семью на выкупъ. Семья, взятая на выкупъ, должна была прослужить своему временному господину десять-пятнадцать лѣтъ, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія. По прошествіи условнаго времени она получала вольную и переста-

вала быть крѣпостною. И не имѣла ничего за душой, кромѣ права идти на всѣ четыре стороны.

Анна Петровна, иль, какъ въ дѣтствѣ ее звали, Анька, поступивши девяти лѣтъ къ купцу Чунихину на выкупъ, въ качествѣ дѣвочки для игръ и забавы къ двумъ дочерямъ богатаго купца, а черезъ пятнадцать лѣтъ сдѣлавшись свободною, на 25 году своей жизни, пошла мыкаться по бѣлу-свѣту, переходя изъ дома въ домъ, изъ семьи въ семью. Къ тридцати годамъ своей жизни, она была уже матерью, приобрѣтя внѣ брака ребенка, а съ нимъ и неразлучный срамъ и позоръ. Но ребенокъ на чужихъ рукахъ умеръ, а сама она, поступивши въ мамки, начала заниматься мѣста няни при дѣтяхъ и на этой профессіи умерла въ Харьковѣ на семидесятомъ году своей жизни.

Проживая по домамъ въ качествѣ няни, Петровна гдѣ-то съумѣла выучиться читать и писать, что въ то время составляло большую рѣдкость даже между мужчинами. Уже въ преклонныхъ ея лѣтахъ я встрѣтилъ ее въ семьѣ купца Дунина, гдѣ былъ ея питомцемъ мой товарищъ по гимназіи, Гаврюша Дунинъ. Каждый разъ при воспоминаніи о немъ у меня возникаетъ вопросъ о странной судьбѣ этого прекрас-

наго юноши, дорогого сердцу товарища. Семья Дуниныхъ была небогатая, но жила съ достаткомъ и не нуждалась ни въ чемъ необходимомъ. Дунинъ велъ торговлю игольнымъ товаромъ. Какъ самъ Дунинъ, такъ и жена его были люди добрые, ласковые и богобоязливые. Да и вся семья, состоявшая изъ двухъ дочерей и одного сына — Гаврюши, тоже была очень добрая. Но у членовъ этой семьи какъ-то особенно уживались совмѣстно и человекъ, и звѣрь и шли въ жизнь рука объ руку. Пока жизнь въ своемъ обыденномъ теченіи не касалась ихъ личнаго интереса, звѣрь спалъ, а человекъ бодрствовалъ. Но едва заходила рѣчь о личномъ интересѣ, человекъ куда-то удалялся и на арену жизни выступалъ звѣрь во всеоружіи. Загребущіе когти и яростные глаза звѣря дѣлали Дунина и его супругу неузнаваемыми. А проходилъ порывъ гнѣва, звѣрь куда-то прятался и человекъ вновь выходилъ, полный любви и милости ко всѣмъ.

Когда Гаврюша былъ ребенкомъ, нерѣдко, не вслѣдствіе черствой души своей, а скорѣе отъ легкаго взгляда на жизнь, онъ подпадалъ подъ серьезныя замѣчанія своихъ родителей за то, что безучастно, а иногда и грубо относился къ бѣдности и нищетѣ. Ему каждый разъ ставилось на

видѣ Евангеліе и особенно нагорная проповѣдь, на основаніи которой твердили ему о милосердіи. И Гаврюша всякій разъ сознавалъ свою вину, даже плакалъ о ней и дѣлался лучшимъ. Доброе сѣмя падало на хорошую почву. Вліяніе на него родителей было такъ благотворно, что онъ нерѣдко въ гимназіи и насъ надѣлялъ совѣтами вести себя лучше. Въ развитіи Гаврюши въ этомъ направленіи, конечно, принимала участіе и няня его, Петровна, которая любила его, какъ родного сына.

Гаврюша былъ мальчикъ весьма талантливый. Онъ учился въ числѣ первыхъ и былъ весьма энергиченъ, но съ пятаго класса съ нимъ что-то произошло неладное. Онъ началъ задумываться и задавалъ вопросы, не свойственные его лѣтамъ. Причина такой перемѣны таилась въ происшедшемъ съ нимъ случаѣ, для всѣхъ насъ неожиданномъ.

Одинъ изъ нашихъ товарищей, Ваня Дробушевъ, весьма бѣдный юноша, перейдя вмѣстѣ съ нами въ шестой классъ, не имѣлъ возможности сшить себѣ новый форменный сюртукъ и являлся каждый разъ въ классъ въ очень поношенной формѣ. Ему уже было сдѣлано нѣсколько замѣчаній и, наконецъ, въ присутствіи всѣхъ товарищей, ему было объявлено, что если онъ

завтра явится въ такомъ жалкомъ видѣ, то не будетъ допущенъ въ классъ и будетъ исключенъ изъ гимназій. Въ то время не было при гимназій ни суммъ для бѣдныхъ, ни вспомогательныхъ кассъ, ни благотворительныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ учащихся. Мы все, выслушавши такой жестокий приговоръ, крѣпко придумались и тутъ-же начали толковать о томъ, какъ и чѣмъ помочь горю. Но Гаврюша Дунинъ распорядился иначе, опередивши всѣхъ насъ. У него дома висѣла новая форма, только что сшитая. По окончаніи занятій Гаврюша подзываетъ Ваню Дробушева, снимаетъ съ себя форму и надѣваетъ на него, а самъ безъ сюртука, въ одномъ форменномъ пальто, уходитъ домой. Казалось-бы, что въ его поступкѣ не было ничего дурного, и мы все за такой подвигъ отнеслись къ Дунину со всею признательностью открытой дѣтской души. Родители Гаврюши на его поступокъ взглянули нѣсколько иначе. Мать Гаврюши была поражена, когда увидѣла, что онъ пришелъ изъ гимназій въ одномъ пальто. Когда же пришелъ изъ лавки отецъ, то онъ привлекъ Гаврюшу къ строгой отвѣтственности и, не задумываясь, жестоко его выскѣ. Но едва отецъ началъ сѣчь Гаврюшу, какъ Петровна подбѣжала къ нему

и вырвала у него изъ рукъ своего питомца.

— Что это ты, батюшка, очумѣлъ что-ли, что бьешь свое дѣтище? Убей меня, коли у тебя руки свербятъ, а его не дамъ тебѣ бить!

И Петровна увела Гаврюшу въ дѣтскую комнату. Дунины за ея дерзкое вмѣшательство въ ихъ права немедленно рассчитали ее.

— Не только рассчитай меня, а убей меня, а его бить я тебѣ не дамъ. Грѣхъ, великій тебѣ грѣхъ за него будетъ, батюшка!—отвѣтила Петровна и вышла изъ его дома.

Такъ какъ въ то время всѣхъ били и, по общепринятому мнѣнію педагоговъ, ни одного мальчика нельзя было выучить безъ побоевъ, то ни насъ, ни Гаврюшу не удивило то, что его побили. Но за что, за какую провинность его побили, оставалось для Гаврюши неразрѣшеннымъ вопросомъ. И потому такая неожиданная расправа на него повліяла настолько, что онъ сразу измѣнился и сдѣлался неузнаваемымъ. Онъ, какъ я уже сказалъ выше, началъ задаваться вопросами, которыхъ рѣшить ни онъ, ни мы не могли. И, наконецъ, онъ рѣшился рассказать свой проступокъ въ классѣ священнику Лебедеву, преподава-

телю Закона Божія. Лебедевъ, выслушавши Гаврюшу, сказалъ, что онъ обязанъ попросить прощенія у родителей и обѣщать имъ впредь такъ никогда не поступать.

— Да, что же я сдѣлалъ, батюшка, нехорошаго?—спросилъ у Лебедева Гаврюша. Вѣдь, Христосъ сказалъ, чтобы мы помогали ближнему?

Тише, тише...—строго прервалъ его Лебедевъ. Лучше тебя знаютъ, что сказалъ Христосъ. А ты иди и не смѣй въ другой разъ такъ поступать!

Послѣ такихъ внушительныхъ объясненій Лебедева Гаврюша словно помѣшался. Онъ сдѣлался угрюмъ, пересталъ готовить уроки и нерѣдко некстати повторялъ неоднократно одинъ и тотъ же вопросъ:

— Чему меня сами же учили, за то меня и побили. Что же это такое?

Стоялъ давно уже сентябрь на дворѣ. Въ этотъ годъ онъ былъ особенно жаркій и теплый. Многіе еще продолжали купаться. А купаться въ тѣ годы было гдѣ, не то, что теперь. Гдѣ въ настоящее время перекинуть черезъ рѣку Кузнечный мостъ, тамъ въ то время была гребля, у которой, подъ сѣнью развѣсистыхъ вербъ, стояла мельница, принадлежавшая помѣщику Барабашеву. А вверхъ по теченію р. Харькова, за теперешнимъ садовымъ заве-

деніемъ Грикке, была кузинская мельница — крупчатка, которая имѣла весьма солидныхъ размѣровъ плотину, извѣстную подъ именемъ „Сомовой гребли“. Лѣвый берегъ рѣки былъ особенно возвышенъ и глубокъ. Но, тѣмъ не менѣе, это было самое любимое мѣсто для купающихся, умѣвшихъ плавать. Гаврюша Дунинъ былъ большой охотникъ купаться и при этомъ былъ хорошій пловецъ. Въ фатальный для него день, очень поздно вечеромъ, онъ пошелъ купаться, никому не сказавъ объ этомъ изъ домашнихъ. Домой онъ не возвратился. На другой день мельники нашли его трупъ, всплывшій у основанія лотока плотины, а на крутомъ берегу рѣки его платье. Трупъ былъ одѣтъ въ рубаху и брюки, но безъ сапогъ. Всѣ рѣшили, что Гаврюша Дунинъ задумалъ выкупаться, но оступился, попалъ въ воду и пошелъ ко дну.

На погребеніи его была, но къ роднымъ не подходила, няня Петровна. Она подошла къ гробу Гаврюши, поклонилась ему „въ самую землю“ и вышла изъ храма.

Черезъ три года я встрѣтилъ Петровну. Она жила у купца Бѣтина и смотрѣла за его дочерью.

Разговорились мы съ нею и вспомнили о Гаврюшѣ Дунинѣ.

— Да, что и говорить! — горячо отвѣтила мнѣ Петровна. Грѣхъ отцу его, вотъ что я скажу! Ты думаешь, какъ и всѣ, что онъ оступился да упалъ въ воду? Такой пловецъ, какъ онъ, да не выплылъ бы? Вѣрь мнѣ, онъ нарочно утонулъ, вотъ что я тебѣ скажу! Потому онъ не могъ перенести такого „супротивленія“ рѣчи: говорятъ одно, а дѣлаютъ другое. Говорятъ по Божески, а дѣлаютъ, какъ сатана велитъ, — вотъ оно что, мой милый! Отъ этого, отъ самаго у моего Гаврюши, Божьяго человѣка, головушка кругомъ пошла, душа изболѣлася, онъ и утонулъ!...

— Да развѣ, Петровна, онъ говорилъ тебѣ, что утонуть хочетъ?

— Да ужъ коли говорю, значить, знаю. Вотъ тебѣ и весь сказъ отъ меня!...

Разстался я съ Петровной, и въ моей юной и пылкой головѣ много мыслей пробѣжало и вопросъ за вопросомъ просили отвѣта. А смерть Гаврюши и теперь осталась для меня загадкою, хотя я очень склоненъ думать, что Петровна была права...

Вскорѣ послѣ Гаврюши умерла и Петровна и умерла, исполняя самоотверженно свои обязанности до конца жизни, которую положила за питомицу свою.

Какъ я уже сказалъ, Петровна была няней у купца Бѣлина, которому принадле-

жалъ домъ, гдѣ въ настоящее время помещается Сѣверная гостинница, въ Горяиновскомъ переулкѣ.

Однажды Петровна гуляла съ своею дѣвочкою, которая, какъ рѣзвый ребенокъ, побѣжала на средину улицы за уходившей отъ нея собачкой.

Въ то время изъ за угла вылетѣлъ парный извозчикъ-лихачъ и, еслибы не находчивость Петровны, дѣвочка была бы раздавлена. Петровна мгновенно бросилась къ своей питомицѣ, повалила ее и сама легла на нее всѣмъ своимъ тѣломъ. Лихачъ переѣхалъ ее всѣмъ экипажемъ, а лошади копытами повредили ей затылочную часть черепа. Ее подняли безъ чувствъ, но ребенокъ былъ безъ одной царапины.

Отецъ дѣвочки не жалѣлъ средствъ, чтобы возратить ее къ жизни. Были приглашены профессоръ Струве и гомеопатъ Таузентъ. Но выздоровленіе шло вяло, больная не поправлялась. Два врача противорѣчили другъ другу: Струве прописывалъ больной самую строгую діету и истощилъ ее до упадка силъ, а гомеопатъ хотя и рекомендовалъ все кушать, но зато давалъ ей маленькія зерна, отъ которыхъ не было никакой пользы.

Былъ приглашенъ на консилиумъ третій врачъ, военный, временно проживавшій въ

городѣ и имѣвшій значительную практику, Рындинъ.

Какъ практикъ, Рындинъ стоялъ довольно высоко во мнѣніи жителей города. Но его всегда веселый характеръ, вѣчное балагурство, беззабвчивость и слишкомъ развязная манера держать себя у постели больного, какъ у себя дома, многихъ заставляли сторониться его.

— Скажите, докторъ, почему вы, видя больного, лежащаго на одрѣ болѣзни, такъ веселы, какъ на пирушкѣ? — спросилъ какъ то его больной.

— Вотъ такъ вопросъ! — смѣясь, отвѣчалъ Рындинъ. — Онъ лежитъ больнымъ, а я долженъ грустить! Это не моя профессія. А вы лучше поменьше скорбныхъ словъ употребляйте, да не рисуйтея вашею болѣзнию. А то, вотъ видите, вы лежите на кровати, а говорите, что вы лежите на одрѣ болѣзни, да еще требуете, чтобы человекъ, стоя возлѣ васъ, непременно вѣшалъ свой носъ на квинту. Все это лишнее и при лѣченіи какой-бы ни было болѣзни наукой противопоказывается..

Не доллюбливали его больные еще и за то, что онъ входилъ къ больному и выходилъ отъ него, напѣвая какой-либо веселый или бравурный маршъ. О его приходѣ и о уходѣ узнавалъ всегда весь домъ.

Какъ-бы то ни было, а Рындинъ, по приглашенію Бѣлина, явился на консилиумъ и, не тратя времени, пригласилъ своихъ коллегъ идти къ больной. Въ это время докторъ Таузентъ былъ занятъ приготовленіемъ раствора какого-то зернышка въ пяти стаканахъ воды и потому попросилъ его нѣсколько повременить.

— Вы, кажется, гомеопатъ? — смотря на аптечку Таузента, спросилъ Рындинъ.

— О, да, я этотъ методъ лѣченія предпочитаю всѣмъ другимъ! — съ достоинствомъ отвѣтилъ Таузентъ.

— А я думаю, что если сразу съѣсть всю вашу аптеку, и тогда ничего не выйдетъ, ни худого, ни хорошаго. Вы какъ думаете, г. профессоръ? — обратился Рындинъ къ Струве.

— Да, это новый методъ.... Но, быть можетъ, въ будущемъ онъ дастъ хорошіе результаты! — отвѣтилъ профессоръ на русскомъ языкѣ, но съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— А я этимъ зернышкамъ не придаю никакого значенія и увѣренъ, что если ихъ всѣ съѣсть разомъ, то худо будетъ только вотъ этой аптекѣ, потому что она станетъ пустою.

— Herr Doktor шутить! — смѣясь отвѣтилъ Таузентъ! — Все скушалъ — ist das möglich, mein lieber kollega?!

— А я въ этомъ увѣренъ. Пойдемте же къ больной.

Всѣ трое ушли къ больной. Но Рындинъ вскорѣ возвратился въ залъ и, воспользовавшись тѣмъ, что онъ одинъ, пересыпалъ изо всѣхъ пузырьковъ зерна въ одинъ стаканъ, смѣшалъ и выпилъ.

Въ это время возвратились въ залъ Струве и Таузентъ.

— Ну, вотъ теперь посмотримъ, — сказалъ Рындинъ, показывая пустой стаканъ Таузенту. — А аптека ваша вся вотъ тутъ! И онъ ударилъ себя раза два по животу.

— Was haben Sie gemacht? Ist das möglich? — завопилъ обиженный гомеопатъ. Струве не нашелся, что сказать на выходку Рындина, и только всплеснулъ руками. А Рындинъ заливался гомерическимъ смѣхомъ. Купецъ Бѣлинъ напрасно стоялъ въ глубинѣ зала, ожидая результатовъ консилиума.

— Ну, что-же мы будемъ дѣлать съ больной? — спросилъ, наконецъ, Рындинъ.

— Я такъ думаю, что для нарыва на затылочной кости ей нужно дать смягчительный пластырь и потомъ строгую діету! — сказалъ Струве.

— А ваше какое мнѣніе? — спросилъ Рындинъ у Таузента.

— Я буду продолжать давать ей черезъ часъ по столовой ложкѣ двѣнадцатый номеръ изъ четвертаго стакана и увѣренъ, что все окончится...

— Легальнымъ исходомъ? — поспѣшилъ договорить Рындинъ. А я, господа коллеги, вижу, что вы шутите, а не лѣчите. Ей необходимо вскрыть нарывъ, такъ какъ я увѣренъ, что подъ нимъ скрывается проломъ черепа со вдавленіемъ кости въ мозговую массу. Но и это мнѣ кажется уже поздно дѣлать. Она уже потеряла сознание и къ вечеру должна умереть!..

— Что вы, что вы? Это неправильный діагнозъ! — разомъ отвѣтили Струве и Таузентъ.

— Это мое убѣжденіе, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Рындинъ. — Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать. Тромъ, тромъ, тромъ, тромъ! — заплѣлъ докторъ и вышелъ изъ дома.

На нѣсколько часовъ ошибся Рындинъ. Бѣдная Петровна дѣйствительно умерла, но не къ вечеру, а къ утру другого дня...

Послѣ этого консилиума Рындинъ въ городѣ сталъ извѣстенъ какъ докторъ, который съѣлъ аптеку и не умеръ.

Мой рассказъ о Петровнѣ можетъ быть заподозрѣнъ со стороны правдивости изображенного мною образа. Но это напрасно. Нѣтъ въ теперешнее время такихъ типовъ,

не потому, что люди очерствѣли, что чувства ихъ измельчали. Глубокія чувства души человѣческой всегда одни и тѣ-же и во всѣ времена заявляютъ о себѣ со всею силою существа своего, но время направляетъ эти чувства въ то или иное русло, и потому измѣняются не чувства, а только формы ихъ проявленій. Въ былое время, когда крѣпостное право порождало немало женщинъ, искусственно осиротѣлыхъ, обездоленныхъ произволомъ безусловнаго права, одинокихъ, оторванныхъ отъ родной семьи или разлученныхъ съ своими родными дѣтьми и поставленныхъ въ безвыходное положеніе кругаго одиночества, въ это время, женщина, по природѣ своей живущая любовью, съ самоотверженіемъ привязывалась къ чужому ребенку и къ чужой семьѣ. Если ей, какъ нянѣ, былъ сданъ на руки ребенокъ, жизнь котораго она нерѣдко сопровождала до возмужалаго возраста, этотъ ребенокъ восполнялъ ей все, чего она была лишена. Въ немъ она видѣла и свою семью, и свое родное дѣтище. Имъ она утѣляла свое сиротство, имъ-же дополняла и свое одиночество. Если вспомнимъ, что жестокая война всегда порождаетъ самоотверженныхъ героевъ, окрыленныхъ баснословною храбростью и беззавѣтно преданныхъ

идеѣ, то намъ станетъ понятно, почему жизнь, проходившая подъ давленіемъ крѣпостного деспотизма, производила самоотверженныхъ и безгранично любящихъ чужихъ дѣтей нянь и мамокъ; это было для женщины замѣною того, что было у нея отнято такъ беззастѣнчиво, такъ безжалостно...

На сцену моего маленькаго провинціальнаго театра вышло новое лицо, — докторъ Рындинъ. Обладая безспорно талантомъ врача, онъ, однако-же, былъ полонъ оригинальныхъ чертъ характера, сложившихся благодаря прямому, трезвому его взгляду на жизнь.

Однажды онъ лѣчилъ богатаго помѣщика, Падолкина, жившаго постоянно въ городѣ потому, что онъ, страдая сильно развившимся аневризмомъ сердца, постоянно нуждался въ совѣтѣ врача.

Весною, въ теплый день, страдая сильными сердечными припадками, больной Падолкинъ сидѣлъ въ своемъ домѣ, на балконѣ, выходящемъ къ рѣкѣ Харькову.

— Тромъ, тромъ, трамъ, трамъ! — вдругъ раздались громкіе звуки какого-то турецкаго марша по всей анфиладѣ комнатъ. Черезъ нѣсколько минутъ на балконъ вошелъ Рындинъ.

— Ну, что, какъ наши сердечныя дѣла идутъ?—спросилъ онъ больного и началъ выслушивать стетоскопомъ его сердце.

Больной молчалъ, потому что въ этотъ день его страданія были непосильны.

— Ого!—наконецъ, сказалъ Рындинъ, развинчивая свой стетоскопъ.—Болѣзнь идетъ правильно, безъ уклоненій!...

— Скажите, докторъ, спросилъ, наконецъ, больной, скоро ли я избавлюсь отъ этихъ ужасныхъ болей въ сердцѣ?

Рындинъ сталъ въ позу импровизатора и вытянулъ свою руку впередъ.

Не пылить дорога,
Не шумять листья;
Подожди немного,
Отдохнешь и ты!—

вдругъ неожиданно продекламировалъ онъ четырехстишіе въ отвѣтъ на вопросъ больного и, запѣвши свое обычное „тромъ, тромъ, трамъ, трамъ“, простился и ушелъ, оставивши пациента въ недоумѣніи. Къ вечеру этого же дня больной дѣйствительно неожиданно для всѣхъ родныхъ

Перескочилъ въ единый мигъ
На лоно праотцевъ своихъ.

Не менѣе своеобразно держалъ себя Рындинъ съ дамами, и особенно съ молодыми, которымъ, впрочемъ, онъ за свою оригинальность очень нравился. Помнится, онъ былъ приглашенъ къ богатой и весьма мо-

лодой помѣщицѣ Татищевой, которая, по окончаніи института, всего три года какъ вышла замужъ и часто страдала нервами. Мужъ ея, весьма пожилыхъ лѣтъ полковникъ гвардіи въ отставкѣ, владѣлецъ двухъ тысячъ душъ крестьянъ, не зналъ, какъ и чѣмъ помочь своей женѣ, которую онъ любилъ

И за единый мигъ любви ея и ласки,
За страстный взглядъ, за голубые глазки,
Готовъ онъ былъ ей жизнь свою отдать.
Но, бѣдная страдалница, она,
Какъ мраморъ, холодна и все больна, больна..

Онъ перемѣнилъ уже немало докторовъ, и теперь вся его надежда была на доктора Рындина.

— Тромъ, тромъ, трамъ, трамъ!—огласили залъ обычные звуки марша, напѣваемого прѣхавшимъ Рындинымъ.

Татищевъ вышелъ къ нему навстрѣчу и попросилъ его не пѣть, такъ какъ жена страдаетъ головными болями и нервами.

— Фу... у...у! сколько страданій сразу!—смѣясь отвѣтилъ Рындинъ и продолжалъ допѣвать начатый мотивъ.—Ну, пойдете къ больной.

Мужъ пріотворилъ дверь въ спальню своей жены и впустилъ доктора, но самъ не вошелъ, такъ какъ не получилъ на это разрѣшенія отъ своего кумира.

На прекрасно убранной постели, въ роскошномъ матине, отдѣланномъ брусельскими кружевами, лежала красивая молодая женщина, покрытая, какъ бы лѣнивою рукой, одѣяломъ, которое, спустившись однимъ краемъ съ кровати, обнажая ея плечо, одѣтое въ рубаху изъ тонкаго батиста, тяжело легло на полу, образовавъ нѣсколько широкихъ складокъ.

Увидавши доктора, красавица-больная протянула ему свою маленькую ручку и, подкативъ свои голубые глаза къ небу, открыла свой маленькій ротикъ, показавши рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ахъ, докторъ, спасите меня, я умираю!—слабымъ голосомъ проговорила она.

— А коли вы уже умираете, такъ посылайте за гробовщикомъ, а мнѣ у васъ дѣлать нечего,—отвѣтилъ, смѣясь, Рындинъ и сѣлъ у ея кровати.

— Нѣтъ, докторъ, не шутите!..

— Да, да, я знаю! Вы хотите мнѣ спѣть романсъ:

Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи,
Твое лѣкарство не поможетъ!
Давно уже въ моей груди,
Все что-то жжетъ меня и гложетъ!..

— Соглашаюсь, положеніе ужасное! А все-же я васъ сейчасъ осмотрю и діагностирую вашу болѣзнь.

Докторъ началъ выслушивать пульсъ, опробоваль, нѣтъ-ли жару въ головѣ, и, наконецъ, выслушалъ грудь и сердце.

— Неправда-ли, мое сердце какъ-то усиленно бьется?—спросила его больная и, съ улыбкой невиннаго ребенка, посмотрѣла на доктора.

— Этого мало сказать—бьется! Ваше сердце рвется наружу, ему свѣтъ нуженъ, оно занудилось въ богато убранномъ захолустѣ!—сказалъ Рындинъ и, смѣясь, нѣжно пожалъ ея руку.

— Ахъ, что вы говорите, докторъ?—не отнимая руки, возразила больная и опустила глазки. Краска стыдливости покрыла ея лицо румянцемъ.

— Ну, да какая-же вы красавица и какой у васъ старый мужъ!—неожиданно сказалъ Рындинъ.

— Вы просто несносный человѣкъ, вы человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ и съ желѣзною душою!—обиженнымъ тономъ отвѣтила больная и взяла свою руку изъ его руки.

— Позвольте, позвольте, мы сейчасъ сговоримся!—поспѣшно отвѣтилъ докторъ. Будемъ откровенны и поведемъ рѣчь безъ всякихъ онеровъ. У васъ двѣ болѣзни и двѣ тяжелыхъ болѣзни. Первая ваша болѣзнь—это ваше прекрасное, цвѣтущее

здоровье, а вторая ваша болѣзнь—это ваша красота, передъ которой всякій преклонится...

— Но, докторъ, пощадите...

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте! Какъ первая, такъ и вторая ваши болѣзни требуютъ жизни, требуютъ свѣта. Но мы условились быть откровенными. Отвѣчайте мнѣ: вы не любите вашего мужа? Онъ для васъ старъ? Вамъ нуженъ другой человѣкъ, вамъ нуженъ иной свѣтъ,—да? Отвѣчайте мнѣ. Докторъ—врачъ не одного тѣла, но и души больного...

— Ахъ, докторъ, я не знаю, что вамъ отвѣчать....

— И прекрасно. Мнѣ больше ничего не надо!—Рындинъ поцѣловалъ ея руку. —Я очень радъ, что въ лицѣ вашемъ встрѣтилъ неглупую женщину. Быть красавицей и при этомъ быть умненькой, о, эти два достоинства рѣдко выпадаютъ на долю женщины!.. Теперь я вамъ пропишу рецептъ. Я скажу мужу вашему, что у васъ, вслѣдствіе плохой дѣятельности сердца, развивается меланхолія и грозитъ, понимаете-ли, грозитъ!.. А чѣмъ грозитъ?—Конечно, чѣмъ-то ужаснымъ!.. Я скажу ему, что онъ васъ долженъ везти въ Петербургъ на всю зиму и доставить вамъ развлеченія. Живите тамъ полною жиз-

нью здоровья и красоты. Любите и будьте любимы, пользуйтесь жизнью, но...

— Кончайте, жестокий докторъ, говорите, что такое „но!“—граціозно приподнявшись на своей постели, спросила она и смотрѣла на доктора испытующимъ взглядомъ.

— Но... но... но не теряйте разсудка! —быстро отвѣтилъ Рындинъ, крѣпко поцѣловалъ ея руку и быстро вышелъ изъ ея спальни.

— Когда же вы будете?—спросила она, какъ бы желая задержать его.

— Завтра въ эти часы!—отвѣтилъ Рындинъ и, запѣвши свое обычное „трамъ, трамъ, тромъ, тромъ,“ удалился въ кабинетъ ея мужа.

Черезъ двѣ недѣли Татищевы выѣхали въ Петербургъ, а за ними поѣхалъ и Рындинъ, разставшись навсегда съ Харьковомъ.

Памятно мнѣ то счастливое время, когда нашъ Харьковъ ежегодно былъ посѣщаемъ въ концѣ августа мѣсяца Государемъ Императоромъ Николаемъ I, проѣздомъ въ г. Чугуевъ, для маневровъ и осмотра войскъ. Городъ чуть ни за мѣсяцъ начиналъ преобразовываться изъ замарашки въ чистенькій городокъ, съ запасомъ грязи на будущее въ побочныхъ улицахъ и переулкахъ своихъ. Такъ какъ въ то

время не только въ предводители дворянства, но и въ представители думы городской избирались люди богатые, не имѣвшіе нужды въ жалованьи, и готовые нести службу ради почестей и знаковъ отличія, то не только предводитель дворянства былъ занятъ, не жалѣя собственныхъ средствъ, исправленіемъ дорогъ и мостовъ по пути проѣзда Государя, обновленіемъ убранства и украшенія зала дворянскаго собранія для предстоящаго царскаго бала, но также и городской голова со своими сослуживцами, бургомистрами и ратманами, роскошествовали и заказывали вензеля, декоративные щиты, триумфальныя арки и, даже, исправлялись, чистились фонари и тротуары по протяженію главныхъ улицъ города, которыми долженъ былъ проѣзжать Императоръ. Цѣлый годъ жители, утопая въ грязи, теряя калоши въ лужахъ и ломая свои ноги на тротуарахъ, не протестовали, вѣря крѣпко, что къ проѣзду Государя и грязь свезутъ съ мостовыхъ, и лужи засыпятъ, и тротуары гдѣ залатаютъ, гдѣ вновь перестелятъ. Всѣ суетились, хлопотали и радѣли о торжественной встрѣчѣ, о приличномъ пріемѣ Вѣнценоснаго Гостя. Все время употреблялось на благоустройство города и на обсужденіе, что лучше было-бы замостить такое-то

„багно“ мостовою, или засыпать его пескомъ, такъ какъ по песку мягче будетъ ѣхать....

Квартальные и вся полиція, въ своей формѣ, точно красныя съ позолотой мухи, летали по городу и, какъ высокіе эстетика, не желѣя ни рукъ своихъ, ни пальцевъ, отъ усталости сжимавшихся въ кулаки, осматривали побѣлку домовъ и окраску нескончаемыхъ заборовъ, пересѣкаемыхъ на Сумской улицѣ домиками счастья, въ три окошечка. Какъ педанты-эстетики, критически относясь къ произведеніямъ искусства, они, не жалѣя своего драгоценнаго здоровья и крови, кричали, топали ногами и внушительными движеніями рукъ указывали недостатки въ искусствѣ бѣлить стѣны или красить заборы. Помнится мнѣ, болѣе другихъ выдѣлялся по строгости оцѣнки и какъ знатокъ дѣла кварталный Стуколкинъ, который всегда жестоко бранился, давалъ волю рукамъ и доказывалъ, что хорошій вкусъ могутъ имѣть только богатые купцы.

— Ужъ эта мнѣ бѣдная шваль!—говорилъ онъ. —Одно невѣжество и необразованіе! Забора не умѣютъ окрасить, какъ слѣдуетъ! А почему?—Вкуса нѣтъ. Грубая душа!... Они не могутъ понять, что хорошо окрашенный заборъ—та-же картина,—и

можетъ привлечь къ себѣ вниманіе высокопоставленнаго лица. А тамъ, смотришь, мѣсяца черезъ три, Петръ Ивановичъ идетъ по городу съ медалью на шеѣ. А почему? — Заборъ, красота, вкусъ!..... Вотъ оно что!...

Въ тѣ годы все было просто, все было по семейному. И потому пріѣздъ Государя, встрѣча его, проѣздъ его по городу и посѣщеніе имъ различныхъ учреждений, — все это происходило открыто, просто, на виду всѣхъ, и Государь Императоръ постоянно былъ окруженъ народомъ, который, не умолкая, кричалъ ему „ура“ и, въ приливъ чувства любви къ нему и радости, люди уловляли моменты, чтобы хотя его ногу поцѣловать.

Въ Чугуевѣ Государь Императоръ, по окончаніи маневровъ, дѣлалъ смотръ войскамъ и торжественную зарю при сліяніи всѣхъ оркестровъ музыки, въ то время бывшихъ при полкахъ. Помѣщики Харьковской губерніи и богатые купцы за мѣсяцъ впередъ закупали у обывателей Чугуева мѣста на время парада и зари и въ самыхъ пышныхъ костюмахъ привозили своихъ дочерей посмотреть эту величественную картину. Затѣмъ, на возвратномъ пути Государя, въ Харьковѣ дворянство и купечество давали балъ и просили Его

оказать имъ милость своимъ присутствіемъ. Дѣвицы, получившія приглашеніе на Царскій балъ, пріобрѣтали костюмы въ магазинахъ m-me Саде и Каппель, а также выписывали платья изъ Москвы, отъ лучшихъ модистокъ. Такихъ дѣвицъ-счастливицъ обыкновенно безапелляціонно называли красавицами и онѣ пріобрѣтали въ обществѣ престижъ обаятельныхъ. Если же случалось, что бывшая на балу дѣвица, по общему приговору, оказывалась не особенно красивою, то обзывать ее некрасивой считалось невѣжествомъ, такъ какъ на этотъ случай имѣлось особое слово.

Въ любое время и у всѣхъ народовъ языкъ пріобрѣтаетъ новыя названія и новыя слова. Есть въ текущее время немало такихъ словъ въ оборотѣ, которыя совсѣмъ не были извѣстны нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Интеллигентъ, коммунаторъ, телефонъ — все это слова новаго времени, вызванные къ жизни новыми ея явленіями. Еще такъ недавно дворникъ у французовъ назывался *portier*, а въ настоящее время этимъ словомъ можно обидѣть самаго неприязнательнаго дворника, такъ какъ онъ уже болѣе не *portier*, а *concierge*. Въ сороковыхъ годахъ также было немало словъ, которыя въ теперешнее время совсѣмъ изыты изъ употребленія. Было въ то время

слово „вывозить“; въ настоящее время слово это употребляется преимущественно въ обиходѣ дворовой прислуги. Въ описываемое мною время слово „вывозить“ употреблялось въ семьѣ, когда дочь достигала семнадцатилѣтняго возраста.

— Няня, няня! Папа и мама сказали, что меня пора „вывозить!“ Ахъ, какъ это весело! Ахъ, какъ я счастлива! Мнѣ теперь будутъ шить длинныя платья съ кокеткой на груди. Я теперь буду надѣвать тирбушоны и тюлевое *modestie*; я буду бывать на балахъ и въ концертахъ. За меня будутъ свататься. А я буду говорить: „онъ мнѣ не нравится“. А меня будутъ уговаривать. Ха, ха, ха! Какъ это весело, какъ это мило!!! *Comme je suis heureuse!* Французская фраза втиснулась въ рускую рѣчь совершенно механически, вслѣдствіе привычки постоянно говорить по французски. Быть образованнымъ человѣкомъ въ то время—значило хорошо говорить по французски,

А кто желалъ слышать рѣчь родную,
Тотъ шелъ во дворъ, или въ людскую...

Бывши лѣтъ девяти подъ строгой ферулой гувернера, постоянно говорившаго со мной по-французски, я не могъ объяснить себѣ, почему, въ ущербъ своей родной рѣчи, всѣ изучаютъ чужой языкъ. Но двор-

никъ дома моего отца на мой вопросъ пояснилъ мнѣ, что все это происходитъ потому, что французъ, когда въ двѣнадцатомъ году былъ въ Москвѣ, то не иначе соглашался выйти изъ нея и заключить мировую, какъ чтобы русскіе всѣ говорили по-французски.

— Вотъ съ тѣхъ поръ господа и стали говорить по-французски. А послѣ нихъ и насъ начнутъ учить этому же!—сказалъ онъ, закончивъ свой рассказъ.

Выяснивши значеніе слова *вывозить*, я перехожу къ иному слову, которое относилось къ дѣвицѣ, бывшей на царскомъ балу, но не красавицѣ. Сказать о ней, что она дурнушка, считалось большимъ невѣжествомъ. Обыкновенно говорили: *elle a changé de grimme*.

Но не всѣмъ выпадало на долю счастье быть на царскомъ балу и такія несчастливцы старались тщательно скрывать, что онѣ заказывали костюмы и покупали вещи для туалета. Онѣ съ затаенною злобой выслушивали рассказы о прелестяхъ бывшаго бала.

— Да!—говорили онѣ.—Мы-бы могли быть тоже на этомъ балу, но...

— Конечно, это очень-бы дорого стоило!—спѣшила досказать прерванную рѣчь хитрая собесѣдница, бывшая на балу.

— Совсѣмъ не то! — обиженно возражала дама, не бывшая на балу. — Насъ нисколько не удерживалъ расходъ, необходимый для этого бала. Любочка, покажи скорѣе платье и вещи, которыя мы получили изъ Москвы.

И дочь обиженной мамы спѣшила показать несносной посѣтителницѣ цѣлую выставку вещей и платьевъ, высланныхъ имъ изъ Москвы, забывая о томъ, что этимъ онѣ обнажали свои незажившія раны.

— Да, да! — спѣшила сказать жестокосердная гостя, рассматривая платье и вещи. — Я не сообразила! Вы не были приглашены на балъ?

— Пожалуйста, такъ не выражайтесь! — обиженно возражала мама Лизы. — Насъ тоже приглашали, но мы не хотѣли быть...

Пикировка нерѣдко заканчивалась ссорой, и дамы, еще недавніе друзья, расходились непримиримыми врагами.

Еще болѣе комичною являлась картина, когда Государь спѣшилъ своимъ отъѣздомъ въ столицу и отказывался быть на балу.

Тогда многія семьи, оставшись при пиковомъ интересѣ, лгали другъ другу при свиданіи, скрывая сдѣланныя для бала затраты.

Но не однимъ комизмомъ были богаты эти послѣдніе дни августа мѣсяца. Иногда

разыгрывались и драмы, полныя интереса, о которыхъ я считаю долгомъ рассказать хотя вкратцѣ.

Въ одинъ изъ проѣздовъ, Государь Императоръ, по обыкновенію, дѣлалъ въ Чугуевѣ парадный смотръ войскамъ. Къ его особѣ въ это время былъ назначенъ ординарцемъ одинъ изъ красивыхъ и ловкихъ офицеровъ, баронъ фонъ-Остенблютъ, служившій въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ арміи. Отецъ его, помѣщикъ Херсонской губерніи, знатный баринъ, когда-то служившій вице-адмираломъ балтійскаго флота, жилъ въ отставку въ своемъ имѣніи, при которомъ считалось восемнадцать тысячъ душъ крестьянъ.

Старикъ баронъ давно уже хлопоталъ о томъ, чтобы сынъ его былъ переведенъ въ гвардію. Но это ему не удавалось и, кажется, потому, что петербургскіе друзья ожидали по этому дѣлу его самого въ столицу, а онъ, предавшись деревенскому *dolce far niente*, ограничивался письмами.

Что касается сына его, Адольфа фонъ-Остенблютъ, то по своему образовательному цензу онъ не имѣлъ права быть гвардейцемъ. Но заслуги отца питали его надеждами на успѣхъ, и онъ выжидалъ случая. Объ этомъ узналъ и Государь, обра-

тившій особенное свое вниманіе на временнаго своего ординарца.

Все шло какъ нельзя лучше.

Въ день смотра войскъ, которымъ руководилъ самъ Государь, погода стояла прекрасная. Свѣтлые и теплые дни, въ двадцатыхъ числахъ августа, давали возможность войскамъ, при полной парадной формѣ, совершать движенія безъ утомленія. Государь былъ въ веселомъ настроеніи духа. Громадную площадь, занимаемую войсками, окружала кольцомъ, построеннымъ въ три этажа, пріѣзжая публика. Среди массы народа, какъ среди осенней зелени, группами пестрѣли красавицы-дѣвицы и молодыя дамы, одѣтыя въ роскошные костюмы и убранныя брилліантами, горѣвшими подъ лучами солнца радужными цвѣтами. Вблизи этихъ едва распустившихся цвѣтовъ, какъ-бы для большаго выраженія красоты ихъ, сидѣли бабушки и мамыши. Государь на конѣ постоянно объѣзжалъ галопомъ хорду круга кольца и тѣмъ доставлялъ неописанное удовольствіе всѣмъ видѣть его вблизи и слышать его царственный голосъ.

Среди этого роскошнаго букета живыхъ цвѣтовъ, въ первомъ ряду абонированныхъ мѣстъ, сидѣла семья извѣстнаго богача, харьковскаго купца Ломакина. Семья состояла изъ пожилыхъ лѣтъ матери и ожирѣв-

шей красавицы—невѣстки, — жены старшаго сына Ломакина. А посрединѣ ихъ сидѣла дочь Ломакина, девятнадцати лѣтъ, по образованію институтка, прелестная Маріамна. Точно рѣдкій цвѣтокъ тропическихъ странъ, подъ наблюденіемъ искуснаго садовника, разцвѣла она пышной радугой цвѣтовъ.

Съ темными, какъ южное небо, голубыми глазами и съ длинными рѣсницами, изъ подъ которыхъ смотрѣли задумчивыя очи, Маріамна была настоящей красавицей. Прелестная шевелюра ея волосъ, почти бѣлаго цвѣта, и высокій, граціозный станъ ея, заканчивали классическія черты ея лица.

Однажды, когда Государь поравнялся съ семьею Ломакиныхъ, ординарецъ его, Адольфъ фонъ-Остенблютъ, пристально посмотрѣлъ на Маріамну, и ихъ взоры встрѣтились въ первый разъ, послѣ двухлѣтней ихъ разлуки. Маріамна не выдержала этого взгляда. Когда-то вспыхнувшее въ ея душѣ чувство любви къ этому красавцу-юношѣ вновь загорѣлось въ ея отзывчивомъ сердцѣ. Маріамна потеряла самообладаніе. Голова ея закружилась и она тихо склонилась на плечо своей матери. Императоръ замѣтилъ все происшедшее и спустя нѣсколько минутъ спросилъ у своихъ приближенныхъ, кто была эта красавица. Ему

немедленно донесли о томъ, что это дочь богатаго купца Ломакина и при этомъ рассказали о романѣ Маріамны, въ которомъ первую роль игралъ его ординарецъ, баронъ фонъ-Остенблютъ.

— Скажи мнѣ, какъ честный офицеръ, — обратился Государь, неожиданно для всѣхъ, къ Адольфу фонъ-Остенблютъ: ты и теперь любишь Маріамну Ломакину?

— Люблю, Ваше Императорское Величество! — смѣло и чистосердечно отвѣчалъ ординарецъ.

— И она, какъ видно, тебя любитъ?

— Да, и она меня любитъ!

— Въ такомъ разѣ, что же вамъ мѣшаетъ обвѣнчаться?

— Мой отецъ согласенъ на мой бракъ съ нею, но ея отецъ старообрядецъ и не можетъ допустить мысли, чтобы его дочь вышла замужъ за лютеранина.

— А почему же ты не перейдешь въ православіе? — спросилъ Государь и посмотрѣлъ на своего ординарца испытующимъ взглядомъ.

— Ваше Величество! — смѣло отвѣтилъ ординарецъ. — Я не могу уважать того человека, который способенъ перемѣнить свою религію ради личныхъ выгодъ!...

— Молодецъ! — сказалъ Государь и потрепалъ по плечу своего ординарца. — Я бе-

ру тебя въ Петербургъ. Ты поѣдешь со мной, а тамъ мы подумаемъ о вашемъ счастьи...

По окончаніи маневровъ Государь уѣхалъ въ столицу и увезъ съ собою влюбленнаго ординарца. Но молодой Марсъ, осчастливленный великою милостью Монарха, не забылъ о своей Маріамнѣ и передъ своимъ отъѣздомъ успѣлъ переслать ей письмо и получилъ отъ нея отвѣтъ.

Объ одномъ комическомъ случаѣ съ купцомъ Животовскимъ много говорили въ городѣ. Этотъ случай, полный комизма, достаточно характеризуетъ Животовскаго, какъ человека незлого, но легко поддающагося своимъ чувствамъ. Приѣздъ въ Харьковъ Государя въ этотъ годъ состоялся очень рано. Утромъ, около 6 часовъ, у воротъ университетскаго сада, собралась толпа народа и все начальство города для встрѣчи Государя. Здѣсь-же, вблизи воротъ сада, стояло нѣсколько шестериковъ дюжихъ и хорошо кормленныхъ лошадей, которыхъ держали подъ узцы ямщики, одѣтые въ кумачевыя рубахи и въ поярковыхъ шляпахъ, украшенныхъ павлиньими перьями и, ярлыками. Своевременно и благополучно прибылъ и отбылъ въ г. Чугуевъ

Государь, встрѣченный торжественно народомъ и властями города и сопровождаемый громогласнымъ „ура“.

Не успѣло еще улечься наполнявшее душу горожанъ торжество, какъ Животовскій спѣшилъ почти всѣмъ и каждому передать о томъ, что онъ не только видѣлъ проѣхавшаго Государя, но что Государь даже говорилъ съ нимъ. Это многихъ удивило, а другіе, зная Животовскаго, какъ балагура, съ недоувѣріемъ относилась къ его словамъ.

— Какъ-же это случилось, что Государь говорилъ съ тобою?—спрашивали у него его пріятели.

— Да вотъ какъ!—спѣшилъ онъ передать.—Когда перемѣняли подъ его экипажъ лошадей, я вскочилъ на подножку его коляски да прямо ему въ лицо какъ крикну: ура!!! А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „пошелъ вонъ, дуракъ!“ Вотъ ей-Богу-же не лгу, а правду говорю!—съ восторгомъ рассказывалъ добродушный счастливецъ.

Животовскій торговалъ въ Шляпномъ переулкѣ шляпами и картузнымъ товаромъ. Онъ былъ всѣми любимъ за свой веселый нравъ. Маленькаго роста, съ лицомъ, извѣденнымъ оспой, живой, вертлявый, весьма подвижный, весь его *habitus*, совмѣстно съ характеромъ, напоминали собой свя-

щенную обезьяну индусовъ, макаку. Подъ такимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ среди своихъ пріятелей. Но онъ не обижался за это. У него нерѣдко вскользь сказанное слово мгновенно превращалось въ дѣло. Онъ былъ душою кружка и желаннымъ гостемъ у всѣхъ и во всякое время.

До пріѣзда С. А. Кокошкина въ г. Харьковъ въ качествѣ генераль-губернатора, колокольня храма св. Николая стояла особнякомъ на довольно далекомъ разстояніи отъ храма. Въ нижнемъ этажѣ этой деревянной колокольни помѣщались лавочки, въ которыхъ продавались люльки (трубки), кресала, кремни, труть, табакъ, соль, сало, мѣлъ и пр. Иногда, въ праздничный день, гончары привозили своей работы глиняную посуду и, разставивши ее вокругъ колокольни, ожидали покупателей. Однажды Животовскій, отстоявши раннюю обѣдню, вышелъ изъ храма и подошелъ къ одной молодой горшечницѣ. Указывая своею тростью на кувшинъ, онъ свалилъ его и отбилъ у него ручку. Взыла Наталка и напала на купца съ упреками и бранью.

— Ахъ ты негодная!—вспыливши, крикнулъ Животовскій на Наталку.—Такъ вотъ же тебѣ!..

И обиженный купецъ пошелъ въ присядку плясать и выкидывать различныя антраша по всей разставленной посудѣ.

Наталка плакала на всю площадь. Другія торговли обступили плясуна, кричали и толкали его изъ стороны въ сторону. Бабы начали вопить и кричали „ратуйте!“ Весь народъ, вышедшій изъ храма, наблюдалъ эту картину, полную жизни и комизма. Гомерическій смѣхъ, рукоплесканія толпы, стоны Наталки и вой бабъ разносились по всей площади. Уставши до упада и обливаясь потомъ, Животовскій остановился среди развалинъ глинянаго Кароагена и, какъ побѣдитель, смотрѣлъ на окружавшую его толпу, отирая съ лица потъ.

— А что, будешь браниться? — спросилъ онъ весело у Наталки. — Сколько тебѣ стоитъ побитая посуда?

Всѣ торговли сообща начали считать побитую посуду и опредѣлили цѣнность ея въ десять рублей. Животовскій вынулъ требуемую сумму и вручилъ ее Наталкѣ.

* * *

Я сказалъ выше, что Адольфъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, успѣлъ послать письмо Маріамнѣ и получилъ отъ нея отвѣтъ. Въ то время этого нелегко было достигнуть и потому я остановлюсь

на этомъ фактѣ. Въ то время пробраться въ купеческую семью и особенно получить свиданіе съ дѣвушкой было настолько-же трудно, какъ пробраться за стѣны монастыря въ часы глубокой ночи. Но молодость безстрашная да любовь пылкая способны горы передвигать и пролагать путь тамъ, гдѣ стоятъ твердыни каменные и горятъ костры пламенные...

То было время, по крайней мѣрѣ для Адольфа и Маріамны, когда

И любовью жизнь была полна,
И вѣрой къ счастью дышала,
Казалось — вѣкъ была весна
И красота не увидѣла!..

Адольфъ придумывалъ, какъ и съ кѣмъ послать письмо Маріамнѣ, прося въ этомъ письмѣ дать ему категорическій отвѣтъ, хотя-бы только въ одномъ словѣ, да или нѣтъ, на его предложеніе ждать его изъ Петербурга. Зная замкнутое, почти монастырское житіе Маріамны въ домѣ своего отца, онъ терялся въ поискахъ *modus'a agendi*, который-бы можно было примѣнить къ достиженію желаемого. Неожиданный случай помогъ ему выйти изъ этого заколдованнаго круга.

Утромъ онъ былъ въ семьѣ своего ротнаго командира, А. П. Булатовскаго, и за чашкой утренняго кофе велъ бесѣду съ его женой и дочерью, которыя, между прочимъ,

были заняты пересмотромъ различныхъ кружевъ и вышивокъ у бывшей въ это время у нихъ маркитантки изъ Бѣлгорода. Дамы остановили свое вниманіе на вышитомъ по тюлю покрывалѣ для стола и не сходились въ цѣнѣ съ продавщицей.

— Нѣтъ, сударыня!—сказала, наконецъ, бѣлгородка.—Ей-же-ей я за вашу цѣну не отдамъ такую работу. Будь я въ Харьковѣ, я понесла-бы ихъ къ Ломакинымъ, и они бы дали мнѣ за нихъ, что слѣдуетъ.

Для влюбленнаго довольно было этихъ словъ. По нимъ, какъ по канвѣ, онъ быстро набросалъ цѣлый узоръ и началъ вышивку.

— Вы не возьмете этого покрывала?—быстро спросилъ Адольфъ у своихъ дамъ.

— Нѣтъ, не возьмемъ!—отвѣтили дамы.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ его купить въ подарокъ pour ma tante.

—Пожалуйста, не стѣсняйтесь!—поспѣшно отвѣтили дамы.

Адольфъ немедленно заплатилъ деньги бѣлгородкѣ за покрывало и просилъ ее, чтобы она черезъ часъ зашла къ нему по указанному адресу.

Бѣлгородка ушла, дамы поздравили его съ покупкой, а баронъ поспѣшилъ предложить своимъ дамамъ принять отъ него это покрывало, какъ память послѣдняго его свиданія съ ними.

Все окончилось какъ нельзя лучше, и съ надеждою на успѣхъ въ задуманномъ дѣлѣ онъ поспѣшилъ въ свою квартиру, чтобы встрѣтить бѣлгородку и дать ей порученіе.

Бѣлгородка не заставила ожидать себя.

Адольфъ ласково принялъ ее и, угостивъ виномъ и закуской, не торгуясь купилъ у нея еще нѣсколько цѣнныхъ вещей.

— А скажи мнѣ, Афросиньюшка, ты часто бываешь у Ломакиныхъ?—спросилъ ее Адольфъ.

— Да какъ же, голубчикъ офицеръ, не часто?—какъ-бы обижаясь за недовѣріе къ ее словамъ, отвѣтила Бѣлгородка.—Вѣдь, я, голубчикъ, барышню-то, Маріамну, вынянчила. А они-то наши правовѣрные старообрядцы. У нихъ въ домѣ своя молельня. А подъ средоусебная бываетъ. А родомъ-то Ломакинъ изъ Стародуба, гдѣ самыя что ни-на-есть благочестивыя христіане живутъ и вѣру держать накрѣпко.

— Ахъ, какъ все это интересно!—приторно восторгался Адольфъ.—А скажи мнѣ, дорогая моя, и дочка съ тобою хороша?

— Да ужъ такъ хороша, голубчикъ офицеръ, что и говорить нечего!..

— Закуси-же, закуси, Афросиньюшка!—наливая рюмку портвейна, угощалъ Адольфъ свою гостью.

— Да ужъ и такъ много!... Маріамнушка, голубушка моя сизая, ужъ вотъ какая она мнѣ жалкая. Да что и говорить! Невѣста — краля бубновая, царица сказочная — да и все тутъ. И Господь-то ей пару назначилъ, а отецъ перечить. Не отдамъ, говоритъ, не за своего человѣка, да и конецъ! А приданого-то за нею, почитай, полъ сотни тысячъ будетъ. "

— А скажи мнѣ, милая, не можешь-ли ты отнести ей вотъ это письмецо и отвѣтъ отъ нея получить? Вѣдь женихъ-то ея — это я, Афросиньюшка. А отецъ ея перечить нашему счастью.

Адольфъ подаль ей маленькое письмецо.

— Да ужъ это я знаю, какъ произвести для моей золотой Маріамнушки! Вотъ какъ сдѣлаю: ни гусь, ни фаготъ, ни дудка не узнаютъ, какъ я все сдѣлаю для моей красавицы. Такъ это, значить, ты, голубчикъ, ея избранный, желанный? Да какой-же ты хорошенькій! Тфу, тфу!... чтобъ не сглазить!

Въ этотъ-же день Афросинья была отправлена на тройкѣ наемныхъ лошадей въ Харьковъ. Черезъ два дня на той-же тройкѣ Афросинья пріѣхала обратно въ Чугуевъ и привезла обратно его письмо распечатаннымъ. Онъ бѣгло пробѣжалъ письмо

и на концѣ его, у своей подписи, прочелъ два слова, написанныя ея рукою:

„Твоя Маріамна“....

Адольфу только и нужно было.

Въ благодарность за услугу онъ одарилъ Афросинью деньгами и, взявши ея адресъ, черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ столицу со свитой Императора.

* *
*

Не менѣе интересный случай, припоминаю я, совершился въ этотъ разъ при выѣздѣ Государя изъ Чугуева, на обратномъ пути въ Петербургъ.

Былъ въ Харьковѣ въ то время извѣстный всему богатому люду извозчикъ-лихачъ, Акимъ Баженовъ. Онъ имѣлъ собственныя тройки лошадей, и всѣ купцы знали его какъ лучшаго троечника, котораго нанимали возить ихъ въ Москву за покупкою товаровъ. Во время-же большихъ ярмарокъ въ Харьковѣ Баженовъ Акимъ самъ ѣздилъ на тройкѣ легковымъ извозникомъ. Сбруя его была всегда вычищена и украшена посеребренными бляхами и бубенчиками, подобранными подъ гамму тоновъ. Объ этомъ лихомъ извозчикѣ ходило по городу нѣсколько легендъ. Впрочемъ, легенды о немъ слагались не безъ основанія, и многое, выдѣлявшее его изъ среды ямщиковъ, составля-

ло для легендъ тотъ *raison d'être*, который вызвалъ къ нимъ довѣріе. Дѣло въ томъ, что Акимъ держалъ себя не какъ ямщикъ, а какъ интеллигентъ средняго круга. Онъ былъ хорошо грамотный, всегда чисто одѣтый, предупредительный, а главное—идеально честный. И потому о немъ говорили, что онъ былъ родомъ дворянинъ, помѣщикъ, страстный любитель лошадей. Онъ будто-бы продалъ свое имѣніе и на эти деньги началъ содержать лошадей и экипажи для выѣзда. Другіе говорили, что Акимъ Баженовъ побочный сынъ одного князя, отданный на вскормленіе одному выѣздному извознику, у котораго ребенокъ и пристрастился къ лошадямъ, а потомъ и самъ сдѣлался извозникомъ, истративши на приобрѣтеніе лошадей и экипажей двѣ тысячи рублей, которые были будто-бы положены его отцомъ на его имя въ какое-то учрежденіе. Какая изъ этихъ двухъ легендъ ближе стояла къ истинѣ, сказать трудно. Но тѣмъ не менѣе Акимъ стяжалъ себѣ любовь и уваженіе не только со стороны обывателей города, но даже и со стороны богатыхъ помѣщиковъ. Впрочемъ, въ годы романтизма, въ дни застоя жизненныхъ силъ и стремленій, энергія, направленная къ израсходованію себя на что-бы ни было, и во что-бы-то ни обошлось;

была явленіемъ если не зауряднымъ, то и не рѣдкимъ. Наши поэты и писатели дали намъ въ своихъ произведеніяхъ немало такихъ типовъ, которые, не имѣя къ чему примѣнить свои талантливныя силы, нерѣдко бывшія ключемъ, — начинали заниматься донжуанствомъ, черной и бѣлой магіей, вопросами, несомѣстимыми съ требованіями текущей жизни и даже разбоями. Печоринъ—Лермонтова, Цыгане (Алеко)—Пушкина, Дубровский—его же, Евгенийъ Онѣгинъ, Рудинъ—все это правдивые типы тѣхъ талантливыхъ людей того времени, которые расходовали свою энергію и силы на жизнь безсодержательную, пустую и далеко не отвѣчавшую ихъ талантливости. И Акимъ Баженовъ, быть можетъ, былъ однимъ изъ такихъ несчастныхъ, которымъ суждено было прожить жизнь, испытывая мученія Тантала.

Какъ я уже сказалъ выше, Акимъ Баженовъ былъ идеально честный человѣкъ, что и доказалъ онъ неоднократно. Нерѣдко ему приходилось владѣть довольно крупными суммами денегъ, принадлежавшими богатымъ купцамъ, хорошо поторговавшимъ на ярмаркѣ и передъ отъѣздомъ въ Москву любившимъ кутнуть, захвативши на всю ночь въ ресторанъ, стоявшій далеко за околицей города. Купецъ нерѣдко имѣлъ при

себѣ въ карманѣ по нѣсколько тысячъ денегъ и вѣрилъ, что Баженовъ не оставитъ его безъ надзора на случай, если онъ будетъ сильно хмѣленъ.

Привезя однажды въ одинъ изъ такихъ притоновъ купца, охмѣлѣвшаго до потери сознанія, Акимъ остановилъ свою тройку въ верстѣ отъ ресторана, вынулъ изъ бокового кармана сѣдока толстую пачку денегъ и, прикрывши его фартухомъ отъ саней, привезъ въ такомъ положеніи въ ресторанъ, гдѣ уложили его спать въ отдѣльномъ номерѣ.

Къ вечеру другого дня торговецъ уже у себя дома совсѣмъ оправился и узналъ, что деньги у него вынуты кѣмъ-то изъ кармана. Купецъ крѣпко призадумался, но никому не сказалъ о своемъ горѣ. Но Акимъ не заставилъ себя долго дожидаться. Когда совсѣмъ стемнѣло, онъ пріѣхалъ къ своему сѣдоку и по докладу прикащика вошелъ къ нему въ комнату.

— Что тебѣ, Акимъ? — спросилъ его купецъ. — Съ тобою, чай, мнѣ надо расплатиться?

— Да, это пустое дѣло, Петръ Оомичъ! — отвѣтилъ ему Акимъ, — а вотъ получите ваши часы съ цѣнью, да посчитайте, всѣ-ли ваши деньги цѣлы?

И Акимъ положилъ на столъ пачку денегъ, часы и цѣпь.

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что купецъ былъ пораженъ до глубины души такою идеальною честностью извозчика-лихача.

Но мы еще не разъ возвратимся къ Акиму Баженову и потому теперь перейдемъ къ случаю, происшедшему съ нимъ во время проѣзда Государя Императора.

Какъ лихой ямщикъ, изучившій въ совершенствѣ ѣзду на тройкѣ и любившій ее чувствомъ артиста, Акимъ на этотъ проѣздъ Государя изъ Чугуева въ Харьковъ испросилъ у начальства дозволеніе поставить на двухъ станціяхъ отъ Чугуева до Харькова два своихъ четверика лошадей и привезти Государя въ Харьковъ. Зная его лошадей и роскошную сбрую, а также его умѣнье ѣздить, ему безъ затрудненій дали согласіе, и онъ съ восторгомъ ожидалъ этого дня. Но во время самого выѣзда Государя изъ Чугуева, вслѣдствіе какой-то интриги, хотя въ экипажъ Государя запряжены были лошади Акима, на козлы кучеромъ былъ посаженъ не онъ, а одинъ изъ ямщиковъ казенной почты.

Баженовъ не вошелъ въ споръ и пререканія со станціоннымъ начальствомъ. Но едва Государь вышелъ къ экипажу, какъ

онъ уже на колѣняхъ стоялъ у коляски и низко кланялся ему.

— Что тебѣ надо?—спросилъ его Государь.

— Ваше Величество, Государь-Батюшка, осчастливь лихого своего ямщика, дозволь провезти тебя до Харькова!

— А гдѣ твои лошади?

— Лошади запряжены мною въ коляску твою, а сѣсть мнѣ на козлы не велятъ. А я, Государь-Батюшка, тридцать лѣтъ ѣзжу ямщикомъ и знаю свое дѣло, и меня всѣ знаютъ!—смѣло и толково отвѣтилъ Акимъ.

— Спасибо за желаніе!—отвѣтилъ мило-стиво Государь.—Садись на козлы и вези меня. Я посмотрю, какой ты ѣздокъ?

— Государь-Батюшка!—съ восторгомъ отвѣтилъ Баженовъ.—Самъ костью лягу на сырую землю, а тебя, Государь, привезу благополучно!....

Ямщикъ вскочилъ на козлы, и лошади, почуявъ своего любимого хозяина, весело и дружно тронули съ мѣста коляску и легче птицы быстролетной покатали экипажъ по грунтовой дорогѣ.

Въ Рогани Акима уже ожидали его лошади на подставу и потому задержки въ упряжкѣ не было никакой.

Пріѣхавши благополучно въ Харьковъ, Государь остался очень доволенъ ѣздой Акима Баженова, подарилъ ему пятьдесятъ рублей и сказалъ, что онъ беретъ его къ себѣ въ столицу вторымъ выѣзднымъ кучеромъ.

Баженовъ былъ въ восторгѣ отъ такой неожиданной милости къ нему Государя и началъ собираться въ Петербургъ. Но что-то не улеглось на его душѣ; онъ медлилъ своимъ отъѣздомъ и съ неохотою распродалъ свои экипажи. Особенно-же ему жаль было разстаться со своими любимыми лошадьми.

— Эхъ, други мои золотые, лошадушки мои милыя! Тяжело мнѣ разставаться съ вами, тяжело мнѣ отдавать васъ въ чужія руки!

Но какъ-бы ни было, а нужно было собираться въ путь, и Акимъ продалъ своихъ лошадей, продалъ и свои экипажи и съ тоской тяжелой по своимъ конямъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Недружелюбно принялъ Акима Петербургъ. Климатъ сѣверной столицы плохо повліялъ на него, и онъ на первыхъ-же дняхъ своего пріѣзда, не сдѣлавши ни одного выѣзда съ Государемъ, заболѣлъ и на три недѣли слегъ въ постель. Затѣмъ пошли контры и интриги среди со-

служивцевъ, и ему казалось, что весь Царскій Дворъ вооружился противъ него и питаетъ къ нему затаенное зло. Не разъ пришлось ему увидѣть умышленные подвохи подъ него въ дѣлахъ, касавшихся его отвѣтственной службы. И вспомнилъ онъ про родину, перенесся мыслями въ Харьковъ, гдѣ онъ среди своей братіи по ремеслу былъ первымъ, гдѣ и младъ, и старъ ямщикъ шли къ нему за совѣтомъ и кланялись ему; вспомнилось ему и то время, когда не только кунцы, но и помѣщики уважали его и на случай покупки или выѣздки лошадей шли къ нему за совѣтомъ и поручали ему осмотрѣть и приторговать для нихъ пару—двѣ лошадей. А тутъ, среди роскоши и полного довольства, за хлѣбомъ-солью своего любимаго Царя-Батюшки, онъ послѣдній, его никто не хочетъ знать, его обходятъ даже съ умысломъ. Вотъ уже третій мѣсяцъ онъ живетъ во Дворѣ Царскомъ, и все еще ни разу не выѣзжалъ ни съ кѣмъ изъ придворныхъ лицъ. А о Государѣ и говорить нечего. Его свѣтлыя очи за все время онъ видѣлъ только разъ, когда его представляли, въ скорости по его приѣздѣ.

Затосковалъ Акимъ Баженовъ по Харькову, испросилъ себѣ отставку за болѣзнию и въ декабрѣ выѣхалъ въ Харь-

ковъ, а на праздникъ Рождества Христова онъ уже ѣздилъ съ сѣдоками своею тройкой на катаньѣ, о которомъ я въ свое время поведу рѣчь.

Для большинства людей дни проходятъ быстрой чередой, слагаясь въ недѣли. Но для Маріамны дни ползли улитой и не было утра, чтобы она, стоя на молитвѣ передъ темными ликами святыхъ домовою молебни, не просила ихъ, да приснится ей въ грядущую ночь сонъ вѣщій и да повѣдаетъ онъ ей о *немъ*. И она время отъ времени повторяла строки изъ его письма: „жди меня, и я приѣду за тобой, и увезу тебя, и перевѣнчаюсь съ тобой“.

— Кажется—такъ?—спрашивала она у своей памяти и, не получая отъ нея категорическаго отвѣта, сожалѣла о томъ, что не оставила себѣ его письма.

Не разъ уже она обращалась къ матери, чтобы послать за любимой няней Афросиньей, такъ какъ ей будто-бы неотлагательно нужны были кружева или-же просто она соскучилась, давно не выдавши ее. Но ни сны, ни даже Афросинюшка своимъ присутствіемъ не могли успокоить ея тоскующаго сердца. Она не на шутку начинала тосковать, терпѣніе ее оставляло

и горькое чувство сомнѣнія, какъ змѣя, заползало въ ея душу, обдавая холодомъ ея умъ и сердце.

Она начинала обвинять самое себя. Ей начинало казаться, что она не такъ написала ему отвѣтъ, что изъ ея двухъ словъ, „твоя Маріамна“, ничего нельзя было ему понять, что онъ совсѣмъ не придетъ за нею.

„Нѣтъ, нѣтъ! Ея не понялъ онъ!
Съ ея груди такъ рвется скорби стонъ,
И сердце ей не даромъ бьется тревогу...
Ей хочется молиться Богу,
Но мысль о немъ преслѣдуетъ ее“...

Но всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и ожиданіямъ Маріамны. Баронъ Адольфъ фонъ-Остенблютъ получилъ отпускъ въ Малороссію на три мѣсяца и, заручившись разрѣшеніемъ на женитьбу, пріѣхалъ въ Харьковъ, захвативши по пути изъ Бѣлгорода Афросинью.

Маріамна повеселѣла и съ каждымъ днемъ какъ роза расцвѣтала. Она любила Адольфа всею силою своей дѣвичьей души, и бракъ съ нимъ представлялся ей высшимъ счастьемъ, за мигъ котораго она готова была заплатить своею жизнію.

„J'aime—te dire,
Et puis—mourir!“

Это чувство пылкой дѣвичьей души еще болѣе окрашивалось въ радужные цвѣта счастья тѣмъ, что онъ не общепринятымъ

путемъ, какъ всѣмъ объявленный женихъ, пріѣдетъ и перевѣнчается съ нею, нѣтъ, онъ увезетъ ее, и никто объ этомъ не узнаетъ. Какъ много поэзіи въ этомъ! Какъ много счастья обѣщаетъ такой бракъ! Все это напоминаетъ интересную страницу изъ романа...

Думаю, что читателей не удивитъ такой взглядъ дѣвушки, получившей лучшее образованіе того времени. Романтизмъ, привитый романами французской литературы, вполне совпалъ съ высотой тогдашняго уровня нашего общества. Особенно же романтизмъ пришелся по душѣ русской женщинѣ, которая, живя замкнутою въ желѣзное кольцо жизнью, искала свободы, нерѣдко до самоотверженія. И чѣмъ богаче была семья, въ которой расцвѣтала молодая жизнь дѣвушки, чѣмъ болѣе соприкасалась эта семья съ высшимъ кругомъ общества того времени—тѣмъ крѣпче сжималось это желѣзное кольцо.

А между тѣмъ умъ не спитъ, сердце работаетъ энергично и душа рвется куда-то въ даль. Она, не переставая, чего то желаетъ, ищетъ, ждетъ и, какъ дитя, не умѣетъ объяснить своего положенія...

„Чего хочу, чего? О, такъ желаній много!
Такъ къ выходу ихъ сильно пужень путь,
Что, кажется, порой, отъ внутренней тревоги,
Вскружится мозгъ и разорвется грудь!“

И потому выйти замужъ съ тайнымъ побѣгомъ, — такое дѣтское желаніе, идущее въ разрѣзъ съ развитымъ умомъ, — въ тѣ дни было явленіемъ обычнымъ.

* * *

Какой русскій человѣкъ равнодушно отнесется къ быстрой ѣздѣ на саняхъ по пушистому снѣжному пути, когда подъ полозьями саней снѣгъ скрипитъ, а лошади бѣгутъ, бѣгутъ, забрасывая сѣдока снѣжною тонкою пылью, которая старику сѣдины скрываетъ, а молодежь, точно на смѣхъ, сѣдиной даритъ? Но еще заманчивѣе, еще поэтичнѣе ѣзда на тройкѣ при хорошемъ искрометномъ морозѣ, въ тихую, лунную ночь. Ёзда съ бубенцами, подобранными подъ тонъ, въ саняхъ, обитыхъ хорошимъ ковромъ и укрытыхъ медвѣжьей полостью, въ саняхъ широкихъ, мягкихъ, точно взбитая перина!.. И сидитъ въ нихъ лебедушка-красотка, прячась отъ мороза и прижимаясь къ плечу сердечнаго друга, красна-молодца...

Лихой ямщикъ, сидя на облучкѣ, въ сивой бараньей шапкѣ, махнетъ кнутомъ по всѣмъ по тремъ, взглянетъ на своихъ сѣдоковъ и на роскошную долину, облитую свѣтомъ луны... Точно скатертью волшебною протянулась долина отъ востока и до

запада!... Взглянетъ онъ разъ и два на эту картину, полную величавой красоты и скрытой отъ всѣхъ энергіи жизни, и забьется въ немъ его чуткое сердце. Свиснетъ онъ Соловьемъ-Разбойникомъ молодецкимъ посвистомъ, ударитъ слегка по пристяжнымъ буланымъ и помчится лихая тройка, точно отъ сна встрепенется соколъ поднебесный, а съ нею и ямщикъ повеселѣетъ, точно съ морозомъ споръ заведетъ, и затянетъ онъ звонкимъ голосомъ пѣсни о томъ,

Какъ лебедка молодая,
Добра молодца любила;
А свекровь—старуха злая—
Ее журбой изводила...

Дорога сердцу русскому ѣзда по зимнему пути не только тройкою, но и въ парныхъ саняхъ, и на рысакѣ въ саночкахъ-самокаточкахъ. И въ прежніе годы нашъ Харьковъ конкурировалъ съ Москвою лихой ѣздой по зимнему пути, а въ Крещенскую ярмарку на Екатеринославской улицѣ, съ двухъ часовъ дня, устраивалось ежедневно катанье. Все пріѣзжавшее на ярмарку купечество шло на эту улицу-красавицу и тротуары обѣихъ сторонъ ея были полны гуляющей публикой. Купцы-старики ходили, а молодежь ѣдила на лихачахъ-извозчикахъ или на тройкахъ, разубранныхъ бубенцами и бляхами. У

концовъ тротуаровъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, начиная отъ моста и кончая Дмитріевскою церковью, ѣхали медленно, гуськомъ, сани за санями. Купеческія жены въ тысячныхъ шубахъ вывозили своихъ дочерей, которыя уже окончили свое образованіе. Посрединѣ улицы ходилъ полицейскій надзоръ и строго наблюдалъ, чтобы никто не въѣзжалъ во внутрь круга и тѣмъ не нарушалъ стройности цѣпи катающихся. Во время такихъ катаній молодые купцы выбирали себѣ невестъ, а старики-отцы производили оцѣнку шубъ, лошадей и саней, соображая при этомъ, какое приданое можно получить за дочерью изъ той или другой семьи. И для многихъ дѣвицъ катанье на Екатеринославской улицѣ было прямымъ путемъ къ замужеству. Для нѣкоторыхъ достаточно было сдѣлать два-три выѣзда на катанье, и дѣвица уже была нареченной невестой пріѣзжаго купца. Впрочемъ, катанья эти были еще интересны и потому, что представляли собою выставку самыхъ разнообразныхъ и дорогихъ мѣховъ, зимнихъ экипажей и заводскихъ лошадей. Соболь, куница, песецъ, илька, камчатскій бобръ, чернобурая лисица — постоянно смѣнялись другъ друга, оспаривая другъ у друга пальму первенства. Сани съ медвѣжьей полстью,

орѣховыя, ковровыя, плетенныя, четырехъ и двухъ-мѣстныя, кичась одна передъ другими, спорили другъ передъ дружкой красотою и легкостью хода. Лошади лучшихъ заводовъ, подобранныя подъ масть и ростъ, завершали роскошь картины, и немало было лошадей, пара которыхъ стоила отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей. Но, конечно, въ концѣ красоты и прелести картины — были красавицы-дѣвицы, которыя привлекали къ себѣ взоры всѣхъ гуляющихъ. Среди этого букета цвѣтовъ не блекшихъ, а краснѣвшихъ отъ мороза, не разъ привлекала своей красотой вниманіе гулявшихъ и Маріамна Ломакина.

Любители быстрой ѣзды во время катанья высматривали другъ друга и какъ бы дѣлали вызовъ. Сдѣлавши два три круга и поровнявшись съ какою-либо улицею, пересѣкавшею Екатеринославскую, любители быстрой ѣзды поварачивали въ сторону и освобождались отъ цѣпи. Побочными улицами выѣзжали они на Сумскую улицу и направлялись къ Валковскому лѣсу, нынѣ извѣстному подъ именемъ Сокольниковъ. Тутъ лошадямъ давался полный ходъ, и душа сѣдока наслаждалась широкимъ просторомъ быстрой ѣзды, отъ которой духъ замиралъ въ груди и сердце трепетно билось. А морозъ къ вечеру уже

начиналъ крѣпчать. Вздыхалась снѣжная пыль отъ копытъ. И лошади, почуявъ ширь и свободу, безъ устали летѣли все впередъ и впередъ....

За парными саними, запряженными парю тысячныхъ лошадей, по направленію къ Валковскому лѣсу, на легковыхъ саночкахъ, на лихомъ рысакѣ, ѣхалъ молодой купецъ Медвѣдевъ. Онъ старался не оставать отъ парныхъ саней, въ которыхъ сидѣла семья богатаго купца Кожевникова.

Медвѣдевъ былъ неравнодушенъ къ Надеждѣ Петровнѣ Кожевниковой и искалъ ея взаимности. Медвѣдевъ то догонялъ, то перегонялъ сани съ молодой Кожевниковой, которая, щуря глазки отъ морознаго вѣтра и согрѣвая свое лицо собольей муфтой, какъ-будто не сморѣла на того, кто преслѣдовалъ ее. Но въ то время, когда Медвѣдевъ поровнялся съ парными саними, конь его метнулся въ сторону, испугавшись внезапно налетѣвшей на нихъ тройки лихача-извозчика Акима Баженова. Въ саняхъ Акима сидѣли три богато одѣтыя дамы, которыя, поровнявшись съ Медвѣдевымъ, громко крикнули ему свое привѣтствіе.

— Миша! Вечеромъ къ намъ, не забудь!...

Стрѣлой промчался Акимъ, и голосъ любезныхъ дамъ замеръ въ морозномъ воздухѣ.

Сани Кожевниковыхъ повернули обратно къ городу, а Медвѣдевъ, не обративъ вниманія на приглашенія дамъ, поѣхалъ вслѣдъ за саними. Пустивши своего рысака полною рысью, Медвѣдевъ не замѣтилъ, какъ вышелъ изъ за угла человѣкъ, котораго онъ сбиль съ ногъ и переѣхалъ своими саночками. По тогдашнему обычаю, за такіе проступки ѣздокъ наказывался тѣмъ, что его рысакъ отбирали въ собственность городской пожарной команды. Съ горькимъ разочарованіемъ пришлось влюбленному молодцу встрѣтить утро слѣдующаго дня. Тысячный рысакъ уже стоялъ въ конюшняхъ пожарнаго депо. Но что рысакъ въ сравненіи съ красавицей невѣстой?! Были бы деньги, а рысакъ будетъ! Такъ рассуждалъ самъ съ собою Медвѣдевъ и того же дня послалъ сваху въ домъ Кожевниковыхъ, съ цѣлью узнать, какого онѣ мнѣнія о его намѣреніи? Но...

„Знать ужъ молодцу не вѣнчаться съ ней
И не знать ее ненаглядной своей“.

Сваху принесла неожиданно рѣзкій отвѣтъ:

— Кланяйся своему жениху, — отвѣтила Кожевникова, — и скажи ему, пусть онъ женится на той, которая ждетъ его къ себѣ вечеромъ!

Только теперь вспомнилъ женихъ о трехъ дамахъ, приглашавшихъ его къ себѣ!

Но молодость—сама надежда. И потому Медвѣдевъ скоро успокоился и вошелъ въ обычную колею жизни, надѣясь на время.

Крещенская ярмарка подвигалась къ концу и становилась весьма многолюдною. Приѣздъ купцовъ съ юга Россіи за покупкою товара, а также московскихъ купцовъ и фабрикантовъ, предлагавшихъ товаръ, былъ неожиданно великъ. Торговали всѣ весьма бойко, и платежи были особенно исправны. Богатые городскіе купцы дѣлали частыя вечеринки и даже балы, приглашая къ себѣ москвичей и купцовъ городовъ юга Россіи, конечно, не съ одной цѣлью укрѣпить за собою кредитъ и сбытъ товара на будущее время, но и съ цѣлью посватать своихъ дочерей, которыхъ каждый день вывозили на катанье. Маріамна Ломакина уже была на очереди. Одинъ московскій фабрикантъ уже сдѣлалъ предложеніе ея отцу, какъ и всегда, минуя невѣсту, и отъ отца получилъ уже полное согласіе. Ломакинъ назначилъ за своею дочерью пятьдесятъ тысячъ рублей, или, какъ тогда выражались, пятьдесятъ мѣшковъ серебра *). Маріамнѣ и Адольфу нуж-

*) Каждый мѣшокъ серебра въ то время заключалъ въ себѣ тысячу серебряныхъ рублей (цѣлковыхъ).

но было спѣшить что-нибудь предпринимать, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Афросинья не теряла времени и приискивала способы, которыми можно-бы было воспользоваться, чтобы привести въ исполненіе задуманное предпріятіе, хотя уйти со двора, кругомъ запертаго и охраняемаго дворниками, кучерами и рабочими оптоваго склада товаровъ, было не такъ легко, какъ, быть можетъ, казалось Марьяшѣ. Но талантливой бѣлгородкѣ все было возможно. Адольфъ, не показываясь въ городѣ, давно уже подготовилъ все необходимое для отъѣзда своей невѣсты. Имъ былъ привезенъ изъ Москвы теплый возокъ со всевозможными приспособленіями для продолжительнаго зимняго пути. По первому требованію, въ какое-бы ни было время, Ачимъ Баженовъ долженъ былъ поставить на тридцативерстномъ разстояніи всѣ свои шесть троекъ и притомъ подать тройку къ указанному ему мѣсту. Затѣмъ, на протяженіи четырехсотверстнаго разстоянія по окольному и ближайшему пути были разставлены тройки изъ имѣнія Адольфа. Все было приспособлено для быстрой ѣзды, безъ потери времени и долгихъ остановокъ.

Дворъ Ломакиныхъ помѣщался на Конторской улицѣ, гдѣ въ настоящее время находится фабрика Кромскаго. Дворъ былъ

не столько широко по улицѣ, сколько длинень въ глубину и заднею своею частью выходилъ къ рѣкѣ Лопани. На этой задней сторонѣ двора, между звеньевъ высокаго забора, стояла семейная баня Ломакиныхъ, безъ которой въ то время ни одинъ богатый домъ не обходился. А у самой бани, въ заборѣ, была маленькая форточка, служившая выходомъ на рѣку для снабженія бани водою.

Нѣсколько вдали, на противоположномъ берегу рѣки, въ вечеръ, назначенный для побѣга, стояла тройка Акима. Маріамна со своей няней Афросиньей въ этотъ вечеръ должна была быть въ банѣ, почему баня была натоплена и ожидала ее въ урочный часъ.

Одѣвшись тепло и взявши съ собою только маленькую шкатулку съ гребнемъ и шпильками, Маріамна вмѣстѣ съ няней пошла въ баню. Дворъ былъ пустъ, прислуга вся ужинала въ большой людской кухнѣ, и онѣ прошли по двору никѣмъ не замѣченныя. Не входя въ баню, онѣ отперли калитку и съ возвышеннаго берега рѣки спустились на ледъ. Но тутъ съ Маріамной случился небольшой казусъ. Непривычная ходить по скользкому пути, она поскользнулась, упала и сползла по откосу берега на ледъ рѣки, уронивши изъ рукъ шка-

тулку, изъ которой разбросались вещи по льду.

Афросинья въ испугѣ поддержала Маріамну и начала собирать вещи, выпавшія изъ шкатулки. Но двухъ большихъ булавокъ и черепахового гребня не было. Время было дорого для того, чтобы расходовать его на розыски вещей, и потому онѣ поспѣшили къ тройкѣ, рѣшивъ, что гребень и булавки упали въ прорубь, которая была у самыхъ ногъ упавшей Маріамны.

Еще двѣ-три минуты, и онѣ были на другомъ берегу рѣки. Акимъ, какъ галантный кавалеръ, посадилъ ихъ въ возокъ и тщательно укуталъ ихъ ноги одѣяломъ на лисьемъ мѣху.

Все было готово, и возокъ двинулся въ путь.

Для Акима было пустякомъ довести быстро и благополучно Маріамну къ мѣсту назначенія. Но на свое дѣло смотрѣлъ Баженовъ, какъ артистъ смотреть на роль, данную ему для выполненія. Онъ былъ занятъ мыслью не только довести до мѣста красную дѣвицу, но и скрыть слѣды своего пути, запутать колеи возка и слѣды лошадей.

„Чтобы дѣвицу не нашли, да не отняли,
Чтобы красную да въ полощъ не взяли“.

И Акимъ быстро поѣхалъ прямо, потомъ круто повернулъ въ обратный путь и, проѣхавши нѣкоторое разстояніе, опять крутымъ поворотомъ свернулъ въ сторону, промчался по глухому переулку, постоялъ у чьего-то подъѣзда и, повернувши назадъ, быстро выѣхалъ въ поле, разставшись съ городомъ. Слѣдъ его возка былъ такъ сбивъ и спутанъ, что, слѣдя за колеями полозьевъ, можно было думать, будто нѣсколько троечниковъ и одиночекъ проѣхали туда и обратно по разнымъ направленіямъ. И несмотря на искусственное удлиненіе пути, онъ все-же за два часа времени былъ уже въ тридцати верстахъ отъ города и дѣлалъ новую упряжку стоявшей тамъ на готовѣ тройки.

Адольфъ встрѣтилъ Маріамну глубокимъ поклономъ и только позволилъ себѣ поцѣловать ея руку. Предложивши ей чашку чаю, который уже былъ приготовленъ въ особой комнатѣ постоялаго двора и получивши согласіе отъ Маріамны ѣхать дальше, онъ усадилъ ее въ возокъ, и поѣздъ тронулся въ путь.

Я вскользь упоминалъ уже объ эстетикѣ-квартильномъ того времени, Стуколкинѣ. Какъ весьма типичный случай, который характеризуетъ взглядъ того времени на бѣдный людъ, я нахожу не лишнимъ при-

вести фактъ изъ служебной дѣятельности полицейскихъ чиновъ того времени. Фактъ этотъ не можетъ быть причисленъ къ единичнымъ случаямъ и потому является обобщающимъ нравы и обычаи того времени.

Въ настоящее время, сравнительно говоря, въ Харьковѣ достаточно развита благотворительность: церковно-приходскія попечительства о бѣдныхъ, ночлежные дома, пріюты для дѣтей и пр. и пр.—достаточно подтверждаютъ сказанное мною. Тоже нужно сказать и о врачебныхъ и санитарныхъ условіяхъ, развившихся въ Харьковѣ съ шестидесятыхъ годовъ. Городскія лѣчебницы и расширеніе земскаго богоугоднаго заведенія (Сабурова дача), дѣтскія больницы и, наконецъ, цѣлый рядъ частныхъ лѣчебницъ и санаторій убѣждаютъ насъ въ томъ, что стремленіе къ улучшенію общественной жизни и къ развитію общаго блага въ наши дни замѣтно прогрессируетъ.

Въ старые годы ничего этого не было. Въ городѣ не было ни одной городской больницы, и только Сабурова дача давала пріютъ страждущимъ. Но далеко не всѣ заболѣвшіе могли найти пріютъ въ этомъ учрежденіи. Многіе лежали по квартирамъ и лѣчились кой-чѣмъ, не получая медицинской помощи. Что же ка-

сается бѣдноты, то, не находя для себя общественныхъ учреждений, она удовлетворяла свои нужды кой-какъ, отъ руки неоскудѣвавшей милостыни. Такъ жили люди изо дня въ день, изъ года въ годъ, и никому не приходило въ голову поднять вопросъ объ открытіи и учрежденіи какого-либо общества съ благотворительной цѣлью. А между тѣмъ въ то время, какъ и теперь, временами свирѣпствовали эпидеміи тифа, лихорадки, скарлатины и пр. недуговъ. Каждую осень бѣдный людъ платилъ горькую дань всѣмъ этимъ недугамъ.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ злосчастныхъ періодовъ, горничная Даша, лѣтъ шестнадцати, служившая въ семействѣ квартальнаго Стуколкина, заболѣла лихорадкой. Тогда, какъ и теперь, не любили больной прислуги и даже болѣзнь ея ставили ей въ вину. Теперь заболѣвшую прислугу спѣшатъ отправить въ больницу, гдѣ, конечно, и надзоръ лучшій, и больше средствъ къ лѣченію. Въ тѣ годы, какъ я уже сказалъ, больного приютить было некуда. Заболѣвшая прислуга на первыхъ дняхъ своей болѣзни кой-какъ ютилась у хозяевъ, гдѣ она жила, но потомъ, если болѣзнь затягивалась, ее, не церемонясь, выгоняли на всѣ четыре стороны.

Лихорадка, захватившая въ свои руки горничную Дашу, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ держала ее въ своихъ рукахъ. Общій врачъ всего чиновнаго люда и мелкаго купечества въ то время былъ докторъ Рейпольскій. Онъ лѣчилъ Дашу отъ лихорадки настоемъ изъ листьевъ сирени. Но лихорадка не уступала лѣченію, и Даша сама уже прибѣгала къ гаданью и симпатическимъ средствамъ, изъ которыхъ носить на груди крыло летучей мыши зашитымъ въ мѣшечекъ, — считалось самымъ сильнымъ средствомъ отъ лихорадки. Но и это средство не помогало. Лихорадка дѣлала свое дѣло, и Даша исхудала и поблѣднѣла, потерявши послѣднія силы.

Но и Стуколкинымъ наскучило имѣть больную прислугу, которую даже искусство Рейпольскаго не могло излѣчить отъ лихорадки.

Однажды какой-то палестинскій монахъ, прибывшій въ Харьковъ за сборомъ для монастыря, былъ въ семьѣ Стуколкина и увидалъ болящую Дашу.

— Что эта дѣвица, вижу, страдаетъ? — спросилъ онъ у сидѣвшихъ и угощавшихъ его хозяевъ.

— Да, вотъ, какъ видите! — отвѣчала хозяйка. — Третій мѣсяцъ лихорадка ее му-

чаетъ. И ей горе, и намъ бѣда безъ прислуги.

— А у насъ въ Палестинѣ лихорадку крапивою лѣчатъ, — сказалъ монахъ.

— Какъ такъ крапивою?

— Да видите-ли, жаль, что теперь уже зима началась. А вотъ весною, когда наростетъ молодая крапива, у насъ нарвутъ ее пучекъ-два, да и высѣкутъ ею хорошенько больного. И лихорадку — какъ рукой сниметъ!...

Побесѣдовалъ палестинскій монахъ и ушелъ. А о цѣлебномъ свойствѣ крапивы слышалъ и самъ Стуколкинъ.

Не задаваясь вопросомъ, растетъ ли въ Палестинѣ крапива, квартальный остановилъ свое вниманіе на томъ, что ее теперь уже нельзя достать до весны. Между тѣмъ, было бы весьма желательно вылѣчить Дашу отъ лихорадки.

Подумавши вельми-зѣло, сердобольный квартальный пришелъ къ убѣжденію, что крапиву съ успѣхомъ можно замѣнить розгами, такъ какъ секретъ лѣченія тутъ заключается въ томъ, чтобы произвести усиленное отвлеченіе крови къ одному мѣсту. Остановившись на такомъ выводѣ въ своихъ разсужденіяхъ, Стуколкинъ однажды, когда Даша была охвачена сильнымъ пароксизмомъ лихорадки, не говоря

никому ни слова, повелъ больную въ полицейскій дворъ и въ сараѣ съ помощью двухъ пожарныхъ солдатъ, высѣкъ ее по всѣмъ правиламъ искусства. Даша, послѣ пріема такого лѣкарства и въ такой дозѣ, даже не могла встать съ мѣста. Поднялся общій протестъ противъ такого лѣченія, и даже полиціймейстеръ Серебряковъ сурово посмотрѣлъ на новаго врачавателя лихорадки въ мундирѣ квартального надзирателя.

— Эхъ ты остолопъ, мѣдный лобъ! — сердито сказалъ ему Серебряковъ. — Тебя бы, дубину, полѣчить этимъ средствомъ!

Но каково же было всѣхъ удивленіе, когда Даша, оправившись дня черезъ три послѣ этого лѣкарства, излѣчилась навсегда отъ лихорадки, которая ее оставила.

Стуколкинъ торжествовалъ, а вѣсть о излѣченіи лихорадки посредствомъ розогъ быстро распространилась по городу, и любители приносить пользу ближнему начали употреблять такое средство, благо, что въ тѣ годы всякій имѣлъ право сѣчь другого, если былъ самъ застрахованъ отъ розогъ гильдіей, чиномъ или дворянствомъ. Любовь къ примѣненію этого средства отъ лихорадки настолько развилась среди обывателей, что за всякую неисправность при-

слуги отсылали ее въ полицію съ просьбой „полѣчить ее отъ лихорадки“.

Но какъ ни радикально было лѣченіе розгами и какъ ни примѣнялъ его съ умѣньемъ Стуколкинъ по просьбѣ обывателей, а все-же и тутъ оказалось на всякаго мудреца довольно простоты. Однажды къ нему была препровождена женщина съ просьбой полѣчить ее отъ лихорадки. Стуколкинъ примѣнилъ къ ней лѣченіе въ полной силѣ. Но дѣло окончилось весьма плохо. Женщина, готовясь быть матерью и принявши непомѣрную дозу лѣкарства, преждевременно родила и умерла отъ сильной потери крови. Ретивый врачъ-квартирный былъ уволенъ отъ должности, но лѣченіе лихорадки розгами долго еще сохраняло за собою авторитетность....

Адольфъ, далеко опережая возокъ Маріамны, ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, встрѣчая ее каждый разъ при новой перемѣнѣ лошадей. Маріамну все время сопровождали четыре верховыхъ лезгина, что очень нравилось ей и интересовало ее. Она все время была въ веселомъ настроеніи духа. Картина ухода ея изъ дома родителей, ея быстрый побѣгъ черезъ рѣку, заботы Афросиньи и даже паденіе ея съ бугорка крутого берега рѣки и хлопоты Акима о теплѣ ея ногъ,—все для нея было такъ

ново, такъ полно таинственности и такъ напоминало ей сцены изъ прочитанныхъ ею романовъ, что она радостно посматривала въ зеркальныя окна своего возка, постоянно обращаясь къ своей нянѣ, прося ее взглянуть то на даль уходящей отъ нея дороги, то на березу, покрытую серебристымъ инеемъ мороза, то на хатенку, стоящую въ сторонѣ отъ дороги. Въ окнѣ убогой хатки, точно двѣ лампы, горѣлъ огонекъ въ двухъ окошечкахъ. И думалось ей, что въ ней живутъ добрые люди, и миръ и любовь вѣчно живутъ съ ними. А луна щедрою рукой разлила свой причудливо-таинственный свѣтъ по широкому раздолью безконечной степи. И по гладко-снѣжной пеленѣ, тысячами искръ морозной пыли, блестяла степь безпредѣльная... Но не то было на душѣ у Афросиньи. Она всю дорогу была молчалива, часто вздыхала, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и часто вспоминала объ утерянномъ гребнѣ.

— И что ты, милая, о гребнѣ хлопочешь?—успокаивала ее Маріамна. — Онъ недорого стоитъ, и Адольфъ мнѣ новый купитъ.

Но не одинъ гребень навѣвалъ на Афросинью тяжелыя думы: и то, что Маріамна упала, и то, что она скатилась внизъ по наклонной плоскости, и, даже, долгое ша-

таніе Акіма по улицамъ города,—все это она приняла за плохое предзнаменованіе и не могла успокоиться. Она вѣрила въ судьбу и въ предзнаменованія. Вѣрила она, что

„Есть что-то въ жизни тайное,
Стихійное, случайное...“

Хорошо кормленныя заводскія лошади мчали возокъ по пушистой санной дорогѣ, унося Маріамну все дальше и дальше отъ ея родного города. Наконецъ, вдали показалось большое село, на окраинахъ котораго, въ избахъ крестьянъ, блестѣли огоньки, точно Ивановы червячки, на темныхъ листьяхъ лещины. А посреди села высился къ небу своими куполами деревенскій храмъ, напоминая человѣку о Богѣ и о молитвѣ къ Нему. Былъ поздній вечеръ, и Маріамна уже не первую ночь встрѣчала въ пути, одна, подъ слабою защитою Афросиньи. Она опустила стекло дверцы возка и съ любопытствомъ ребенка смотрѣла на село, которое все яснѣе и яснѣе вырисовывалось на горизонтѣ. Въ это время лезгинъ на конѣ подѣхалъ къ ея окну, чтобы спросить не нужна-ли ей въ чемъ-либо его услуга? Маріамна вдыхала въ свою молодую грудь морозный воздухъ наступавшей ночи.

— Чье это село?—спросила она у лезгина.

— Это село Свободино барона Остенблютъ!—отвѣтилъ лезгинъ съ акцентомъ восточнаго человѣка.

Маріамна ближе подвинулась къ окну и пристально смотрѣла въ даль на широко раскинувшееся передъ нею село Свободино. Въ сельскомъ храмѣ ударили въ колоколъ къ вечернѣ, и унылый звукъ деревенскаго колокола разлился по морозному воздуху и струею вѣтра донесся до слуха Маріамны.

„Вечерній звонъ, вечерній звонъ,
Какъ много думъ наводитъ онъ“...

Она перекрестилась, и въ первый разъ глубокая дума легла на ея чело. Ей вспомнился и отчій домъ, и ласки матери, и слова любви и привѣта суроваго отца ея, ихъ испугъ послѣ ея ухода и, наконецъ, ея будущее, которое вотъ-вотъ должно выразиться чѣмъ-то хорошимъ, чѣмъ то похожимъ на полное счастье... Маріамна такъ сомоотверженно, такъ наглядно доказала Адольфу свою любовь. Почти одинокая, въ глуши, среди морозной, лунной ночи, стояла она передъ нимъ, отъ котораго въ тѣ минуты зависѣли и честь ея, и жизнь... Но, какъ джентльменъ и аристократъ, онъ только позволялъ себѣ съ глубокимъ уваженіемъ поцѣловать ея руку. И что-же?

Въ правѣ-ли она сомнѣваться въ немъ и бояться за свое счастье?

Она глубоко вздохнула и, опустивши голову на грудь, тихо прилегла къ бархатной стѣнкѣ возка.

— Что съ тобою, моя голубка?—спросила ее Афросинья и перекрестилась, услышавъ вновь призывной къ молитвѣ звонъ.

Маріамна, какъ ребенокъ, залилась слезами и, обнявши свою няню, упала на ея грудь. А звуки колокола все чаще и чаще доносились до ея слуха, мѣрно разсѣвая морозный воздухъ, спустившейся на землю ночи...

— Ахъ, Фросюшка, няня моя дорогая!—обнимая Афросинью, говорила Маріамна, заливаясь горячими слезами. Помолись, голубушка, обо мнѣ, а я буду плакать. Такъ отрадно, такъ хорошо плакать, и я хочу плакать!...

— Да о чемъ-же, милая?—недоумѣвая спрашивала ее Афросинья.

Ахъ, обо всемъ, обо всемъ, дорогая! Не мѣшай-же мнѣ, дай мнѣ выплакаться!...

Между тѣмъ Свободино становилось все ближе и ближе. Сани Адольфа, опередивши возокъ, уже скрылись въ узкой улицѣ села. Онъ подѣхалъ къ паперти церкви, всталъ изъ саней и вошелъ въ храмъ, въ

которомъ уже два дня какъ было все готово для вѣнчанія.

Вскорѣ подѣхала въ возкѣ Маріамна, которую, совместно съ священникомъ, встрѣтилъ Адольфъ и ввелъ въ церковь. А тѣмъ временемъ конвоировавшій лезгинъ поскакалъ въ усадьбу оповѣстить стараго барона о томъ, что пріѣхалъ его сынъ со своей невѣстой, и въ храмъ началось вѣнчаніе.

Въ тѣ годы, какъ я уже сказалъ выше, не было банковъ, куда-бы можно было скромному труженнику положить на храненіе сбереженные имъ рубли. Не было и кредита для тѣхъ, которые нуждались въ немъ для расширенія своего торговаго дѣла или для оборота вообще, дающаго нерѣдко хорошій заработокъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Но при всѣхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностяхъ жизни, если нѣтъ настоящаго жизненнаго матеріала, то въ замѣнъ его является суррогатъ, который, какъ извѣстно, не всегда полезенъ, но почти всегда вреденъ. Во время голода вмѣсто ржаной муки употребляютъ древесную кору, хотя такая пища далеко не желательна. А вмѣсто кредитныхъ учрежденій въ тѣ годы въ Харь-

ковѣ были богатые торговцы, которые давали деньги въ кредитъ, но на оригинальныхъ условіяхъ, характеризующихъ нужды промышленниковъ и алчность заимодавцевъ того времени.

Изъ числа такихъ выдающихся заимодавцевъ былъ богатый купецъ Игольниковъ. Онъ торговалъ въ „панскомъ“ ряду краснымъ товаромъ дешевой разцѣнки, который преимущественно шелъ для простонародья чрезъ разносчиковъ, ходившихъ и ѣздившихъ съ товаромъ по селамъ и деревнямъ. Но такъ какъ ходкая продажа офенями товара по деревнямъ и селамъ была въ тѣсной зависимости отъ урожая хлѣба, то Игольникову нерѣдко приходилось отпускать товаръ коробейникамъ въ кредитъ, а также и отсрочивать имъ долгъ за товаръ, уже купленный у него, но не проданный по случаю застоя спроса. Какъ практическій торговецъ, онъ не отказывалъ своимъ оптовымъ покупателямъ въ кредитѣ, но соглашался на отсрочку или на новый кредитъ при весьма своеобразныхъ и оригинальныхъ условіяхъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе забирать у своей жены, а также и у дочерей своихъ старыя платья и разныя принадлежности туалета. Хранилъ онъ всѣ эти предметы въ особомъ шкафу въ своемъ кабинетѣ. Такъ

же хранилъ онъ старые экипажи, изломанные или вышедшіе изъ моды. Если кто-либо приходилъ къ нему съ просьбой дать ему займы подъ вексель денегъ, отпустить въ кредитъ товару или отсрочить платежъ по векселю, онъ соглашался на такія предложенія и просьбы и въ свою очередь предлагалъ своему кредитору или просителю, чтобы тотъ купилъ у него старое женино платье, или-же старые дрожки, сани, тарантасъ и даже чепецъ, который жена уже перестала носить. И такія условія всегда были *conditio sine qua non*. И стѣсненный нуждою кредиторъ долженъ былъ соглашаться на условія Игольникова и покупать у него что-либо изъ предложенныхъ ему предметовъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу на всѣ твои слова!—говорилъ офенѣ или мелкому базарному торговцу Игольниковъ.—Ты у меня купи дрожки, и я тебѣ отсрочу должокъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу.

— Да на что-же мнѣ дрожки?—съ удивленіемъ спрашивалъ его офеня.

— Какъ на что?... А не купишь дрожекъ, такъ купи у меня женино платье съ чепцомъ?

— Да и платье мнѣ не нужно, а чепецъ и подавно.

— Да ты, я вижу, глупый человек! Ты посмотри, какой чепец! Жена въ немъ у губернатора на балу была, а ты не хочешь покупать?

— Да куда-же я съ нимъ дѣнусь, съ чепцомъ-то вашимъ?

— Какъ куда? Да ты только въ деревнѣ покажи его поповнѣ или дьяконихѣ, такъ онѣ у тебя его съ руками оторвутъ. Ты на немъ деньги наживешь!

— Да пусть ужъ кто другой наживаетъ на чепцѣ деньги, а меня ужъ увольте!..

— Ну, такъ вотъ-же что! Ты купи у меня бурнусъ моей дочери. Ты понимаешь — моей дочери!

И на что мнѣ бурнусъ? — отпѣкивался истомленный нравственною пыткой офеня.

— Ну, пойдемъ, дрожки покажу.

И на что мнѣ дрожки?

— А не хочешь ничего у меня купить, такъ пошелъ вонъ, и завтра я тебя въ кутузку посажу и весь товаръ отниму.

Ничего не оставалось дѣлать офенѣ, какъ идти въ сарай съ Игольниковымъ и покупать у него дрожки.

— Вотъ это дрожки? — говорилъ офеня, осматривая кругомъ какія-то развалины.

— Дрожки совсѣмъ развалились, а вы ихъ за экипажъ продаете!

— Ты глупый человек! Ты посмотри, какія онѣ были, да чьей работы! А цѣна имъ, — и говорить нечего, — даромъ отдаю!

— Да за сколько-же вы ихъ отдаете?

— Совсѣмъ за даромъ! Возьми за триста рублей! Я денегъ подожду.

Начинался договоръ, который нерѣдко переходилъ въ крупный разговоръ. Но всегда кончалось тѣмъ, что офеня самъ впрягался въ дрожки и увозилъ ихъ со двора, а триста рублей приписывались къ суммѣ векселя.

Да не удивляется читатель, что офеня самъ впрягался въ дрожки и увозилъ ихъ со двора. Дѣло въ томъ, что были случаи, когда, по окончаніи сдѣлки, купившій что-либо приходилъ получить вещь, и вмѣсто нея получалъ внушительныя дерзости съ угрозами и бранью.

Другого типа заимодавецъ того времени былъ С. К. Костюринъ. Онъ торговалъ виномъ и самъ пилъ его каждый день, какъ воду, встрѣчая и провожая солнце съ бутылкою лиссабонскаго въ рукахъ. Его резиденція была въ погребѣ, помѣщавшемся болѣе пятидесяти лѣтъ въ домѣ Карпова, нынѣ — Питры. Въ погребѣ была комната, въ которой всегда сидѣлъ Костюринъ, и называлась она „капернауомъ“. И вотъ въ этотъ-то „Капернауомъ“, кто имѣлъ нужду въ деньгахъ, спускался по

крутой лѣстницѣ, чтобы увидать всегда тамъ пребывавшаго Костюрина. Но о немъ я побесѣдую болѣе подробно въ слѣдующей главѣ, а пока я нахожу необходимымъ сказать нѣсколько словъ о баронѣ Остенблумѣ.

Какой-то мудрецъ сказалъ, что предпразднество всегда пріятнѣй торжества. Вѣроятно, этому мудрецу не разъ въ жизни пришлось провѣрять это изрѣченіе на самомъ себѣ. Но и Маріамна готова была подтвердить собственнымъ опытомъ изрѣченіе мудреца. Былъ свадебный балъ и баронесса на немъ блистала звѣздой первой величины. Но и послѣ бала пиръ продолжался болѣе недѣли, пока, наконецъ, и хозяева, и гости устали, пресытились и изнемогли. Всѣ разѣхались по своимъ имѣніямъ. Усадьба барона начала пустѣть, и обширный дворъ, еще такъ недавно многочисленный и полный людского говора, какъ-будто пріунылъ, заскучалъ и призадумался. И Маріамна, отдохнувъ отъ пріема гостей, отъ обѣдовъ, вечеровъ и катаній на тройкахъ, начинала скучать. Деревенская жизнь съ ея однообразіемъ и тишиной ее не удовлетворяла. Она искала чего-то новаго, еще неиспытаннаго ею. Она хотѣла видѣть свѣтъ.

Душа ея стремилась къ жизни новой
И сердце жаждало тревогъ...

А между тѣмъ время шло, и срокъ отпуска Адольфу приближался. Она это знала и, не говоря ничего Адольфу, въ молчаніи ожидала, что онъ самъ объявитъ ей день ихъ отъѣзда въ столицу. И она не ошиблась. День отъѣзда въ Петербургъ былъ назначенъ, и быстро начались сборы въ дорогу. Старикъ адмиралъ тоже порѣшилъ оставить деревню и ѣхать въ столицу вмѣстѣ съ дѣтьми, чтобы жить съ ними вмѣстѣ и не разставаться болѣе.

У Маріамны было завѣтное желаніе — примириться съ родными и повидаться съ своей матерью, которую она любила горячо.

Ни мужъ, ни отецъ не противорѣчили ея желанію и даже для этой цѣли путь былъ назначенъ на Харьковъ, не смотря на нѣсколько верстъ кругу.

Ефросинья была оставлена въ имѣніи въ качествѣ смотрительницы за домомъ. По ея указаніямъ были отправлены люди для переговоровъ въ домъ Ломакиныхъ. Но на вопросъ: позволить-ли отецъ пріѣхать Маріамнѣ къ нему для свиданія, — послѣдовалъ суровый отвѣтъ:

— Какая дочь? — отвѣтилъ Ломакинъ. — У меня дочери нѣтъ, а чужихъ я не принимаю!..

Давши такой отвѣтъ, Ломакинъ къ вечеру того-же дня приказалъ подать себѣ

тройку и уѣхалъ изъ города. А мать баронессы, воспользовавшись его отсутствіемъ и не дожидаясь пріѣзда дочери, сама пріѣхала къ ней и была принята съ искреннимъ радушіемъ какъ дочь, такъ и ея мужемъ, совмѣстно съ старымъ барономъ. Прогостивши у матери болѣе недѣли, баронесса выѣхала въ Петербургъ.

На другой день послѣ отъѣзда баронессы, рабочій Ломакина началъ собираться въ отъѣздъ, о чемъ заявилъ сыну Ломакина.

— Куда-же ты ѣдешь?—спросилъ его молодой хозяинъ.

— Да нешто вы не знаете?—съ удивленіемъ спросилъ его рабочій.—Батюшка вашъ, отъѣзжая изъ города, приказалъ мнѣ оповѣстить его, когда выѣдетъ изъ города сестрица ваша.

— Значить ты знаешь, куда отецъ уѣхалъ?

— Да какъ-же не знать? Онъ уѣхалъ въ свой лѣсъ, за тридцать верстъ отсюда. Чай—думаю—онъ тамъ, у лѣсника, сидя въ землянкѣ, занудился. Ну что тамъ? Извѣстное дѣло—волки воютъ, да собаки лаютъ,—вотъ и все!..

Молодой Ломакинъ сдвинулъ плечами и отошелъ отъ словоохотливаго рабочаго, который, собравшись въ дорогу, на саняхъ

въ одну лошадь, выѣхалъ въ лѣсъ въ качествѣ курьера...

Первые три года своего замужества, Маріамна каждое лѣто ѣздила въ свое имѣніе и каждый разъ останавливалась въ Харьковѣ, посвящая нѣсколько дней для свиданія съ матерью и для переговоровъ о примиреніи съ отцомъ. Не всегда успѣвая въ первомъ, она, не смотря на старанія матери, не могла имѣть успѣха во второмъ своемъ желаніи: отецъ не хотѣлъ ее видѣть и каждый разъ, съ ея пріѣздомъ въ Харьковъ, онъ уѣзжалъ изъ города, какъ-будто имъ вдвоемъ въ Харьковѣ не было мѣста. Даже когда баронесса Маріамна привезла своего первенца, Гришу, Ломакинъ не пожелалъ видѣть ни дочери, ни внука и опять уѣхалъ изъ города. Прошло болѣе пяти лѣтъ. Молодой баронъ, Григорій фонъ-Остенблумъ, уже сталъ на ноги и былъ весьма интереснымъ мальчикомъ.

Однажды баронессѣ было подано письмо, въ которомъ мать ея увѣдомляла ее, что отецъ ея лежитъ больнымъ въ безнадежномъ положеніи. Маріамна немедленно выѣхала въ Харьковъ, съ тою-же завитною цѣлью—чтобы получить прощеніе отъ умирающаго отца. Она застала отца въ послѣдній день его жизни. Но и въ эти тя-

желыя минуты жизни желѣзная воля отца осталась непреклонною, и онъ умеръ, не желая принять дочь свою, рѣшившуюся своимъ побѣгомъ осрамить его сѣдую голову...

Ефросинья всѣ эти непріятности Маріамны съ отцомъ приписала потерѣ ея гребня...

Я обѣщаль познакомить читателя съ заимодавцемъ, который давалъ крупныя суммы подъ залогъ недвижимаго имѣнія, и упомянулъ вскользь о С. К. Костюринѣ, постоянно пребывавшемъ въ своемъ погребѣ, въ комнатѣ, прозванной „Капернаумомъ“. Условія, при которыхъ можно было взять займы у него денегъ, тоже были своеобразны, хотя совсѣмъ не походили на условія Игольникова. Первое, что долженъ былъ сдѣлать каждый кредиторъ—это купить у Костюрина бутылку лиссабонскаго и выпить съ нимъ, хотя-бы онъ никогда ничего не пилъ. А затѣмъ, когда бутылка была выпита, Костюринъ предлагалъ вынуть кончикъ носового платка и если кончикъ платка вынимался съ узелкомъ, то вторая бутылка ставилась на столъ тѣмъ, кто вынималъ узелокъ. Но какъ-то всегда случалось такъ, что узелокъ доставался пришедшему занять денегъ.

— Я не пью!—говорилъ кредиторъ, отвѣчая на предложеніе купить бутылку вина.

— А не пьешь—ступай къ черту и денегъ не дамъ!—отвѣчалъ ему Костюринъ.

Нечего было дѣлать,—нужно было покупать бутылку лиссабонскаго, а затѣмъ другую и третью....

Посѣщеніе „Капернаума“ оканчивалось опьяненіемъ просителя, и условія займа откладывались до другаго дня. На другой день начинались съ утра переговоры о займѣ денегъ съ той-же бутылки лиссабонскаго и оканчивались такимъ-же опьяненіемъ.

И еще день, и еще, и такъ нерѣдко проходили цѣлыя недѣли въ выпиваніи вина, а окончанія договора о займѣ все еще не было.

А затѣмъ начинались переговоры о займѣ денегъ и совершеніи закладной.

По совершеніи въ гражданской палатѣ закладной, она въ томъ-же „Капернаумѣ“ обмывалась совмѣстно съ секретаремъ и приходорасходчикомъ гражданской палаты, подѣл предсѣдательствомъ Костюрина, который всегда сидѣлъ въ большой куней шубѣ на распахну, въ собольей шапкѣ и курилъ трубку вакштаба на очень длинномъ чубукѣ. Такъ проходили дни, а за

днями недѣли и, наконецъ, дѣлался денежный расчетъ по закладной съ вычетомъ условныхъ процентовъ. При этомъ, судя по суммѣ займа, кредитору не доплачивалось 50 и даже 100 рублей.

— Ну, какъ-же 100 рублей-то не хватаетъ?—съ неудовольствіемъ говорилъ кредиторъ, считая деньги.

— А ты умирать будешь или нѣтъ?—спрашивалъ его Костюринъ.

— Буду. Ну, что-же изъ этого?

— А то, что на кладбищѣ церковь строится, такъ ты думаешь, что всю церковь я на свой счетъ построю? Экъ, мудрецъ явился съ чугуннымъ лбомъ. Вотъ съ такихъ-то, какъ ты, я и собираю на построение,—повимаешь?

— Да все-же.... какъ-же это такъ?

— А такъ, что если разговаривать со мною будешь, такъ я совсѣмъ денегъ не дамъ. Вотъ ты со мной тогда и поговоришь до-поту. Вѣдь закладная уже вошла въ свою силу!..

Въ другихъ случаяхъ не доплачивались десятки рублей въ пользу приюта, въ пользу училища, въ пользу другихъ нуждъ города, но всегда вычетъ былъ безповоротный.

Но этимъ не оканчивалась сдѣлка.

Хотя рѣдко, но иногда Костюринъ скучалъ одинъ въ своемъ „Капернаумѣ“. Въ такіе часы онъ посылалъ то за тѣмъ, то за другимъ кредиторомъ, предлагая ему поставить одну и другую бутылку лиссабонскаго. И горе тому, кто осмѣливался не отозваться на приглашеніе: тотъ немедленно попадалъ въ опалу, и въ день срока уплаты займа закладная подавалась ко взысканію и заложенное имущество доставалось въ пользу любителя лиссабонскаго.

„Капернаумъ“—это безъ преувеличенія—можно было назвать школою пьянства, и немало порядочныхъ людей были споены въ немъ и преждевременно уложены въ могилу. Немало людей изъ „Капернаума“ пошло по міру, оставивъ семью свою безъ куска хлѣба. Но, впрочемъ, спѣшу сказать, что Костюринъ не разъ былъ выбираемъ городскимъ головою, почти на свой счетъ выстроилъ храмъ на городскомъ кладбищѣ, построилъ домъ для уѣзднаго училища и былъ извѣстенъ, какъ общественный благотворитель.

Но, среди этихъ невзгодъ и тяжелыхъ картинъ жизни, были отрадные явленія, о которыхъ нельзя не сказать добраго слова. Въ Харьковѣ, въ тѣ годы, былъ выдающійся богачъ, откупщикъ Кузинъ. Можно безъ

преувеличенія сказать, что благодаря его участию къ нуждамъ населенія выстроено болѣе чѣмъ половина городскихъ домовъ.

Откупщикъ—и благодѣтель!... Не правдали, какъ далеки эти два человѣка одинъ отъ другого? Первый,—спаивая народъ дешевой водкой, наживаетъ большіе капиталы и думаетъ только о своемъ благѣ, второй,—забывая о себѣ, радѣетъ о благѣ своего ближняго. Но „*les extrémités se touchent*“, говорятъ французы, и въ характерѣ Кузина, дѣйствительно, гармонично сливались въ одно цѣлое эти двѣ крайности. Какъ одинъ изъ выдающихся откупщиковъ того времени, Кузинъ не переставалъ расширять свое откупное дѣло, захватывая въ свои руки не одну Харьковскую губернію, но и сосѣднія съ нею. Но, обладая громаднымъ состояніемъ, онъ дарилъ большими кушами деньги для различныхъ благотворительныхъ учрежденій. А выдающимся благодѣяніемъ съ его стороны была помощь постоянно имъ оказываемая обывателямъ города на постройку домовъ и на пріобрѣтеніе дворовыхъ мѣстъ. Особенно онъ былъ внимателенъ къ бѣднымъ труженникамъ, которые отличались трезвою жизнью. Нерѣдко самъ, лично, или-же черезъ посредство другихъ, онъ входилъ съ бѣднякомъ, сапожникомъ или

портнымъ, въ переговоры и предлагалъ ему вмѣсто деревянной хатки, въ которой жилъ бѣднякъ, построить большой каменный, двухъэтажный домъ, на постройку котораго давалъ деньги на выплатку и за самые маленькіе проценты. А были случаи, что онъ давалъ деньги на постройку дома совсѣмъ безъ процентовъ. Когда выстраивался домъ на деньги, данныя Кузинымъ, хозяинъ дома, какъ и прежде, пользовался въ немъ квартирою для себя и для своего заведенія, а получаемый доходъ съ дома, весь или по частямъ, согласно условію, поступалъ въ уплату капитала, выданнаго Кузинымъ на постройку. Домъ-же съ мѣстомъ Кузинъ отдавалъ правительству подъ залогъ откуповъ. Такой оборотъ давалъ Кузину возможность представить казнѣ значительное количество недвижимости въ обезпеченіе правильной уплаты слѣдуемыхъ казнѣ денегъ за откупа. Но въ то-же время это представляло собою для хозяина дома рискъ, такъ какъ домъ, попавшій въ залогъ по откупамъ, могъ всегда быть проданъ съ аукціона, если-бы Кузинъ не „оправдалъ себя“ передъ казною. Все это могло быть, но этого въ продолженіи всей жизни старика Кузина не случилось ни съ однимъ домомъ. И даже послѣ его смерти многіе дома, бывшіе въ залогъ по

откупамъ и не вышедшіе въ срокъ изъ залоговъ, почтенными наслѣдниками его были „оправданы“ и возвращены хозяевамъ чистыми, то-есть свободными отъ залоговъ.

На Сумской улицѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ большой домъ Хариныхъ, была деревянная, въ три окошечка лачужка, на воротахъ которой красовалась вывѣска, гласившая: „Сапожникъ, сапоги шьетъ, Пузанковъ“. Это былъ трезвый и трудолюбивый ремесленникъ, на рукахъ котораго были жена, трое дѣтей и старуха-мать, двѣнадцать лѣтъ лежавшая недвижимо, разбитая параличемъ. Старикъ Кузинъ самъ пришелъ къ Пузанкову и заказалъ ему пару сапогъ. Затѣмъ, когда сапоги были сшиты, въ назначенный срокъ, онъ пришелъ за ними, помѣрилъ и уплатилъ ему деньги.

— Послушай, добрый человѣкъ!— обратился къ нему Кузинъ.—Почему ты не выстроишь себѣ домъ? Мѣсто у тебя хорошее и домъ будетъ на немъ доходный?

— Да что-же это вы, съ богатства, что-ли, вздумали меня на посмѣхъ поднимать?— обиженнымъ тономъ возразилъ Пузанковъ.— Что-же я на эти вотъ два съ полтиной, что за пару сапогъ получилъ, домъ-то выстрою?

— Постой, постой, любезный! Ты знаешь, кто тебѣ о домѣ-то говорить?—спросилъ обиженного сапожника Кузинъ.

— Да на что мнѣ знать-то? Пришелъ господинъ, заказалъ мнѣ пару сапогъ, я ему сшилъ эту пару, а онъ мнѣ заплатилъ за нихъ слѣдующие два съ полтиной денегъ,—вотъ и все.

— Ну такъ вотъ-же что я тебѣ скажу, добрый человѣкъ!—сказалъ Кузинъ.—Ты приходи сегодня часовъ въ шесть вечера въ мою контору и спроси тамъ меня самого—Кузина, я тебя ожидать буду. Мы тамъ поговоримъ о дѣлѣ, да, Богъ дастъ, и домъ выстроимъ!...

Пузанковъ не ожидалъ, что ему пришлось такого миллионера принимать у себя въ хатенкѣ, и потому поблагодарилъ Кузина за предложеніе и проводилъ его съ почетомъ.

Такимъ путемъ Пузанковъ выстроилъ себѣ домъ, а за нимъ на такихъ же условіяхъ выстроили и другіе дома, не имѣя у себя готоваго капитала. Такъ построены всѣ дома Куликовыхъ, нынѣ принадлежащіе земельному банку. Такъ выстроился домъ Дудукалова на Екатеринославской улицѣ. Почти вся Рыбная улица, Николаевская площадь и Конторская улица были обстроены такимъ путемъ, и не было въ

Харьковъ человѣка, который-бы черезъ Кузина потерялъ свое состояніе и пошелъ по міру нищимъ.

Не можетъ быть забыта старожилами г. Харькова смерть и погребеніе этого выдающагося своимъ благородствомъ человѣка. Вѣсть о его смерти съ быстротою электрической искры облетѣла весь городъ. Весьма многіе обыватели-собственники, которыхъ дома еще состояли въ залогъ у казны, сильно призадумались и со страхомъ ожидали развязки этого узла. У дома Кузина, безъ преувеличенія можно сказать, не уменьшалась тысячная толпа людей, почитавшихъ его и искренно оплакивавшихъ его смерть. Что-же касается погребенія, то почти весь городъ участвовалъ въ проходахъ его тѣла на кладбище, и народъ плакалъ, какъ ребенокъ, теряя въ лицѣ Кузина своего благодѣтеля и покровителя.

Харьковъ издавна былъ извѣстенъ по торговлѣ, какъ транзитный пунктъ, какъ цистерна, изъ которой весь югъ Россіи бралъ различный товаръ для своихъ нуждъ и сбывалъ сырье для переработки его на московскихъ заводахъ и фабрикахъ. Харьковъ всегда имѣлъ четыре ярмарки и особенно славился Троицкой ярмаркой, имѣв-

шей большой сбытъ шерсти, и Крещенской ярмаркой, считавшейся, по обороту капиталовъ, второю послѣ Нижегородской. Но не смотря на все это, въ Харьковѣ въ то время, кромѣ конторы Государственного банка, не было ни одного финансового учрежденія. Взять займы деньги для оборота, или пристроить деньги для роста было очень трудно, не рискуя какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ попасться въ ежовыя рукавицы эксплуататоровъ и міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ. Нужда въ такихъ учрежденіяхъ сама собою породила немало суррогатовъ банковъ и ломбардовъ въ лицѣ займодавцевъ и ростовщиковъ. Одинъ изъ такихъ маленькихъ банкировъ былъ купецъ Шерыкинъ, который, спѣшу сказать, велъ обширную торговлю колоніальнымъ товаромъ и былъ очень честный человѣкъ. Такъ какъ торговля его шла бойко и онъ самъ по себѣ былъ человѣкъ весьма порядочный, то обыватели города его любили и онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ. Особенно небогатый людъ изъ ремесленниковъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, который не захочетъ обидѣть труженника, почему несли ему каждый день излишки своихъ заработковъ, прося взять ихъ себѣ въ оборотъ торговли, за небольшіе

проценты. Наплывъ денегъ по временамъ бывалъ такъ великъ, что Шерыкинъ нерѣдко отказывался брать ихъ. Въ такихъ случаяхъ ему кланялись въ ноги и слезно просили, чтобы онъ взялъ ихъ деньги и не обижалъ ихъ отказомъ. Такія явленія наглядно доказывали, что время открытія различныхъ финансовыхъ учрежденій уже настало. Но коссная неподвижность и отвращеніе къ новшествамъ были слишкомъ велики, и потому никто не заботился объ упорядоченіи этого дѣла.

Импровизированный банкъ Шерыкина съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ все большее число вкладчиковъ, которые преимущественно состояли изъ постоянныхъ обывателей города. Содержатели постоянныхъ дворовъ, швеи, вышивальщицы, кружевницы и даже женщины, жившія поденнымъ трудомъ, питаясь чуть ни въ проголодь, ради того, чтобы отложить отъ дневнаго заработка копѣйку, — несли свои деньги къ Шерыкину, вѣря безгранично, что эти деньги будутъ лучше сохранены, чѣмъ дома. Но не брезгали Шерыкинскимъ банкомъ и весьма богатые люди, которые крупныя суммы вносили ему для роста и оборота.

Для характеристики того времени, надо сказать, что въ тѣ годы легко можно было

нажить капиталъ и сдѣлаться выдающимся богачемъ. Вслѣдствіе медленнаго и каждый разъ рискованнаго сообщенія съ Москвою и Петербургомъ, какъ съ центрами заводской и фабричной промышленности, купецъ того времени долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы у него были большіе запасы различнаго товара первой потребности. Вслѣдствіе порчи дорогъ весною и осенью и нерѣдко по случаю гнилой зимы, въ городѣ чувствовался недостатокъ то въ томъ, то въ другомъ товарѣ. А въ то-же время на этотъ товаръ возникало требованіе и изъ другихъ городовъ юга Россіи, отъ купцовъ, торговавшихъ въ розницу. Купецъ, имѣвшій такіе товары въ запасѣ, становился всевластнымъ монополистомъ и, налагая высокую цѣну на товаръ, нерѣдко за нѣсколько дней пріобрѣталъ десятки тысячъ рублей.

Но насколько было заманчиво положеніе купца того времени, настолько-же (если не больше) оно было опасно, грозя ему банкротствомъ и безповоротною гибелью. Если въ настоящее время причину банкротства нужно по большей части искать въ предъумышленномъ дѣяніи коммерсанта, то въ тѣ годы нерѣдко вслѣдствіе несовершенства путей сообщеній весьма честный и умный коммерсантъ въ одинъ

день терпѣлъ убытки на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и изъ богача становился бѣднякомъ. Торговецъ, отправлявшій постоянно цѣлыми транспортами товаръ въ Москву и Петербургъ, а также въ Таганрогъ и Одессу, — пшеницу, шерсть, ячмень, кожи, муку, — былъ въ полной зависимости отъ путей сообщенія и отъ погоды. Безпрерывные дожди или порча зимняго пути несвоевременнымъ таяніемъ снѣга покрывали дорогу глубокими зазорами почему товаръ доставлялся на мѣсто съ большимъ опозданіемъ и подмокшимъ. И купецъ нерѣдко сразу терялъ все свое состояніе и становился бѣднякомъ. Такому неожиданному краху подвергся и Шерыкинъ. Бывши богачемъ еще вчера и пользуясь безграничнымъ довѣріемъ не только въ г. Харьковѣ, но и въ столицахъ, онъ потерялъ все на громадномъ транспортѣ пшеницы въ Одессу, подмоченной въ дорогѣ вслѣдствіе гнилой зимы.

Его торговля, а съ нею и его импровизированный банкъ, потерпѣли сильный крахъ и тѣ, чьи деньги были у него на процентахъ, сразу потеряли все. Плачъ и вопль женщинъ, дѣвушекъ, больныхъ старухъ и даже дѣтей, взрывъ протеста и злобы рабочихъ и ремесленниковъ не смолкали съ утра до ночи у воротъ дома Ше-

рыкина, и Рыбная улица, гдѣ жилъ онъ, была въ продолженіи многихъ дней запружена бѣднымъ людомъ. Шерыкинъ, чуть-ли ни съ того-же дня, былъ взятъ въ острогъ безъ права сказать за себя слово. И изъ людей состоятельныхъ многіе обнищали вмѣстѣ съ нимъ. Но все-же я спѣшу сказать, что мало было такихъ добрыхъ и честныхъ людей, какимъ былъ Шерыкинъ. И потому нужно поражаться тому равнодушію, съ какимъ отнеслись къ нему всѣ его сотоварищи и граждане города.

Какъ я уже сказалъ, въ Харьковѣ было четыре ярмарки, изъ которыхъ Крещенская была особенно богата оборотами. Но наша южная зима нерѣдко измѣняла людямъ. Вслѣдъ за глубокимъ снѣгомъ шла сильная оттепель съ продолжительными дождями и съ большою распутицей. Въ эти несчастные годы гнилой зимы товаръ на Крещенскую ярмарку запаздывалъ и какъ торговцы, такъ и покупатели выходили изъ терпѣнія и верхомъ пріѣзжали въ Харьковъ, оставляя свои сани съ багажемъ на произволъ судьбы. Зажоры доходили на столбовыхъ дорогахъ до такихъ размѣровъ, что въ нихъ все туловище лошади пряталось и только голова съ шеей оставались

не залитыми водою. Сани, такъ называемыя розвальни, на которыхъ обыкновенно возили товаръ, погружались въ эти зажоры въ уровень съ товаромъ, который состоялъ изъ кипъ сукна, краснаго и колоніальнаго товара, а также изъ наскоро сбитыхъ ящиковъ съ бархатомъ и шелковыми матеріями. Не трудно представить себѣ, въ какомъ видѣ получался весь этотъ подмоченный товаръ и на какую громадную сумму были потери его.

Но несмотря на такіе тяжелые уроки, несмотря на такіа ужасныя потери, никому не приходило въ голову обратить вниманіе на способъ транспорта, на вопросъ о необходимости шоссейныхъ путей; всѣ эти невзгоды, всѣ эти потери и несчастія взваливали каждый разъ на несчастныхъ ямщиковъ, занимавшихся извозомъ и взявшихъ на себя обязанность доставить товаръ на Крещенскую ярмарку, къ такому-то сроку. Во всемъ несчастіи, во всей бѣдѣ—они, одни они—ямщики--были виноваты. И вотъ у этихъ несчастныхъ, не разъ искупавшихся въ зажорѣ и уже успѣвшихъ двухъ-трехъ товарищей бросить на постояломъ дворѣ въ тифѣ или въ остромъ ревматизмѣ, отбирали лошадей съ сбруями и санями и все это на Николаевской площади, противъ полицейскаго управленія,

подвергали продажѣ съ молотка въ пользу купцовъ, товаръ которыхъ былъ подмоченъ. У саней-розвальней, съ опущенными на грудь головами, въ дрянныхъ полушубкахъ, стояли ямщики, хозяева лошадей и саней. Многіе изъ нихъ плакали, другіе проклинали свою судьбу, но были и такіе, которые съ изумительнымъ стоицизмомъ въ молчаніи переносили свалившееся на нихъ несчастіе. Не менѣе жалки были лошади, обреченныя на продажу съ молотка. По пятьдесятъ и болѣе троекъ собиралось на площади въ ожиданіи аукціона. Но ожиданіямъ не было конца. По нѣсколько сутокъ стояли несчастные кони непоенные и безъ корма. Коня рыли копытами землю, ржали на всю площадь и рвались съ конюязи. И не было человѣка, который-бы съ чувствомъ отнесся къ этой раздиравшей душу картинѣ и протянулъ-бы ямщикамъ и лошадямъ руку помощи. А мелкій дождь не переставалъ обливать всѣхъ мокротою и туманъ, точно грязною пеленой, прикрывалъ всю эту массу страждущихъ отъ взоровъ прохожаго. И казалось въ этой мглѣ на далекомъ разстояніи, что не люди и не кони стонали и ржали, а какія-то страждущія тѣни изъ Дантова ада...

Никакія мольбы и просьбы, никакія слезы и стоны несчастныхъ ямщиковъ, оста-

вавшихся съ одними кнутовищами, не могли смягчить жестокия сердца торговцевъ. Между тѣмъ самая горячая покупка лошадей съ аукціона собирала сумму денегъ, которая не покрывала и половины того, что стоилъ подмоченный товаръ. Особенно такимъ жестокимъ правомъ отличались рыльскіе купцы...

Но среди такихъ невзгодъ и тяжелыхъ лишеній были и отрадныя явленія, о которыхъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ; а теперь перейдемъ къ баронесѣ Маріамнѣ и ея роднымъ.

Если въ очаровательномъ чадѣ фиміама любви и удовольствій Маріамна какъ-бы умышленно отгоняла отъ себя мысли о своемъ родномъ домѣ и боялась останавливать свое вниманіе на вопросѣ о судьбѣ своихъ родныхъ, то я считаю себя обязаннымъ рассказать о Ломакиныхъ, что съ ними случилось послѣ ея ухода.

Такъ какъ Маріамна долго не возвращалась изъ бани къ ожидавшему ея самовару, который шумѣлъ, пыхтѣлъ и, блистая полированной мѣдью, рисовался, стоя на столѣ въ компаніи чашекъ, варенья и хлѣба, то мать ея послала прислугу звать барышню къ чаю.

Но прислуга, возвратившись, доложила, что въ банѣ никого нѣтъ, да и нѣтъ признаковъ, чтобы тамъ кто-либо мылся. Вѣсть эта настолько была неожиданна, что придать ей значеніе правды было невозможно.

Ломакина молча выслушала эту вѣсть и, не дѣлая никакого возраженія, молча поглядывала на окружавшихъ ее родныхъ и прислугу, какъ-бы ожидая, что кто-либо изъ нихъ скажетъ ей, гдѣ Маріамна, и тѣмъ разсѣять ея тяжелыя мысли. Но всѣ, какъ и она, были поражены извѣстіемъ и упорно молчали, въ недоумѣніи поглядывая другъ на друга.

Молча Ломакина надѣла на себя шубу и вышла во дворъ по направленію къ банѣ. Ее сопровождали двѣ горничныхъ съ фонаремъ. Осмотрѣвши баню и не найдши въ ней ничего, чтобы говорило о Маріамнѣ, она вышла пораженная до глубины души таинственнымъ исчезновеніемъ дочери.

Въ это время одна изъ горничныхъ, при свѣтѣ фонаря, увидѣла фортку, выходящую на берегъ рѣки, отпертою. Всѣ вышли на берегъ рѣки и при свѣтѣ фонаря увидали на снѣгу слѣды теплой дамской обуви, которые выходили на берегъ рѣки. Ломакина пошла дальше по свѣжимъ слѣдамъ и, сгустившись съ пригорка на ледъ,

къ ужасу своему, у самой окраины полыньи, нашла двѣ золотыхъ булавки, которыми обыкновенно поддерживались косы, еще не вполнѣ высохшія послѣ мытья или купанья.

Первая мысль всѣмъ бросилась въ голову, что Маріамна утонула въ полыньѣ и была теченіемъ воды затянута подъ ледъ. Но тѣ-же слѣды ногъ, идущіе къ другому берегу рѣки, говорили другое, и всѣ пошли на противоположный берегъ рѣки. Тутъ ясно увидѣли, что здѣсь стояли большихъ размѣровъ сани съ тройкою лошадей, вокругъ которыхъ видны были слѣды ямщика и потомъ слѣдъ саней вдоль по прямой улицѣ города. Все говорило за то, что Маріамна, съ помощью вѣроломной Ефросиньи, кѣмъ-то украдена и увезена. Ломакина едва дошла обратно домой и, взойдя на второй этажъ, въ переднюю, свалилась какъ снопъ на полъ, пораженная обморокомъ.

Весь домъ засуетился и цѣлый содомъ поднялся во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ всего полчаса назадъ царили миръ и тишина.

Самого Ломакина не было дома и потому послали за докторомъ и за нимъ одновременно.

Врачебная помощь спасла несчастную Ломакину отъ грозившаго ей удара, и она

скоро начала поправляться. Ее возвратило къ здоровью извѣстіе, принесенное ей прислугой, что Маріамна увезена барономъ фонъ-Остенблумъ въ его родовое имѣніе, въ деревню Свободино, гдѣ они обвѣнчаются въ деревенской церкви. Мать знала, что Маріамна любитъ Адольфа, и скорбѣла втайнѣ о томъ, что не могла помочь ей осуществить ея завѣтное желаніе — выйти за него замужъ. Она сочувствовала браку, но лишенная права голоса, не могла превозмочь желѣзной воли мужа. На долю русской женщины съ незапамятныхъ временъ выпало въ жизни два крайнихъ положенія: она — или властная повелительница, или безсловесная раба. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ положеніи ей всегда мѣшали быть человѣкомъ.

Характерная черта богатыхъ не только купцовъ, но и помѣщиковъ того времени, выражалась тѣмъ, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, съ особенною остротою проявлялись самомнѣніе и упорство, которыя извѣстны были въ литературѣ подъ именемъ цѣльности характера.

На самомъ-же дѣлѣ это было не болѣе, какъ упорство, доведенное до безумія. Для иллюстраціи такихъ натуръ спѣшу привести нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ эти, такъ называемыя, цѣльныя на-

туры. Былъ купецъ Голиковъ, принадлежавшій еще отъ дѣдовъ своихъ къ старообрядчеству. Дочь его, доведенная имъ до потери терпѣнія, ушла съ извѣстнымъ ему человѣкомъ его-же круга, тоже старообрядцемъ, съ тѣмъ, чтобы перевѣнчаться. Голиковъ потребовалъ отъ старообрядческаго священника, чтобы онъ не вѣнчалъ ихъ, но священникъ, имѣвшій всѣ необходимыя документы, перевѣнчалъ молодую пару. Голиковъ, за такое оскорбленіе его особы, бросилъ старообрядчество и перешелъ прихожаниномъ въ каѳедральный соборъ.

Другой эпизодъ былъ въ семьѣ купца Гвоздева.

Гвоздевъ имѣлъ „сиротское“ денежное дѣло съ купеческими дѣтьми Кожанчиковыми, надъ которыми онъ былъ опекуномъ. Кожанчиковы считали за нимъ недобору тридцать тысячъ рублей и просили его не разъ безъ ссоры и пререканій, чтобы онъ далъ имъ десять тысячъ рублей за всю сумму недобора, обѣщая ему выдать отъ себя актовую бумагу о полномъ удовлетвореніи. Но Гвоздевъ былъ недоступенъ, какъ паша, дерзокъ, какъ того времени квартальный, и неумолимъ, какъ солдатъ на военномъ посту. Кожанчиковы вынуждены были возбудить противъ Гвоздева дѣло.

Волокитство по судамъ истощило его до изнеможенія и окончилось взысканіемъ съ него болѣе сорока тысячъ рублей или заключеніемъ его въ острогъ на два года, если онъ не уплатитъ слѣдуемой съ него суммы. Но Кожанчиковы сами не желали его страданій и, зная о его большихъ тратахъ на судъ, предложили ему мировую за десять тысячъ рублей. Гвоздевъ высидѣлъ два года въ острогѣ, а денегъ сиротамъ не уплатилъ.

Таковъ былъ и Ломакинъ.

Принадлежа къ старообрядчеству, онъ со всею строгостью соблюдалъ его требованія въ своей семьѣ. Между тѣмъ, не желая отстать отъ лучшаго общества, какъ богачъ, онъ воспиталъ свою дочь въ институтѣ, гдѣ она за восемь лѣтъ пребыванія совершенно отвыкла отъ старообрядческихъ правилъ жизни и потому не могла выносить строгой монастырской жизни въ семьѣ и старообрядчеству не сочувствовала... Дочь вмѣстѣ съ матерью бывала на балахъ и въ первый разъ познакомилась съ молодымъ барономъ на дворянскомъ балу. Казалось, Ломакинъ желалъ блеснуть красотою своей дочери и въ расчетѣ его было приобрести зятя изъ высшаго круга.

Но когда баронъ заявилъ желаніе быть его зятемъ, онъ наотрѣвъ отказалъ ему и предпочелъ взять себѣ въ зятя сына московскаго фабриканта, тоже изъ старообрядцевъ. Но, главное, онъ не допускалъ мысли о томъ, чтобы кромѣ его въ семьѣ могъ заявлять свой голосъ кто-либо другой, выражая свои желанія. И вотъ, при такомъ режимѣ жизни, тогда какъ онъ мнилъ о себѣ, какъ о первомъ по уму и капиталу человѣкѣ въ городѣ, дѣвушка, его дочь, это слабое существо, осмѣлилась поступить противъ его воли, осрамить его на весь городъ и поставить въ положеніе человѣка, котораго слабое существо съумѣло обойти и обмануть!

Эта одна мысль приводила его въ бѣшенство.

Говорить-ли о томъ, что по городу на другой-же день пошелъ говоръ по всѣмъ уголкамъ о томъ, что случилось у Ломакиныхъ. А спустя два дня даже съ подробностями передавали о томъ, кто и какъ увезъ Маріамну изъ города, трактуя событіе на разные лады и варианты.

Да иначе и не могло быть. Въ провинціальномъ городѣ каждый день знаютъ, что и въ какомъ домѣ дѣлается:

„Саде—платья получила
И уже одно пошла
Предсѣдателя женѣ;

А Ломакинымъ къ обѣду
Саго варить на винѣ“...

Старикъ, чтобы разсѣяться, немедленно уѣхалъ изъ города и возвратился дней черезъ десять.

Почтенный городской голова Костюринъ особенно отличался хлѣбосольствомъ. Но чтобы оцѣнить эту драгоценную черту его характера, нужно было побывать, хотя одинъ разъ, на его именинахъ. День своего ангела онъ праздновалъ лѣтомъ. Домъ его находился въ Харинскомъ переулкѣ, при дворѣ былъ небольшой садъ; въ этомъ саду по окончаніи обѣда и праздновались именины до поздняго часа ночи. Въ день именинъ ворота и фортка двора были отперты до начала обѣда. Но лишь только обѣдъ начался, какъ ворота и фортка запирались на замокъ и ключи отъ нихъ отдавались въ руки именинника, который пряталъ ихъ въ свой карманъ. По окончаніи обѣда всѣ гости выходили въ садъ, гдѣ садились играть въ карты, и продолжалось безконечное угощеніе виномъ. Уйти, кому бы ни было, было невозможно.

Болѣе всего памятливы мнѣ двѣ личности, которыя на этихъ именинахъ были выдающимися изъ среды всѣхъ гостей уже

потому, что всѣ ихъ знали до именинъ совсѣмъ иными людьми, тогда какъ на именинахъ городского головы, въ его саду, они были людьми совсѣмъ другими, до неузнаваемости непохожими на прежнихъ. Одинъ былъ домашнимъ секретаремъ мѣстнаго архіерея. Это былъ человѣкъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей недоступный ни для кого. Одинаково, какъ бездомная старуха-вдова пономаря, пришедшая просить помощи у архипастыря, такъ и протоіерей имѣвшій нужду побесѣдовать съ владыкой, встрѣчали со стороны его самый рѣзкій отказъ доложить о нихъ владыкѣ. И жестокое слово — „не принимаетъ“, — могло быть смягчено только звонкой монетой, которая имѣла свойство чудодѣйственно отверзать передъ чающимъ двери владычѣихъ покоевъ.

На именинахъ хлѣбосола Костюрина, этотъ человѣкъ превращался въ самаго кроткаго и слезливаго господина, который плакалъ о грѣсѣхъ своихъ и преклоняяй землѣ лядвія своя, вошіялъ: азъ грѣшенъ есмь вельми, и Господь отвратилъ лице свое отъ меня и оставилъ мя у вратъ гienны огненныя...

Второй—это былъ правитель крѣпостнаго стола гражданской палаты. Во время исполненія своихъ служебныхъ обязаннос-

тей, онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ человѣкъ мягкій, ласковый, предупредительный. Но въ гостяхъ на пиру у Костюрина онъ дѣлался другимъ человѣкомъ.

Онъ хотѣлъ всѣмъ повелѣвать, онъ требовалъ, чтобы всѣ его слушались и исполняли его требованія. Но удивительно, что секретарь владыки любилъ быть въ обществѣ съ производителемъ дѣлъ гражданской палаты, который его покорностію утолялъ свою жажду къ власти. И вотъ начинался цѣлый рядъ сценъ, полныхъ комизма.

Почетный именинникъ зналъ это и, кажется, умышлено сажалъ ихъ въ своемъ саду вмѣстѣ за небольшимъ столомъ, на которомъ стояла неизсякаемая бутылка портвейна. Въ саду всѣмъ давалась полная свобода, и потому, проводя въ немъ время подъ сѣнью штамбовыхъ розъ и высокихъ кустовъ французской сирени, никто тамъ не рисовался, а былъ такимъ, какимъ его создала природа.

— Ну, послушай!—говорилъ секретарь владыки, горько плача. Вѣдь, я—подлецъ!..

— Становись, я тебѣ говорю, на колѣни и проси, чтобы я тебя простилъ!

И секретарь становился на колѣни и, скрестивши на груди руки, въ молчаніи ожидалъ новыхъ приказаній своего грознаго повелителя.

— Стой, не смѣй! — кричалъ ему повелитель. Прежде нужно выпить, а потомъ становись на колѣни и бей поклоны!..

На именинахъ Костюрина никогда не было дамскаго общества.

Долой, долой, всѣхъ барышень и дамъ:
Онѣ свои законы устанавливаютъ
И намъ—мѣшаютъ!...

Это, несомнѣнно, давало гостямъ еще больше простора и свободы, почему весь садъ былъ переполненъ разнообразными сценами.

Старичокъ Басовъ, секретарь сиротскаго суда, обыкновенно ходилъ по широкой аллеѣ сада и самъ съ собою громко велъ бесѣду.

— Все отъ Бога, все! — говорилъ онъ, поднявши глаза къ небу. Вотъ козявочка крохотная ползетъ, и вотъ у нея и ножки есть, и животикъ, и ротикъ. Боже, Боже, какъ Ты великъ и добръ къ намъ многогрѣшнымъ!...

А тутъ, сбоку аллеи, на травкѣ стоялъ столъ, за которымъ шелъ преферансъ. Одинъ партнеръ на семи—безъ трехъ. И взрывъ хохота оглашаетъ садъ.

— Душечка мой, милушечка мой! — кричалъ старичекъ съ Владиміромъ въ петлицѣ своему партнеру. Вѣдь, это все сдѣлала ваша трефочка! Голубчикъ мой—трефочка!...

У трехъ кустовъ штамповой розы трое уже уснули праведнымъ сномъ. Точно па-

пильончики, упившись нектаромъ душистой розы, они мирно упокоились. Жаловаться на однообразіе и скуку празднества было невозможно.

Вотъ трое, теноръ изъ хора кафедральнаго собора, толстобрюхій мясникъ и купецъ бакалейнаго товара, усѣлись на травкѣ-муравкѣ и стараясь превратить себя въ маленькихъ пѣвчихъ, пѣли дискантомъ „да исправится молитва моя“. А теноръ бутылкою дрей-мадеры дирижировалъ.

А тамъ, въ углу сада, въ бесѣдкѣ, среди акацій, діаконъ Калибердинскій, окруженный любителями густого баса, на весь садъ гремѣлъ: „жена—да убоится своего мужа!“.

— Вотъ голосъ, вотъ голосина! Это ужасъ и только! — говорилъ одинъ торговецъ краснымъ товаромъ чиновнику—молодожену, который, въ противоположность серьезной компаніи, сидѣлъ грустнымъ и погруженнымъ въ самага себя.

— Да что голосъ? голосъ—голосомъ, а вы вслушайтесь въ слова Апостола: „жена, да убоится своего мужа!“! Правильно, правильно сказано, хоть въ протоколъ занеси!...

У Павла Ивановича Середы былъ товарищъ по университету и другъ нѣкій Русановъ, который по окончаніи курса женился и уѣхалъ въ Черниговъ учителемъ

гимназіи. Черезъ годъ послѣ женитьбы, у него родилась дочь Елена, а черезъ семь лѣтъ онъ овдовѣлъ, внезапно потерявши жену во время холерной эпидеміи. Затосковалъ въ одиночествѣ Русановъ не на шутку и черезъ два года послѣ смерти жены самъ умеръ, оставивши дочь девяти лѣтъ на попеченіе друга своего Павла Ивановича Середы. Свято исполнилъ просьбу своего друга благородный Середа. Онъ продалъ все движимое имущество Русанова и собравши деньги отдалъ ихъ въ Государственный банкъ, а Лелю, какъ всѣ ее называли, привезъ въ Харьковъ, окружилъ ее всевозможнымъ комфортомъ и, когда исполнилось ей десять лѣтъ, отдалъ въ институтъ на свой счетъ. Въ годъ моего отъѣзда въ Петербургъ, Леля окончила курсъ въ институтѣ и была прекрасно и удобно помѣщена съ старухой—гувернанткой въ квартиру Середы, которую онъ расширилъ до семи комнатъ. Леля была прелестное дитя. Она была брюнетка съ правильнымъ типомъ восточной красоты и съ глазами, полными огня и жизни. Они горѣли, по временамъ, какъ два волчьихъ глаза въ глубинѣ черной ночи, почему, еще бывши въ институтѣ, Леля получила surnom „Леля—волчьи глазки“. Но болѣе всего очаровывало въ ней—это экспрессія

ея лица, которая шла въ контрастъ съ выраженіемъ ея глазъ. На всѣхъ чертахъ ея лица выражалась доброта и дѣтски-наивное отношеніе ея къ окружающей жизни. Если въ то время высшій идеаль красоты и достоинства дѣвушки выражался въ возможно большей наивности ея и въ дѣтскомъ умѣ, то Леля была одною изъ талантливыхъ воспитанницъ своего выпуска. Впрочемъ, о женскомъ воспитаніи и образованіи того времени мы еще будемъ бесѣдовать въ свое время.

То ландышъ былъ съ головкою душистой,
Въ тиши лѣсовъ росой напоенный чистой;
Храпимый бережно зеленою листвою,
Не зпалъ невѣстья онъ, ни холода, ни зноя...

Съ водворенія Лели въ домъ Павла Ивановича жизнь его измѣнилась. Теперь украшалъ его залъ прекрасный рояль, на которомъ играла Леля, услаждая Павла Ивановича чудными звуками сонатъ Бетховена и Моцарта. Леля хорошо играла, и иногда ея игра была полна чувства и пылала огнемъ любви. Все это было такъ ново и такъ очаровательно для Павла Ивановича. Ея веселый и полный откровенности смѣхъ часто раздавался въ его келіяхъ, веселя и радуя всѣхъ, точно лучъ солнца, блеснувшій въ день осенней непогоды. Павелъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ отъ Лели и отъ новой жизни, которую она внесла съ собою въ его домъ.

Нерѣдко Леля, мотылькомъ порхая по комнатѣ и, увидавши, что Павелъ Ивановичъ сидитъ въ любимомъ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, неожиданно подлетала къ нему и сѣвши на колѣни, начинала его цѣловать, теревить за бакенбарды и голубить.

— Папочка, дорогой мой, миленькій мой папочка, какъ я тебя люблю! Я хочу выйти за тебя замужъ! Ха, ха, ха!! Вотъ какая я дурочка! Прости меня!

И покраснѣвъ до ушей, она быстро убѣжала.

Конечно, всѣ эти слова принимались за шутку. Что же касается Лели, то ея слова были словами шаловливаго наивнаго ребенка, который, послѣ восьмилѣтняго заточенія и строгаго режима жизни, почувствовалъ себя свободнымъ и счастливымъ.

Въ такомъ положеніи, при такой новой и подной поэзіи обстановкѣ, я оставилъ Павла Ивановича въ день своего отъѣзда въ Петербургъ.

Когда возвратился я, не видавши его болѣе двухъ лѣтъ, и посѣтилъ его, меня поразила иная картина его жизни, — картина діаметрально противоположная первой и полная отчаянія и грусти.

Павелъ Ивановичъ за это время очень постарѣлъ и опустился.

„И съ устъ его веселую улыбку
Жизнь-мачиха за дѣтскую ошибку
Сняла тяжелою рукой....“.

Въ его комнатахъ, всегда чистыхъ до педантизма, виденъ былъ безпорядокъ и пыль покойно лежала на мебели, скрывая подъ собой полировку. Павелъ Ивановичъ сидѣлъ у письменнаго стола своего кабинета и читалъ въ переводѣ трагедію одного изъ классиковъ. Передъ нимъ стоялъ графинъ съ водкой, кусокъ чернаго хлѣба и солонка съ солью. Все это стояло въ такомъ порядкѣ, который говорилъ, что эти предметы не были ему поданы, а были имъ самимъ наскоро взяты изъ буфета. Лицо его было багроваго цвѣта и орбиты его глазъ были воспалены....

Увидавши меня, онъ очень обрадовался, обнялъ меня и, прижавъ къ своей груди, заплакалъ.

— Что вы, что вы? — поспѣшилъ я сказать ему. Что съ вами, Павелъ Ивановичъ? Успокойтесь!....

— Зачѣмъ ты уѣзжалъ? Зачѣмъ ты не остался со мною? Ты могъ бы спасти меня, ее и всѣхъ! — запальчиво говорилъ мнѣ Павелъ Ивановичъ.

Но слово „ты“ — мною было услышано впервые отъ него. Какъ джентльменъ, онъ всегда избѣгалъ фамиллярности и даже

не разъ говорилъ, что слово вы—первый авангардъ къ защитѣ себя отъ насилія.

— Но все же я васъ не понимаю,—отвѣтилъ я. Скажите, что случилось? Подѣлитесь вашимъ горемъ?

— Да вотъ тебѣ въ отвѣтъ!—сказалъ Павелъ Ивановичъ и, взявши трагедію, за которой я его засталъ, началъ мнѣ читать монологъ изъ нея:

„Оставь меня! Сегодня мрачно я настроенъ!...
Всему, всему, о чемъ тебѣ я говорилъ,
О чемъ не разъ я спорилъ такъ усердно,
Какъ вѣроломный рабъ, я измѣнилъ
И растопталъ стогой немилосердно!...
Оставь меня! Проклятыя и достоены!“

— Прекрасный монологъ! — поспѣшилъ я отвѣтить. Но въ чемъ же дѣло?

— Въ чемъ дѣло? Ты знаешь, ты помнишь Лелю?

— Да, я знаю и помню ее!—отвѣтилъ я, все еще играя роль незнайки.

— Я... я женился на ней!—почти шепотомъ отвѣтилъ онъ, и кровь прилила къ его лицу. Онъ опустился въ свое кресло и поникъ своею сѣдою головою. Въ эти минуты онъ былъ до слезъ жалокъ и, вмѣсто ненависти и злобы, къ нему въ душѣ говорило чувство братской любви и христіанскаго всепрощенія.

— Но что же тутъ особеннаго и ужаснаго?—поспѣшилъ я отвѣтить ему, и при

этомъ чувствовалъ, что говорю неправду.

— Какъ? Ты не находишь въ моемъ поступкѣ ничего особеннаго, ничего ужаснаго? вскочивши съ своего мѣста, крикнулъ мнѣ въ отвѣтъ Павелъ Ивановичъ! Я... я поклялся своему другу Русанову быть ея отцемъ, и сдѣлался ея мужемъ! Чтобы устроить ея счастье, я поклялся ему посвятить ей умъ, свою жизнь и все свое состояніе.—И я, какъ эгоистъ, все забралъ себѣ безжалостно; заставилъ ее сдѣлать проступокъ...

— Павелъ Ивановичъ, что вы говорите? Вы слишкомъ разстроены, успокойтесь! О какомъ проступкѣ вы говорите?

— Она ушла, она полюбила молодого человѣка и я ни въ чемъ ее не обвиняю. Она и онъ такъ молоды, такъ полны жизни и чувства ихъ слились въ одно. Но все же жизнь ея разбита. А я? Я—та скала на ея жизненномъ пути, о которую эта молодая и чистая жизнь разбилась!...

Павелъ Ивановичъ опять опустился въ свое кресло и заплакалъ.

Мнѣ жаль было спрашивать его о подробностяхъ разыгравшейся семейной драмы. Но я зналъ, какъ произошла она.

Послѣ моего отъѣзда за границу, черезъ полгода, онъ женился на Лелѣ и прожилъ

съ нею годъ благополучно. Но потомъ, въ началѣ лѣта, онъ уѣхалъ съ нею на курортъ въ Кочетокъ, гдѣ Леля встрѣтилась съ гвардейскимъ офицеромъ, весьма красивымъ черкесомъ, княземъ Оглы-Мехметовымъ, который и увезъ ее съ собою въ Петербургъ. Какъ все это случилось, какъ Леля полюбила молодого князя, какъ она, эта чистая и высоконравственная душа, рѣшилась уйти, бросить Павла Ивановича, если бы кто спросилъ у нея, она бы чистосердечно отвѣтила: не знаю!...

И не спрашивай, не распытывай,
Умомъ—разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю его, почему люблю
И за что люблю, и на долго ли?...

Бѣдная Леля!...

А, между тѣмъ, все это

— „Alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu“.

Но грустно мнѣ было смотрѣть на эту завидную силу ума, на этого человѣка высшей культуры, такъ неожиданно павшаго съ своего пьедестала...

Я былъ у него еще нѣсколько разъ и онъ, такъ сказать, на моихъ глазахъ быстро скользилъ по наклонной плоскости a basso.

Черезъ полгода я опять былъ на пути въ Петербургъ и пришелъ къ нему проситься. Было всего десять часовъ утра, но я его засталъ уже не въ порядкѣ.

— Другъ сердечный! обратился онъ ко мнѣ. Ты ѣдешь въ Петербургъ. Найди тамъ Лелю и узнай, какъ она живетъ и гдѣ она, бѣдная, проводитъ свои дни? Быть можетъ, ей нужны средства къ жизни? Быть можетъ, онъ ее бросилъ, а она уже мать, нуждающаяся въ кускѣ хлѣба? Напиши, увѣдомь меня, и все мое состояніе прійдетъ къ ней на помощь. Скажи ей, что я прошу ее простить меня...

Старикъ залился горячими слезами, и я долго не могъ успокоить его...

Долго я искалъ Лелю. Но на третій мѣсяцъ однажды мнѣ пришлось быть у знакомаго мнѣ ординатора въ одной изъ больницъ Петербурга. Когда я сидѣлъ у него, пришла сидѣлка и доложила ему, что Середа проситъ дать ей чегонибудь кислаго. Докторъ разрѣшилъ.

— Кто эта Середа?—поспѣшно спросилъ я у ординатора.

Мнѣ объяснили, что это молодая, интеллигентная женщина Елена Середа, болѣетъ чахоткой и со дня на день ожидаетъ смерти.

Я попросилъ дозволить мнѣ повидаться съ ней и поспѣшилъ къ ея скорбной постели.

Мы скоро узнали другъ друга, и наша бесѣда о быломъ длилась болѣе часа.

— Что мнѣ скрывать передъ вами?— сказала она. Я только теперь сознала, что я живу окруженная людьми, которые страдаютъ, плачутъ, голодаютъ и мрутъ. Когда я вышла изъ института, я не имѣла никакихъ понятій о жизни и о ея требованіяхъ. Я уѣхала съ Мехметовымъ—также не зная, чѣмъ я становлюсь, что приобретаю и что теряю... Всѣ притязанія, предъявленные ко мнѣ, были чужды моей душѣ и моимъ помысламъ. И да умолчить языкъ того, кто захочетъ сказать обо мнѣ дурно!.. Я была человѣкомъ, а меня превратили въ игрушку и... сломали ее. А за что?..

И бѣдная Леля заплакала.

Тяжело мнѣ стало смотрѣть на нее. Тяжело мнѣ было слышать отъ нея слова горькой правды, и вспомнилъ я, какъ не разъ Павелъ Ивановичъ проводилъ ту же идею, говоря о бракѣ и о жизни. И вспомнилъ я о немъ и о его проступкѣ. И все это желѣзнымъ кольцомъ сжало мнѣ сердце...

Я поспѣшилъ уведомить Павла Ивановича, что я нашелъ Лелю и въ какомъ она жалкомъ положеніи. Но мое письмо уже

не застало его въ живыхъ. Отъ апоплексического удара онъ умеръ.

„Перескочивъ въ единый мигъ,
На лоно праотцевъ своихъ.“

А весною того же года умерла Леля, одинокая, всѣми забытая и обнищавшая въ конецъ какъ тѣломъ, такъ и средствами къ жизни. И вотъ въ часы уединенія, въ тѣ счастливыя минуты, когда человѣкъ, отрѣшавшись отъ суеты міра сего и отъ самого себя, приобретаетъ способность провидѣнія, я ухожу въ глубь ушедшей отъ меня жизни и передо мною каждый разъ возстаютъ эти три человѣка: Рѣдюгинъ, Середа и Леля. Эти три жизни, три души, свѣтлыхъ, какъ роса утра, какъ звѣздочки первыхъ сумерокъ дня... родились, жили и умерли, а для чего? И вновь мнѣ слышатся слова скорбнаго поэта:

„Среди песковъ, въ степи безлюдной,
Гдѣ сонъ жизни обнялъ непробудный,
Есть три забытыя могилы.
Три жизни въ нихъ погребены
И съ ними три завидныхъ силъ
Отъ міра слезъ унесены...“

Я упомянулъ, что С. К. Костюринъ былъ неоднократно избираемъ въ городскіе головы. При управленіи думою Костюринымъ, секретаремъ думы былъ нѣкій Линицкій. Это былъ весьма почтенныхъ лѣтъ стари-

чекъ, который, какъ удрученный лѣтами, ходилъ согбенно и потому многимъ казался горбатымъ. Добродушный старикъ, всегда сонливый, медлительный и молчаливый, онъ былъ всѣми любимъ и зналъ механизмъ городского управленія въ совершенствѣ. Если мы примемъ во вниманіе, что въ то время въ городскіе головы нерѣдко выбирались купцы полуграмотные, умѣвшіе написать только свое имя и фамилію; если мы вспомнимъ, что не только городскіе головы, но даже бургомистры и ратманы того времени служили безъ жалованья и тяготились службой; что секретарь, столоначальникъ и дѣлопроизводитель думы—эти три краеугольные камня, на которыхъ зиждилось все управленіе думы, содержаніе отъ города получали самое ничтожное и жили на прибавочное жалованье отъ городского головы, такъ какъ они всегда имѣли возможность подвести подъ судъ и даже пустить по міру всѣхъ представителей думы,—то намъ будутъ понятны интимныя отношенія головы къ чиновникамъ думы. Всѣ упомянутые чиновники думы жили невозбранно на животахъ просителей и такимъ путемъ наживали себѣ домики и обезпечивали свои семьи, нерѣдко капиталомъ въ сто и двѣсти тысячъ рублей. Но тѣмъ не менѣе, такое ненормальное положеніе дѣ-

ла, такая искусственная структура служебныхъ отношеній старшихъ къ младшимъ заставляла многихъ уклоняться отъ выборовъ въ городскіе головы или въ ратманы и бургомистры.

Костюринъ хотя и былъ женатый, но бездѣтный человекъ и обладалъ весьма крупнымъ состояніемъ. При этомъ онъ имѣлъ у себя въ погребу цѣлую химическую лабораторію, при помощи которой творились чудеса: простое сантуринское—превращалось въ портвейнъ и въ хересъ; бѣлое вино—въ лафитъ и въ шабли; красное крымское—въ церковное вино и въ кагортъ; а изъ кизлярской водки дѣлались ромъ, коньякъ и даже джинъ англійскій, натуральный, какъ гласитъ этикетъ на бутылкѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность ежегодно приращать свой капиталъ и дѣлаться человекомъ, для котораго израсходовать ежегодно крупную сумму не составляло большой потери. А потому его-то и выгодно было выбирать нѣсколько разъ въ городскіе головы.

Какъ богатый человекъ, да еще и городской голова, Костюринъ ко всѣмъ относился болѣе чѣмъ фамильярно. Секретаря думы Линицкаго, за его медлительность, онъ называлъ Молніей, столоначальника хозяйственного стола—Варравой,

а дѣлопроизводитель имѣлъ прозвище — Строка. Такіе *surnom* Костюринъ любилъ давать всѣмъ и нерѣдко даже экспромптомъ человѣку въ первый разъ пришедшему къ нему по дѣлу. Не ушелъ отъ такого *surnom* даже прозекторъ университета, докторъ медицины Вилькомирскій, который былъ призванъ къ нему, какъ къ больному.

Прозвища, даваемые Костюринымъ своимъ подчиненнымъ чиновникамъ, настолько были всѣмъ извѣстны, что одинъ изъ купцовъ отдавалъ замужъ свою дочь и послалъ секретарю думы приглашеніе на свадьбу съ надписью на билетѣ: господину Молніи, секретарю думы. Что же касается просителей, то нерѣдко таковые приходили въ думу и спрашивали у служителя: а гдѣ здѣсь Варрава и Строка? Въ то время почти повсюду царили „простота сердечная и доброта безпечная“. Но въ управленіи думы, подъ фирмой С. К. Костюрина, простота царила во всей своей силѣ.

Я уже сказалъ выше, что Костюринъ постоянно сидѣлъ въ своемъ „Капернаумѣ“, куда и обращались къ нему по всѣмъ дѣламъ думы. У погреба всегда стояли его дрожки, которыя въ извѣстный часъ привозили изъ думы и отвозили обратно секретаря Молнію. Секретарь привозилъ съ собою кучу бумагъ для подписи уже рѣ-

шенныхъ дѣлъ. Иногда, вмѣсто того, чтобы собраться въ думу на засѣданіе, собирались въ „Капернаумъ“ и тамъ въ тихой бесѣдѣ, за очередной бутылкой лиссабонскаго вина и соленой закуской, рѣшались дѣла города, причемъ Молніи, совмѣстно съ Варравой, поручалось составить у себя дома протоколъ засѣданія, для надлежащей подписи. Изъ этого засѣданія думы немногіе уходили домой; большинство членовъ развозились по домамъ, такъ какъ послѣ продолжительныхъ и головолomныхъ словопреній, отцы города изнемогали и „яко жезлы отъ древа живого отсѣченные, лежали, силъ неимавши возстати“.

Въ „Капернаумѣ“ по дѣламъ думы стекались и подрядчики, бравшіе на себя подряды освѣщать городъ конопляннымъ масломъ или заваливать рытвины на улицахъ, вымытыя дождемъ.

Если какому либо обывателю или подрядчику нужно было получить отъ думы деньги, голова пользовался этимъ случаемъ, для чего поочередно въ Капернаумъ приносили деньги или Молнія, или Варрава, или Строка. При семъ, судя по суммѣ полученія, голова оставлялъ пять, десять и сто рублей въ пользу принесшаго деньги.

Такъ служили и радѣли о нуждахъ гражданъ отцы города и было въ тѣ годы

въ г. Харьковѣ все зѣло хорошо, чисто, прекрасно и безвредно...

С. К. Костюринъ очень уважалъ и чтить книгу „Житіе святыхъ отецъ“. Нерѣдко, сидя въ „Капернаумѣ“, онъ, въ назиданіе заблудшихъ овецъ, ставилъ въ примѣръ то одного, то другого святого.

Однажды, когда собрались въ Капернаумъ дѣловые люди, разсуждая о благоустройствѣ города, ставя при этомъ его совершенства въ примѣръ другимъ городамъ Россіи, былъ тутъ одинъ изъ подрядчиковъ, имѣвшихъ взять на себя подрядъ починки мостовъ и кладокъ. Лиссабонское, по очереди и черезъ узелки, шло своимъ чередомъ. Подрядчикъ истощалъ все свое краснорѣчіе на то, чтобы доказать, что онъ если что возьмется дѣлать, такъ сдѣлаетъ хорошо, по Божески. При этомъ онъ упомянулъ имя какого то святого, на житіе котораго онъ сослался, дабы придать авторитетность своему слову.

Спѣшу предупредить читателя, что Костюринъ, какъ русскій человѣкъ, не могъ обходиться безъ брани и крѣпкими словами пересыпалъ постоянно свою рѣчь не потому, что былъ сердитъ, а просто потому, что —

Брань нужна для русскаго народа:
Какъ соль ко щамъ, какъ сало къ кашѣ,
И всѣ отцы и дѣды наши,

Веселье-ль, свадьба-ль иль невзгода,—
Все словомъ крѣпкимъ каждый разъ встрѣчали
И бранью крѣпкою—обратно провожали...

— Ахъ ты подлецъ некрещенный!— возразилъ подрядчику председатель „Капернаума“.—Еще ты смѣешь равнять себя съ этимъ святымъ? Да знаешь ли ты, какъ этотъ святой умеръ?

— Знаю!—отвѣчалъ подрядчикъ.

— Ну, говори, если знаешь?—закричалъ повелительнымъ тономъ Костюринъ.

— Ему отрубили голову!—отвѣтилъ подрядчикъ, набравшійся храбрости подъ вліяніемъ лиссабонскаго вина.

— Ну, а если бы твою дурацкую голову стали рубить, чтобы ты сказалъ?—спросилъ его защитникъ правды.

Подрядчикъ, неожиданно для всѣхъ, сталъ на четвереньки передъ городскимъ головою.

— На! Руби!—смѣло и рѣшительно сказалъ подрядчикъ.

— Ну, хорошо! Стой-же такъ, пока я прийду!..

Костюринъ изъ длиннаго чубука потянулъ дымъ „вакттаба“ и, поднявшись съ своего мѣста, ушелъ въ погребъ.

Подрядчикъ остался ожидать его, стоя на четверенькахъ.

Всѣ находившіеся на засѣданіи въ Капернаумѣ, были поражены происходившимъ и не знали что предпринять.

Черезъ минуту—двѣ городской голова возвратился изъ погреба въ комнату и въ одной рукѣ его былъ длинный чубукъ съ дымившеюся трубкою, а въ другой рукѣ онъ держалъ бондарскій отточенный топоръ. Какъ ни были засѣдавшіе подвыпивши, но, увидавши топоръ, отрезвѣли.

— Ну-ка подставляй свой котелъ глиняный!—сказалъ Костюринъ стоявшему на четверенькахъ подрядчику.

— Руби!! — крикнулъ подрядчикъ и сталъ лучше на четвереньки.

Городской голова быстро спряталъ топоръ себѣ за спину, а чубукомъ съ дымившейся трубкой, такъ ударилъ по спинѣ подрядчика, что трубка слетѣла съ чубука, а подрядчикъ мгновенно вскочилъ на ноги.

Отсѣченіе головы закончилось гомерическимъ смѣхомъ, который вызвалъ складчину на лиссабонское вино и на закуску. Что же касается подрядчика, то

Какъ по вашему? По нашему, смыслентъ:
Упалъ онъ больно,—всталъ здорово!..

И подрядъ на починку мостовъ и кладокъ былъ оставленъ за нимъ...

Кладбище. Кажется нѣтъ другого мѣста, которое не было бы такъ печально, не носило бы на себѣ столько скорби и горя, какъ мѣсто вѣчнаго упокоенія людей.

Прадѣды и дѣды наши, были близкіе къ намъ, отцы наши и матери, братья и сестры, люди дорогіе сердцу нашему, прелестныя женщины—счастье дней нашей юности, очаровательныя дѣти—этотъ залогъ любви и счастья семьи—всѣ тамъ почили, всѣ на кладбищѣ обрѣли себѣ миръ и покой... И среди этой нѣмой тишины, среди этого облика смерти, молчаливо лежатъ цѣлыя страницы изъ жизни тысячей людей; цѣлые томы изъ исторіи дѣяній когда то жившаго человѣка. Кладбище—это архивъ, состоящій изъ разрозненныхъ листовъ и томовъ исторіи всего человѣчества. Въ молчаніи нѣмомъ листы эти и томы ожидаютъ того, который-бы пришелъ, прочелъ и разобралъ ихъ и составилъ бы изъ нихъ одну цѣлую и законченную книгу. И въ этой книгѣ, среди мертвыхъ, живой человѣкъ найдетъ отвѣты на цѣлую массу вопросовъ, такъ волнующихъ каждого человѣка, который въ борьбѣ и лишеніяхъ ищетъ на нихъ отвѣтовъ и падаетъ въ безсознаніи передъ сфинксомъ жизни, измятымъ въ когтяхъ его за то, что не сумѣлъ онъ отвѣтить на заданные имъ вопросы...

Люблю я иногда посѣтить старое кладбище. Среди могилъ, заросшихъ кустарникомъ, то здѣсь, то тамъ, всегда найдешь полустгнившую оградку или пошатнувшійся крестъ, на которыхъ сохранилась надпись, которая мгновенно переноситъ человѣка за сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ назадъ и онъ вновь начинаетъ переживать то, что казалось ему давно уже умершимъ и погребеннымъ.

Пробираясь однажды черезъ заросли вишняка и мелкаго березняка, когда то посаженнаго у дорогой могилы заботливой рукою, мнѣ пришлось найти надпись надъ могилою хорошо мнѣ извѣстнаго человѣка, съ которымъ связаны были моя юность и первые годы моей возмужалости. Павелъ Ивановичъ Середа, магистръ историко-филологическихъ наукъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, обладатель пятисотъ душъ крестьянъ и одинокій человѣкъ. Онъ жилъ постоянно въ Харьковѣ и чуть не пятнадцать лѣтъ на одной квартирѣ, на концѣ Николаевской улицы, и велъ жизнь кабинетнаго ученаго, котораго дверь всегда была открыта для студентовъ университета, которымъ онъ много помогалъ, для профессоровъ, а также для учителей гимназіи и вообще для развитыхъ людей того времени. Его всѣ любили за его умъ и благо-

родную душу. Павелъ Ивановичъ Середа велъ свою родословную отъ древнихъ запорожцевъ. Его предокъ былъ въ Запорожѣ тысячникомъ и управлялъ цѣлымъ станомъ. А во время послѣдней битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и живымъ зажаренъ на желѣзныхъ листахъ во время допроса. Павелъ Ивановичъ зналъ лично Тараса Григорьевича Шевченко и провожалъ его въ ссылку. Все это развило въ немъ непреодолимую любовь къ своей родинѣ, а развившееся въ то время, подъ вліяніемъ поэзіи Шевченко, украинофильство сдѣлало его поборникомъ идей, которыя не имѣли подъ собою никакой серьезной почвы. Середа любилъ свою науку и былъ преданъ ей всею душой. Онъ нѣкоторое время мечталъ занять при университетѣ каѳедру по исторіи и съ этою цѣлью вмѣсто диссертациі написалъ въ двухъ томахъ исторію Малороссіи. Но этотъ трудъ не могъ быть разрѣшенъ цензурою къ печати, и онъ сжегъ его собственноручно. Послѣ такой неудачи, онъ оставилъ всякіе помыслы о каѳедрѣ и, замкнувшись самъ въ себѣ, жилъ особнякомъ, чуждаясь семейнаго круга и женщинъ, которыя будто бы боялись его, какъ человѣка крайнихъ убѣжденій. Не могу сказать, насколько

правъ въ своихъ заключеніяхъ былъ Середа, но все же нельзя не сказать, что у него было немало хорошихъ сторонъ, хотя были и странности. Имѣя хорошее состояніе, онъ занималъ всего четыре комнаты и переднюю, тогда какъ могъ бы легко оплачивать квартиру въ десять комнатъ. Спальня, рабочій кабинетъ, залъ и комната для слуги составляли его квартиру, которая была безукоризненно чиста, но убрана безъ роскоши. Онъ говорилъ, что для чловѣка со средствами большой квартиры не должно быть. Но для слуги имѣть особую комнату въ то время считалось вольнодумствомъ. А къ этому повсѣху съ его стороны присоединилось еще и то, что онъ своего крѣпостного слугу, который когда то былъ его дядькой, самъ выучилъ грамотѣ и держалъ его на жалованьи. Все это шло, конечно, въ разрѣзъ съ общимъ режимомъ жизни.

— Почему вы не женитесь?—какъ то спросили его больного, когда онъ лежалъ одинъ и нуждался въ уходѣ за собою.

— Я не вѣрю въ возможность имѣть счастливый бракъ!—отвѣтилъ онъ, а жениться для того, чтобы на случай болѣзни пріобрѣсти себѣ сидѣлку,—это унижительно какъ для меня, такъ и для жены.

— Почему же вы думаете, что счастливаго брака быть не можетъ?

— По очевидной для всѣхъ причинѣ!—также спокойно отвѣтилъ онъ. Пока женщина не перестанетъ быть для насъ игрушкой, забавой, развлеченіемъ, чѣмъ хотите, но не чловѣкомъ, бракъ не можетъ быть счастливымъ.

— Жизнь холостяка безцвѣтна!—возражали ему на его отвѣтъ. Притомъ, чловѣкъ, любящій комфортъ жизни, можетъ достигнуть его только женившись.

— Какой матеріальный взглядъ на бракъ!—смѣясь отвѣтилъ онъ. Надо имѣть только деньги и безъ жены будетъ жизнь удобна и полна комфорта. Посмотрите, чѣмъ моя жизнь не хороша? У меня хорошій столъ, дорогія вина, чистая сервировка. Чего еще надо?

Когда я пріѣхалъ въ Харьковъ по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, я перваго посѣтилъ его. Онъ очень обрадовался, увидавши меня, и какъ любитель искусства, началъ разспрашивать у меня о моихъ успѣхахъ въ немъ и о мною видѣнныхъ картинахъ великихъ мастеровъ.

Узнавши, что я получилъ степень художника, Павелъ Ивановичъ поздравилъ меня.

— Ну, теперь и я и вы — мы болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ были прежде! — сказалъ онъ мнѣ и пожалъ дружески мою руку.

— Я очень радъ! — поспѣшилъ я отвѣтить. Но скажите, почему такъ?

— А потому, что мы оба теперь изображаемъ собою двѣ древнія монеты, которыя рѣдки и интересны, но для оборота никому не нужны...

На его горькое замѣчаніе, я ничего не сказалъ. Но когда я началъ свою художественную дѣятельность, я не разъ вспоминалъ его мѣткую остроту.

Прошелъ годъ, и я уѣхалъ за границу и разстался съ нимъ болѣе, чѣмъ на два года.

Возвратившись изъ-заграницы, я узналъ о Павлѣ Ивановичѣ кой-что необычайное и даже не повѣрилъ всему, что о немъ слышалъ.

Но когда я увидалъ его, я сразу узналъ, что все мною о немъ слышанное была правда. Одинъ его наружный видъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Я былъ съ нимъ знакомъ черезъ моего добраго и благороднаго гувернера Ф. И. Журковскаго, съ четвертаго класса гимназіи. Онъ держался постоянно стараго режима, и потому меня поразило, что за два года

жизнь человѣка могла такъ измѣниться, что русло ея приняло иное настроеніе, повернувъ подъ острымъ угломъ въ сторону...

Читатель помнитъ, что одинъ человѣкъ былъ сбитъ съ ногъ на Сумской улицѣ рысакомъ купца Медвѣдева. Онъ былъ настолько помятъ имъ, что слегъ въ постель и, пролежавши дней десять, — умеръ.

Нѣтъ человѣка, который-бы не былъ достоинъ, чтобы о немъ не сказали слова. Но Сергѣй Петровичъ Рѣдюгинъ достоинъ доброй памяти. Человѣкъ онъ былъ съ весьма ограниченными средствами, но весьма талантливый и честный. Окончивши курсъ въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, онъ извѣздилъ чуть не полъ Россіи, искавши себѣ мѣста и занятія по своей специальности, которую очень любилъ. Но такъ какъ въ то время заводская и фабричная производительность шла весьма тупо, а къ людямъ науки относились съ большимъ недовѣріемъ, то Рѣдюгинъ не нашелъ для себя ничего подходящаго и, наконецъ, основался въ Харьковѣ, который былъ для него не чужимъ, такъ какъ онъ тутъ родился.

Энергія его и способность къ изобрѣтательности, сдѣлали его человѣкомъ не

безъ странностей. Какъ Танталъ, онъ постоянно испытывалъ мученія и сдѣлался задумчивымъ, сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ и казался равнодушной толпѣ чело-вѣкомъ ненормальнымъ. А частое его обра-щеніе къ богатымъ купцамъ съ предло-женіемъ устроить заводъ или какую-либо фабрику возбуждало среди темнаго люда иронию и смѣхъ.

Вотъ этотъ то Рѣдюгинъ, сосредоточась самъ въ себѣ, идя домой отъ своего прія-теля, такого же горемыки, какимъ онъ былъ самъ, не услышалъ оклика ѣздока и попалъ подъ его сани.

— Я знаю, мнѣ ужъ не жить на землѣ, — сказалъ онъ мнѣ за нѣсколько часовъ до смерти. Мнѣ жаль только, что я не во вре-мя родился и умираю, какъ сухая вѣтка, никому не нужная!...

И крупная слеза скатилась съ его по-гасавшихъ глазъ.

Какъ то, бывши въ Будахъ, вблизи фа-янсоваго завода Кузнецова, мнѣ еще разъ пришлось вспомнить Рѣдюгина, который многимъ купцамъ предлагалъ открыть вбли-зи Харькова фаянсовый заводъ и показы-валъ глину, которую онъ нашелъ годною для этого дѣла. Но скорбитъ душа, когда память начинаетъ рисовать картину того униженія, какое пришлось ему однажды

перенести за такое предложеніе. Русский чело-вѣкъ всегда даетъ перевѣсъ своему чувству надъ разумомъ. И потому въ его поступкахъ нерѣдко приходится наблю-дать двѣ крайности: въ одномъ случаѣ онъ добръ до самоотверженія, въ другомъ — онъ равнодушенъ къ несчастью ближ-няго — до жестокости. Представитель банка или иного какого-либо торговаго учрежде-нія растратитъ непринадлежащія ему трид-цать — пятьдесятъ тысячъ денегъ, распла-чется передъ членами учрежденія, покло-нится имъ, и весь долгъ, всю учиненную имъ растрату, ему простятъ безъ пререка-ній и злобы. Въ другомъ случаѣ — не прос-тятъ бѣдняку-труженику трехсотъ рублей, и всего его продадутъ съ аукціона, безъ сожалѣнія и пощады... Эти явленія такъ заурядны, что о нихъ нѣтъ необходимости много говорить. Но есть еще болѣе жесто-кая черта у русскаго чело-вѣка, вытекаю-щая изъ того же источника — это, ради развлеченія, въ праздные часы, издѣваться надъ талантомъ и умомъ, подавленными безвыходною неудачею или бѣдностію. Прекрасно подмѣчена эта черта русскаго чело-вѣка нашимъ драматургомъ Остров-скимъ въ его пьесѣ „Шутники“ и худож-никомъ Прянишниковымъ въ его картинѣ „Гостинный дворъ“.

Такимъ издѣвательствамъ подвергался и Сергѣй Петровичъ Рѣдюгинъ.

Въ описываемые годы всѣ лавки и магазины не были отапливаемы и даже многіе изъ нихъ не имѣли стеклянныхъ дверей, почему въ задней части лавки или магазина имѣлась маленькая комнатка, въ которой хозяева заключали сдѣлки съ крупными покупателями и, чередуясь по сосѣдски, угощались водочкой и соленой закуской.

Въ посудной лавкѣ Олсуфьева, на Павловской площади, великимъ постомъ, сидѣла компанія, и одинъ торговецъ виномъ рассказывалъ съ плоскимъ комизмомъ о Рѣдюгинѣ, который предлагалъ ему устроить пивной заводъ. Всѣ смѣялись, и Рѣдюгинъ у всѣхъ не сходилъ съ языка. Вдругъ, къ общему удовольствію, является Рѣдюгинъ. Всѣ переглянулись и толкнули другъ друга. Рѣдюгинъ, скромный какъ дѣвушка, маленькій ростомъ, одѣтый не богато, отрекомендовалъ себя хозяину лавки технологомъ и положилъ на столъ какой то комъ, съ полпуда вѣсомъ.

— Лѣтомъ, живя въ деревнѣ, я нашелъ въ окрестностяхъ Харькова прекрасную фаянсовую глину, изъ которой можно съ успѣхомъ дѣлать прекрасную посуду. Не желаете ли, я могу устроить вамъ и пус-

тить въ ходъ фаянсовую фабрику?—сказалъ Рѣдюгинъ и, развернувъ бумагу, показалъ комъ глины.

— Позвольте!—спросилъ Олсуфьевъ.— Кто вы такой?

— Я технологъ!—отвѣчалъ Рѣдюгинъ.

— Это что же такое значитъ?—спросилъ Олсуфьевъ.

Рѣдюгинъ пояснилъ подробно, въ чемъ заключаются его спеціальныя знанія.

— Такъ-съ!—отвѣтилъ купецъ. Но позвольте же узнать, почему вы знаете, что эта глина годна для посуды?

Всѣ начали смотрѣть и пробовать глину, а Рѣдюгинъ началъ доказывать имъ достоинства ея.

Со всѣхъ сторонъ сыпались на него остроты. Рѣчь его перебивали различными возраженіями, и бѣдный Рѣдюгинъ, въ тѣ часы, походилъ на волка, окруженнаго собаками.

— Да что вы рассказываете!—грубо возразилъ одинъ изъ гостей. Этой глиной у меня бабы припечки мажутъ, а вы изъ нея хотите посуду дѣлать!...

Всѣ разразились гомерическимъ смѣхомъ. Рѣдюгинъ въ отчаяніи махнулъ рукой и вышелъ изъ лавки.

— Постой, постой! — раздались голоса вслѣдъ за нимъ. Возьми же свою фаянсовую глину! Ха, ха, ха!!...

Рѣдюгинъ не слушалъ ихъ и быстро удалялся отъ лавки по улицѣ.

Всю дорогу онъ шелъ разстроенный и громко говорилъ самъ съ собою.

А тѣмъ временемъ веселая компанія, довольная тѣмъ, что потѣшилась, расходилась по домамъ къ обѣду...

* * *

Старый вице-адмиралъ, баронъ фонъ Остенблютъ, получивши извѣстіе, что сынъ его съ невѣстой благополучно прибыли и вѣнчаніе уже началось въ храмѣ, приказалъ своему оркестру готовиться къ торжественной встрѣчѣ молодыхъ. Освѣтивъ залъ и всѣ комнаты, адмиралъ одѣлся въ парадную форму и, украсивъ грудь орденами, сталъ у входа въ залъ, для встрѣчи молодыхъ, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ. Любя сына, онъ радъ былъ его счастію, и, какъ одинокій вдовецъ, всегда любившій семью, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что его одиночество украсится семьей сына.

Молодые подѣхали къ парадному крыльцу и вошли въ залъ, залитый свѣтомъ

сотни стеариновыхъ свѣчей и карсельскихъ лампъ *)

Адольфъ былъ одѣтъ въ полный парадный костюмъ офицера конвоя Его Величества, а Марьямна была одѣта болѣе чѣмъ въ простое платье, въ которомъ она выѣхала изъ дома родителей. Но и въ этомъ простомъ нарядѣ, среди пышной обстановки зала, она не умалила своей красоты и диссонансомъ своего наряда завершала гармонию аккорда.

Какъ Нептунъ, украшенный сѣдой шевелюрой, напоминавшей бѣлую пѣну высокаго гребня девятого вала волны, стоялъ передъ молодыми маститый старецъ, принимая дорогихъ гостей хлѣбомъ-солью.

— Дочь моя! обратился онъ къ Марьямнѣ. Я въ первый разъ вижу тебя и уже люблю тебя также, какъ люблю сына своего. Я — осиротѣвшій старикъ. Прійми же меня — стараго моряка, и на конецъ дней моихъ, будь для сына другомъ, а для меня — тихою пристанью...

Старикъ обнялъ Марьямну и поцѣловалъ обѣ ея руки.

— Все, что ты видишь — твое! — сказалъ старый баронъ, указавши ей рукой на

*) Въ то время въ высшемъ кругу были приняты карсельскія лампы съ часовымъ механизмомъ, горѣвшія деревяннымъ масломъ.

окружающую ее роскошь. И мы оба къ твоимъ услугамъ! — смѣясь и кланяясь ей въ поясъ, прибавилъ вице-адмиралъ.

На другой день, молодой баронессѣ былъ представленъ цѣлый штатъ мужской и женской прислуги, предназначенной спеціально для нея.

По общему соглашенію, черезъ три недѣли былъ назначенъ балъ въ имѣніи барона и были разосланы билеты ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ губерніи, а также къ помѣщикамъ и къ купцамъ.

Афросинья назначена была смотрительницей за гардеробомъ и женской прислугой баронессы.

Марьямна была въ какомъ то опьяненіи отъ полноты своего счастья. Ея желанія исполнились съ полной предупредительностью и готовностью угодить ей. Она не могла не сознавать своего престижа въ домѣ и легко привыкала къ нему, какъ къ чему то законно ей принадлежащему.

Афросинья, привыкшая къ жизни купеческихъ семей, видя, какъ все преклонялось передъ молодой баронессой, начинала бояться за ее счастье.

Однажды жена священника спросила у Афросиньи, какъ живетъ баронессѣ въ деревенской глуши.

— Охъ, ужъ и не спрашивайте! — отвѣтила Афросинья. Она такая счастливая, что я испугалась бы такого счастья! А мнѣ все, вотъ, гребень-то ее, что она потеряла, не идетъ съ ума. Волосы, матушка, вѣдь, это — дорога жизни. А гребень, что день, эту дорогу чешетъ, да разглаживаетъ. А, вишь, его то она и потеряла. Безъ гребня то волосы путаются да въ комья сбиваются. Ну, какъ жизнь то ее спутается, да комчатая будетъ, и спаси Господи!...

Чтобы Марьямна не соскучилась, старый и молодой бароны начали конкурировать между собой въ придумываніи каждый день новыхъ развлеченій. Устраивалось катанье по льду рѣки, поѣздки на охоту, концерты, оркестры и *soirées musicales*, въ которыхъ сама Марьямна, какъ піанистка, принимала активное участіе. Казалось, будто съ умысломъ придумывалось все, что было необходимо для того, чтобы не дать ей ни минуты оставаться съ самой собою.

И ближніе ея, на перекуръ разсудку,
Всю жизнь ея старались превратить
Въ игру веселую или пустую шутку,
Во все, чѣмъ можно усыпить
Любви возвышенные чувства...

Какъ то Афросинья напоминала ей о ее отцѣ и матери, при чемъ рассказала ей, что она видѣла плохой сонъ.

— Ты вѣчно со своими предразсудками! отвѣтила ей Марьямна. Право, мнѣ ужъ это наскучило!...

И няня, сконфуженная отвѣтомъ счастливой баронессы, замолчала, глубоко вздохнувши.

Разставаясь въ своихъ воспоминаніяхъ съ Павломъ Ивановичемъ Середою, не могу не вспомнить о другомъ не менѣе сердечномъ человѣкѣ, — Павлѣ Ильичѣ Загибѣ, который былъ моимъ репетиторомъ по математикѣ и оставилъ въ душѣ моей самыя теплыя чувства любви и признательности къ нему. Онъ былъ извѣстенъ всѣмъ простымъ обывателямъ города, а также подгороднымъ крестьянамъ селъ — Ивановки, Жихаря, Куряжа, Немышли и Журавлевки, подъ именемъ Павла Загыбы. Его *sigillum vitae* весьма не сложно. Павелъ Ильичъ былъ родомъ козакъ, сынъ бѣднаго пономаря Полтавской губерніи. Учился онъ, какъ это и подобаетъ его званію, въ духовной семинаріи. Но учился онъ весьма плохо и, оставаясь по нѣсколько лѣтъ въ одномъ классѣ, только удваивалъ курсъ своего ученія. Это былъ завзятый лѣнтяй, какъ онъ часто самъ себя называлъ, и такого ученика семинарія давно

бы исключила за неспособность, но его спасъ отъ этого его дѣйствительно выдающійся голосъ — басъ. Оставляя въ сторонѣ его лѣность къ ученію, начальство семинаріи не разъ предлагало ему мѣсто діакона съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи, когда онъ изучитъ діаконскую службу, предоставить ему мѣсто протодіакона при кафедральномъ соборѣ. Павелъ Ильичъ соглашался на такое предложеніе, но иначе, какъ по окончаніи полного курса семинаріи. Не желая потерять въ лицѣ его весьма завиднаго протодіакона, начальство давало ему всевозможныя льготы при экзаменахъ и такимъ путемъ помогло ему окончить полный курсъ семинаріи съ должнымъ аттестатомъ.

Ему только этого и нужно было.

Павелъ Ильичъ Загиба, получивши аттестатъ, немедленно пріѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ въ университетъ на физико-математическій факультетъ, по отдѣленію чистой математики.

Въ университетѣ онъ оказалъ весьма завидные успѣхи и былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ въ своемъ отдѣленіи. Ему было предложено помѣщеніе въ общежитіи при университетѣ. Но, любя свободу и обладая энергіей къ труду, онъ отказался отъ предложенія, сдѣланнаго ему

университетскимъ начальствомъ, и жилъ на частныхъ квартирахъ, зарабатывая деньги на жизнь переводами и подготовленіемъ молодыхъ людей къ вступительному экзамену въ университетъ, что въ тѣ годы давало хорошіе заработки. Павелъ Ильичъ былъ характернымъ студентомъ того времени. Въ тѣ годы контингентъ студентовъ университета состоялъ преимущественно изъ сыновей богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ, или очень бѣдныхъ дѣтей разночинцевъ и духовнаго званія, привыкшихъ къ суровой жизни, какую только можетъ дать безвыходная бѣдность. Первые—дворяне и купцы—поступали въ университетъ преимущественно съ домашнею подготовкою подъ ферулой гувернеровъ и учителей гимназій и студентовъ. Вторые, по окончаніи гимназій или семинаріи, входили въ университетъ уже закаленными въ терпѣніи и настойчивости, готовыми безстрашно вступить въ борьбу съ жизнью. А потому, какъ первымъ была не страшна жизнь вслѣдствіе богатства ихъ родителей, такъ вторые пренебрегали нуждою и бѣдностью уже потому, что они съ пеленокъ видали ее, свыклись съ нею. Какъ бы на помощь всѣмъ этимъ бѣднякамъ всегда приходило въ тѣ годы богатое товарищество. Весьма часто богатый

помѣщикъ или сынъ купца, занимая хорошую квартиру въ нѣсколько комнатъ, давалъ у себя пріютъ двумъ, тремъ товарищамъ—бѣднякамъ и такимъ способомъ облегчалъ ихъ нужду. А такъ какъ дворянство того времени держало знамя своего достоинства на достаточной высотѣ, то общій тонъ, даваемый имъ, не могъ не вліять и на молодежь изъ бѣднаго сословія, вырабатывая въ ней сознаніе собственного достоинства. Въ тѣ годы, за весьма немногими исключеніями, среди студентовъ можно было встрѣтить такого, который, скрѣпя сердце, стерпитъ безъ возраженій, если его въ лицо назовутъ бѣднякомъ. Слово бѣдный—это было оскорбительное слово даже для самаго бѣднѣйшаго студента. И потому съ большою неохотою шли студенты на казенную стипендію, въ университетское общежитіе. Былъ однажды такой выдающійся случай, характеризующій студентовъ того времени. Однажды весьма богатый помѣщикъ, онъ же предводитель дворянства, Бахметьевъ, въ началѣ великаго поста прислалъ на имя ректора университета пятьсотъ рублей, съ просьбой найти трехъ бѣдныхъ студентовъ и выдать имъ поровну, въ единовременное пособіе. Инспекціей университета было вывѣшено объявленіе, по кото-

рому приглашались студенты въ инспекцію заявить о своей бѣдности. Но три недѣли висѣло объявленіе, и никто въ инспекцію не явился. Тогда сама инспекція, зная бѣдное состояніе нѣкоторыхъ студентовъ, выбрала изъ среды ихъ трехъ человѣкъ и пригласила таковыхъ къ ректору, который предложилъ имъ получить присланныя въ пособіе деньги. Но студенты обиженнымъ тономъ отказались получить пособіе.

— Мы не знаемъ, г. ректоръ, за что вы насъ обижаете, говоря намъ, что мы будто бѣдные?—обиженнымъ тономъ отвѣтилъ одинъ изъ нихъ ректору на его увѣщанія принять пособіе.

— Бѣдный тотъ, кто лишенъ всякихъ способностей, кто хронически боленъ и потому безсиленъ противостоятъ напорамъ жизни!—сказалъ другой студентъ. А мы, г. ректоръ, не бѣдны, если признаны цѣлымъ университетомъ достойными быть студентами. При этомъ мы здоровы и сильны.

Присланныя деньги г. Бахметьевымъ были отосланы въ благотворительное общество, такъ какъ среди студентовъ университета не оказалось ни одного бѣдняка, нуждающагося въ пособіи...

Такимъ бѣднякомъ, не признававшимъ бѣдности, былъ и Павелъ Ильичъ Загиба. Всегда веселый, живой и остроумный, всегда готовый поддержать товарища въ бѣдѣ и напасти, Павелъ Ильичъ былъ завзятый танцоръ, рассказчикъ анекдотовъ и любитель нескончаемыхъ споровъ. Поступивши въ университетъ, онъ изучилъ французскій и нѣмецкій языки, почему въ спорахъ всегда выказывалъ хорошія знанія не только отечественной, но и иностранной литературы. Однажды среди товарищей его подняли на смѣхъ за пристрастіе къ танцамъ и доказывали, что человѣку серьезнаго направленія не полагается увлекаться такими пустяками...

— Эхъ, вы, отжившіе жильцы земли!—возразилъ Загиба. Кто это вамъ преподалъ такую философію? Увлечение—это прообразъ молодости, это ключемъ бьющая жизнь. Только увлеченія вырабатываютъ изъ нихъ и людей науки, и корифеевъ высшаго искусства, и самоотверженныхъ гражданъ-героевъ. И такъ:

„Будемъ пѣть мы и плясать,
Будемъ спорить и кричать!
Въ пѣсняхъ, въ танцахъ и въ игрѣ,—
Точно въ утренней зарѣ,—
Залогъ свѣта жизни новой,
На подвигъ и любовь готовой!“

— Вотъ вамъ мой экспромтъ,—ура!!...

Такими и подобными имъ выраженіями и экспромтами всегда Павелъ Ильичъ отстаивалъ свои убѣжденія и взгляды на жизнь, а оставаясь побѣдителемъ, онъ стяжалъ себѣ среди молодежи право на любовь и первенство.

Когда то великій Гёте сказалъ: „Die jungen mus austoben“, — юность должна перебѣситься, — и, быть можетъ, по этому, Загиба, не зная куда и какъ израсходовать свою силу и избытокъ энергіи, любилъ богатырскія потѣхи и зимою, нерѣдко, принималъ участіе въ кулачныхъ бояхъ. Кулачные бои, или — какъ ихъ называютъ въ народѣ — кулачки, устраивались въ то время очень не рѣдко. Въ праздничные дни зимою, когда солнце клонилось къ западу и морозъ начиналъ крѣпчать, въ разныхъ мѣстахъ города собирался кучками народъ и забавлялъ себя кулачнымъ боемъ. Этотъ родъ забавы въ тѣ годы былъ общепринятымъ во всѣхъ городахъ и весяхъ земли русской, и потому я нахожу интереснымъ описать кулачные бои, происходившіе въ г. Харьковѣ, болѣе подробно.

Въ тѣ годы кулачные бои были общепринятымъ удовольствіемъ обывателей г. Харькова. За Маріинскимъ мостомъ, на

рѣкѣ Нетечѣ, у Барабашевой гребли, гдѣ въ настоящее время Кузнечный мостъ, у Сомовой гребли, гдѣ теперь садовое заведеніе г. Грикке, на льду, собирались кучками мальчишки и, какъ бы грѣясь на морозѣ, начинали угощать другъ друга кулаками. При этомъ, то одинъ, то другой изъ мальчиковъ подбѣгалъ къ прохожему и внезапно угощалъ его кулакомъ, почему пришлось. Получившій ударъ кулака, бросался на мальчика, который быстро убѣгалъ и такимъ маневромъ затягивалъ прохожаго въ кучу дерущихся. Такимъ способомъ увеличивалось число дерущихся и толпа доходила до внушительныхъ размѣровъ.

Среди кулачныхъ бойцовъ, существовалъ даже особый языкъ, лаконическій и понятный лишь тѣмъ, кто считался заправскимъ мастеромъ. Такъ, на примѣръ — дать блоху, — это значило ударить въ шею; пустить звонаря, — значитъ, дать ударъ въ ухо; положить гриба въ животъ, — значитъ, дать ударъ въ грудобрюшную преграду epigastris, и пр., и пр. Но на вышеупомянутыхъ мѣстахъ кулачные бои не были въ славѣ. Ихъ вообще называли куринными боями и въ дѣлѣ этого искусства эти бои играли роль, такъ сказать, среднихъ учебныхъ заведеній. Главная же арена кулач-

наго боя всегда составлялась на льду р. Лопани, вблизи Ивановской левады.

Тамъ собиралась толпа, состоящая не только изъ молодежи, но и старики принимали активное участіе въ этихъ кулачныхъ бояхъ. И отличившійся, когда либо, на таковомъ кулачномъ боѣ дѣлался извѣстнымъ, какъ герой, всѣмъ окрестнымъ окраинамъ г. Харькова. Такъ, кузнецъ съ Ивановки Титко, былъ признанъ всѣми за бойца, которому нѣтъ равнаго. Бои при Ивановской левадѣ назывались быками, и если кто былъ въ бою на быкахъ, — значитъ, имѣлъ силу.

Въ дни рождественскихъ праздниковъ толпа нерѣдко доходила до тысячи человекъ, такъ какъ ее составляли жители Холодной и Лысой горъ, жители подгороднаго села Ивановки и все населеніе Песокъ, съ цѣлымъ райономъ подгорной части, отъ Ключковской улицы, Панасовки, Кацарской и Чеботарской улицъ и кончая Конторской улицей. Жители нагорья и погорья участвовали въ бояхъ какъ бы двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна называлась Горой, а другая — Замостьемъ. Замостье шло противъ Горы, или же Гора брала штурмомъ Замостье. Битвы иногда доходили до такого ожесточенья, что стоны искалѣченныхъ и полуубитыхъ

потрясали воздухъ, и разогнать толпу уже не представлялось никакой возможности. Въ такихъ случаяхъ выѣзжала пожарная команда, и всю толпу обливала изъ трубъ водою до тѣхъ поръ, пока народъ не расходился. И тогда на оставленной толпою аренѣ боя лежали люди, истекающіе кровью съ подбитыми глазами и съ перебитыми челюстями.

„Любовь другъ къ другу позабывъ,
Вражду въ забаву превративъ,
Они, шутя, дерутся, нападаютъ
И землю кровью обгаждаютъ“...

Не обходились такія битвы и безъ того, чтобы кого либо изъ обывателей намѣренно не побили такъ, что онъ, пролежавъ нѣкоторое время, умиралъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

Слесарь Дюжановъ сватался къ дочери маляра Бунаковой, тогда какъ невѣста была болѣе расположена къ пряничнику Разовкину. Чтобы избавиться отъ соперника, Дюжановъ устроилъ такъ, что Разовкинъ былъ сильно избитъ въ кулачномъ бою и, прокашлявъ съ годъ, умеръ.

Но были и случайныя, ненамѣренныя, убійства. Такъ, однажды, дѣвица Мамкова, дочь сапожника, спасая своего жениха изъ горячей свалки, была убита ударомъ въ високъ и потоптана толпою.

Вотъ въ такихъ то бояхъ любилъ Загиба принимать активное участіе и особенно въ такихъ случаяхъ, когда Замостье ослабѣвало, а Гора брала верхъ.

Одѣвшись попросту въ народный костюмъ, Павелъ Ильичъ шелъ по направленію Ключковской улицы, къ мѣсту кулачекъ.

Устрашенные напоромъ Горы, обезсиленные бойцы возвращались съ битвы, разсуждая между собою о неудачно сдѣланной вылазкѣ. Но, увидавши Загибу, они бѣгомъ возвращались къ своимъ, чтобы оповѣстить, что Павло Загиба идетъ на помощь. И эта радостная вѣсть поднимала духъ храбрости и отваги у пораженныхъ Горою замостцевъ. Являлся Загиба и, какъ погасавшій костеръ вновь вспыхиваетъ отъ брошеннаго въ него горячаго матеріала, такъ начиналась ожесточенная борьба съ появленіемъ любимого бойца.

— А ну, хлопцы — козаки, — гоните Геру — въ нору! кричалъ полтавскій геркулесъ, и всѣ вновь бросались въ бой.

Таковы были физическая сила и вліяніе на толпу Загибы, и побѣда почти всегда оставалась за Замостью.

Надѣясь на свою силу и любя простоту жизни, Павелъ Ильичъ жилъ на Журавлевкѣ, откуда путешествовалъ каждый

день въ городъ, несмотря на невылазную грязь, на сугробы снѣга и на ужасную гололедь.

Тамъ же, на Журавлевкѣ, вблизи его квартиры, жила бублейница Мавра Стряпуха. А у нея была дочь Ульяна: краснощекая и круглолицая козачка, плѣнившая собою Павла Ильича, который съ отцовскою заботливостью занимался ея развитіемъ. Онъ выучилъ ее читать и писать, познакомилъ съ поэзіей Шевченка и Пушкина и даже выучилъ ее аккомпанировать на гитарѣ, такъ какъ Ульяна, или Уля, какъ онъ любилъ ее называть, любила пѣть народные пѣсни.

— А нашъ Загиба обворожилъ совсѣмъ Улю Стряпуху! какъ то, смѣясь, сказалъ одинъ изъ его товарищей.

— Nonny soit qui mal у pense! — серьезно отвѣтилъ Загиба на замѣчаніе товарища и погрозилъ пальцемъ.

— Ну, что скрывать — въ свою очередь возразилъ ему товарищъ. Вѣдь, ты не женишься на ней?

— А почему бы и не жениться? Она — мѣщанка, а по роду — козачка. А я кто? По роду — внукъ простого казака и сынъ бѣднаго пономоря. Вотъ и все.

— Да тутъ не въ родословіяхъ дѣло, а дѣло въ томъ, что ты не женишься на ней.

— А я вамъ говорю разъ навсегда, что Уля—моя невѣста, и потому прошу объ ней не говорить дурно!

И Загиба говорилъ серьезно. Онъ любилъ Улю и, развивая ее, готовилъ себѣ въ подруги жизни.

Но и Уля была предана ему всею открытою душой полудикарки, готовой, не задумываясь, умереть, если бы это оказалось необходимымъ для блага Павла Ильича, которому отдала она свою душу и сердце.

Быль праздничный день Масляной. Разгулъ народа принялъ широкіе размѣры, и полупьяная толпа, съ энергіей, сильно поднятою не въ мѣру выпитой водкой, собиралась на льду у Ивановской левады для кулачнаго боя. Уже мальчишки, отдѣлившись въ сторону, работали на разстояніи, заманивая прохожихъ къ бою. Кулачный бой крѣпчалъ. Толпа росла съ небывалою быстротой, и въ воздухѣ былъ слышенъ какой то зловѣщій гулъ отъ увѣсистыхъ кулаковъ и отъ паденія тѣлъ, неустоявшихъ отъ мѣткого удара, обезсиленныхъ бойцовъ. Вдали отъ боя, тамъ и сямъ, стояли жены, сестры и матери бойцовъ, которыя, то всхлипывая, то плача и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, дополняли густоту красокъ суроваго мо-

тива картины. Въ этотъ послѣдній день Масляной бой былъ ужасный. Гора брала верхъ надъ Замостьемъ и сильно тѣснила своихъ противниковъ по льду, по направленію къ городу, оставляя на брошенномъ ею мѣстѣ избитыхъ и полуживыхъ людей.

Замостьемъ, видимо, начинала овладѣвать паника. Многіе бѣжали съ мѣста битвы по направленію къ городу и, встрѣчая знакомыхъ, спѣшили сказать: „Замостье бѣютъ“ или „Гора взяла“. Такіе возгласы возбуждали энергію и злобу у прохожихъ, которые, забывая цѣль своего пути, поворачивали въ сторону и бѣжали ожесточенными, какъ бѣгутъ на пожаръ, по направленію къ кулачкамъ. Казалось, въ городѣ творилось что-то необычайное, и обитатели „Замостья“ дѣйствительно испытывали пораженіе отъ какого-то жестокаго непріятеля, съ которымъ недалѣе полудня того-же дня дѣлили хлѣбъ-соль и родственныя чувства. Уныніе, соединенное со страхомъ, охватывало душу cadaго обывателя, случайно дѣлавшагося свидѣтелемъ этой кулачной расправы. Особенно же удручающе вліяла эта картина на женщинъ и дѣтей, которыя бѣжали и плакали...

У Павла Ильича уже давно побывали его агенты и обстоятельно пояснили ему тяжелое положеніе Замостья. Одѣтый, по обы-

кновению, въ простой костюмъ, Загибашель медленно по улицамъ города, держа путь къ мѣсту кулачекъ. Но его давно уже ожидала на пути Уля и, присоединившись къ нему, начала просить, чтобы онъ въ этотъ день не шелъ на кулачки.

Павелъ Ильичъ! Заря ты моя румяная! Не ходи ты сегодня на кулачки—умоляла его Уля, останавливая Павла Ильича, не разъ и не два, на пути его. Павелъ Ильичъ утѣшалъ Улю, но не переставалъ приближаться къ мѣсту боя. Уже слышенъ былъ гулъ толпы, возгласы и стоны, время отъ времени потрясавшіе воздухъ. Уля крѣпко держала его за руку, но ея слезы и просьбы, какъ видно, начинали надоѣдать ему. Но вотъ вдали показалась густая толпа народа. Точно одно чудовищно—безформенное тѣло, съ тысячью головъ, волной колыхалось, передвигаясь по льду то въ одну, то въ другую сторону, и стонало.

Вокругъ этого чудовища, осwirѣпѣвшаго до безумія, то тамъ, то здѣсь, сидѣли и полулежали на снѣгу обезсиленные бойцы, съ окровавленными лицами и съ помятыми боками. Въ это время одинъ изъ убѣгавшихъ отъ побоища, увидавши Загибу, быстро подбѣжалъ къ нему.

— Павло, помоги, нашихъ быють!!—крикнулъ онъ Загибѣ.

Недоставало этихъ словъ отчаянія и мольбы, чтобы заставить Павла Ильича ринуться въ бой, отдавшись борьбѣ безповоротно. Онъ быстро оттолкнулъ Улю, державшую его за руку, и смѣшался съ толпой, походившей на черную, грозовую тучу...

На сцену нашего повѣствованія является новая личность, сыгравшая трагическую роль въ общемъ теченіи разсказа.

На Сумской улицѣ, домъ, нынѣ состоящій подъ номеромъ двадцать четвертымъ, въ то время принадлежалъ дворянину Броневскому, который продалъ свое имѣніе, купилъ въ городѣ вышеуказанное мѣсто, выстроилъ домъ, и теперь существующій, въ одинъ этажъ, и открылъ каретное заведеніе. Это былъ въ то время, среди дворянъ, своего рода феноменъ. По срединѣ двора было устроено нѣсколько кузень, а по сторонамъ ихъ—мастерскія. Каретное заведеніе Броневского въ то время было лучшимъ заведеніемъ на весь югъ Россіи. Его работы кочь-кареты и коляски конкурировали съ экипажами вѣнскими. У этого Броневского, въ числѣ многихъ рабочихъ и мастеровъ, жилъ знаменитый кузнецъ Захаръ Сорока,

который извѣстенъ былъ не только какъ искусный кузнецъ, но и какъ силачъ, отличавшійся въ кулачныхъ бояхъ.

За послѣднее время Захаръ Сорока почти не участвовалъ въ кулачныхъ бояхъ. Его однажды одолѣлъ Павелъ Ильичъ и, сваливши подъ себя, не далъ ему возможности вывернуться и стать на ноги. Этотъ поединокъ поколебалъ его славу, и среди народа ходилъ о немъ такой рифмованный отзывъ:

„Силень былъ Захаръ Сорока,
Пока Павло не далъ ему урока“...

Уязвленное самолюбіе силача развило въ душѣ его затаенную злобу къ сопернику Загибѣ. А къ этому инциденту присоединилось еще и чувство любви къ краснощекой Ульянѣ Стряпухѣ. Онъ задумалъ послать къ ней сватовъ и получилъ на свое предложеніе отказъ.

Самолюбіе Захара вспыхнуло неугасимымъ пламенемъ. Онъ увидалъ въ лицѣ Павла Ильича какое то чудовище, которое легло на его жизненномъ пути и отнимаетъ у него не только славу, какъ бойца, но и право на счастье съ любимой женщиной. Не трудно вообразить, что при такихъ неудачахъ способенъ сдѣлать полудикарь-человѣкъ, стоящій по развитію на первыхъ

степеняхъ цивилизаціи?... Что способенъ сдѣлать кузнецъ Сорока?...

Захаръ Сорока порѣшилъ въ душѣ своей убить Загибу и этимъ путемъ достигнуть двухъ цѣлей: жениться на Ульянѣ и опять сдѣлаться первымъ силачемъ на все Замостье.

Сорока, какъ и Загиба, по мѣсту жительства, принадлежалъ къ Замостью, но на этотъ день перешелъ на сторону Горы, предложивши ей помочь одолѣть Загибу. Такое предложеніе было принято Горою съ восторгомъ, и въ день кулачнаго боя, который мною описанъ выше, Захаръ сидѣлъ, не тратя напрасно своихъ силъ, въ сторонѣ отъ боя и выжидалъ появленія Загибы.

Движимый неудержимою злобою къ ненавистному сопернику, Захаръ Сорока выковалъ себѣ въ кузнѣ короткій и тупой гвоздь, съ большою, въ старинный пятакъ величиною, шляпкою, грибовидной формы. Зажимая тупой конецъ такого гриба въ кулакъ и, такимъ образомъ, дѣлая на вершинѣ кулака металлическую площадь, боецъ пускалъ это орудіе въ ходъ и, конечно, оставался побѣдителемъ, хотя такіа орудія шли въ разрѣзъ съ правилами кулачнаго боя и строго запрещались кодексомъ кулачнаго права. Но вотъ Павелъ

Ильичъ, какъ мы уже знаемъ, вступилъ въ бой, и радостный крикъ замостцевъ огласилъ воздухъ. Несмотря на усталость и на одолѣвавшее толпу уныніе, энергія у всѣхъ сразу поднялась и силы возросли до тахитим'а. Гора заколебалась и быстро начала слабѣть. Многіе уже оставили мѣсто боя и убѣгали. Въ это время Захаръ Сорока вмѣшался въ толпу и съ свѣжими силами вступилъ въ бой. Направо и на лѣво отъ его руки валялись люди, по которымъ, точно по мосту, шла толпа, напирая вновь съ неудержимой силой на Замостье. Еще два-три поворота, еще одинъ-два удара и.... Павелъ Ильичъ Загиба, какъ снопъ, падаетъ отъ руки Сороки. Гора залилась восторгомъ рукоплесканій, а Замостье, пораженное паникой и потерявшее своего любимца и надежнаго бойца, съ крикомъ и визгомъ стало разбѣгаться. Сорока мгновенно скрылся. Еще три-пять минутъ и бойцы Замостья разбѣжались; бойцы Горы разошлись по домамъ, и только избитые и изувѣченные лежали тамъ-сямъ на льду и свидѣтельствовали о томъ ужасномъ спортѣ, который многимъ стоилъ жизни, безъ права на премію и награду.... Среди этихъ избитыхъ, лежалъ, едва дыша, и Павелъ Ильичъ Загиба. Уля первая прибѣжала къ своему любимцу, и, преклонивъ

передъ нимъ колѣна, обливала его горячими слезами. Нѣсколько человѣкъ студентовъ изъ его пріятелей, которые все время слѣдили за ходомъ кулачнаго боя, унесли своего товарища домой, для подавнiя медицинской помощи.

На другой день по городу разнеслась молва, что на кулачкахъ убили какого-то человѣка. Въ то время слухи о происшедшемъ, подобно бактеріямъ, размножались съ быстротою, достойною удивленія. Но среди бессмысленной кучи вымысловъ была и правда, которая называла по именамъ и Загибу, и Сороку кузнеца, но такъ какъ ложь своимъ количествомъ вариантовъ и вымысловъ превышала правду, то никто не зналъ ничего обстоятельно, и спустя два-три дня о происшедшемъ перестали говорить.

Между тѣмъ, Павелъ Ильичъ не на шутку слегъ въ постель и, несмотря на тщательный за нимъ уходъ товарищей и Ульяны, а также на медицинскую помощь, не выздоравливалъ.

Пролежавъ три недѣли, онъ въ концѣ февраля мѣсяца умеръ на рукахъ своей Ули, прося ее молиться о немъ....

Прошло пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Павла Ильича Загибы. Но и полъ вѣка

времени не изгладили въ душѣ моей симпатичной и достойной любви образъ этого талантливаго, добраго и съ откровенной душой казака, какъ онъ любилъ себя называть. Доживая дни свои среди современной молодежи и слыша нерѣдко ея сѣтованія на жизнь и отчаянныя рѣшенія крайняго пессимизма, мнѣ приходятъ на память взгляды на жизнь этого веселаго и трудолюбиваго бѣдняка, который любилъ науку и жизнь,—одною силою ненадломленнаго чувства. Путь его жизни былъ устанъ надеждами на все хорошее и благое. И становится жаль, что эти люди энергіи и жизни сошли со сцены.

А что же случилось съ Улей?...

Много и много лѣтъ спустя, въ одну изъ пятницъ великаго поста, у паперти одного изъ храмовъ Харькова, мнѣ пришлось встрѣтиться съ Ульяной Власьевной Стряпухиной, бывшей невѣстой Павла Ильича Загибы. Среди цѣлаго ряда торговекъ, продававшихъ бублики людямъ, выходившимъ изъ храма, послѣ исповѣди, стояла у лотка пожилая женщина, а возлѣ нея стояла лѣтъ шестнадцати красивая дѣвушка, съ ея же лотка предлагавшая бублики говѣльщикамъ. Эта дѣвушка сильно напомнила мнѣ Улю въ тѣ ея годы цвѣтущей молодости, когда я зналъ ее невѣстой казака

Загибы. И только это разительное сходство заставило меня обратить особенное вниманіе на стоявшую возлѣ нея старую женщину. По чертамъ лица этой женщины я узналъ, что это была сама Ульяна Стряпухина, мать молодой дѣвушки, стоявшей возлѣ нея.

Я разговорился съ нею, и она не замедлила возстановить въ своей памяти меня такимъ, какимъ она знала меня въ лучшіе дни своей молодости.

— Ну какъ же вы поживаете?—спросилъ я Ульяну, обрадованный неожиданною встрѣчею съ старой знакомкой.

Да что тутъ говорить?—отвѣтила мнѣ Ульяна на малороссійскомъ языкѣ. Что было—то прошло, да только не забылося. Вотъ видите, какъ я состарилась? На старую рѣпу похожа стала. А что же подѣлаешь? Надо жить, когда Богъ того требуетъ!...

— Вы замужемъ?—спросилъ я и посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, стоявшую возлѣ нея.

— Нѣтъ! Послѣ Павла Ильича какое же замужество?—вздохнувъ глубоко, отвѣтила мнѣ Ульяна, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— А это, вѣроятно, сестра ваша?—спросилъ я, указывая на молодую дѣвушку.

— Нѣтъ! Это моя родная дочь!—отвѣ-

тила Ульяна и, помолчавъ немного, прибавила:—мы теперь вдвоемъ съ нею, какъ пара голубковъ, жизнь проводимъ.

„У всякаго своя доля, да кто ѳи знаетъ,
У всякаго своя воля, да кто ѳи має“.

— Да, такъ вотъ и мы съ нею—ни доли, ни воли не знаемъ, и только Богъ наша надежда! А що було—то загуло,—закончила Ульяна малороссійской фразой и сѣла у своего лотка, призадумавшись.

Мнѣ жаль стало тревожить ея старыя и все еще не зажившія раны. Я поспѣшилъ проститься съ нею и пошелъ своею дорогой.

Кому неизвѣстна тяжелая тогдашняго времени воинская повинность? Попадавшій въ солдаты навсегда разставался съ семьею и съ роднымъ угломъ. Только черезъ двадцать пять лѣтъ онъ получалъ полную отставку и могъ возвратиться на родину. Но черезъ промежутокъ такого времени, по истеченіи четверти вѣка, кого-же онъ находилъ на своей родинѣ? А если мы примемъ во вниманіе, что въ то время войны были гораздо чаще, и на Кавказѣ война нескончаемо тянулась цѣлые годы, то станетъ понятнымъ, что черезъ двадцатишестилѣтній періодъ времени немногіе оставались въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были сда-

ны въ солдаты. Такая тяжелая воинская повинность развила среди народа стремленіе всѣми правдами и неправдами обойти ее. И вотъ, по существовавшимъ тогда правиламъ, желающіе поступить въ солдаты могли добровольно продавать себя вмѣсто человѣка, состоявшаго на очереди. Семья, желавшая поставить солдата вмѣсто сына, стоявшаго на очереди, нанимала такого человѣка за двѣсти или триста рублей, который добровольно за эту сумму шелъ въ солдаты. Нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ добровольно шли въ солдаты или, какъ ихъ называли въ Малороссіи, „наймиты“, люди, которымъ нечего было терять, которые ославили себя дурнымъ поведеніемъ и составляли сорный элементъ среди трудолюбивыхъ обывателей городовъ и деревень. Среди ихъ были и такіе, которыхъ сельскія общества принуждали уходить изъ ихъ среды и даже содѣйствовали пріисканію для нихъ нанимателей. Это были непробудные пьяницы, завзятые воры, конокрады, буяны, истязатели своихъ женъ и дѣтей, заподозрѣнные въ поджогахъ,—словомъ, люди самой низкой нравственности и потому во всякомъ родѣ нежелательные члены какъ городскихъ, такъ и сельскихъ обществъ. Въ виду этого нанять за себя „наймита“—это еще

не значило успокоить себя, такъ сказать, благополучно. покончить дѣло съ этимъ вопросомъ. Договоръ съ наемщикомъ составлялъ всегда только прологъ къ многоактной трагикомедіи. Трагикомедія начиналась за двѣ недѣли до сдачи наемщика въ рекруты. Кромѣ условной суммы денегъ, наемщикъ всегда выговаривалъ себѣ право, передъ сдачей его въ рекруты, покутить и пображничать насчетъ своихъ нанимателей. Онъ ходилъ по городу или по селу въ сопровожденіи семьи, нанявшей его, съ музыкантами, которые должны были играть на всякомъ мѣстѣ, по его приказанію. Наемщикъ, полупьяный, шатаясь по улицамъ города, заходилъ въ мелочныя лавки, въ кабаки, въ ренсковые погреба и требовалъ для себя вина, закуски, водки и разныхъ лакомствъ. Кой что ѣлъ и пилъ, кой что только пробовалъ и вслѣдъ за симъ разбрасывалъ все по полу и по улицѣ. Нанявшіе его въ рекруты обязаны были безпрекословно платить за все деньги. Всякая, возникавшая въ его головѣ, мысль мгновенно приводилась имъ въ исполненіе. Вдругъ, среди площади, желалось ему сѣсть и играть въ карты. И всѣ его провожавшіе садились и играли съ нимъ въ карты. Въ другомъ мѣстѣ, ему желалось, чтобы подъ скрипъ музыки всѣ его провожатые плясали

„журавля“. И танцы начинались. Проходя на базарѣ мимо лавки съ чернымъ товаромъ и увидавши стоящій у лавки на землѣ, въ большомъ и мелкомъ жбанѣ (перерѣзѣ) деготь, „наймитъ“ прыгалъ въ жбанъ и, стоя въ дегтѣ по косточку, плясалъ въ немъ подъ музыку, расплескивая деготь во всѣ стороны. Провожавшіе его должны были безпрекословно платить за разлитый имъ деготь. Иногда причудливыя требованія и выдумки наймита доходили до такихъ размѣровъ, что переходили въ издѣвательство надъ членами семьи, его сопровождавшей. Нежданно-негаданно, вдругъ наймитъ бралъ въ лавкѣ котелокъ, въ которомъ косари варятъ себѣ кашу, или деревянное ведро, надѣвалъ ихъ на голову старухи-матери семьи и приказывалъ ей идти впередъ, приплясывая. А затѣмъ, онъ самъ снималъ съ головы котелокъ или ведро и разбивалъ его объ землю. И такъ каждый день, и такъ цѣлыя двѣ недѣли, до сдачи наймита въ солдаты. За эти роковыя и полныя скорби двѣ недѣли, семья настолько ослабѣвала отъ нравственныхъ страданій, что требовались мѣсяцы, чтобы страдальцы пришли въ прежнее положеніе. За эти двѣ недѣли израсходывались и физическія силы членовъ семьи, такъ какъ не было ночи, которую они могли бы провести въ безмя-

тежномъ снѣ. Я уже выше сказалъ, на какомъ низкомъ нравственномъ уровнѣ стояли вообще всѣ наемники въ солдаты. И потому имъ нельзя было довѣряться, ни въ одномъ словѣ.

Семья, нанявшая „наймита“, не могла поручиться, что онъ, нагулявшись на ея счетъ до отвала, не уйдетъ отъ нея, пользуясь темнотою ночи и отсутствіемъ должнаго за нимъ надзора. Поэтому каждый изъ семьи по очереди не спалъ по ночамъ и сторожилъ его.

„Наймитъ“ представлялъ собою полную распушенность и разнузданность нрава, доведеннаго до болѣзненныхъ проявленій воли и разума. Среди дикихъ индійскихъ племенъ, есть и теперь еще обычай приносить своимъ богамъ человѣческія жертвы. Человѣкъ, предназначенный въ жертву богамъ, обыкновенно, пользуется полною свободою и ему всякій изъ вѣрующихъ обязанъ все давать по его требованію, все ему прощать за сдѣланную обиду и служить ему, если онъ того потребуетъ. Его кормятъ, поятъ до отвала, онъ считается, по ихъ вѣрованіямъ, „табу“, то-есть „богами избранымъ“, и потому, — неприкосновеннымъ, священнымъ... Нѣчто подобное представлялъ собою „наймитъ“ во всей Малороссіи, и старожилы Харькова, думаю, помнятъ хо-

рошо этотъ тяжелый и полный безобразія типъ наемнаго рекрута, который въ тѣ годы нерѣдко оглашалъ улицы городовъ и селъ своими криками и безобразнымъ разгуломъ...

Что касается воспитанія и образованія юношества, то среди именитыхъ и богатыхъ дворянъ оно шло по разъ намѣченному шаблону. Помѣщики отдавали своихъ дочерей въ институтъ или же въ частный пансіонъ. Мальчиковъ отдавали преимущественно въ кадетскіе корпуса, такъ какъ военная карьера считалась лучшею и болѣе достойною для дворянина. Юношей иногда отпускали въ университетъ, или же опредѣляли въ привилегированныя учебныя заведенія, судя по рангу и чину. До поступленія въ какое либо учебное заведеніе, какъ мальчики, такъ и дѣвочки пользовались домашнимъ воспитаніемъ подъ феллоу гвернеровъ, гвернантокъ и различнаго рода педагоговъ и боннъ, преимущественно иностраннаго происхожденія.

Богатое купечество въ дѣлѣ приобрѣтенія культуры не мало обязано дворянству. Купцы всегда старались подражать именитымъ и богатымъ дворянамъ и съ нихъ брали примѣры, по крайней мѣрѣ для упорядоченія внѣшней стороны своей жизни.

Поэтому нерѣдко можно было встрѣтить, что едва грамотный купецъ, самъ жившій простою жизнью, велъ своихъ дѣтей на дворянскій ладъ и радовался, когда сынъ кончалъ университетскій курсъ образованія. Купеческія дочери воспитывались въ лучшихъ пансіонахъ или въ институтѣ. Въ домѣ обстановка была по послѣдней модѣ: на кухнѣ всегда былъ поварь, въ пріемной—лакей, для доклада; элегантные экипажи и вечера съ музыкой дополняли картину домашняго быта купца того времени. При дѣтяхъ были гувернеры и гувернантки, а французскій языкъ безъ умолку былъ слышенъ среди возраставшей молодежи. Но если помѣщикъ, по словамъ поэта, наблюдалъ жизнь „изъ окна своей кареты“, то купецъ изучалъ жизнь дворянъ, сидя у дверей своей лавки. Онъ, въ большинствѣ случаевъ, бралъ отъ дворянъ лишь внѣшнюю сторону ихъ пышной жизни, упуская то, что достойно было подражанія. При этомъ, нельзя не отмѣтить, что въ средѣ купечества лежала тяжелою тѣнью наклонность подражать дворянству въ его крѣпостническихъ отношеніяхъ къ людямъ, стоявшимъ по положенію своему въ зависимости отъ него. Я говорю о приказчикахъ и о прислугѣ, которые проводили дни своей жизни подъ тяжелымъ ярмомъ гнета.

Семья русскаго купца, по существу своему, всегда гостепріимная и хлѣбосольная., добродушная и отзывчивая къ нуждамъ ближняго, такимъ подражаніемъ нерѣдко нравственно калѣчила себя, теряя свои незамѣнимыя и дорогія качества.

Въ тѣ годы содержать частный пансіонъ было весьма выгодною профессіей. Для того, чтобы отдать сына или дочь въ пансіонъ на полное содержаніе, нужно было платить въ годъ отъ семисотъ до тысячи рублей. При этомъ требовалось, чтобы пансіонеръ или пансіонерка принесли въ даръ пансіону: одну серебряную ложку, ножъ и вилку, шесть салфетокъ и двѣ скатерти. Если мы примемъ во вниманіе, что въ пансіонѣ, имѣвшемъ хорошее реноме, было не менѣе двухсотъ учащихся, то у насъ получится въ одинъ разъ двѣсти паръ ножей, двѣсти серебряныхъ ложекъ, сто дюжинъ салфетокъ и болѣе тридцати трехъ дюжинъ скатертей. Не слѣдуетъ забывать, что въ пансіонахъ серебряныя ложки замѣнялись мельхіоровыми, ножи нерѣдко попадались безъ колодочекъ, вилки — безъ острій, салфетки были убраны латками, а скатерти имѣли большія вставки. Интересно знать, гдѣ хранилась эта масса новыхъ ложекъ, ножей, салфетокъ и пр. инвентаря, приносимаго въ даръ пансіону учащимися?...

Помѣщики, обыкновенно, давали въ услуженіе для своихъ дѣтей мальчиковъ или горничныхъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ и, кромѣ того, ежегодно, къ Рождеству и къ празднику Пасхи, присылали цѣлыми подводами масла, гусей, утокъ, мукъ, сало и проч. продукты деревенскаго хозяйства. А дѣти купцовъ привозили въ подарки начальникамъ пансіоновъ головами сахаръ, фунтами чай и кофе, столовое вино, конфекты, пряники, пастилы разныхъ сортовъ и даже варенье домашняго приготвленія. Если, ко всему сказанному, мы прибавимъ, что ежегодно именины начальника или начальницы пансіона сопровождались дорогими подарками отъ учащихся, которые преподносились съ затаеннымъ желаніемъ цѣнностью своего подарка превзойти своихъ товарищей и подругъ, то передъ нами сама собой рисуется картина цѣлаго вороха приношеній на алтарь жрецамъ Минервы.

Что касается ученія и жизни учащихся, то они учились и жили согласно требованіямъ педагогіи, гігіены и медицины...

Для большинства городскихъ учащихся семидневная недѣля превращалась въ четырехдневную. Затѣмъ, слѣдовали: именины бабушки, дѣдушки, тетеньки, дяденьки, ма-

меньки и тятеньки, которые строго соблюдались, какъ великіе дни праздниковъ. Особенно частые перерывы ученія были въ обычаѣ въ женскихъ пансіонахъ. То отъ усиленной умственной работы болѣла голова, то развивался упадокъ силъ и годовой врачъ дома оставлялъ барышню дома дня на два и болѣе того. Но такое умѣншеніе числа дней въ недѣлѣ никогда не вліяло на успѣхи ученицъ и на переводные экзамены. Всѣ знали свои уроки и блестяще отвѣчали на экзаменахъ. Никто не оставался на второй годъ въ томъ же классѣ. Пансіоновъ было много, но я останавлиюсь на двухъ лучшихъ пансіонахъ, которые въ то время пользовались особеннымъ довѣріемъ и любовью со стороны жителей города. Пансіонъ мадамъ Ларенсъ и пансіонъ Метленкамфъ — это были два лучшихъ частныхъ пансіона. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшимъ женскимъ училищемъ того времени безспорно былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. При всей замкнутости какого то монастырскаго режима, въ немъ строго выполнялась учебная программа, находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора по учебной части. Окончившія курсъ дѣвицы выходили съ знаніемъ исторіи литературы, исторіи всеобщей и русской, закона Божьяго и французскаго языка. При

этомъ, большинство изъ институтокъ прекрасно играли на роялѣ.

Два вышеупомянутыхъ частныхъ пансіона въ своемъ направленіи, а также въ преслѣдованіи цѣлей въ дѣлѣ воспитанія, не отличались одинъ отъ другого, хотя, казалось, шли по разнымъ дорогамъ.

Пансіоны эти не придавали особенно важнаго значенія научнымъ знаніямъ. Но пансіонъ Ларенсъ обращалъ особенно строгое вниманіе на практическое знаніе французскаго языка и на умѣніе дѣвицъ держать себя въ обществѣ, выражать свои чувства, говорить, ходить, встрѣчать гостей и прощаться съ ними. Затѣмъ, придавалось весьма серьезное значеніе умѣнію красиво одѣться и вообще ревниво смотрѣть за своею внѣшностью. Пансіонерки пансіона Ларенсъ были тщательно удаляемы отъ всего, что могло ихъ навести на ненадлежащія мысли или на пріобрѣтеніе какихъ либо словъ, принадлежащихъ къ лексикону дѣвичьей или кухни.

Каждое утро дѣвица, вышедшая вполне одѣтою изъ дортуара, или пріѣхавшая изъ дома родителей, какъ полупансіонерка, прежде чѣмъ войти въ общій залъ или въ классъ, должна была представиться начальницѣ для надлежащаго ея осмотра. Малѣйшее упущеніе въ костюмѣ или легкое от-

ношеніе къ своей физіономіи подвергало дѣвицу строгимъ замѣчаніямъ со стороны заботливой маман.

Всѣ объясненія и разговоры шли на французскомъ языкѣ и потому, спѣшу сказать, воспитанницы пансіона Ларенсъ, послѣ институтокъ, считались хорошо умѣвшими говорить по французски.

— Ахъ, милая, — говорила маман, осматривая лицо и костюмъ дѣвушки. Какъ ты забываешь мои приказанія? Я уже не разъ говорила тебѣ, что это очень неприлично имѣть дѣвицѣ усы. А у тебя — посмотри — опять начинаютъ пробиваться усы. Надо ихъ выкатывать мякишемъ изъ хлѣба.

— Простите, маман! — робко отвѣчала сконфуженная дѣвица. Очень больно вырывать волосы, хотя бы и хлѣбомъ.

— А что же дѣлать, моя милая? Для того, чтобы быть хорошенькой, можно претерпѣть и не такія муки.

И ученица уходила сконфуженною.

— А ты, моя дорогая! — обращалась начальница къ другой воспитанницѣ. Что это у тебя брови точно щетина торчатъ? Надо ихъ приглаживать какъ можно чаще и даже фиксатуарить!

И дѣвица дѣлала низкій реверансъ и преклоняла свою голову въ знакъ покорности.

— А съ тобой, моя милая, я ужъ не знаю, что и дѣлать,—обращалась начальница къ дѣвицѣ, пріѣхавшей изъ дома родителей. Ну, посмотри, какой у тебя шевелюръ. Онъ тебѣ совсѣмъ не идетъ. У тебя круглое лицо, и потому тебѣ надо убирать свою голову высокою прической, а ты—напротивъ—украшаешь ее круглой кренировкой. И выходитъ, что ты изъ своей головы дѣлаешь какую то тыкву. *C'est à mauvais ton!*

— Да это, *maman*, моя горничная не умѣетъ чесать!—смѣло и не задумываясь отвѣчаетъ дѣвушка. Она такая дура!...

— Что, что, что? Ай, ай, что ты говоришь? Вообще, *mes chères enfants*, помните и не забывайте! Дѣвица должна строго слѣдить за своею красотою, которая должна проявлять себя во всей ея жизни, во всѣхъ ея движеніяхъ. Дѣвица должна быть скромна, тиха, почтительна и наивна, какъ безгрѣшное дитя, какъ неземное существо. Ея реверансъ, ея улыбка, или неожиданно зардѣвшійся румянецъ на щекахъ,—все цѣнится дорогою цѣною. Если дѣвица не будетъ знать, гдѣ находится городъ Стокгольмъ, или забудетъ табличку умноженія,—ей это простятъ. Но если она будетъ проста въ обращеніи; если она не будетъ умѣть говорить по французски или не сумѣетъ

одѣть и причесать себя такъ, какъ ей идетъ къ лицу,—этого никогда ей не простятъ. Такая дѣвица весьма легко можетъ остаться въ дѣвушкахъ навсегда, несмотря даже на свое богатство... Помните это и идите заниматься, а въ пятницу всѣ пріѣзжайте вечеромъ ко мнѣ на *soirée avec manœuvre*...

Дѣвицы, выслушавши наставленія своей начальницы, дѣлали почтительнѣйшій реверансъ, цѣловали руку своей *maman* и уходили въ классъ, въ ожиданіи своихъ учителей.

М-me Ларенсъ приказала своимъ воспитанницамъ съѣхаться къ ней въ пятницу вечеромъ, на *soirée avec le manœuvre*.

Считаю необходимымъ пояснить смыслъ и значеніе этихъ вечеровъ, которые назначались время отъ времени, раза два—три въ продолженіе учебнаго года.

На такіе вечера съѣзжались воспитанницы одѣтыми, хотя въ платьяхъ не первой свѣжести, но по бальному.

Начальница встрѣчала ихъ въ большомъ рекреационномъ залѣ и заставляла продѣлывать различные пріемы изъ свѣтской жизни.

— Ну, милая, — говорила начальница, обращаясь къ воспитанницѣ. Въ вашемъ домѣ сидитъ гость,—молодой человѣкъ. Вы

должны выйти къ нему, чтобы провести съ нимъ время. Какъ вы это должны сдѣлать?

И дѣвица, какъ бы входя въ залъ изъ другой комнаты, шла по направленію къ начальницѣ, дѣлала реверансъ и садилась на какой либо стулъ.

Такъ! Хорошо!—говорила начальница, поощряя свою понятливую воспитанницу.

Но вотъ, вошла въ залъ только что пріѣхавшая изъ дома на вечеръ дѣвица.

— Что это, что это? У васъ, моя дорогая, слишкомъ открыто декольте. Такъ невозможно. Вамъ надо непременно надѣвать „modestie“. Помните навсегда: *La beauté coûte un million, mais la modestie n'a pas de prix*

Но въ это время одна изъ дѣвицъ, говоря съ другою, грубо толкнула ее въ сторону.

— Что ты, милая? Развѣ можно такъ поступать? Надо скрывать свой нравъ и умѣть не быть, а казаться. Въ этомъ задача жизни дѣвушки...

Затѣмъ, дѣвицы то, будто, провожали гостя, то, будто, давали согласіе на мазурку, то садились играть, по просьбѣ кавалера, то встрѣчали и видались съ бабушкой или съ дѣдушкой...

Проведя въ такихъ упражненіяхъ нѣсколько часовъ, дѣвицы разѣзжались по домамъ и на другой день, въ субботу, уже не пріѣзжали на занятія, такъ какъ были очень уставшими...

Если воспитанницы пансіона Ларенсъ совершали попарно прогулку по городу, то классныя дамы, сопровождавшія ихъ, не переставая слѣдили за всѣмъ, что совершалось на улицѣ и отклоняли вниманіе дѣвицъ отъ всего, что считалось неприличнымъ или неумѣстнымъ для взоровъ воспитанницъ.

— *Mesdames!* — обыкновенно говорила классная дама своимъ дѣвицамъ, проходя мимо длиннаго забора,—не смотрите на заборъ!...

Если гдѣ либо на тротуарѣ молодой парень заигрывалъ съ торговкой, немедленно дѣлались распоряженія.

— *Mesdames!* Не смотрите въ правую сторону!...

Пансіонъ Ларенсъ вообще былъ излюбленнымъ пансіономъ дворянъ и богатаго купечества, такъ какъ институтъ не могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ дѣвицъ, желавшихъ поступить. Его начальница особенно пользовалась любовью со стороны купечества за то, что она никому изъ нихъ не отказывала въ добромъ совѣтѣ. Про-

сила ли мать какой либо воспитанницы научить ее дочь, какъ она должна была отнестись къ своему жениху при первомъ его визитѣ въ ихъ домѣ; нужно ли было уговорить, оканчивавшую курсъ, воспитанницу не отказывать въ рукѣ такому-то жениху,—эта почтенная и добрая воспитательница всегда съ участіемъ относилась къ просьбамъ матерей ее питомецъ и силою своего вліянія на нихъ успѣвала удовлетворять желанія какъ матерей, такъ и милыхъ ихъ дочерей.

Совсѣмъ другого направленія, но не менѣе полезнаго и разумнаго, былъ пансіонъ m-me Метлеркамфъ. Въ программѣ пансіона Метлеркамфъ высказывался духъ національности, къ которой принадлежала почтенная воспитательница. Какъ нѣмка, она обращала менѣе вниманія на внѣшній обликъ воспитанницъ и не придавала строгаго значенія нѣкоторой шершавости манеръ ихъ и плохому умѣнію говорить по французски. Зато, на науки у нея было обращено болѣе тщательное вниманіе. Въ ее пансіонѣ воспитанницы получали по пяти изъ закона Божьяго и изъ чистописанія.

— Ахъ, моя милая!—говорила тамап своей воспитанницѣ, рассматривая ее тет-

радъ чистописанія. Развѣ можно такъ плохо писать? Ты знаешь, что хорошій почеркъ для дѣвицы—это лучшее ее приданное. Какая же изъ тебя будетъ жена, если ты не будешь умѣть записать даже бѣлье своего мужа? Не хорошо, не хорошо! Иди и учись лучше!...

И сконфуженная дѣвица уходила, проливая слезы на плохо написанную страницу своей тетради.

Затѣмъ, обращалось вниманіе на прилежное занятіе математикой.

— Математика, математика и математика, мои милыя дѣти!—говорила не разъ всѣмъ своимъ питомцамъ начальница. Учите сложеніе и вычитаніе; безъ нихъ вы будете плохія жены. Какими вы будете хозяйками, когда не сумѣете сосчитать базара? Помните нѣмецкую поговорку:

„Wer sein Rechnung nicht weis,
—Der hat kein Preis!“

(Кто не можетъ свести свои счета,—тотъ ничего не стоитъ).

Въ пансіонѣ Метлеркамфъ было воспитанницъ не меньше числомъ, чѣмъ въ пансіонѣ Ларенсъ. Но онѣ, по богатству и по происхожденію, принадлежали къ классу менѣе значительныхъ и зажиточныхъ людей. Среди учащихся этого пансіона были дѣти чиновниковъ, учителей, духовенства, военныхъ и помѣщиковъ, имѣв-

шихъ до ста душъ крестьянъ. Но какъ бы ни было, а въ этомъ пансіонѣ, такъ же какъ и въ пансіонѣ Ларенсѣ, усердно занимались музыкой и многія дѣвицы весьма осмысленно играли на роялѣ. Отличительною же чертою этого пансіона были обычные литературные вечера, безъ публики и даже безъ постороннихъ посѣтителей. Въ тѣ годы такъ много было талантливыхъ нашихъ русскихъ писателей, которые, какъ бы сговорившись, дарили публику, поочередно, то однимъ, то другимъ художественнымъ произведеніемъ. На вышеупомянутыхъ литературныхъ вечерахъ всѣ эти произведенія читались учителемъ русскаго языка, съ комментаріями и съ поясненіями характеровъ дѣйствующихъ лицъ и героевъ повѣсти, романа или поэмы. И эти разумно придуманные вечера не проходили безслѣдно. Они сыграли свою благотворную роль въ дѣлѣ интеллектуальнаго развитія молодежи того времени и вошли въ обычай, даже въ привычку препровожденія времени, о чемъ я буду говорить ниже.

Но, какъ и все на свѣтѣ, не безъ комическихъ сторонъ были эти два друга другу противоположные пансіона. Въ пансіонѣ Ларенсѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы всякая дѣвица представляла изъ себя Mig-

nonne, какъ я уже сказалъ выше, преслѣдовалось всякое слово, носившее въ себѣ двоякій смыслъ. Такъ, напримѣръ: нельзя было дѣвицѣ говорить: *C'est le fils du second lit*. Она должна была или избѣгать этой фразы или же, въ крайнемъ случаѣ, говорить такъ: *C'est le fils отъ второй мамыши*. Въ пансіонѣ Метлеркамфѣ, напротивъ, эта фраза произносилась также по французски, но съ другимъ окончаніемъ, по русски. И вотъ, въ тѣ годы циркулировалъ такой анекдотъ, который, конечно, не можетъ быть принятъ, какъ характерный для всѣхъ дѣвицъ, но тѣмъ не менѣе достойный быть занесеннымъ на страницы моихъ воспоминаній.

Двѣ подруги и пріятельницы, но учившіяся не вмѣстѣ, а въ этихъ двухъ пансіонахъ, разговаривая между собою, должны были употребить вышеприведенную мною фразу.

— Ахъ, ты знаешь, Полина, Гришу Шумова? *C'est le fils отъ второй мамыши*?—спросила однажды воспитанница m-me Ларенсъ свою подругу, — воспитанницу m-me Метлеркамфъ.

— Ахъ, Нюся! Развѣ можно такъ говорить?—чуть не съ ужасомъ возразила ей подруга. Такъ никогда не говорятъ.

Надо говорить: C'est le fils отъ второго марьяжа...

Изъ приведеннаго факта, видно, что описанные мною два пансіона, хотя на первый взглядъ и разнились въ своемъ направленіи, но тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ воспитанія дѣвушки оба преслѣдовали однѣ цѣли...

Что касается пансіоновъ для мальчиковъ, то таковыхъ было много, но болѣе выдающимися были—пансіонъ профессора Якимова, помѣщавшійся на Зміевской улицѣ, въ собственномъ домѣ Якимова, гдѣ въ настоящее время солдатскія казармы, а затѣмъ пансіонъ, тоже бывшаго профессора, Сливицкаго, помѣщавшійся на Сумской улицѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ ему, а нынѣ г. Шатовой, и, наконецъ, извѣстный всему купечеству г. Харькова, пансіонъ „Нѣмца“, помѣщавшійся въ первое время своего существованія въ домѣ Земницкаго, нынѣ доктора Вышинскаго, на углу Конторской и Рождественской улицъ.

Пансіонъ Якимова шелъ въ параллель съ пансіономъ для дѣвицъ. Въ этомъ пансіонѣ учились тихонько, не спѣша, а между тѣмъ съ успѣхомъ переходили изъ класса въ классъ на радость родителямъ и на пользу отечеству. Но этотъ пансіонъ

недолго существовалъ и былъ закрытъ вслѣдствіе происшедшей въ основанскомъ бору дуэли надзирателя Фейерейзена съ учителемъ географіи Филаткинымъ за красавицу жену Якимова. Пансіонъ Сливицкаго былъ наилучшій пансіонъ среди многихъ частныхъ пансіоновъ. Въ этомъ пансіонѣ съ успѣхомъ готовились для поступленія въ университетъ и нерѣдко со слабой выдерживали вступительный экзамень. Воспитанники этого пансіона были весьма благовоспитанны и съ достаточнымъ развитіемъ. Что касается годовой платы за полного пансіонера, то таковая была очень высока, почему учащіеся въ этомъ пансіонѣ были преимущественно дѣти богатыхъ дворянъ и купцовъ, готовившихъ своихъ дѣтей, какъ для поступленія въ университетъ, такъ и для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Давно уже извѣстно, что недостаточно имѣть въ рукахъ благо, надо еще умѣть воспользоваться этимъ благомъ. И потому немногіе пользовались съ успѣхомъ благами пансіона Сливицкаго; но были и такіе, которые злоупотребляли его довѣріемъ и свободой, какими пользовались воспитанники. Это повело къ тому, что пансіонъ терялъ довѣріе къ себѣ и, наконецъ, долженъ былъ закрыться, о чемъ въ то время многіе жалѣли.

Но пансіонъ „Нѣмца“ болѣе другихъ требуетъ, чтобы на немъ остановиться. О „Нѣмцѣ“ ходили тогда легенды, будто онъ былъ привезенъ старикомъ Кузинымъ въ Россію въ качествѣ камердинера. По ходатайству Кузина, онъ былъ записанъ на русскую службу и, получивши первый чинъ, получилъ право на открытіе пансіона.

„Ну что-жъ? Не привыкать намъ стать
Себя въ науку отдавать,
Различнымъ, пришлымъ господамъ.
Училъ французъ пасъ пустякамъ,
Училъ насъ нѣмецъ, грекъ и чехъ;
И мы, послушные,—для всѣхъ,
Мѣняли обликъ свой природный,
Принявъ свѣтъ мудрости негодной“...

Это былъ человѣкъ высокаго роста, худой, съ желтымъ лицомъ, раздражительный, суровый на видъ, съ сѣдыми нависшими на глаза бровями и съ весьма плохимъ мнѣніемъ о русскихъ дѣтяхъ. Онъ ихъ открыто называлъ наглецами и бездарными животными.

— Die russische Kinder das ist etwas unmögliches, darum sie sind alle dummköppfig!—былъ его постоянный и обыкновенный отзывъ о всѣхъ русскихъ дѣтяхъ.

И вотъ этому лицу было вручено и воспитаніе русскаго юношества.

Бѣдное русское юношество!...

„Нѣмецъ“, подъ сюртукомъ своимъ, у бокового кармана, имѣлъ пришитую пуговицу, на которой постоянно висѣла зеленая плетъ вродѣ сабачьяго арапника. Онъ самъ преподавалъ нѣмецкій и французскій языки и чистописаніе. А потому не было дня, чтобы всѣ классы не имѣли хотя по одному часу изъ его трехъ предметовъ. Но за каждую ошибку въ отвѣтѣ урока или за дурно написанную страницу, онъ, не отходя отъ ученика, наказывалъ его плетью при всѣхъ, нагоняя этимъ на всѣхъ учениковъ и страхъ, и слезы.

— Русска мальчишка только плетью и выучишь!—обыкновенно говорилъ онъ. Когда ты вырастешь большимъ, ты прійдешь ко мнѣ и спросишь, гдѣ та рука, которая меня била? Я ее поцѣлую!...

Какъ всякій человѣкъ, и онъ, одинъ разъ въ годъ, бывалъ именинникомъ. И вотъ, за недѣлю передъ именинами, его жена, вечеромъ, когда дѣти въ рекреационномъ залѣ за общимъ столомъ сидѣли и готовили уроки для слѣдующаго дня, подходила къ каждому ученику и говорила, чтобы ученикъ, когда поѣдетъ въ субботу домой, въ понедѣльникъ привезъ-бы отъ родителей два рубля, такъ какъ такого то числа будутъ именины „Нѣмца“ и потому

положено купить ему въ подарокъ отъ имени всѣхъ учениковъ люстру. Конечно, каждый годъ сообразно съ цѣною подарка мѣнялась и цифра взноса. Въ субботу, обыкновенно, отпускали домой только тѣхъ учениковъ, которые за всю недѣлю не имѣютъ ни одной единицы. Но въ эту субботу были отпускаемы домой всѣ ученики. Думаю, излишне говорить, что дѣти въ понедѣльникъ съ удовольствіемъ спѣшили привезти ассигнованные для подарка два рубля.

Проходило время и наставалъ торжественный день именинъ великаго педагога.

Въ рекреационномъ залѣ вѣшался или ставился на столъ подарокъ, и дѣти разставлялись у стѣнъ, въ шеренгу. Съ веселыми лицами ожидали дѣти прихода именинника, который не заставлялъ себя дожидать долгое время. Съ насильственной улыбкой на устахъ являлся „Нѣмецъ“ и, получивши отъ имени учащихся подарокъ, цѣловалъ своими жестокими устами двухъ-трехъ учениковъ, и объявлялъ, что въ этотъ день занятій не будетъ и потому всѣмъ дозволяется рѣзвиться и играть. Ученикамъ въ этотъ день давался десертъ, состоящій изъ лѣсныхъ орѣховъ и мятныхъ пряниковъ.

Дѣти, конечно, безпечно проводили день именинъ и были очень рѣзвы и веселы до поздняго часа ночи.

На другой день именинъ, въ обычный часъ, начались занятія, и пансіонная жизнь вступала въ свои права. Нѣтъ сомнѣнія, что въ какомъ либо классѣ былъ и въ этотъ день урокъ „Нѣмца“. И вотъ, если кто изъ учениковъ плохо отвѣчалъ, или даже совсѣмъ не зналъ урока, „Нѣмецъ“, не задумываясь, бралъ его за воротъ куртки, перетягивалъ черезъ парту и начиналъ нещадно бить плетью.

— А, ты, подлецъ, думалъ, что я за два рубля тебя и бить не буду? Ты хотѣлъ меня подкупить?...

И такъ далѣе на эту тему.

Такіе поступки гуманнаго педагога не могли не дать плачевныхъ результатовъ. Одинъ изъ учениковъ, восьми лѣтъ, убѣжалъ изъ пансіона къ полиціймейстеру Серебрякову, который въ то время жилъ на Екатеринославской улицѣ, въ собственномъ домѣ (впослѣдствіи принадлежавшемъ купцу Запорожцеву), и показалъ ему свое избитое тѣло. Серебряковъ, бывши знакомъ съ его родителями, принялъ участіе

въ восьмилѣтнемъ страдалцѣ и немедленно взялъ его изъ пансіона.

Но были и болѣе серьезные факты, вызванные такимъ жестокимъ обращеніемъ педагога со своими питомцами. Былъ ученикъ Кочетовъ, который нѣсколько разъ жаловался родителямъ на суровое обращеніе съ нимъ „Нѣмца“. Но на его жалобы не было обращено никакого вниманія. Онъ началъ умышленно воровать. Пропала со стола серебряная ложка. Но на эту пропажу не было обращено должнаго вниманія. Тогда сразу пропадаютъ три ложки. Поднялись самые строгіе розыски и допросы среди прислуги. Какъ я уже сказалъ выше, дѣти помѣщиковъ нерѣдко имѣли при себѣ мальчиковъ изъ своихъ крѣпостныхъ для услугъ. На одного изъ такихъ мальчиковъ и пало подозрѣніе въ воровствѣ четырехъ ложекъ.

Мальчикъ—Филатка былъ до утра запертъ въ сарай съ тѣмъ, чтобы отправить его въ полицію для допроса, подъ ударами розогъ. Узнавши это, Кочетовъ самъ пришелъ къ Ц. и заявилъ, что ложки украдены имъ и спрятаны тамъ-то. Его признаніе оправдалось на дѣлѣ, и ложки были отысканы. На вопросъ, для чего онъ это сдѣлалъ, Кочетовъ отвѣчалъ, что этимъ

онъ желалъ вынудить „Нѣмца“ прогнать его изъ пансіона.

Такой фактъ не испугалъ „Нѣмца“. Великій педагогъ не унимался и по прежнему давалъ ходъ своей плети.

И вотъ, однажды, изъ слухового окна крыши дома, занимаемаго пансіономъ, показался зловѣщій дымъ. Прислуга бросилась на чердакъ и нашла тамъ костеръ изъ вороха щепы и бумаги, изъ котораго языки пламени подымались до стропиль крыши. Къ счастью, пожаръ былъ во время захваченъ и потушенъ домашними средствами. По разслѣдованію, оказалось, что два брата Тахтарумовы, изъ Тифлиса, писали неоднократно роднымъ, чтобы ихъ взяли изъ пансіона, такъ какъ „Нѣмецъ“ билъ ихъ немилосердно. Но на ихъ просьбы не было отвѣта. И вотъ, чтобы найти возможность быть взятыми изъ пансіона, они придумали поджечь домъ и этимъ освободить себя отъ невыносимаго педагога.

И, несмотря на всѣ вышеприведенные факты, пансіонъ существовалъ весьма долгое время, мѣняя квартиры и плети, но не мѣняя своихъ отношеній къ дѣтямъ.

Принимая во вниманіе, что большинство учащихся были дѣти весьма богатыхъ родителей, какъ дворянъ, такъ и купцовъ,

платившихъ содержателю по пятисотъ и болѣе рублей въ годъ, нельзя не признать, что все это характеризуетъ нравы того времени, а также говоритъ и о тѣхъ взглядахъ на воспитаніе дѣтей, какіе доминировали въ то время даже въ хорошемъ обществѣ...

Жизнь того времени, какъ богатыхъ, такъ и средняго сословія гражданъ города, довольно рѣзко отличалась отъ жизни городской текущихъ дней. Въ тѣ годы жизнь была внутри дома, тогда какъ теперь жизнь вылилась наружу, ушла изъ дома въ общественныя учрежденія, на общій раутъ, на публичную арену, подъ открытое небо, въ сады и рощи, въ громадныя залы клубовъ и собраний.

Въ былые дни семья помѣщика, дворянина или купца крѣпко держалась своего родного угла, своего дома. Каждая семья имѣла двухъ-трехъ молодыхъ людей, происхожденіе и поведеніе которыхъ имъ было хорошо извѣстно. И эти избранники посѣщали семейные дома, и въ кругу семьи, за общимъ столомъ, у кипѣвшаго самовара, подъ руководствомъ хозяйки дома, нерѣдко институтки по образованію, проводили время въ бесѣдѣ и въ чтеніи литературныхъ изданій талантливыхъ писателей.

Вечеръ нерѣдко заканчивался игрою въ фанты и даже танцами. Нерѣдки были и музыкальные вечера, на которыхъ дочери совмѣстно съ братьями и съ молодыми людьми, допущенными въ семью, играли на рояли въ четыре руки или же составляли дуэты, тріо и квартеты. Иногда можно было встрѣтить молодого человѣка, который игралъ на двухъ и трехъ инструментахъ. Но, къ сожалѣнію, нужно сказать, что живопись и вообще рисованье, совсѣмъ не были развиты и, какъ то, не пользовались симпатіями общества. И юноша, задумавшій посвятить себя живописи и стремившійся въ академію художествъ, переносилъ отъ членовъ семьи не мало непріятностей за свои намѣренія. Нужно было достаточно силы воли и настойчивости, чтобы превозмочь всѣ препятствія со стороны старшихъ и выйти побѣдителемъ.

Въ тѣ годы художникъ и актеръ—это были родные братья, которыхъ въ обществѣ не любили, занятію которыхъ не сочувствовали и которыхъ избѣгали.

Но о художникахъ и ихъ роли въ описываемые годы я буду говорить въ особой бесѣдѣ, а потому возвращаюсь теперь къ семейной жизни того времени. Тогдашнія дѣвицы, всегда строгія и чопорныя, въ семьѣ своей, среди родныхъ и въ кругу двухъ-

трехъ избранныхъ, были просты и радушны, не пуская въ ходъ тѣхъ уроковъ „хорошаго тона“, какими ихъ съ такою щедростью надѣляли въ пансіонахъ. Почти у каждой барышни того времени былъ альбомъ, въ который, по ея просьбѣ, подруги, знакомые и молодые люди писали стихи, въ которыхъ изливали свои чувства къ той, которая плѣнила ихъ сердце.

И какихъ только стиховъ въ тѣхъ альбомахъ не было. Здѣсь былъ и четырехстопный ямбъ, и хорей, и амфибрахій, и даже александрійскій стихъ. Все было годно, все шло въ дѣло и помогало сердцу излить свои чувства. Иногда можно было встрѣтить въ альбомѣ даже рисуночки. То надъ крестомъ склонилась плакучая ива. А подъ рисункомъ стихи:

„Я сердце здѣсь свое похоронилъ,
А та, которую я пылко такъ любилъ,
Меня зачѣмъ обворожила,
Зачѣмъ навѣки погубила?“...

То на страницѣ чистенько нарисованы двѣ голубки, — которыя, не стыдясь публики, цѣлуются. А стихи дополняютъ картинку.

„Я не умѣю рисовать,
За то любить до гроба я сумѣю.
Прошу меня не обвинять,
Что чувства высказать не смѣю!“...

А вотъ стихи, имѣющіе недостижимую глубину чувства:

„Черниломъ чернымъ я пишу,
Но и оно со временемъ сотрется.
А любовь моя къ тебѣ
Въ вѣчность принесется“...

Есть стихи, которые полны дѣтскаго наивнаго чувства.

„На послѣднемъ семъ листочкѣ
Напишу четыре строчки
Въ знакъ почтенія моего.
Ахъ, не вырвите его!“

На задней политуркѣ альбома, иногда на самомъ углушкѣ, можно прочесть такое стихотвореніе:

„Кто любить болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня“.

Или же, неожиданно, можно встрѣтить такого содержанія стихи:

„Quelque chose—что нибудь,
А кто писалъ—не забудь“...

А подъ стихами какіе нибудь инициалы, на примѣръ, А. С. В. Г. и много, много точекъ.

Нерѣдко на пяти и болѣе страницахъ переписаны стихи Лермонтова и въ большинствѣ случаевъ отрывки изъ поэмы „Демонъ“. И если стихи писаны мужскою рукою, то, обыкновенно, читаемъ:

„Я тотъ, кого никто не любитъ...
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ!“

И прочее.

Если же стихи писаны женскою рукою, то, въ большинствѣ случаевъ, выписаны были стихи изъ другого мѣста поэмы:

„Отецъ, отецъ, оставь угрозы“

И прочее.

Альбомы эти перечитывались много и много разъ. Хранились они какъ нѣчто священное. Нерѣдко можно было встрѣтить бабушку, которая вечеромъ у камина, собравши вокругъ себя внуковъ и внучекъ и составляя собою центръ притяженія, рассказывала о старинѣ и вспоминала о первыхъ дняхъ своей весны. Говоря о лучшихъ минутахъ своей жизни, она декламировала на память изъ своего альбома стихи, написанные ей тѣмъ, который пробудилъ въ ней первое чувство любви и былъ ея женихомъ. Но злая пуля чеченца, въ кровавой схваткѣ, свалила его съ сѣдла, и вензель, вышитый невѣстой на чепракѣ, залить былъ кровью изъ его смертельной раны...

Огонекъ въ камелькѣ то вспыхивалъ, то, будто, погасалъ. Всѣ съ глубокимъ вниманіемъ слушали добрую и сердечную старушку, у которой уже не одна крупная слеза скатилась съ глазъ по морщинистымъ щекамъ. А на часахъ пробило двѣнадцать. И вечера—какъ не бывало. Неужели пора уже расходиться? А слушать такъ хочется

еще и еще... И жаль прервать такія задушевные минуты...

Интересны были семейные литературные и музыкальные вечера, которые были почти общи и обычны для большинства жителей города того времени. Я уже сказалъ, что въ частныхъ пансіонахъ собирались по временамъ воспитанницы, и преподаватель читалъ имъ избранныя мѣста изъ лучшихъ литературныхъ произведеній того времени. Эти чтенія способствовали развитію эстетической стороны жизни и привычкѣ къ книгѣ. Конечно, пансіоны въ этомъ случаѣ только подражали губернской гимназій, которая въ то время была въ Харьковѣ единственнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ гимназій ни одинъ урокъ физики не проходилъ безъ того, чтобы преподаватель не увлекся разъясненіемъ какогонибудь физическаго прибора, подающаго хотя бы и въ далекомъ будущемъ надежды на возможность устроить лучшее освѣщеніе или болѣе скорое и удобное сообщеніе. Что же касается классовъ по исторіи и словесности, то преподаватели посвящали половину урока на чтеніе какой либо главы изъ повѣсти или рассказа когонибудь изъ выдающихся писателей. Мнѣ не забыть почтен-

ный и благородный образъ учителя словесности харьковской губернской гимназіи Д. П. Чирикова. Какъ онъ благотворно вліялъ на умственное и моральное развитіе своихъ учащихся! Нерѣдко, закрывая книгу и увлекаясь прочитаннымъ въ ней, онъ привлекалъ вниманіе учениковъ разъясненіемъ смысла имъ прочитаннаго въ романѣ или повѣсти. И весь классъ превращался въ напряженное вниманіе. Лѣнивые и прилежные, даровитые и тупицы, — всѣ со вниманіемъ слушали рѣчь своего наставника, и въ классѣ воцарялась невозмутимая тишина.

Такъ проходилъ незамѣтно часъ занятій, и гимназисты возвращались домой веселыми и жизнерадостными...

Вечеромъ въ семьяхъ собирались въ кружокъ братья и сестры; приходили два-три знакомыхъ юноши, и разговорамъ не было конца. Въ столовой, за чайнымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ матери-хозяйки дома или тетки, всѣ спорили, кричали, доказывали и опровергали и, казалось, поднимались войной другъ на друга.

Памятна мнѣ семья предсѣдателя гражданской палаты Головкова и образъ древней старушки, родоначальницы всей семьи. Она отличалась неимоверною добротой, веселымъ нравомъ и терпѣливостью. Но и эта добрая и терпѣливая старушка иногда не

выдерживала этого завзятаго спора. Однажды она неожиданно сняла съ себя большой, теплый платокъ и начала имъ изъ столовой выгонять всѣхъ насъ въ залъ.

— Вишь, раскричались! Точно галки на мятель! Будетъ вамъ споры то вести! Маршъ всѣ въ залъ, да займитесь музыкой!..

И всѣ со смѣхомъ спѣшили уходить въ залъ отъ преслѣдованій бабушки.

Помню, какъ то почтенная старушка, выгоняя насъ въ залъ, нечаянно довольно внушительно ударила меня концомъ платка. Я ей же на нее пожаловался.

— Такъ тебѣ и надо! — отвѣтила добрая старушка. Ты, вѣдь, озорникъ, въ спорахъ и сильнѣе всѣхъ кричишь. А ты, вотъ, лучше иди и садись за рояль, да съ Лелей сыграй мнѣ увертюру изъ оперы „Вильгельмъ Тель“. А то, вѣдь, я и въ другой разъ тебя платкомъ побью...

Всѣ смѣялись такой резолюціи строгаго судьи. Я поцѣловалъ ея морщинистую руку и немедленно ушелъ къ роялю, чтобы приготовить ноты и мѣсто для ея любимой внучки Лели.

Неожиданно встаетъ предо мной новое лицо, милая и добрая Леля, съ которой мнѣ такъ часто приходилось играть и дѣлиться музыкальными впечатлѣніями. Гдѣ она теперь и что съ нею случилось? Но до-

волью воспоминаній. Они болѣзненны, какъ зажившія раны въ сырую погоду...

„Напрасно въ памяти своей
Зачѣмъ будить воспоминанья?
— Не возвратитъ счастливыхъ дней,
Не утолитъ души страданья.
И все, что сердцемъ пережито,
Пусть лучше будетъ позабыто;
Но въ тайникѣ души печальной,
Какъ отголосокъ эха дальній,
Оно о прошломъ говоритъ
И потой скорбною звучитъ“...

Нѣтъ сомнѣнія, что одними семейными и интимными вечерами, которые составлялись изъ пятидесяти однихъ и тѣхъ же особъ, общество того времени не могло считать себя удовлетвореннымъ. И потому время отъ времени были назначаемы балы какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ дворянскомъ собраніи. Балы, даваемые частными домами, были извѣстны подъ разными названіями и въ отношеніи убранства и роскоши характерно отличались другъ отъ друга. Но оркестръ всегда былъ бальный, струнный, и, если, въ исключительныхъ случаяхъ, приглашался военный оркестръ трубачей, балъ считался неудавшимся.

Дворяне и богатые купцы поочередно давали балы и зимой на каждый мѣсяць можно было считать по одному балу. Затѣмъ были именинные балы, свадебные балы и, наконецъ, самые интересные и всегда бле-

стящіе по обстановкѣ и костюмамъ были тѣ, которые давались, какъ дворянами, такъ и купцами, по случаю совершеннолѣтія дочери, которое считалось съ семнадцати лѣтъ, со дня окончанія ею курса въ институтѣ или же въ одномъ изъ описанныхъ мною пансіоновъ.

На описаніи одного изъ такихъ баловъ я и остановлю вниманіе читателей въ слѣдующей главѣ.

Въ сороковыхъ годахъ жизнь была не такъ сложна, и потому жилось легче, чѣмъ теперь. Дворянство, при даровомъ трудѣ своихъ крѣпостныхъ людей, имѣло большіе доходы со своихъ имѣній.

Купечество вело внутреннюю, преимущественно, оптовую торговлю, придерживаясь ярмарочной системы, характерное отличіе которой состояло въ томъ, что торговля шла хотя временно, но съ сильно поднятой энергіей, нервно, и потому выражалась всегда въ большомъ спросѣ и въ большомъ сбытѣ. Такая торговля нерѣдко вела къ тому, что купецъ, со смысломъ начавшій свое дѣло, въ три—пять лѣтъ, наживалъ состояніе равное нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ рублей. Когда въ жизни все улыбается; когда все дышетъ довольствомъ и избыткомъ, человекъ дѣлается оптимистомъ,

и создаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ удовольствій. Къ числу такихъ удовольствій принадлежали балы, даваемые со специальною цѣлью ввести въ общество совершеннолѣтнюю дочь-дѣвушку.

Держались этого обычая не одни богатые, но и люди съ ограниченнымъ состояніемъ, какъ дворяне, такъ и купцы. Это былъ праздникъ перваго дня дѣвичей весны. И съ какимъ великолѣпіемъ, съ какою пышностію давались въ этотъ день балы!

Какъ со стороны мужчинъ, такъ и со стороны дамъ для такого бала шли большія и сложныя приготовленія. Военные заказывали себѣ новую парадную форму. Особенно любили щеголять своею формою гусары, уланы и драгуны того времени. Не отставали отъ нихъ и штатскіе, справляя себѣ весь новый костюмъ и выписывая изъ Москвы манжеты и нарукавники. Но болѣе всѣхъ имѣли заботъ и хлопотъ, по случаю предстоявшаго бала, дѣвицы и ихъ мамыши. За мѣсяцъ впередъ, были рассылаемы пригласительные билеты на балъ. Всѣ дни мѣсяца передъ баломъ были поглощены приготовлениями. Модистки были завалены работой. Въ мастерскихъ, горою на столахъ, лежали дорогія матеріи, изрѣзанныя въ куски загадочныхъ формъ. Бархатъ, шелкъ, затканый серебромъ и золотомъ, атласъ,

тюль, газъ, матовый зефиръ, золотой шнурокъ, перламутръ, кружева и жемчужныя нити,—все въ капризномъ безпорядкѣ кокетливо лежало на столахъ швейныхъ мастерскихъ. Переливаясь радужнымъ блескомъ, искрясь, то тамъ, то здѣсь, на темныхъ кускахъ бархата или на зеркальных полосахъ атласа, всѣ эти драгоценныя дары цивилизаціи горделиво кичились тѣмъ, что имъ предстояло украшать собою бюсты и таліи дѣвицъ-красавицъ. А въ день самаго бала, съ самаго ранняго утра и до десяти часовъ вечера, не только первоклассныя парикмахеры, но даже и цирюльники были заняты уборкою дамскихъ головъ, завивкою головъ кавалеровъ и бритьемъ благородныхъ ланитъ почтенныхъ мужей. Большинство дѣвицъ, бывшихъ на граціозность таліи, въ этотъ день ничего не ѣли, кромѣ хлѣба съ чаемъ. Корсеты передвигались на самыя крайнія планшеты. Не желая, чтобы на балѣ ланиты пылали румянцемъ, барышни ѣли мѣлъ и пили по глоткамъ слабый уксусъ. Но вотъ наставалъ часъ выѣзда на балъ. Послѣ долгихъ и томительныхъ часовъ одѣванья и уборки прелестной головки трибушонами и роскошнымъ бандо изъ природныхъ волосъ, переплетенныхъ ниткою жемчуга или цѣпью изъ бирюзы, дѣвушка, чтобы не смять ко-

стюма, въ крещенскій морозъ, только легко накинувъ на плечи мѣховую шубейку, въ открытой коляскѣ, ѣхала на балъ, стоя, съ открытой головой, держась руками за поясъ кучера.

На Благовѣщенской улицѣ былъ домъ очень богатаго откупщика Альфераки. По случаю окончанія курса въ институтѣ дочери его Серафимы, онъ давалъ въ честь ея балъ, на который былъ приглашенъ весь мѣстный beau monde, какъ изъ жителей города, такъ и помѣщиковъ губерніи. Балъ былъ данъ въ концѣ октября мѣсяца и, такъ сказать, собою открывалъ зимній сезонъ. А такъ какъ при домѣ былъ довольно большой садъ, въ который выходила изъ дома веранда, а осень въ тотъ годъ стояла довольно теплая, то и весь садъ былъ иллюминированъ различными фонариками и вензелями. Залъ и гостинная дома, а также два боковыхъ фойе и парадная лѣстница, кромѣ карсельскихъ лампъ, были освѣщены спиртовыми лампами, въ которыхъ, вмѣсто спирта, горѣлъ одеколонъ, наполявшій воздухъ нѣжнымъ ароматомъ.

Такъ какъ залъ былъ въ два свѣта, то на хорахъ игралъ струнный оркестръ въ сорокъ два человѣка, принадлежавшій по-

мѣщику Плещееву. А въ саду, въ антрактахъ, между танцами, игралъ духовой оркестръ Веймарскаго гусарскаго полка.

Вся прислуга была одѣта въ костюмы временъ Людовика XIV. Блестящіе башмаки съ бантами, шелковые чулки и роскошныя ливреи изъ разноцвѣтнаго атласа съ позументами придавали фантастическій видъ пышно убранному залу.

Царицей бала, безспорно, была дочь хозяина дома, восемнадцати лѣтъ, прелестная Серафима. Ея красота была въ древнегреческомъ стилѣ. Вся въ бѣломъ атласномъ платьѣ, затканномъ серебряными звѣздами, съ вѣнкомъ бѣлыхъ лилій на головѣ, убранной брилліантовой цѣпью, Серафима, съ полуоткрытымъ бюстомъ, прикрываемымъ бертою, которую смыкалъ прелестный бутонъ едва распустившейся алой розы, напоминала собою античную Діану, оживленную въ кускѣ мрамора геніальнымъ рѣзцомъ Праксителя.

Отецъ ея, почтенный старикъ, когда собрались гости, приказалъ оркестру играть полонезъ и въ первой парѣ съ дочерью—виновницей торжества—открылъ балъ...

Думаю, было бы излишнимъ распространяться о томъ, что претендентовъ на руку Серафимы было не мало: „Pour épouser la fille du roi,—ils étaient deux, ils étaient

trois...“, какъ говорятъ французы. Но болѣе другихъ ласкали себя надеждою попасть въ избранники два человѣка. У Альфераки служилъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, Чепелкинъ. Въ описываемое мною время онъ былъ самымъ любимымъ и приближеннымъ человѣкомъ богатаго откупщика. Пользуясь его безграничнымъ довѣріемъ, которое онъ всегда оправдывалъ, Чепелкинъ не только управлялъ его центральной конторою по откупамъ, но даже былъ пайщикомъ по этому дѣлу. Молодой человѣкъ, свѣтски воспитанный, недурной наружности, по характеру и стремленіямъ напоминающій типъ Штольца въ романѣ Гончарова „Обломовъ“, онъ въ непродолжительное время сумѣлъ пріобрѣсти капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Чепелкинъ слѣдилъ за Серафимой еще въ годы ея юности, когда она была воспитанницей института благородныхъ дѣвицъ. Но онъ никому не высказывалъ своихъ намѣреній, а выжидалъ терпѣливо того благопріятнаго времени, когда возможно будетъ не безъ успѣха заняться рѣшеніемъ вопроса — „*chercher la femme*“. Каждый разъ, когда въ институтѣ давались балы, Чепелкинъ бывалъ съ семействомъ своего principala на этихъ балахъ и, конечно,

танцевалъ съ Серафимой не одну кадрили. Но его конкурентомъ былъ молодой и красивый поручикъ Веймарскаго гусарскаго полка, помѣщикъ Полтавской губерніи, обладатель трехъ тысячъ душъ крестьянъ, Орестъ Ѳеодоровичъ Руссинъ-Замошный. Ихъ было два брата: Орестъ и Ѳеодоръ Руссинъ—Замошные. Но Ѳеодоръ, на нѣсколько лѣтъ старше Ореста, былъ уже женатъ, имѣлъ двоихъ дѣтей и жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ братомъ своимъ, въ дер. Дуковнѣ, Полтавской губерніи. Въ сосѣдствѣ другихъ помѣщиковъ, онъ былъ извѣстенъ какъ примѣрный хозяинъ и овцеводъ. Братъ его, Орестъ, продолжалъ служить въ военной службѣ. Поэтъ въ душѣ, идеалистъ, талантливый скрипачъ и акварелистъ, хорошаго рода, Орестъ былъ не только въ провинціи, но и въ столицахъ весьма завиднымъ женихомъ и кавалеромъ. На всѣхъ балахъ онъ былъ изъ первыхъ, а какъ танцоръ вальса и мазурки, онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ.

Такъ же, какъ и Чепелкинъ, Орестъ Руссинъ-Замошный бывалъ не разъ на балахъ въ институтѣ и танцевалъ съ Серафимой, которая всегда предпочитала отдать мазурку ему, а не кому другому. Но все же пока еще трудно было сказать, кому изъ

двухъ она отдала бы преимущество, если бы кто либо изъ нихъ заявилъ претензію на ея руку.

„Чужой души изгибы намъ сокрыты,
Чужое сердце—какъ понять?..“

Что же касается Альфераки, то весьма многіе были убѣждены, что миллионеръ-откупщикъ не желалъ имѣть другого зятя, кромѣ Чепелкина, котораго онъ любилъ и въ лицѣ котораго видѣлъ достойнаго своего пріемника по откупному дѣлу.

Въ настоящее время слышны отовсюду сѣтованія на молодежь за то, что она охладѣла къ танцамъ. Такой упрекъ, посылаемый старшими младшимъ, имѣетъ не малую долю правды. Молодежь текущихъ дней, дѣйствительно, измѣнилась и какъ бы преждевременно состарилась. Она почти не танцуетъ, не любитъ баловъ и пышныхъ собраній; она сторонится отъ дамскаго общества, избѣгаетъ семейныхъ кружковъ и, съ увлеченіемъ юности, стремится не въ домъ, а наружу, внѣ дома, на проспекты и скверы, въ залы общественныхъ собраній, въ оперу, въ драму, на гипподромъ и татерсаль, на велосипедный трекъ и въ гимнастическій залъ и, наконецъ, къ зеленымъ бортамъ бильярда, на которомъ пирамидка изъ шаровъ и два кія всегда къ услугамъ гостей...

Въ прежніе годы молодежь—напротивъ—съ особенною любовью ютилась въ семейныхъ домахъ, подъ ферулой хозяйки дома или подъ покровительствомъ бабушки семьи. Проводя, время среди дѣвицъ и дамъ, въ горячихъ спорахъ, въ чтеніи и музыкѣ, молодежь нерѣдко составляла характерный дивертисментъ, декламируя стихи, иногда цѣлыя поэмы, нерѣдко большіе монологи изъ классическихъ произведеній литературы. Все это происходило безъ характерныхъ костюмовъ и декорацій, но тѣмъ не менѣе нерѣдко такъ талантливо, что не составляло желать ничего лучшаго. На рождественскихъ святкахъ составлялись импровизированныя живыя картины, игра въ фанты и даже гаданья. Танцы всѣ любили до увлеченія и танцовали до усталости.

Помню время, когда, въ первый разъ, въ Харьковѣ появился танецъ „Полька“. Во всѣхъ домахъ давались уроки по вечерамъ этому новому танцу, и учителя танцевъ, Строцкий и Колупаевъ, не успѣвали удовлетворять предъявляемому на нихъ спросу. А у себя дома учителя танцевъ давали уроки мужчинамъ, собирая въ одинъ урокъ по пяти и десяти паръ. За выучку „полькѣ“ платили съ персоны отъ десяти до двадцати пяти рублей, а за уроки на дому до пяти рублей съ персоны. Не мало зарабо-

тали въ это время и музыканты-скрипачи, которые, въ единственномъ числѣ сопровождая учителя танцевъ съ урока на урокъ и играя польку на своей пицалкѣ-скрипкѣ, были всегда напоены чаемъ и, кромѣ жалованья, получаемаго отъ учителя, награждались деньгами отъ добрыхъ сердецъ барышень и барынь.

Не умѣть танцевать на балу польку—равнялось тяжести большого несчастія.

Въ то время былъ весьма остроумный студентъ Кулябко, который пустилъ въ ходъ по городу стихи, долго не сходявшіе съ устъ обывателей:

„Польку, польку заиграли,
Харьковъ взбеленлся:
Всѣ харьковцы заплясали,
Кто какъ спохватился;
Всѣ плясали, какъ умѣли:
Чинъ, кунецъ, помѣха (помѣшникъ):
Плясать польку всѣ хотѣли,
И пошла потѣха“...

Но если взводимое обвиненіе на современную молодежь имѣетъ долю правды, то только потому, что въ настоящее время складъ жизни сталъ иной. Молодежь, оставшись при тѣхъ-же стремленіяхъ къ жизни, въ настоящее время находитъ удовлетвореніе этихъ стремленій въ иныхъ комбинаціяхъ ея.

Въ прежніе годы, какъ я уже сказалъ выше, семейная жизнь была болѣе сосре-

доточенною, чѣмъ теперь. Что-же касается дѣвушки, то она, подчиняясь вполне традиціямъ времени, проводила дни своей молодости при строгомъ режимѣ жизни почти монастырскаго устава. Счастливая молодежь, въ лицѣ двухъ-трехъ избранниковъ, посѣщавшихъ семью, и въ большинствѣ случаевъ состоящихъ изъ родственниковъ, какъ-бы осуждена была видѣть всякій разъ однѣхъ и тѣхъ-же дѣвицъ. И только балъ, и только танцы предоставляли молодежи, не принадлежавшей къ роднѣ дома, въ семьѣ котораго былъ балъ, быть среди роскошнаго цвѣтника дѣвицъ, незнакомыхъ, но принадлежащихъ къ лучшему обществу дворянъ, чиновниковъ и купечества. Весьма понятно, что танцы были почти единственнымъ путемъ, дававшимъ возможность познакомиться съ дѣвушкой, поговорить съ нею и открыть свои чувства. Вальсъ—вскружить голову; кадрили—подарить минутами для бесѣды; а мазурка, о, ужъ эта мазурка! Она почти всегда начинается предложеніемъ, а оканчивается согласіемъ на него...

Дѣвушка, въ тѣ годы, для молодежи дѣйствительно была „дивомъ“, которымъ только изрѣдка и при извѣстныхъ условіяхъ, можно было любоваться...

Въ настоящее время стремятся къ упрощенію жизни.

Для поэтического чувства, когда то такъ благотворно вліявшаго на обоюдное облагораживаніе отношеній людей, на уваженіе къ женщинѣ вообще, а къ дѣвушкѣ въ особенности, все меньше и меньше остается мѣста. Упрощеніе жизни не дѣлаетъ жизнь радостною, не даритъ человѣка новыми надеждами на что-то хорошее, отрадное. Отъ жизни, когда то одѣтой въ тѣло этической и благородной красоты, спѣшатъ оставить простой остовъ, передъ которымъ, правда, не будетъ никакой охоты церемониться, но, въ тоже время, не будетъ чему и радоваться...

Насколько такое явленіе хорошо и ведетъ ли оно людей къ лучшему, объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить. Замкнутое положеніе женщины вообще, а дѣвушки въ особенности, какъ это было въ старое время, имѣло не мало нежелательныхъ сторонъ. Но и тогда лучшіе люди были полны вѣры, что прійдетъ время и всѣ эти недостатки будутъ пополнены и исправлены, безъ нарушенія цѣлости зданія...

Современная дѣвушка уже болѣе — не „жемчужина востока“, не „дивной прелести цвѣтокъ“. Она — просто юный человѣкъ женскаго рода, настолько же хорошій и плохой въ одно и тоже время, какъ и ея другъ, мужчина.

„Такъ божество, до тѣхъ лишь поръ священно,
Пока на доажной высотѣ
Стоять оно, неприкосновенно...“

Какъ я уже сказалъ выше, въ прежнее время дѣвушку можно было видѣть только въ семьѣ и затѣмъ на балу, — тоже въ семьѣ. Такимъ образомъ, дѣвушка какъ родилась въ семьѣ, такъ и не разлучалась съ нею до гроба. Дѣвушку нашего времени можно видѣть ежедневно идущею на службу или служащею на телеграфной и телефонной станціяхъ, въ канцеляріяхъ различныхъ судебныхъ учреждений, въ конторахъ, въ банкахъ, въ торговыхъ учрежденіяхъ, въ аптекахъ и лабораторіяхъ, въ полицейскихъ управленіяхъ, въ адресномъ столѣ и даже въ казенныхъ винныхъ лавкахъ. Дабы познакомиться, говорить и даже продолжительно говорить съ нею, нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ танцамъ, подвергать себя необходимости держаться въ строгомъ порядкѣ и критически относиться ко всѣмъ своимъ поступкамъ. Современному кавалеру не позволительно „казаться“, онъ долженъ „быть“ тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Онъ — сынъ правды.

И русская поговорка: „хороша правда, да не голая“, въ настоящее время вычеркнута изъ жизненнаго лексикона.

Въ старые годы, все съ тою же цѣлью, чтобы войти въ домъ, чтобы увидать дѣ-

вушку и познакомиться съ нею, во время рождественскихъ святокъ, а также въ продолженіе всей масляной недѣли, кавалеры изъ разныхъ семейныхъ домовъ собирались къ одному изъ товарищей, одѣвались въ различные костюмы и въ маскахъ ѣздили по семейнымъ домамъ, съ небольшимъ оркестромъ музыки.

Рѣдкіе были случаи, чтобы пріѣзжимъ гостямъ отказывали. Почти всегда имъ дѣлался радушный пріемъ. Гремѣла музыка, являлись замаскированные, и начинались танцы, которые иногда затягивались допоздна. Хозяева, за доставленное удовольствіе, предлагали гостямъ закуску или ужинъ. Снимались маски и такимъ хитрымъ маневромъ пріобрѣтался знакомый семейный домъ.

Въ настоящее время такія экстра-ординарныя мѣры для знакомства съ дѣвушкой были бы смѣшны. Знакомство съ любимымъ семействомъ теперь можетъ быть пріобрѣтено на улицѣ, въ ресторанѣ и даже въ звѣринцѣ.

„О, время чудныхъ грезъ и сладостныхъ мечтаній,
Любви возвышенной и неземныхъ желаній!
Тебя давно ужъ нѣтъ. Одни воспоминанія
О счастья прожитомъ, давно прошедшихъ дней,
Какъ эха звукъ, какъ утра чистаго дыханія,
Или Эола арфы струны брицанья,
Живутъ въ истерзанной дулѣ моей.
Минуло все! И жизни новый путь иной
Раскинулся широко предо мной...“

Но намъ уже давно пора въ домъ Альфераки, гдѣ, какъ мы знаемъ, старикъ-отецъ въ первой парѣ, со своей красавицей дочерью, полонезомъ открылъ балъ для всѣхъ гостей, собравшихся раздѣлить съ нимъ его радость...

По окончаніи полонеза, оркестръ, согласно распisanію танцевъ, отпечатанному на кускахъ разноцвѣтнаго атласа, заигралъ одинъ изъ вальсовъ Штрауса.

Чепелкинъ и Орестъ Руссинъ-Замошный одновременно подошли къ Серафимѣ и пригласили ее на туръ вальса. Серафима, зная расположенность своего отца къ Чепелкину, дала ему согласіе и начала вальсировать...

„Залить весь свѣтомъ вышній залъ:
Гремитъ оркестръ—въ разгарѣ балъ!...
Подъ звуки Штрауса, дѣвица
Уже не первый туръ кружится
За нею—третья, шестая,
По залу мотылькомъ порхая,
Въ какомъ-то чудномъ упоеньѣ,
Пьютъ полной чашей наслажденье
И, кажется, нѣтъ стастію границъ.“

Пройдя одинъ туръ вальса по роскошному залу, Серафима не пожелала идти второй туръ и потребовала отдыха. Спустя двѣ минуты къ ней подошелъ Орестъ Руссинъ-Замошный и пригласилъ ее на туръ вальса. Царица бала безъ возраженій положила свою руку на плечо Ореста, кото-

рый съ перваго па попалъ въ тактъ оркестра и началъ вальсировать. Онъ уже обожалъ Серафиму и, боясь разстаться съ нею, дѣлалъ уже не первый туръ по обширному залу. Заканчивая пятый туръ, Серафима потребовала отдыха и въ изнеможеніи опустилась на золоченый стулъ, обитый голубымъ атласомъ съ цвѣтами, затканными серебромъ. Послѣ вальса слѣдовала полька; но Серафима не пожелала танцевать, такъ какъ этотъ танецъ быстро привился во всѣхъ слояхъ общества, почему былъ брошенъ въ высшемъ кругу. Большее число кадрилией Серафима отдала Оресту, а три кадрили были ангажированы Чепелкинымъ. Четыре кадрили-лансье были раздѣлены между Орестомъ и Чепелкинымъ.

Во время кадрилией Орестъ и Серафима поняли другъ друга и пожатіемъ рукъ объяснили свои чувства.

Время приближалось къ двумъ часамъ ночи и оркестромъ было дано туше на мазурку.

Мазурка вся была отдана Серафимой Оресту.

Орестъ, какъ дирижеръ, былъ въ первой парѣ съ Серафимой. Исполняя то одну, то другую фигуру мазурки, Орестъ все болѣе изоощрялся въ изобрѣтеніи изящныхъ перемѣнъ и сопоставленій, отъ которыхъ

всѣ были въ восторгѣ. Почти два часа уже длилась мазурка, привлекая къ себѣ вниманіе гостей. Орестъ уже не разъ былъ награжденъ похвалами. Наконецъ, по распоряженію Ореста, всѣ танцующіе сдѣлали *grand-rond*. Въ центрѣ круга, Орестъ протанцовалъ, мѣняясь дамами *au grand étoile* и затѣмъ, взявши за руку Серафиму, сдѣлалъ красивый поворотъ въ сторону, прорвалъ кругъ и, выйдя на свободу, быстро подошелъ къ центру зала. Ставши на одно колѣно и обведя Серафиму вокругъ себя, онъ любезно раскланялся и подвелъ ее къ стулу.

Мазурка была окончена...

Со всѣхъ сторонъ слышались похвалы Оресту за его мазурку, доставившую всѣмъ большое удовольствіе.

Но Орестъ не интересовался ни чьими похвалами и ожидалъ, что скажетъ Серафима.

— Простите за вопросъ,—сказалъ онъ по французски. Но если я дѣйствительно достоинъ похвалы, подарите мнѣ въ память этой мазурки, которая предоставила мнѣ счастье держать вашу руку...

— Что же вамъ подарить?—поспѣшила спросить его Серафима.

— Поймите и подарите!—отвѣтилъ Орестъ и любезно поклонился ей.

Серафима сняла съ своей груди бутонъ алой розы и подала его Оресту.

— Я счастливъ! Вы поняли меня!—съ восторгомъ сказалъ Орестъ и прикололъ бутонъ у борта своего мундира.

Но Серафима не слышала послѣднихъ его словъ. Она быстро скрылась въ амфиладѣ комнатъ, оставивши его одного съ дорогимъ подаркомъ въ рукахъ.

На другой день, послѣ бала, Орестъ Русинъ-Замошный, по правиламъ этикета, былъ съ визитомъ у Альфераки и получилъ приглашеніе посѣщать ихъ домъ. Но не суждено было ему воспользоваться такимъ лестнымъ приглашеніемъ. Уже на другой день послѣ бала Серафима чувствовала себя не хорошо, а къ вечеру ей сдѣлалось хуже и она слегла въ постель.

Танцуя много и съ увлеченіемъ, Серафима для того, чтобы освѣжиться, нѣсколько разъ выходила въ садъ и стояла на верандѣ. Осенняя ночь была хотя не холодная, но сырая; сырость охватила Серафиму, и она простудилась.

Прошла недѣля. Серафима лежала въ постели, но врачи не могли поставить правильный діагнозъ ея болѣзни. Два врача сочли болѣзнь за простую лихорадку, а

другіе два считали больную въ инкубаціонномъ періодѣ и рекомендовали выжидательный способъ леченія. Давали въ небольшихъ приѣмахъ хининъ, какъ жаропонижающее средство, и лавровишневые капли для успокоенія нервовъ. Наконецъ, на тѣлѣ показалась сыпь. Казалось, сама природа не желала Серафиму приносить въ жертву ненасытной смерти и послѣдовательно указывала симптомы болѣзни. Но врачи не понимали указаній природы, не видѣли картины страшной болѣзни. Жаръ съ каждымъ днемъ началъ усиливаться. Сыпь перешла въ темныя пятна, температура тѣла поднялась до сорока градусовъ, больная потеряла сознаніе, лежала безпокойно въ бреду и... страшная картина вполне развившагося сыпного тифа предстала передъ ареопагомъ врачей въ полной своей законченности.

Родные отъ скорби страдали не менѣе несчастной больной.

Прошло еще два—три дня, и раннимъ утромъ погребальный звонъ колокола оповѣстилъ обывателей города, что красавица-Серафима умерла...

Не стану описывать траурный кортежъ ея погребенія. Умолчу и о скорби ея родныхъ. А скажу только, что за ея траурной колесницей какъ Орестъ Русинъ-Замош-

ный, такъ и Чепелкинъ шли, погруженные въ безнадежную и тяжелую скорбь...

Послѣ погребенія, отецъ умершей подарилъ Чепелкину домъ со всѣмъ инвентаремъ и съ картинной галереей, передалъ ему откупъ и оставилъ навсегда ставшій ему ненавистнымъ Харьковъ.

Прошло десять лѣтъ послѣ смерти Серафимы Альфераки. Чепелкинъ остался неженатымъ.

У него въ Москвѣ былъ большой пріятель, съ которымъ онъ сошелся еще на школьной скамьѣ. И онъ, какъ я уже сказалъ, и его пріятель были неженатыми, почему и заключили между собой формальное условіе, по которому все состояніе, принадлежащее первому, кто умретъ изъ нихъ, должно всецѣло перейти второму, оставшемуся въ живыхъ, если таковой не будетъ женатымъ. Такое условіе просуществовало нѣсколько лѣтъ, но московскій товарищъ, желая избѣжать безотрадной жизни стараго холостяка, не выдержалъ и женился. Условіе потеряло свою силу и было уничтожено. Что же касается Чепелкина, то онъ остался навсегда холостякомъ, хотя, по своему положенію и богатству,

былъ завиднымъ женихомъ и всегда могъ составить себѣ партію по самому притязательному выбору.

Причиной такого обреченія себя на безрадостную жизнь стараго холостяка была идеальная любовь Чепелкина къ Серафимѣ, которую безжалостно унесла смерть. Въ томъ же роскошномъ домѣ, въ комнатѣ, гдѣ когда-то Серафима страдала и умерла, Чепелкинъ устроилъ свою спальню и прожилъ до старости, мечтая о ней въ тишинѣ большой амфилады комнатъ и залъ, гдѣ когда-то жила и порхала на балахъ Серафима.

Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ занималъ постъ харьковскаго головы, но, заболѣвъ тяжелою болѣзнью мозга, умеръ, не окончивъ выборнаго термина своей службы.

Что касается Ореста Руссинъ-Замошнаго, то мнѣ пришлось быть у него въ имѣніи Дуковкѣ, Полтавской губерніи, гдѣ онъ жилъ неженатымъ. Онъ не потерялъ ни бодрости духа, ни свѣжести своего лица, и только сѣдина, пробиваясь сквозь его густую шевелюру, говорила о душевной тоскѣ и скорби, которыя не оставляли его—ни среди роскошныхъ полей колосившейся ржи и пшеницы, ни въ липовой рощѣ сада, ни

у береговъ прекрасной рѣки, ни въ кабинетѣ, гдѣ былъ шкафъ, наполненный книгами, а въ углу, на пьедесталѣ, увитомъ свѣжею зеленою и цвѣтами, стояла весьма высокой, художественной работы, мраморная статуя, съ свѣтильникомъ въ рукѣ и съ улыбкой дѣвушки „не отъ міра сего“.

Орестъ Θεодоровичъ жилъ въ отставкѣ въ своемъ имѣніи, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы брата своего Θεодора Θεодоровича, съ которымъ, какъ я уже сказалъ выше, онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, хотя ихъ характеры были противоположны одинъ другому. Орестъ, какъ уже извѣстно читателямъ, былъ идеалистъ и поэтъ въ душѣ съ примѣсю артиста-художника; Θεодоръ—его братъ, рационалистъ, человекъ золотой середины, замѣчательный хозяинъ и добрый семьянинъ, окруженный такою же, какъ и онъ, доброю и хорошо развитою женою, Вѣрой Ивановой, съ тремя прелестными дѣтьми, которыхъ крестнымъ отцомъ былъ Орестъ Θεодоровичъ. Говорить ли о томъ, что Орестъ остался неженатымъ, несмотря на свой тридцати-пяти-лѣтній возрастъ, потому что онъ тоже идеально любилъ Серафиму и жилъ мечтою о ней? На его столѣ стоялъ ея портретъ, вокругъ котораго въ рамѣ искусно были вдѣланы засохшіе ле-

пестки съ бутона, подареннаго ему Серафимой, послѣ мазурки.

Мраморная статуя прелестной дѣвушки, въ древне-греческомъ костюмѣ съ свѣтильникомъ въ рукѣ, изображала идеализированную Серафиму. Всякій, кто зналъ ее лично, въ головкѣ статуи могъ найти черты ея лица.

На вопросъ мой, почему онъ изобразилъ ее въ такомъ видѣ, онъ вздохнулъ глубоко и, усѣвшись противъ статуи, на креслѣ, засмотрѣлся на нее, какъ будто статую эту только что привезли.

— Вы спрашиваете у меня, почему я ее представилъ въ такомъ видѣ?—наконецъ, обратился онъ ко мнѣ. Серафима—это одна изъ тѣхъ чистыхъ дѣвъ, которыя съ свѣтильникомъ въ рукахъ встрѣтили жениха своего. Она моя путеводная звѣзда, и свѣтильникъ ея чистаго свѣта освѣщаетъ мнѣ путь къ добру...

Я не возражалъ ему.

Однажды я съ нимъ былъ въ гостяхъ у брата его Θεодора.

Въ любви Θεодора къ брату своему Оресту всегда проглядывала какая-то грусть, вслѣдствіе сердечнаго участія къ его плачевной судьбѣ. Онъ не сочувствовалъ его идеальной, платонической любви и въ порывѣ сердечной откровенности высказывалъ

свое сожалѣніе о томъ, что братъ его при всѣхъ своихъ достоинствахъ напрасно сгубилъ свою жизнь, напрасно не женился и даже уже пропустилъ лучшіе годы для счастливаго брака. Иногда онъ даже обращался съ просьбой къ собесѣднику навести его брата на мысль о женитьбѣ.

Какой хорошій человекъ мой братъ!— какъ-то сидя со мною на верандѣ, сказалъ мнѣ Θεодоръ Θεодоровичъ. Какъ онъ могъ-бы быть любимъ, какъ онъ могъ-бы быть счастливъ въ супружеской жизни! И вотъ, подъ вліяніемъ отвлеченной идеи, онъ сдѣлался самоистязателемъ...

Побесѣдовавши съ семьей за общимъ чайнымъ столомъ и увлеченные чуднымъ закатомъ іюльскаго солнца, мы втроемъ вышли въ садъ и усѣлись подъ развѣсистой липой, откуда открывался роскошный видъ на поля, засѣянные хлѣбомъ и уже во многихъ мѣстахъ установленныя копнами снятыхъ пшеницы и ржи.

— Посмотрите! — сказалъ восторженно Орестъ, обращаясь ко мнѣ. Какъ это хорошо, какъ это полно созрѣвшей жизни! Эти ряды копень хлѣба, точно шеренги доброй рати, ополчившіеся противъ нищеты и голода, стоятъ, готовые грудью своею отразить ненасытнаго врага людей. Вотъ

вамъ сюжетъ для картины! Пишите ниву, заполненную копнами снятаго хлѣба. А тамъ...

„А тамъ—вдали, гдѣ лѣсъ едва синѣетъ,
И воздухъ голубой колеблется и мрѣетъ,—
Надежды чудныя на счастье живутъ,
И насъ все вдалѣ къ себѣ зовутъ,
Отъ міра слезъ и лживыхъ упованій,
Туда, гдѣ нѣтъ земныхъ страданій,
Гдѣ все любовью живетъ“!...

— А какъ ты думаешь, Орестъ, сколько верстъ отсюда до лѣса? спросилъ Ореста, какъ-бы въ отвѣтъ на стихи, Θεодоръ Θεодоровичъ.

— А кто его знаетъ!—лѣнливо отвѣтилъ Орестъ.

— Отсюда до лѣса всего три версты. Поѣдемъ сейчасъ всѣ трое, и ты увидишь, что тамъ вмѣсто всего того, что-ты сейчасъ наговорилъ,—лѣсъ, заѣденный скотомъ; по лѣсу пасутся коровы и волы; а крестьяне рубятъ молодикъ и кладутъ хворостъ въ сажени. Вотъ и все. Почему тамъ нѣтъ земныхъ страданій и все любовью живетъ, я, братъ, Орестъ не понимаю...

— Да ты прозаикъ и потому ты не видишь ничего, кромѣ матеріальной природы!—смѣясь отвѣтилъ Орестъ.

— Вы начертали эскизъ для картины—сказалъ я Оресту. Но вы ничего не сказали о первомъ планѣ. А, вѣдь, онъ совсѣмъ пусть...

— О, если-бы я былъ художникомъ, я бы на первомъ планѣ написалъ возъ, запряженный двумя рослыми волами и высоконагруженный снопами хлѣба. А вокругъ воза изобразилъ-бы я крестьянскую семью, которая, готовясь къ отъѣзду съ поля домой, обратясь на востокъ, осѣняла-бы себя крестнымъ знаменіемъ. А маленький хлопчикъ—Петрусь, посаженный на вершину воза, грозилъ бы воламъ хворостиной, заставляя ихъ тронуть возъ съ мѣста...

— Вотъ я тебя давно такимъ знаю!—возразилъ Θεодоръ. Ты любишь дѣтей. Семья—это твой идеалъ. А между тѣмъ ты не хочешь жениться и проживаешь дни за днями, лишая себя лучшей радости въ жизни,—любящей жены съ милыми дѣтьми вокругъ нея...

— Что-же, братъ, дѣлать?—грустнымъ тономъ отвѣтилъ Орестъ. Ты знаешь, что я вѣрю въ сродство душъ. А родная мнѣ душа Серафимы, отлетѣла въ лучший міръ...

— Все это, другъ, платонизмъ, идущій въ разрѣзъ съ жизнію!—продолжалъ Θεодоръ Θεодоровичъ возражать своему брату.

Въ это время къ намъ подошелъ приказчикъ и доложилъ, что коляска для нашего отъѣзда подана.

Орестъ быстро началъ собираться къ отъѣзду и пошелъ въ домъ прощаться съ семьей.

Черезъ пять минутъ мы уже были на пути въ усадьбу Ореста; а черезъ полъ часа, я сидѣлъ съ Орестомъ на верандѣ его дома, выходящаго цѣлымъ фасадомъ въ садъ.

На веранду намъ былъ поданъ чай и сервирована роскошная закуска, вмѣсто ужина. Какъ будто два врага, мы упорно молчали, выжидая, кто первый сдѣлаетъ вызовъ къ разговору.

Орестъ первымъ прервалъ молчаніе.

— Давайте закусимъ хорошенько и приступимъ къ чаю!—сказалъ Орестъ и налилъ по рюмкѣ портвейну.

По окончаніи закуски и чая, Орестъ приказалъ подать бутылку шампанскаго и два большихъ бокала.

— Вотъ теперь мы съ вами поговоримъ и пофилософствуемъ съ наслажденіемъ!—сказалъ Орестъ, подкрѣпивши свои силы. Вамъ не приходилось читать одну изъ главъ пророка Іереміи, переложенную стихами Торквато-Тассо?.

— Нѣтъ, не читалъ и не знаю—поспѣшилъ я отвѣтить.

Орестъ хлебнулъ глотокъ шампанскаго.

— Да, великой мудрости были люди въ древнія времена. У Іереміа есть мѣсто, гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ: „много знаній, — много и скорби“. Торквато-Тассо такъ эту строку облекъ въ свой чудный стихъ:

„И чѣмъ сильнѣй къ добру стремимся,
И чѣмъ въ насъ большій запасъ знаній,
Тѣмъ больше жизнью мы томимся,
Тѣмъ больше мы несемъ страданій“!...

— Неправда-ли — сильно сказано и близко къ оригиналу? Вообразите, что я нахожусь въ такомъ ужасномъ и тяжеломъ положеніи. Я увѣренъ, вы меня поймете даже больше, чѣмъ понимаетъ меня мой братъ Теодоръ. Братъ мой думаетъ, что я нерѣдко грустенъ и близокъ къ меланхоліи потому, что я не женюсь. Онъ меня не понимаетъ.

Орестъ еще разъ хлебнулъ изъ бокала шампанскаго и настоятельно предложилъ мнѣ сдѣлать тоже.

— Вы читали, конечно, поэта Огюста Барбье? У него есть стихотвореніе, озаглавленное „Mes desirs“; приблизительно, въ моемъ переводѣ, онъ такъ говоритъ:

„Хочу не празднымъ на землѣ я жить;
Хочу братьямъ я полезнымъ быть;
Хочу я всѣхъ любить и всей душою
Хочу для всѣхъ я жертвовать собою“!...

— И вотъ проникся я до глубины души такими желаніями, пріѣхалъ я изъ странъ

чужихъ на свою родину и думалъ отдать и положить душу свою за други своя. Посмотрите по направленію къ сельской церкви, и вы увидите вблизи ея два выдающихся зданія. Это я выстроилъ на свой счетъ школу для сельскихъ дѣтей на двѣсти человѣкъ обоого пола и больницу на шесть кроватей для взрослыхъ и на шесть кроватей для дѣтей и для заразныхъ болѣзней. При школѣ — учитель, а при больницѣ, — фельдшеръ, аптечка и врачъ. За эти два учрежденія меня сосѣди назвали вольнодумцемъ, опаснымъ человѣкомъ и записали въ члены какого то клуба... Но это меня не тревожитъ. А вотъ грустное явленіе. Въ школѣ учится всего двѣнадцать мальчиковъ и ни одной дѣвочки. При этомъ изъ числа этихъ двѣнадцати четыре мальчика сыновья двухъ лавочниковъ и одинъ — кабатчика. А въ больницѣ лежитъ одна больная старуха. Въ амбулаторной клиникѣ въ годъ не бываетъ болѣе двадцати человѣкъ, а стационарные больные за годъ не идутъ цифрой выше семи. Что же касается дѣтей, то за пять лѣтъ существованія больницы не было ни одного больного ребенка. А два года тому назадъ на дѣтей въ деревнѣ былъ такой моръ, что въ день умирало отъ трехъ до пяти дѣтей отъ скарлатины!...

— Я слушаю васъ и поражаюсь — съ не-
притворнымъ удивленіемъ возразилъ я. Что
же это значитъ? Учитель плохъ? Докторъ
суровъ? Или фельдшеръ не знаетъ своего
дѣла?

— Ни то, ни другое, ни третье! У насъ
не мало дворянъ полуграмотныхъ. Всѣ они
противъ моихъ нововведеній. Что же ка-
сается крестьянъ, то они открыто говорятъ:
„Намъ не нужна грамота. А дѣвкамъ и
Господь повелѣлъ быть глупѣ своихъ му-
жей. Недаромъ и пословица говоритъ:

„Мужъ жевѣ своей учитель;
А жена своему мужу — мучитель“!

Я всѣхъ своихъ дворовыхъ людей дер-
жу у себя на жалованьи. И это возмущаетъ
всѣхъ моихъ сосѣдей. Меня сторонятся и
я, вмѣстѣ съ Чацкимъ, признанъ за чело-
вѣка больного умомъ. Конечно, все мною
сдѣланное было только началомъ моей дѣ-
ятельности. Я хотѣлъ идти дальше. У меня
на это есть энергія, сила, развитіе и избы-
токъ средствъ. Я всего себя отдалъ моему
народу, но... Куда же идти дальше? И вотъ
я стою на распутьи, какъ сказочный ры-
царь, и читаю надпись на столбѣ, которая
гласитъ: „пойдешь направо — заблудишься;
пойдешь налѣво, — въ дремучемъ лѣсу по-
гибнешь; пойдешь на западъ, — волки съѣ-
дятъ; а пойдешь прямо — покоенъ будешь,

но никогда и ни къ чему не дойдешь!..“
Теперь поймите, почему я тоскую, почему
я близокъ къ меланхоліи. Вы не повѣрите,
какъ тяжело стоять по своему развитію
выше того общества, которое тебя окру-
жаетъ! Но Христосъ стоялъ недостижимо
выше всѣхъ. Его не понимали даже его апо-
столы. И Онъ все же не остановился, не
свернулъ въ сторону съ начатаго Имъ пути
и дошелъ до конца его, закрѣпивъ смертію
Своею слово Своей истины. И этотъ при-
мѣръ, только этотъ примѣръ, поддерживаетъ
меня на пути моемъ...

Орестъ налилъ бокалы шимпанскимъ и,
чокнувшись со мною, выпилъ свой бокалъ
залпомъ и началъ ходить по верандѣ.

Луна уже стояла въ зенитѣ и уснувшую
землю заливала своимъ свѣтомъ. Онъ по-
дошелъ къ боковой части веранды, откуда
открывался видъ на далекое разстояніе, и
остановился.

— Посмотрите, какъ хороша природа! —
указывая на даль, восторженно сказалъ мнѣ
Орестъ. Вотъ, подъ ударомъ луннаго луча,
блеснула рѣка золотистою струею; а вотъ,
на несжатой полосѣ проса, слышенъ го-
лосъ перепела; какіе то таинственные звуки
ночныхъ птицъ нарушаютъ на мгновеніе
уснувшій воздухъ; а вотъ и сова, точно
призракъ, мелькнула своими трепетными

крыльями и скрылась въ глубинѣ ночной тьмы... Во всемъ я слышу гармонію природы, во всемъ я вижу дѣянія Творца!... А знаете ли что? Закончимъ мы нашу задушевную бесѣду и этотъ чудный вечеръ музыкой! Давайте съиграемъ мы эллегію Эрнста и уснемъ, утонемъ въ звукахъ божественной мелодіи. Вы помните сонетъ Петрарки?

„Мелодія, лѣсъ дивная, свѣталъ —
Съ измученной своей душой,
Къ тебѣ, къ тебѣ я прибѣгаю:
О, испѣлай меня и успокой!..“

Я съ удовольствіемъ заявилъ свое желаніе аккомпанировать, и мы начали дуэтъ. Подъ вліяніемъ наплыва скорбнаго и въ тоже время поэтическаго чувства, скрипка въ его рукахъ пѣла чуднымъ сопрано.

Орестъ въ этотъ часъ игралъ какъ артистъ...

На другой день мы разстались большими друзьями, и я уѣхалъ въ Харьковъ.

Мы, дѣйствительно, въ описанный мною вечеръ сошлись, поняли другъ друга, полюбили другъ друга и разстались друзьями. Но разстались для того, чтобы впредь никогда не встрѣтиться. Грустно закончилъ свою жизнь Орестъ Теодоровичъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда я возвратился

изъ за границы въ Харьковъ, я услышалъ объ Орестѣ Теодоровичѣ слѣдующую грустную исторію.

По уничтоженіи крѣпостного права, онъ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ. Съ восторгомъ принялъ онъ на себя эту обязанность и весь отдался этому благородному и симпатичному дѣлу.

Отпустивши всѣхъ своихъ крестьянъ, не исключая и дворовыхъ людей, съ землею и усадьбами, онъ былъ идеальнымъ мировымъ посредникомъ. Въ районѣ его службы всѣ его болѣе чѣмъ любили. Подъ вліяніемъ дѣятельности, онъ окрѣпъ, ожилъ душою, помолодѣлъ и считалъ себя счастливымъ.

Между тѣмъ, въ тридцати верстахъ отъ его усадьбы, жилъ помѣщикъ средней руки, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, Замятныи. Служа на Кавказѣ, а потомъ въ дѣйствующей арміи при усмирении польскаго возстанія и отличаясь всегда безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ плѣннымъ повстанцамъ, Замятныи, находясь постоянно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, усвоилъ себѣ такое же крутое обращеніе и съ своими крестьянами, которыхъ считалось до ста душъ. За всякую провинность онъ немилосердно стѣкъ людей, и были случаи, что засѣкалъ челоуѣка до смерти. На него уже не разъ посягали его крестьяне, но безуспѣшно.

Когда же начался выдѣлъ крестьянамъ земли, за уничтоженіемъ крѣпостного права, Замятный не желалъ входить съ крестьянами ни въ какія сдѣлки и упорно отстаивалъ свои права на всю землю. Это повело къ тому, что, среди многихъ помѣщичьихъ имѣній, хуторъ Замятнаго представлялъ собою скопище вѣчныхъ ссоръ и смуть. За дерзости и угрозы онъ не оставлялъ своей излюбленной привычки и сбѣкъ, кого только могъ понасть врасплохъ и завести въ свой сарай. Какой то молодой студентъ, бывши репетиторомъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, пустилъ въ ходъ на него такіе, весьма характеризовавшіе его нравъ, стихи:

„Ямайскій ромъ—его потѣха;
Кулакъ и боксъ—потѣха тожъ.
Но розги для него дороже:
За розги онъ отдать готовъ—
И ромъ, и боксъ, безъ дальнихъ словъ!..“

Потерявши терпѣніе и притупивши чело-вѣческое чувство, крестьяне, наконецъ, почти всѣ вошли въ заговоръ противъ него и порѣшили убить его во что бы то ни стало.

Однажды Замятный поѣхалъ за совѣтомъ къ предводителю дворянства; а отъ него пріѣхалъ къ Оресту Ѳедоровичу Руссинъ-Замошному, чтобы его взять къ себѣ и составить актъ надѣла крестьянъ землею. Такъ какъ у Ореста Ѳедоровича были кой-

какія дѣла, то онъ могъ выѣхать въ экипажѣ Замятнаго вмѣстѣ съ нимъ только къ вечеру.

Не доѣхали они и пяти верстъ до хутора Замятнаго, какъ уже наступила ночь. А между тѣмъ нужно было версты три проѣхать чернолѣсьемъ по проселочной дорогѣ. Тутъ то и встрѣтили Замятнаго озлобленные крестьяне и, не подозрѣвая, что съ нимъ ѣдетъ всѣми любимый мировой посредникъ, остановили экипажъ. Молодой парень вско-чилъ на подножку тарантаса и, не говоря ни слова, съ размаху ударилъ Замятнаго обухомъ топора по головѣ. Кучеръ былъ тоже въ заговорѣ и остановилъ лошадей.

— Какъ ты смѣешь бить?! крикнулъ на освиірѣлѣвшаго парня Руссинъ-Замошный и бросился на него.

Парень, увидавши въ лицо мироваго посредника, остановился.

— Бей и его! Онъ съ нимъ за одно!— крикнулъ съ козелъ кучеръ.

Въ этотъ моментъ, сзади, кто то изъ крестьянъ нанесъ остріемъ топора сильный ударъ по головѣ Оресту Ѳедоровичу, и онъ упалъ въ тарантасъ мертвымъ. А тѣмъ временемъ былъ добитъ до смерти и Замятный.

Когда убійцы были осуждены и приговорены къ каторгѣ, то двое изъ нихъ плакали и сожалѣли объ Орестѣ Ѳедоровичѣ.

— Если бы осудили насъ на каторгу за Замятнаго, намъ бы жаль было нашей жизни. А теперь мы идемъ и сознаемъ, что достойны еще не такой кары за то, что убили добраго и честнаго Замошнаго...

Да проститъ мнѣ читатель, что я воскресилъ и провелъ передъ нимъ типъ идеалиста и послѣдователя платонической любви.

Было время, когда величайшіе умы земли платили великую дань идеальной платонической любви. Такъ великій Данте любилъ свою Беатриче и, пройдя весь адъ и чистилище, нашелъ ее чистою и безгрѣшною у престола Бога; такъ любилъ Микель Анжело свою герцогиню Колонну и, бесѣдуя съ нею, своею творческою рукою, набрасывалъ эскизы для безсмертнаго плафона сикстинской капеллы; такъ любилъ Торквато Тассо свою незабвенную Анжелику и, подъ звуки ея арфы, писалъ свою поэму „Освобожденный Іерусалимъ“. Такъ и Орестъ Русинъ-Замошный, думая о своей Серафимѣ и смотря на ея статую, быть можетъ, много дурного не совершилъ въ своей жизни... А потому смѣяться ли надъ нимъ? Обзывать ли его худымъ прозвищемъ?...

„Во имя братства и любви,
Умоляю, другъ, и не вознуй крови,
Не осуждай отцовъ своихъ дѣла,
Со всею строгостью суди.
Да сохранять сыны твои
Пріятны въ душѣ воспоминанья

О томъ, какъ чувствовалъ и мыслилъ ты,
Какъ ты хранилъ отцовъ предавъ,
Какъ уважалъ ихъ образъ красоты...“

Настало теперь иное время, и предстали предъ людей иные интересы жизни. Но все же для преуспѣянiя нашего не мало сдѣлано и подготовлено идеалистами художниками и поэтами прошлаго времени.

Думаю, достаточно продолжительно, почтенный читатель, мы проводили время въ залахъ и гостинныхъ домовъ богатыхъ и знатныхъ обывателей Харькова. Боюсь, что роскошь обстановки ихъ жизни, картинность ея и причуды моды могутъ наскучить. Боюсь еще больше и того, что, сосредоточивъ всѣ свои воспоминанiя на людяхъ богатыхъ и знатныхъ, окруженныхъ престижемъ, я оскорбляю забвенiемъ тѣхъ изъ обывателей родного мнѣ города, которые жили трудовою жизнью, встрѣчались съ радостью, а чаще съ нуждою и горемъ и стоя вдалекѣ отъ богатства и роскоши, рождались, старились и умирали, ютятся въ тѣсныхъ домикахъ и хаткахъ, вокругъ центра городской жизни. Довольствовались они тѣми скудными даянiями, какія давала имъ жизнь богачей, какъ избытокъ отъ барскаго стола. Эти обыватели города не были хуже тѣхъ, которымъ я посвятилъ уже достаточно

мѣста и времени. Мерцающія въ тиши, какъ жалкій свѣтъ лучины, они составляли собою большинство городского населенія... Итакъ, оставимъ залы и гостинныя роскошныхъ домовъ и заглянемъ въ домики и хатки обывателей города.

„Тамъ роскоши и праздности палаты:
И люди тамъ и стѣны тамъ богаты...
Тамъ мѣста вѣтъ для труженика чувства:
Тамъ все прикрашено, тамъ все искусство!...
Уйдемъ изъ этой лживой атмосферы,
Въ пріютъ труда и нищеты убогой;
Туда отворимъ мы съ тобою двери;
И, тамъ душою отдохнемъ немного,
Среди труда и жизни простоты,
Отъ этой жизни—лжи и праздной суеты?...

Въ описываемые мною годы обыватели города дѣлились на двѣ половины, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой. Къ первой половинѣ принадлежали люди, одаренные то знатностью рода, то привилегіями сословій, то богатствомъ. Но этой половины было меньшинство, хотя это меньшинство царило надъ другою половиною, составлявшею собою большинство населенія города.

Тяжело жилось въ Харьковѣ этой второй половинѣ населенія его. Имѣя самыя скудныя права на блага жизни, а нѣкоторыя даже и менѣе того, мѣщане, цеховые, государственные крестьяне и, наконецъ, оброчные, и на выкупъ взятые купцами крѣпостные люди всегда должны были быть на сторожѣ, такъ какъ привиле-

гированныя сословія, дворяне, чиновники и купцы, безнаказанно могли издѣваться надъ ними, эксплуатировать ихъ трудъ и даже подвергать побоямъ и тѣлесному наказанію. Я уже упомянулъ выше о Стуколкинѣ, который лѣчилъ простой людъ отъ лихорадки розгами. Но такой произволъ не составлялъ исключенія въ жизни этихъ многочисленныхъ униженныхъ и оскорбленныхъ обывателей города. Для того, чтобы жить покойно и не страдать отъ произвола сильныхъ, нужно было рабствовать передъ этими сильными; нужно было унижаться, лгать, потворствовать, заглушать свое человѣческое „я“, и не протестовать ни противъ какихъ съ ихъ стороны насилій. Закажетъ ли помѣщикъ, богатый купецъ или чиновникъ, кровельщику сдѣлать ведро, слесарю—исправить замокъ, сапожнику—сшить сапоги, или подрядчику—построить домъ, сарай или заборъ,—расплата за такой трудъ всегда зависѣла отъ произвола заказчика, который за мелкія работы, нерѣдко, ничего не платилъ; а за крупныя—платилъ по произволу ничтожными суммами, съ бранью и оскорбленіями. И, не боясь лжи, скажу безъ преувеличенія, что расплата такой системы почти всегда оканчивалась тѣмъ, что подрядчикъ, получая по цѣлымъ го-

дамъ должную ему сумму, въ концѣ концовъ не дополучалъ нѣсколькихъ сотенъ рублей и уходилъ отъ богатаго жителя города съ кличкою мошенника и плута.

Не менѣе тяжелою была жизнь людей, служившихъ у богатыхъ и привилегированныхъ обывателей. Я говорю о приказчикахъ, о молодцахъ и мальчижахъ, о рабочихъ и вообще о дешевой прислугѣ. Всѣ эти труженники были въ такой тяжелой зависимости отъ своихъ хозяевъ, что немногимъ отличались отъ крѣпостныхъ людей помѣщика. Жалованья всѣ эти люди не получали аккуратно, ежемѣсячно, какъ получаютъ, напр., чиновники; они, обыкновенно, получали по малой суммѣ и каждый разъ выпрашивая, какъ милости или подачки.

— На что тебѣ жалованье?—сурово спрашивалъ хозяинъ у просившаго его приказчика или рабочего.

— Да надо бы, хозяинъ, себѣ пару сшить!—отвѣчалъ приказчикъ.

— Пару сшить? Вонъ оно какъ! Франтить вздумалъ? Ну, это еще и подождать можно. Пойди-ка за прилавокъ, да дѣлай свое дѣло. А жалованье еще успѣешь растратить!...

И шитье пары откладывалось мѣсяца на два. Въ другое время, вмѣсто проси-

мыхъ двадцати рублей, хозяинъ давалъ только пять, и получившій ихъ долженъ былъ оставаться доволенъ. Нерѣдко, желая собрать порядочный кушъ денегъ, приказчикъ не бралъ полного жалованья по пяти и болѣе того лѣтъ. Но когда дѣлался расчетъ, то онъ по своему счету не дополучалъ двухъ и трехъ сотенъ рублей. И всѣ такія явленія проходили безъ протеста и шума. О, русскій человѣкъ! Слава долготерпѣнію твоему!..

Каждый дворъ богатаго обывателя, былъ ли онъ купецъ или дворянинъ, въ 10 часовъ вечера запирался на замокъ, и ключъ отъ воротъ отдавался въ руки хозяина дома. Это вело къ тому, что приказчики не могли никуда уйти изъ дома своего хозяина и должны были проводить длинные вечера осени и зимы въ застѣнкахъ хозяйскаго дома. Но еще болѣе жизнь ихъ становилась тяжелою потому, что, сидя по вечерамъ въ приказчицкой комнатѣ, они не имѣли права не только хоромъ пѣть, но даже въ одиночку играть на гитарѣ или на гармоніи, нарушая тѣмъ гробовую тишину хозяйскаго двора. Что же касалось мальчиковъ и рабочихъ, которые помѣщались въ людской, при кухнѣ, то занятія музыкой запрещалось имъ со всею строгостью неограниченной власти. При-

казчика, который вздумалъ бы заниматься музыкой, хозяинъ лишалъ мѣста, какъ чело-вѣка ненадежнаго и плохого торговца. Что же касается рабочаго или мальчика, то на ихъ головахъ безъ церемоніи разбивалась гитара, балалайка или гармонія. И такъ проходили дни за днями, и эти люди, чтобы чѣмъ нибудь разнообразить вечера своего заточенія, тайкомъ играли въ карты или въ шашки. Были и такіе, которые, вынимая въ потайномъ уголкѣ изъ кармана бутылку съ водкой, тянули изъ горлышка, надѣясь, что каждый разъ *душа мѣру знаетъ*, сколько нужно выпить.

Въ дни, когда въ домѣ хозяина былъ балъ или вечеръ, а потому, ворота были отперты для гостей, эти люди могли уходить изъ своего заточенія въ городъ искать себѣ развлеченія внѣ стѣнъ своей тюрьмы. Но пойти къ товарищу приказчику было невозможно потому, что хозяева строго слѣдили за этимъ, чтобы предупредить возможность передавать цѣны и секреты торговли купцовъ.

Съ открытіемъ весны, жизнь этихъ людей становилась болѣе сносною. Подъ предлогомъ „купаться“, приказчики и рабочіе уходили изъ дома вечеромъ и возвращались къ утру другого дня.

Въ то время существовали откупа, которые за городомъ, на извѣстномъ разстояніи, имѣли кабаки и даже рестораны съ продажей водки по дешевой цѣнѣ. И вотъ въ эти то притоны свободы, за немѣнѣемъ лучшихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было провести время, стремились люди, у которыхъ изсякало терпѣніе, и душа жаждала простора и веселья.

Кромѣ загородныхъ кабачковъ, излюбленнымъ мѣстомъ препровожденія времени были—Куряжскій монастырь, въ восьми верстахъ отъ города, и Хорошевскій монастырь, женскій, въ пятнадцати верстахъ. Съ самаго ранняго утра, съ цѣлью помолиться и провести цѣлый день въ липовой или дубовой рощѣ, на берегу рѣки или у кристальныхъ источниковъ холодной, ключевой воды, собирались въ эти мѣста цѣлыми семьями.

Я уже сказалъ выше, что обычая жить на дачѣ въ тѣ годы не было, хотя многіе изъ богатаго купечества имѣли загороднія, небольшія имѣнія, состоящія изъ лѣса или сада, съ необходимою усадьбою для пріѣзда хозяевъ на короткое время. Такія мѣста, обыкновенно, служили лѣтомъ укромными уголками для справленія имянинъ

или для пирушки съ широкимъ разгуломъ древнихъ бояръ русскихъ.

Но все же владѣльцы такихъ уголковъ были люди зажиточные. Люди же съ ограниченными средствами и бѣдняки томились въ городѣ во время лѣтнихъ жаровъ, не имѣя на трехъ рѣкахъ ни одной купальни, купались, гдѣ прійдется, вмѣстѣ съ лошадьми и съ рогатымъ скотомъ. Затѣмъ, изрѣдка, два—три раза въ лѣто, этотъ людъ позволялъ себѣ провести какой день въ одномъ изъ вышеуказанныхъ монастырей.

Для того, чтобы отправиться на цѣлый день въ монастырь, въ семьѣ начинались сборы чуть не за мѣсяцъ впередъ. При этомъ составлялась дружная компанія изъ двухъ-трехъ семей.

Въ назначенный день снаряжались повозки, нагруженные самоварами, углемъ, хлѣбомъ и различною провизіею, и подъ предводительствомъ кухарокъ, отправлялись съ разсвѣтомъ дня въ монастырь, гдѣ выбирали уютное мѣстечко и начинали жарить, варить и вообще заниматься стряпнею. Хозяева же этихъ подводъ съ провизіею въ большинствѣ случаевъ отправлялись въ монастырь пѣшкомъ, на тощій желудокъ, съ цѣлью тамъ поднять чудотворную икону „съ корня“, отслужить

молебенъ и, помолившись Богу, уже приступить къ трапезѣ, для уталенія нужды грѣшнаго тѣла. Благоговѣнно изъ верхней церкви Куражскаго монастыря всѣ пилигриммы несли икону внизъ, къ источнику, въ храмъ св. Онуфрія. Съ большимъ благоговѣніемъ, умиленно и со слезами, молились пришедшіе паломники Царицѣ Небесной, прося у нея защиты отъ бѣдъ и ходатайства передъ Господомъ о помилованіи ихъ за совершенные имъ грѣхи „вольные и невольные“.

Прекрасное, свѣтлое утро расцвѣтшаго дня; воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтушихъ деревьевъ и злаковъ; неуправимая гармонія звуковъ отъ пѣвчихъ птицъ, стрекотанья и жужжанья насѣкомыхъ; наконецъ—эти храмы съ ликами святыхъ, съ монашествующею братіею и съ стройнымъ хоромъ—все это возвышало молитвенное настроеніе пришельцевъ, располагая ихъ въ эти минуты къ добру и наполняя души ихъ искренними желаніями быть лучшими, чѣмъ они были до этого часа. Звѣрь былъ подавленъ и уничиженъ, и человѣкъ казался достойнымъ любви и довѣрія. Щедрою рукой въ эти минуты клались гривны и гроши на тарелочки и въ кружки, а у образовъ иконостаса возжигались толстыя свѣчи...

Въ послѣдній разъ священникъ вознесъ молитву къ небесамъ и, обратясь къ молящимся, тихимъ голосомъ произнесъ молитву отпущенія, благословляя народъ крестнымъ знаменіемъ. Чинно и благоговѣнно молящіеся начинали расходиться изъ храма къ мѣсту, которое они облюбовали для временнаго своего привала. На пути ихъ встрѣчала живописная природа, дѣлившая монастырь на двѣ красивыхъ картины: на картину погорья, съ источниками ключевой воды и съ дубовою рощею, и на картину нагорья, съ котораго открывался очаровательный видъ на лугъ, обрамляющій рѣку и усѣянный цвѣтущими злаками, и поле, плѣняющее глазъ золотымъ моремъ ржи...

Двѣ или три семьи садились вокругъ самовара, и начиналось чаепитіе. На первыхъ порахъ все шло обычнымъ путемъ и не обѣщало ничего худого. Звѣрь еще не вошелъ въ силу, и человѣкъ, казалось, не переставалъ царить надъ всѣмъ. Мало по малу столъ начиналъ заполняться различными закусками, привезенными изъ города. Въ это время мужчины начинали вынимать изъ повозокъ корзины, въ которыхъ были тщательно уложены бутылки съ водкою и съ различными винами. Звѣрь начиналъ потягиваться и приподнималъ свою голову.

Пробочникъ въ качествѣ мудреца, умѣвшаго открыть смыслъ всякой тайны, начиналъ дѣлать свое дѣло, и человѣкъ, всегда жадный къ познанію всякихъ тайнъ, приступалъ къ черпанію ихъ изъ привезенныхъ имъ же бутылокъ. Развязывались языки, веселье и смѣхъ начинали отражаться на лицахъ пилигримовъ, а тайны, почерпнутыя изъ бутылокъ, начинали срываться съ языковъ въ видѣ остротъ и колкостей, посылаемыхъ тутъ же сидѣвшимъ сотоварищамъ. Картина, представлявшая мирно бесѣдовавшихъ друзей, начинала мѣняться. Звѣрь входилъ въ свои права, и человѣкъ стушевывался на задній планъ.

На полотнѣ картины появлялись болѣе яркія и сгущенныя краски; позы дѣйствующихъ лицъ начинали принимать положеніе то нападающихъ, то защищающихся. Тайны, открытыя пробочникомъ, гласили, что Иванъ Ивановичъ дурно обозвалъ гдѣ то Петра Петровича; Анна Ѳедосѣевна что то нехорошее затѣяла съ Кузьмой Петровичемъ... Ссора, точно туча, надвигалась все ближе и ближе. Вокругъ еще такъ недавно весело бесѣдовавшихъ между собою родственниковъ начиналъ меркнуть свѣтъ разума, и... вражда, какъ ливень-дождь, съ раскатами грома, шумѣла, неумолкая....

Насколько умирительна была группа пилигримовъ, шедшихъ въ монастырь, настолько та же группа людей была несимпатична и мрачна, когда она возвращалась домой. А надвигавшаяся ночь еще болѣе сгущала краски и тѣмъ какъ бы пророчила что то недоброе...

Она пророчила, и сбывалось ея пророчество.

На половинѣ дороги, между Харьковомъ и Куряжемъ, и теперь еще стоитъ каменное зданіе, называемое „Запотино“. Въ то время это былъ кабакъ, содержимый откупщикомъ, съ продажей дешевой водки. Тутъ, обыкновенно, паломники останавливались и, воздавая хвалу Бахусу, нерѣдко вступали между собою въ бой, оканчивавшійся иногда убійствомъ. Тутъ же обдирали уснувшихъ въ хмелю и оскорбляли женщинъ, случайно запоздавшихъ на возвратномъ пути изъ монастыря.

И все это творилось и совершалось не потому, что совершавшіе безобразія были дѣйствительно подвержены алкоголизму. Нѣтъ! Причины ихъ слабости слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Таковы были лѣтнія развлечения для людей, живущихъ заработкомъ трудового

дня. Что касается зимняго времени, то въ этотъ періодъ развлеченій было еще меньше. Чтеніе вообще, какъ я уже сказалъ, преслѣдовалось хозяевами. Но кромѣ этой причины, чтеніе уже и потому не шло въ ходъ, что большинство изъ обывателей города было неграмотнымъ или умѣвшимъ подписывать только свою фамилію, напримеръ, „Кистинтинъ Залѣзновъ“, что, конечно, нужно было читать—Константинъ Желѣзновъ.

Библіотекъ для чтенія совсѣмъ не было. Былъ одинъ только книжный магазинъ Апарина. Помѣщался онъ много лѣтъ на углу Университетской улицы и Пащенко-вой горы, въ лавкахъ, принадлежавшихъ тогда Сергѣю Федотьевичу Карпову, а впоследствии Пащенко-Тряпкину.

Но торговля книгами шла тихо, и покупались преимущественно учебники и книги научнаго содержанія. Покупателями книгъ были преимущественно профессора университета, учителя губернской гимназіи, студенты и гимназисты. Затѣмъ покупались публикою рассказы Грыцька Основяненка (Квитки), „Энеида“—Котляревскаго, романы: „Иванъ и Петръ Выжигины“—Булгарина и переводные романы Коцебу: „Лолота и Фанфанъ“, „Вексфильдскій священникъ“, „Викторъ, прекрасное дитя,

найденное въ лѣсу“. Въ большомъ требованіи была: „Битва русскихъ съ кабардинцами“, а затѣмъ—сказки и гадальники, по Брюсу и по Мартыну Задекѣ.

Что касается тѣхъ литературно-музыкальных вечеровъ, о которыхъ я говорилъ выше, то они были въ семьяхъ профессоровъ, у педагоговъ, у крупныхъ чиновниковъ, у помѣщиковъ и у богатыхъ купцовъ. Но все же такихъ домовъ, по отношенію ко всему населенію города, было такъ мало, что такія семьи представляли собою отрадные оазисы среди безмолвной и полной тьмы пустыни.

Для бѣднаго и трудового люда въ зимнее время увеселеніями были зрѣлища вродѣ кулачекъ. Съ особеннымъ интересомъ, цѣлыми толпами бѣжалъ народъ, бросая работу, смотрѣть, какъ на Конной площади наказывали плетью преступниковъ. День такихъ наказаній былъ днемъ какого-то праздника, а процедура наказанія плетью замѣняла для народа хороший спектакль. Начиная отъ воротъ острога, тихимъ шагомъ, на высокой колесницѣ, въ родѣ эшафота, окрашенной черною краскою и запряженной парой рослыхъ лошадей, сидѣлъ привязаннымъ къ столбу преступникъ, на груди котораго висѣла доска съ надписью „за убійство“. По бо-

камъ его сидѣло по жандарму, съ обнаженными саблями. Сзади колесницы тихо слѣдовалъ взводъ конныхъ казаковъ, а за ними ѣхали власти и врачъ. Старики, парни, женщины, дѣвушки и подростки, и дѣти толпою шли за этой процессіей и смотрѣли, какъ палачъ, на законномъ основаніи, истязалъ тѣло преступника.

Изрѣдка театръ, со своимъ доступнымъ для бѣднаго люда райкомъ, доставлялъ истинное удовольствіе для обывателей податного сословія. Наконецъ,—хожденіе по вечерамъ въ гости къ роднымъ и къ кумовьямъ было въ обычаѣ того времени. Но такія невинныя хожденія по гостямъ нерѣдко для обывателей были причиной слезъ и сугубой скорби.

Въ тѣ годы, съ десяти часовъ вечера, полицейскій обходъ, подъ предводительствомъ квартальнаго надзирателя, обязанъ былъ ходить по улицамъ города всю ночь до разсвѣта и забирать въ полицейское управленіе всѣхъ, которые попадались пѣшими въ позднее время ночи „въ нетрезвомъ видѣ“.

Но, вѣрсягню, вслѣдствіе ночной тьмы, въ большинствѣ случаевъ, трезвые мужчины, женщины, дѣвушки и даже дѣти брались подъ арестъ и сажались при полиціи въ арестантскую. Утромъ, когда го-

родъ весь просыпался, арестантовъ выгоняли группами и заставляли ихъ мести и чистить улицы въ наказаніе за позднее блужданіе по городу.

Весьма понятно, что для многихъ обывателей такая мѣра была болѣе чѣмъ страшна, потому что повергала всю семью въ уныніе и скорбь отъ перенесеннаго позора. Благо было той семьѣ, которая, возвращаясь изъ гостей, могла одарить квартальнаго деньгами. Но если семья гостила на противоположной отъ своего жилья сторонѣ города, то ей приходилось отплатить двѣ такихъ подвижныхъ таможи, чтобы имѣть удовольствіе ночевать дома, а не въ арестантской.

Тѣ изъ обывателей, которымъ нечѣмъ было откупиться отъ ареста, на утро другого дня представляли собой живую картину самага комическаго содержанія, такъ какъ большинство арестованныхъ возвращалось изъ гостей одѣтыми въ лучшіе костюмы: женщины въ чепцахъ, дѣвушки въ намістахъ, съ дукатами на шеѣ и въ цвѣтахъ на головѣ; попадались мужчины даже въ цилиндрахъ и въ лаковыхъ сапогахъ. И вотъ эта нарядная публика мѣшалась съ оборванцами, бездомными и взятыми пьяницами, женщинами сомнительнаго поведенія и старухами, потерявшими

всякое благообразіе, вслѣдствіе распущенности нрава. Вся эта группа пестраго маскарада, съ метлами, съ лопатами и съ тачками въ рукахъ, подъ надзоромъ полицейскихъ солдатъ, мела и очищала улицы. Разсвѣтъ дня неожиданно открывалъ эту картину для проходящихъ, которые встрѣчали знакомыхъ имъ лицъ: сына съ отцомъ или съ матерью, племянника съ теткою, бабушку съ внуками. Дѣвушки-дочери, тоже заурядъ съ матерями, въ праздничномъ нарядѣ, мели улицы и скромадили деревянные тротуары. Была ли это насмѣшка надъ бѣднымъ и безправнымъ человѣчествомъ, или дѣйствительно порядокъ и благочиніе требовали такія жертвы,—я не берусь рѣшать. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не сказать, что личность человѣка и его самолюбіе были подавлены этою мѣрою до крайнихъ границъ... Злые языки (а такихъ въ тѣ годы было не мало) дежурство по ночному обходу называли „походомъ полицейскихъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ“, но такія остроты не облегчали участи невинно арестованныхъ.

Былъ квартальный Дудышкинъ, лѣтъ пятидесяти, вдовецъ, имѣвшій троихъ дѣтей. Наскучило ему жить въ одиночествѣ и онъ задумалъ въ другой разъ жениться.

Подъ Холодной горой, вблизи Карповскаго сада, въ собственномъ домиѣ въ три окошечка, жила семья Осмяткиныхъ, состоявшая изъ матери, мѣщанки по происхожденію, и двухъ взрослыхъ дочерей. Семья занималась шитьемъ бѣлья и на заработанныя деньги жила безбѣдно, имѣя еще и двухъ швей по найму.

Полюбилась Дудышкину старшая дочь Осмяткиной, Марѳа Антиповна, лѣтъ восемнадцати, голубоглазая блондинка, средняго роста, съ весьма граціозною походкою и съ манерами, напоминавшими барышню изъ богатой семьи. Затѣялъ Дудышкинъ ходить къ Осмяткинымъ въ гости и просиживать цѣлые вечера. Иногда приходилъ онъ и выпивши, но всегда съ особенною любезностью относился къ Марѣ Антиповнѣ, угощая ее то сладкими рожками, то фигурками изъ леденца фабрики Павлова, то дѣвичей кожей изъ аптеки Сартиссона. Наконецъ, однажды, онъ принесъ имъ фунтовъ десять осетрины и началъ рассказывать, какая хорошая солянка выходитъ изъ этой рыбы, если ее такъ и этакъ приготовить.

Дарья Ильинишна Осмяткина долго смотрѣла съ удивленіемъ на посѣщенія, а еще болѣе на сладостныя приношенія полицейскаго джентльмена и, наконецъ, рѣшилась

спросить у него, чему онѣ всѣ обязаны, что онѣ такъ благоволятъ къ нимъ.

Дудышкинъ отвѣтилъ, что ему ужъ не въ силу больше крѣпиться и сдерживать свои чувства, что трепещетъ его сердце и горитъ его душа, какъ соломой крытая крыша, въ страшную ночь пожара. При одномъ взглядѣ на Марѳу Антиповну онъ изъ квартальнаго дѣлается овцой неутѣшною и не узнаетъ себя. Пощадите влюбленнаго человѣка и не дайте моимъ дѣтямъ остаться сиротами!—закончилъ объясненія Дудышкинъ и, не медля ни минуты, сталъ на колѣни передъ Марѳой Антиповной.

Какъ сидѣла Марѳуша за шитьемъ бѣлья, такъ и осталась неподвигною, точно *bella statua*. Работа ея выпала изъ рукъ, вѣки быстро замигали, и голубые ея глаза подернулись, отъ нахлынувшихъ слезъ, туманомъ. Предложеніе Дудышкина одновременно и поразило ее неожиданностію, и обидѣло ее. Влюбленный квартальный по лѣтамъ ей въ отцы годился и при этомъ она уже имѣла жениха,—молодого переплетчика, старшаго мастера известнаго въ то время картонажнаго заведенія Агацъ. Она любила Гавріила Ивановича Сапунова и дала ему слово, о чемъ знали всѣ, зналъ и Дудышкинъ. Сапуновъ былъ крѣ-

постнымъ человѣкомъ Афонова, имѣвшаго около десяти человѣкъ крестьянъ безъ земли. Всѣ эти крестьяне были въ различныхъ мѣстахъ въ услуженіи и платили ему оброкъ. Гавріилъ Сапуновъ, задумавъ жениться на Марѳѣ, рѣшилъ откупиться на волю и сговорился со своимъ бариномъ, согласившись уплатить ему пятьсотъ рублей. Но собрать эти деньги было трудно въ одинъ годъ, и это откладывало ихъ свадьбу до лучшаго времени. И вотъ, неожиданно, Марѳѣ дѣлають предложеніе. Она растерялась.

— Господинъ квартальный!—наконецъ, съ робостью подавленнаго человѣка, сказала она.—Я засватана...

— Знаю, знаю я!—поспѣшно отвѣтилъ Дудышкинъ. Это за Гаврюшку Сапунова? За этого простого переплетчика? Знаю. Да развѣ же онъ можетъ сравниться со мною? Я дворянинъ, а онъ—тьфу, — и больше ничего? Да развѣ онъ можетъ такъ васъ любить, какъ я васъ буду любить? Я васъ каждый день буду кормить и осетриной, и икрой, и рожочками, и пряничками. Вы знаете,—мнѣ только нужно придти въ лавку или въ магазинъ и сказать: отрѣжь мнѣ этого, насыпь вонъ того, заверни то-то. И все, по щучьему велѣнію, тотчасъ, будетъ исполнено. А Гаврюшка что? Тьфу и боль-

ше ничего! Гаврюшку я, вотъ отъ васъ тотчасъ пойду, возьму въ полицію и выстуку, какъ моей душѣ будетъ угодно. И никто мнѣ въ этомъ—не запретъ! А ну-ка попробуй кто тронуть дворянина или его жену! Тому во всей Россіи будетъ мало мѣста. Вы, конечно, дѣвочка, этого еще не понимаете...

— Ваше благородіе, господинъ квартальный,—робко и жалобнымъ голосомъ возразила Марѳа Антиповна. Простите насъ! Мы любимъ другъ друга!...

И Марѳа заплакала передъ влюбленнымъ начальникомъ.

— Ну, ну, будетъ! Вы подумайте, да погадайте, а я зайду, зайду къ вамъ за отвѣтомъ.

Дудышкинъ попрощался съ Осмяткиными и поспѣшно ушелъ изъ ихъ дома.

Влюбленный гость-начальникъ какъ громомъ поразилъ всю семью своими изліяніями чувствъ пылкой любви. Но по все-стороннему обсужденію всего происшедшаго, всѣ рѣшили категорически отвергнуть предложеніе Дудышкина. Что-же касается Марѳы Антиповны, то она, не задумываясь, сказала матери, что лучше она утопится въ рѣкѣ, чѣмъ выйдетъ замужъ

за Дудышкина. Шли дни за днями, и восходъ солнца зимняго, морознаго утра уже не разъ смѣнялся закатомъ его, обливая ярко багровыми лучами землю, убѣленную глубокимъ снѣгомъ. Между тѣмъ, хотя Осмяткины и порѣшили безповоротно отказать Дудышкину, но все-же на душѣ Дарьи Ильинишны что-то не уляглось, и только Марѣуша вновь была весела и, работая иглой, пѣла свою любимую пѣсенку:

„Вейтесь кудри мои, заплетайтесь,
Въ жемчугъ, въ золото убирайтесь.
Пусть мой суженый полюбуется,
На васъ гляючи, затоскуется,
Что день свадебный не пришелъ еще“...

Такъ счастливая молодость всегда относится къ невздамъ жизни. Прошла, прогремѣла тучка непогоды; очистился и зардѣлся радостнымъ свѣтомъ горизонтъ неба... И думается молодой душѣ, что ужъ нѣтъ ничего страшнаго впереди, что все полно добра и мира...

А Дарья Ильинишна, оснащенная опытомъ жизни и знавшая по своимъ подругамъ многое, что лежало въ изнанкѣ жизни, тревожно проводила ночи, ожидая со дня на день чего то недобраго.

Между тѣмъ, Дудышкинъ, получивши отъ Марѣишки отказъ и увидавши, что сама Осмяткина была не на его сторонѣ и пренебрегла его дворянствомъ и высокою

честью, какою онъ подарилъ ее—мѣщанку, податнаго сословія, дѣлая ей дочери предложеніе, не на шутку разсердился и задумалъ отомстить всей семьѣ за понесенное фіаско.

— Ну, подожди же ты, старая!—повторялъ онъ не разъ въ приливъ злобы, вспоминая объ отказѣ. Да и ты—швея съ льняными волосами! Я вамъ покажу, какъ пренебрегать благороднымъ чувствомъ образованнаго человѣка!

На масляной былъ день именинъ крестнаго отца Марѣуши, который жилъ на Кузнечной улицѣ, гдѣ была его мастерская повозокъ и простыхъ саней—розвальней.

Въ тѣ годы весьма строго слѣдили за соблюденіемъ выраженій чувствъ уваженія, любви и почтенія не только къ родителямъ, но даже и къ дальнимъ родственникамъ. Забыть поздравить съ именинами крестную мать или крестнаго отца, не придти во время отъѣзда кого-либо изъ нихъ проводить ихъ съ пожеланіемъ благополучнаго пути, въ воскресенье, передъ началомъ великаго поста, не придти къ крестнымъ отцу и матери „проститься“ на великій постъ, обмѣнявшись хлѣбомъ-солью,—считалось верхомъ невѣжества.

Вслѣдствіе такого обычая, утромъ шли поздравлять крестныхъ отца или мать съ

днемъ ангела, а вечеромъ не придти по приглашенію на пирушку крестной дочери къ крестному отцу—было невозможно.

Для людей, жившихъ дневнымъ трудомъ, исполненіе такихъ обычаевъ давалось не легко уже потому, что день именинъ тетки, дяди, или крестнаго отца пропадалъ даромъ.

Неохотно и лѣнливо собирались Осмяткины на вечеръ къ имениннику. Особенно Дарья Ильинишна была подъ давленіемъ какого-то тяжелаго предчувствія. Вечеръ, однако, прошелъ весело и благополучно.

Былъ уже часъ ночи, а объ ужинѣ и не думали радушные хозяева. Осмяткина поднялась идти домой и, ссылаясь на нездоровье, поспѣшно одѣлась и ушла со своими двумя дочерьми.

Дудышкинъ давно уже слѣдилъ за ходомъ вечеринки и, узнавши, что Осмяткины уже ушли, поспѣшилъ за ними. Настигнувъ ихъ у Лопанскаго моста, онъ, безъ дальнихъ словъ и объясненій, приказалъ всѣхъ ихъ, троихъ, арестовать, поручивши двумъ солдатамъ отвести въ участокъ и посадить въ общую арестантскую до утра.

Никакія мольбы, никакія просьбы и увѣренія, не склонили оскорбленнаго блюстителя порядка предложить свой гнѣвъ на

милость и отпустить съ миромъ семью Осмяткиныхъ.

Говорить-ли о томъ, какое удручающее состояніе духа овладѣло несчастными арестованными въ тѣсной, холодной, грязной и сырой арестантской комнатѣ?

Когда ихъ привели, было всего три человѣка, которые спали крѣпкимъ сномъ. Но съ теченіемъ ночи, арестованныхъ прибавлялось все больше и больше, и къ утру въ комнатѣ такъ было душно, тѣсно и грязно, отъ таявшаго на обуви снѣга, что было трудно дышать и не было мѣста, гдѣ бы можно было приклонить свою голову. Не мало прибыло въ арестантскую пьяныхъ и оборванныхъ бездомниковъ, для которыхъ арестантская была не новинкой и потому вызывала въ нихъ веселое настроеніе духа. Начались остроты по адресу Осмяткиныхъ, которыя въ своихъ праздничныхъ нарядахъ выдѣлялись изъ среды всѣхъ арестованныхъ, а своею необщительностью вызывали со стороны многихъ насмѣшки и колкости, пересыпаемые нецензурными словами. Но болѣе другихъ назойливо приставали къ Осмяткинымъ—полупьяный оборвышъ съ одною ясною пуговицею на поношенномъ вицмундирѣ и какая-то женщина среднихъ лѣтъ. Они не давали покоя бѣдной семьѣ.

— Ну, что за генеральши попались между насъ!—съ неудовольствіемъ говорилъ оборвышъ, такой-же какъ и онъ, женщинѣ. Тоже еще и носъ къ верху держать, точно что нибудь и путное?

— Послушай, красотка!—говорила женщина Марѳушѣ, указывая на оборвыша съ ясной пуговицей. Давай я тебя сосватаю за этого красавца.

И такимъ приставаніямъ не было конца.

На разсвѣтѣ всѣхъ выгнали съ метлами и лопатами на улицу и заставили мести и убирать соръ.

Скорбь отъ стыда и униженія у Осмяткиныхъ дошла до крайнихъ предѣловъ, и трудно отгадать, чѣмъ бы окончилось это нравственное истязаніе, если-бы случайно не вышелъ къ нимъ частный приставъ ихъ участка Поливановъ, который зналъ Осмяткиныхъ, и отпустилъ ихъ домой, безъ пререканій.

Измученныя, усталыя, обруганныя и униженныя, оставили Осмяткины метлы и лопаты и пошли домой, едва передвигая ноги и плохо видя глазами, воспаленными отъ горячихъ слезъ и отъ рѣзкаго вѣтра, при сильномъ морозѣ.

Не смотря на то, что Осмяткины возвратились домой въ восемь часовъ утра, но къ обѣду этого же дня по всѣмъ окраинамъ города уже говорили на разные лады о томъ, что Осмяткины почевали въ арестантской при полиціи, а утромъ мели улицы. Конечно, говорилось это на разные варианты. Говорили даже, что всему причиною Дарья Ильинишна, которая была нетрезва и вошла въ пререканія съ квартальнымъ надзирателемъ. А нѣкоторые шли еще дальше и утверждали, что Марѳа Осмяткина шла по улицѣ съ цвѣтами на головѣ и приплясывала, а какой-то приказчикъ, изъ провожавшихъ ее, игралъ на гармоніи.

Арестъ, сидѣніе цѣлую ночь въ арестантской подъ грубымъ надзоромъ солдатъ изъ пожарной команды; пребываніе на улицѣ совместно съ пьяницами и бродягами, морозное утро съ сильнымъ, рѣжущимъ вѣтромъ и, наконецъ, сплетни, ходившія о всемъ происшедшемъ по городу, не могли не повліять на здоровье Осмяткиныхъ. Всѣ онѣ переболѣли и заплатили тяжелую дань здоровьемъ стряпшейся надъ ними бѣдѣ. Тяжелѣй всѣхъ отразилась эта бѣда на здоровьѣ Марѳуши,—натуры слабой и одинаково воспріимчивой какъ къ радости, такъ и къ горю. Она заболѣла и слегла

въ постель. Болѣе двухъ мѣсяцевъ проболѣла Марѳуша и только къ лѣту могла встать съ постели. Но хрупкая ея натура сильно подалась отъ такой неожиданной и большой для ея души встряски. Не успѣла еще окрѣпнуть Марѳуша отъ перенесенной болѣзни, какъ новая грозовая туча заволочла собою свѣтлый горизонтъ ея неба.

Дудышкинъ не унывалъ, а шелъ дальше, утоляя свое уязвленное самолюбіе вновь придуманными имъ кознями.

Дворянинъ Афионовъ, которому принадлежалъ Гаврюша Сапуновъ, часто нуждался въ деньгахъ и прибѣгалъ къ займу у разныхъ лицъ. Такая частая нужда въ деньгахъ повела къ тому, что онъ однажды у буфета гостиницы купца Шерыкина разговорился съ Дудышкинымъ и при этомъ, какъ всегда бываетъ, пожаловался ему, что крѣпостной человѣкъ, переплетчикъ Гавріиль Сапуновъ, давно уже заключилъ съ нимъ словесный договоръ о выкупѣ себя на волю за пятьсотъ рублей, но вотъ скоро уже годъ, какъ не вносить ему этой суммы, почему приостанавливается совершеніе своей отпускнуи, а его заставляетъ нуждаться въ деньгахъ.

Обрадованный тѣмъ, что нашлась тема для дальнѣйшаго разговора и вліянія на

помѣщика Афионова, Дудышкинъ поспѣшилъ угостить его закуской и выпивкой и разговорился съ нимъ болѣе подробно на предложенную имъ тему.

— Да скажите, что вамъ за интересъ томиться безденежьемъ, дожидая, пока вамъ Гаврюша соберетъ пятьсотъ рублей, тогда какъ вы сейчасъ можете получить за него даже большую сумму?—возразилъ Дудышкинъ.

— Какъ же это такъ?—съ удивленіемъ спросилъ помѣщикъ.

— Да вы знаете, зачѣмъ хочетъ откупиться на волю вашъ Гаврюшка?

— А зачѣмъ?

— Ха, ха, ха! Вѣдь, это смѣхъ и больше ничего. Онъ влюбленъ и хочетъ жениться!

— Ха, ха, ха! Гаврюшка влюбленъ? Ха, ха, ха! Гаврюшка.... влюб.... ха, ха, ха! Нѣтъ, пощади, я лопну отъ смѣха! Гаврюшка, крѣпостной человѣкъ, этотъ хамъ—влюбленъ? Ха, ха, ха! Какъ вамъ это понравится? И у него, какъ у насъ съ вами, нашлось это благородное чувство? Нѣтъ, я этого не допущу!... Мнѣ только бы найти....

— Да что тамъ найти? Хотите получить за него деньги, которыя вы отъ него напрасно ожидаете уже годъ?

— Сдѣлайте милость. За это будетъ хорошій подарокъ отъ меня...

— Вотъ что я вамъ скажу. Вы знаете, здѣсь есть рѣзникъ—скотобой Завзятый. Его сыну нужно идти въ солдаты, а записаться въ гильдію на этотъ случай онъ опоздалъ. Вотъ онъ и ищетъ, кого бы найти, чтобы поставить за себя. Вы продайте ему въ наемщики Гаврюшу и просите съ него тысячу рублей и половину денегъ впередъ. Ну, а затѣмъ поторгуетесь и дадите ему уступочку, чтобы не упустить покупателя. Случай рѣдкій и выгодный!

— Другъ мой, благодѣтель!—въ восторгѣ крикнулъ Афоновъ и обнялъ квартальнаго надзирателя. Но только вотъ задача, — какъ это сдѣлать? Это, вѣдь, тонкое дѣло....

— Да это мы уладимъ! Говорятъ, на всякую болѣзнь, своя микстура есть. А на это дѣло у насъ есть секретарь по рекрутской повинности... Только, конечно, сотенную надо дать секретарю...

— Ладно! Согласенъ!... Такъ завтра я жду васъ съ мясникомъ...

— Да ужъ приду и приведу. А можетъ вамъ деньжонки нужны, такъ возьмите, вотъ, пятишницу. Далъ бы больше, да у квартальнаго какія деньги? Говорятъ—онъ

взятками живетъ. Эхъ, языки суконные. Посадишь бы ихъ на наше мѣсто!...

— Вотъ, другъ, вотъ душа человѣкъ! Сейчасъ видно, что человѣкъ благородный!..

Заправивши дѣло сдачи въ рекруты Гаврюшу Сапунова, Дудышкинъ простился съ помѣщикомъ, который на пять рублей отпраздновалъ удачно начатое дѣло, легъ спать, съ нетерпѣніемъ ожидая слѣдующаго дня, общавшаго ему, по милости квартальнаго Дудышкина, хорошій кушъ денегъ...

Сдача въ солдаты Гавріила Сапунова въ принципѣ была рѣшена, и секретарь далъ слово, что онъ все устроитъ и уладитъ, *какъ должно быть по закону*, и никто иголкой не поддѣнетъ: такъ чисто будетъ обдѣлано дѣло. Мясникъ съ Афоновымъ и секретарь обмѣнялись задатками, какъ люди благороднаго слова и чести. Гавріиль Сапуновъ нѣсколько разъ былъ у своего барина и слезно просилъ не губить его, не отдавать въ солдаты. Но Афоновъ и слышать не хотѣлъ. Благородный и добрый Агацъ просилъ за него и, наконецъ, Марѳа Осмяткина на колѣняхъ со своею матерью просили барина не разрушать ихъ бракъ, не отдавать Гаврюшу въ солдаты.

Но ничто не могло склонить барина къ отмѣнѣ его рѣшенія.

— Вотъ что я вамъ всеѣмъ скажу разъ навсегда! — наконецъ, отвѣтилъ Аѣоновъ Осмяткинымъ. Внесите мнѣ полторы тысячи рублей, и я вамъ отдамъ Гаврюшку навсегда!

Марѣуша не перенесла такого жестокаго удара и, не окрѣвши отъ недавно перенесенной болѣзни, вновь заболѣла, и первые дни расцвѣтшей весны встрѣтила въ постели. Открылось кровотеченіе горломъ, она худѣла очень быстро, проводила безсонныя ночи и страдала отъ сильныхъ болей въ груди. Еще такъ недавно веселая, жизнерадостная, Марѣуша таяла съ каждымъ днемъ и даже для близкихъ ея родныхъ дѣлалась неузнаваемою. Она и встрѣчала, и провожала день, справляясь о Гаврюшѣ. Ее утѣшали, какъ могли, увѣряя, что онъ не будетъ годенъ въ солдаты и прійдетъ къ ней съ забритымъ затылкомъ.*

Съ непреодолимымъ стремленіемъ жить, она съ полнымъ довѣріемъ относилась къ такимъ увѣреніямъ и спѣшила дѣлать распоряженія о вѣнчальныхъ цвѣтахъ и о платьѣ, радостно увѣряя и себя, и другихъ, что какъ только Гаврюша освободится отъ

* Въ то время при приѣмѣ въ солдаты, годнымъ—брили лобъ; а негоднымъ—брили затылокъ.

рекрутской повинности, такъ они немедленно обвиняются. Но для Дарьи Ильинишны представлялась плачевная картина, которую готовила имъ жизнь. Не было надежды, чтобы эти два любящихъ сердца получили право на счастье. Казалось, одинъ изъ нихъ былъ намѣченъ смертью, какъ финальный монологъ разыгравшейся семейной драмы...

Проходили дни и тяжелые дни ожиданія для Марѣуши. Наконецъ, наступилъ мѣсяцъ, въ который Гаврюша долженъ былъ стать подъ рекрутскій станокъ, для опредѣленія узаконенной мѣры человѣка, годнаго быть солдатомъ. Ночь на этотъ день Марѣуша провела очень тревожно, и усилившіяся боли въ груди заставляли больную переносить большія страданія. Къ утру ей, будто-бы, стало легче: она покойно и съ веселою улыбкой встрѣтилась съ родными. Боли въ груди оставили ее. Но все же она была слаба, часто впадала въ забытѣе и вновь открывала глаза, звала къ себѣ мать и просила ее, чтобы она не пускала къ ней Дудышкина.

Были минуты, когда она приподнималась съ подушки; быстрымъ и острымъ взглядомъ смотрѣла она куда-то вдаль, и радостная улыбка играла на ея устахъ.

— Скажи мнѣ, мама, скоро будетъ два часа?—уже не въ первый разъ спрашивала Марѳуша Дарью Ильинишну.

— Да я уже тебѣ много разъ говорила, голубка моя!—со скорбью на душѣ отвѣчала мать. А для чего тебѣ нуженъ этотъ часъ?

— Сегодня, въ два часа, я перевѣнчаюсь съ Гаврюшей!—радостно улыбаясь, отвѣтила Марѳуша.

Бѣдная мать не могла не принять ея словъ за болѣзненный бредъ и только глубоко вздохнула, но ничего ей не возражала.

Въ два часа съ минутами, неожиданно, не вошелъ, а вбѣжалъ Гаврюша въ комнату къ Марѳушѣ и сѣлъ на краю ея кровати. У него затылокъ былъ выбритъ.

— Гаврюша!!—крикнула Марѳинька и, поднявшись энергично съ постели, обняла его обѣими руками.

Но спустя минуту, она какъ то странно опустила свою голову на его грудь и глубоко вздохнула. Голова ея, точно отсѣченная мечемъ, свалилась и повисла на груди бѣднаго Гаврюши.

— Марѳуша! Что съ тобою? Меня не выбрали, Марѳуша!...

Но Марѳуши уже не было. Она умерла на его груди...

Я упомянулъ, что изрѣдка обыватели города посѣщали театръ.

Безъ преувеличенія скажу, что театръ былъ всегда у харьковцевъ излюбленнымъ препровожденіемъ времени. Если для многихъ изъ небогатыхъ обывателей это удовольствіе рѣдко выпадало на долю, то только потому, что ихъ средства не позволяли часто пользоваться имъ.

Но о театрѣ я буду говорить болѣе подробно въ недалекомъ будущемъ.

Въ настоящее время нахожу необходимымъ сказать, что частому посѣщенію театра небогатыми обывателями города нерѣдко мѣшала невылазная грязь, царившая въ то время въ Харьковѣ и охраняемая городскимъ управленіемъ съ особенною настойчивостью.

Грязь въ Харьковѣ была не только глубокая и продолжительная, но даже опасная для жизни. Было бы неппростительно не остановиться надъ этою грязью, которая нисколько не уступала по своимъ высокимъ качествамъ той грязи города Тамбова, въ которой недавно утонула лошадь, стоившая шестьсотъ рублей. Въ учебныхъ заведеніяхъ города во время грязи устанавливались, ежегодно, такъ называемые, „грязныя каникулы“. Были улицы, по которымъ невозможно было добраться до

своего жилья ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ; и только верхомъ, плывя чуть не по брюхо лошади въ грязи, можно было доѣхать до жилья. Экипажи ломались въ такую грязь, какъ соломинки; лошади грузили настолько, что нужно было вытаскивать ихъ посредствомъ воловъ. При погребеніи усопшихъ были случаи, что несшіе покойника на нарахъ вязли въ грязи, спотыкались и опрокидывали гробъ съ покойникомъ въ грязь, посрединѣ улицы. Почва, преимущественно состоящая изъ чернозема и суглинка, во время распутицы, дѣлалась на улицахъ настолько вязкою, что изъ сапога, съ высокими голенищами, вынималась нога, а сапогъ оставался въ грязи.

Болѣе всего замѣчательны по невылазной грязи были площади, которыхъ въ то время было больше, чѣмъ теперь, и занимали онѣ значительно большія пространства, чѣмъ занимаютъ площади настоящаго времени. Площади—Мироносицкая, Конная и Базарная—съ азартомъ оспаривали другъ у друга пальму первенства за невылазную грязь. Но Мироносицкая площадь одерживала побѣду надъ другими площадями уже и потому, что, кромѣ грязи, она была долгое время богата разрытыми могилами и ямами отъ погребальныхъ скле-

повъ, такъ какъ представляла собою упраздненное городское кладбище. Какою-то ловушкой, какую строятъ для ловли медвѣдей, была эта площадь.

По лѣвой сторонѣ Сумской улицы, домъ, бывшій Сливицкаго (нынѣ Шатовой) былъ послѣдній частный домъ. Затѣмъ слѣдовалъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, университетскій садъ и Ветеринарная улица.

На Мироносицкой площади, послѣ продолжительнаго забора отъ угла улицы, былъ домикъ въ три окошечка, принадлежавшій Сливицкому (нынѣ Рудневой) и смотрѣвшій на широкую площадь, заставленную густо памятниками, оградками, кампличками, плитами надгробными, простыми могильными холмами, съ крестами у изголовья. Немало было чугунныхъ, каменныхъ и мраморныхъ плитъ съ зіяющими норами, точно ранами, отъ провалившейся въ склепъ земли.

Вся эта картина полного разрушенія и пренебреженія къ мѣсту упокоенія когда-то усопшихъ людей, и даже къ порядку и благообразію, стояла много и много лѣтъ, наводя и страхъ, и ужасъ на обывателя патриархальной старины, въ ночное время и днемъ.

Эта площадь, представлявшая собою картину безобразія и разрушенія, была небе-

зопасна для прохожаго, какъ во время грязи, такъ и въ сухую погоду.

Въ брошенныхъ на произволъ всеразрушающаго времени часовняхъ, кампличкахъ и разныхъ склепахъ съ начала дней весны поселялись люди злой воли и распущеннаго нрава и жили тамъ, какъ въ своемъ углу. Временами, по ночамъ, для того, чтобы не такъ открыто держать свой пріютъ на виду всѣхъ, эти люди гнѣздились въ подземныхъ склепахъ, построенныхъ изъ кирпича со сводами, ввидѣ небольшихъ погребовъ. Тамъ, сидя на гробахъ усопшихъ, они, при свѣтѣ сальной свѣчи или ночника (каганца), играли въ три листа. Въ темныя ночи изъ этихъ усыпальницъ виднѣлся красноватый огонекъ и шелъ дымъ, застилавшій собою сосѣдніе склепы и могилы. Это въ склепахъ готовился ужинъ; мраморная надгробная плита изображала собою кухонный столъ, и тутъ, надъ гробами мертвыхъ, шла стряпня для предстоящаго табль-дота, проголодавшихся жильцовъ гробницъ.

Иногда эта непритязательная и веселая компанія въ этихъ усыпальницахъ совершала вакханаліи совмѣстно съ прекраснымъ поломъ, и тогда, кромѣ свѣта, слышались еще и звуки бандуры нищаго-слѣп-

ца, нанятаго играть для такого пышнаго бала...

Грустно останавливать вниманіе на темныхъ сторонахъ родного города. А еще болѣе грустно эти темныя стороны соціальнаго строя жизни родного города предавать гласности. Но во имя блага грядущихъ поколѣній, я не могу умолчать о томъ, что русскій человѣкъ вообще къ своей родной старинѣ, а также и къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ особенности, относится если не съ холоднымъ равнодушіемъ, то какъ-то индифферентно, невнимательно. Кому извѣстенъ маленькій городокъ въ Пруссіи—Штетинъ? Послѣ Зюнде-Мюнде—это было первое мѣсто, въ которомъ я остановился на сутки, чтобы осмотрѣть вблизи все то, что я наблюдалъ съ палубы парохода, плывя по Одеру и поражаясь тѣмъ благоустройствомъ, какого я не встрѣчалъ на своей родинѣ. Осмотрѣвши окрестности, мнѣ пришлось остановиться у упраздненнаго кладбища, на полѣ котораго шла оживленная работа. На мой вопросъ, что дѣлаютъ рабочіе и для чего они выкапываютъ кресты, принимаютъ бережно монументы и заравниваютъ землю, мнѣ объяснили, что это кладбище, какъ уже вошедшее въ черту города, упразднено, почему всѣ гробы, съ останками усоп-

шихъ, бережно вынимаются изъ земли, снимаются монументы, ограды, кресты и металлическія рѣшетки; уничтожаются каменные склепы и тщательно заравнивается вся мѣстность, дѣлаясь годною для постройки домовъ и для проведенія какъ водопроводовъ, такъ и улицъ. На вновь отведенномъ мѣстѣ для кладбища, вблизи храма, вырывается большая, общая могила, у изголовья которой ставится одинъ изъ крестовъ и обносится металлическою рѣшеткою. Надпись гласитъ: „Общая могила останковъ усопшихъ съ такого-то, по такой-то годъ“. Что касается крестовъ, монументовъ и рѣшетокъ, то весь этотъ матеріалъ превращается въ деньги, на проценты съ которыхъ ежегодно на общей могилѣ совершается поминовение и ремонтируется могила.

Не знаю, можно ли не отнестись благоговѣнно къ такому уваженію къ останкамъ когда-то жившихъ и усопшихъ людей? Между тѣмъ, у насъ ничего нѣтъ подобнаго. Говорить ли о томъ, что кладбища наши, даже неупраздненные (какъ, напр., Холодногорское), содержатся нерадиво. Что же касается упраздненныхъ кладбищъ, то о такихъ едва рѣшаешься говорить. Я опиsal картину, какую долгое время представляло собою кладбище Мироносицкое.

Кладбище Каплуновской церкви, въ свою очередь, долгое время служило мѣстомъ хищенія плитъ, рѣшетокъ и крестовъ людьми низкаго уровня нравственности. Кому не памятно изобиліе костей и гробовъ, которые были вырываемы при укладкѣ водопроводныхъ трубъ сзади Николаевской церкви? Въ то время, когда строились дома Ковалева, Медвѣдева (нынѣ Укше), Карпова (нынѣ Питры), Мишукова (нынѣ Гладкова), Мухина (нынѣ домъ городской думы), гробы и кости усопшихъ ставили въ тупикъ строителей, не знавшихъ, что съ ними дѣлать. И мнѣ невольно приходитъ на память могила M-me Staël, въ роцѣ бѣлыхъ акацій. Могила на далекомъ разстояніи отъ ея креста, обнесена оградой, на углахъ которой слѣдующая знаменательная надпись:

„C'est mon repos eternel; mon âme vous prie: ne le derangez pas!“.. Staël.

Въ настоящіе дни въ такомъ же невниманіи находится упраздненное кладбище на Конной площади.

Говорятъ: „примѣры заразительны“. Было бы желательно, чтобы примѣръ Запада, совмѣстно съ могилою Сталь, заразили бы и насъ сердечнымъ отношеніемъ къ нашимъ усопшимъ отцамъ и дѣдамъ...

Мироносицкая площадь въ тѣ дни служила разсадникомъ суевѣрій и различныхъ легендъ, ходившихъ по городу о томъ, что мертвые вылазятъ изъ своихъ гробовъ и гоняются за прохожими, требуя отъ нихъ, иные—молитвъ, другіе—огражденія ихъ мѣста успокоенія отъ мірской грязи и суеты...

Но какъ бы ни было, а черезъ эту площадь для многихъ лежалъ путь къ концу Нѣмецкой улицы и къ улицамъ, примыкавшимъ къ ней.

Если городъ освѣщался посредствомъ конопляннаго масла, которое давало болѣе чѣмъ жалкій свѣтъ, то такія громадныя площади, совсѣмъ не освѣщались и потому въ безлунную ночь представляли собою тьму кромѣшную. А во время распутицы, онѣ представляли собою тундру въ маломъ видѣ. И были случаи, что прохожій попадалъ на могилу, доски которой погнили, и проваливался въ нее всею тяжестью своего тѣла, ломая себѣ руки или ноги. На крики его, обыкновенно, сходились живые жильцы склеповъ и охотно вытаскивали упавшаго изъ медвѣжьей ловушки, довольствуясь самой ничтожной благодарностью. О грабежахъ не часто было слышно. Грабежами и даже убійствами отличались пригородніе кабаки, въ которыхъ продавалась дешевая водка.

Я сказалъ выше, что суевѣрія были въ Харьковѣ явленіемъ чрезвычайно распространеннымъ. Достаточно иногда было человеку выдѣлиться изъ среды другихъ своимъ состояніемъ или, особенно, счастливою торговлею, и легенда уже складывалась среди обывателей города, какъ о человѣкѣ, не такомъ, какъ все люди. О немъ говорили, что онъ свою душу продалъ черту, и потому его торговля идетъ такъ широко и удачно. А если такой человѣкъ умиралъ, то онъ непременно до сорока дней долженъ былъ ходить по городу и непременно въ бѣломъ саванѣ, хотя бы всѣмъ было то вѣдомо, что его похоронили въ черной сюртучной парѣ. Такая легенда ходила долгое время о купцѣ Павловѣ, котораго торговля колоніальными товарами, оптомъ и въ розницу, была такъ велика и прибыльна, что составляла предметъ зависти для большинства торговцевъ. Но о купцѣ Павловѣ я буду говорить въ свое время, а теперь, возвращаясь къ Мироносицкой площади, я спѣшу сказать, что вѣра въ возможность посѣщенія живыхъ умершими иногда приводили къ трагической развязкѣ. Эти суевѣрія создавались тѣми, кому чуть не ежедневно приходилось переходить кладбища, выигрывая и разстояніе пути, и время. Нѣтъ сомнѣнія, не разъ и не од-

ному изъ прохожихъ приходилось видѣть, какъ, вдалекѣ отъ него, вдругъ выходилъ изъ земли человѣкъ и шелъ куда-то въ простанство. Говорить ли, что, вышедшій изъ земли, человѣкъ былъ никто иной, какъ живой жилецъ склепа или усыпальницы; но прохожій въ ночное время принималъ его за мертвеца. А если выходила изъ склепа женщина въ бѣлой рубахѣ, то иллюзія у труса дополняла вѣру въ то, что онъ видѣлъ не живого человѣка, а мертвеца. Да и кому было бы заняться разубѣжденіемъ тамъ, гдѣ и разказчикъ, и его слушатели были склонны вѣрить всякой небылицѣ, лишь бы эта небылица была мистическаго содержанія.

Однажды мододая дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати, Матрена Безрукова, совмѣстно со своею матерью, Ириной Ѳедосѣвной, возвращалась поздно домой, неся въ корзинѣ бѣлье, взятое ею въ пансіонѣ Сливицкаго, который помѣщался въ собственномъ домѣ, нынѣ принадлежащемъ г-жѣ Шатовой.

Ирина Ѳедосѣвна была прачка.

Настала осенняя пора. Грязь была еще небольшая. Нога не вязла въ ней, но скользила, нарушая часто равновѣсіе тѣла пѣшехода и тѣмъ затрудняла его ходъ. Ирина Ѳедосѣвна съ дочерью своей Ма-

трусей поспѣшно шла, чтобы до полуночи придти домой, такъ какъ въ полуночную пору чаще всего вытѣзали изъ склеповъ и могилъ мертвые, гонялись за людьми и хотя никогда не обижали ихъ, но нерѣдко обращались къ нимъ съ просьбой или молиться за нихъ, или исправить ихъ могилу, грозя въ противномъ случаѣ мстить имъ всю ихъ жизнь. Желая сократить путь, онѣ шли по діагонали площади, пересѣкая мѣста, на которыхъ въ настоящее время расположены дома Ново-Чернышевской улицы и параллельно ей Мироносицкой.

Ночь была темная. Частью скользкая грязь, частью тяжело нагруженная бѣльемъ корзина, шатали ихъ изъ стороны въ сторону и сбивали съ протоптанной пѣшеходами тропы. Какъ мать, такъ и дочь были робкіе люди. Легенды, ходившія по городу о мертвецахъ, были имъ хорошо извѣстны. Все это еще болѣе дѣлало ихъ шаги невѣрными, сбивало ихъ съ пути и заставляло черезъ силу торопиться.

Отъ могилки какого-то усопшаго остался неправильный и весьма низкій холмикъ, на который несчастная дѣвочка Матруся ступила грузно обѣими ногами. Но едва она сдѣлала одинъ-два шага, какъ доски, которыми нерѣдко закладываютъ могилы,

насыпая могильный холмъ, отъ большой ветхости сгнившія, невыдержали тяжести тѣла дѣвочки и провалились въ могилу, увлекши за собою дѣвочку. Мать начала звать о помощи, Матреша начала выбираться изъ могилы, но все было напрасно. Борты могилы обрушивались, она неоднократно вновь погружалась въ нее и, обезсилѣвши отъ борьбы и страха, заявила своей матери, что мертвецъ держитъ ее за ноги. Услышавши это, мать оставила дочь и бѣлье и бросилась бѣжать, вопія о помощи.

Но раньше разсвѣта дня ей не пришлось придти съ людьми на помощь къ своей дочери, которую застали въ могилѣ въ изступленномъ состояніи отъ страха. Причиною такого опозданія матери съ помощью были все тѣ-же повѣрья, вслѣдствіе которыхъ никто не желалъ идти раньше разсвѣта дня, боясь, чтобы, за спасенную отъ гибели дѣвочку, самому не попасть въ костлявыя объятія пріятеля съ того свѣта.

Матруся перенесла сильную горячку, хотя молодой организмъ ея не дался въ руки смерти. Она выздоровѣла, но, увы! — потеряла рассудокъ...

На первыхъ порахъ мать помѣстила ее въ отдѣленіе умалишенныхъ въ богоугод-

ное заведеніе Сабуровой дачи. Но по истеченіи полугода, она ее взяла, частью потому, что врачи признали ее уже выздоровѣвшею, а частью потому, что Матруся не разъ жаловалась матери, что ее прислуга бьетъ и моритъ голодомъ.

Жила Матруся у матери, но при плохомъ надзорѣ, такъ какъ постоянное мытье и уборка бѣлья поглощали все время матери, отнимая даже часы ночи. Матруся стала уходить изъ дома и блуждать по окраинамъ города. Она любила открытое и широкое поле, засѣянное хлѣбами, или убранный ковромъ цвѣтущихъ злаковъ. Нерѣдко, ночью, въ одной рубахѣ, не смотря на зимнее время, ее ловили за городомъ и приводили домой, прозябшею до костей. Лѣтомъ она почти не жила дома и, блуждая по полямъ, нерѣдко встрѣчала тамъ утреннюю зарю и сама приходила домой веселою и жизнерадостною. Къ этому ея родные привыкли и, занятые тяжелымъ трудомъ, предоставляли ей полную свободу, зная достоверно, что она никогда никого не трогала.

Среди обывателей города, а особенно окраинъ его, сложилась легенда, будто бы какая то дѣвушка каждую ночь встаетъ изъ гроба, на Мироносицкомъ клад-

бищѣ, и ходить по городу,—ищетъ того, кто унесъ крестъ съ ея могилы и разорилъ мѣсто ея упокоенія. И когда она найдетъ виновника такого преступленія, то она задушить его костлявыми руками такъ, какъ, чуть-чуть, не задушила она дочку прачки, Матрусю. Легенда эта наводила ужасъ даже на людей изъ богатаго круга. Многіе изъ ремесленниковъ ночью не иначе ходили по городу, какъ вооруженные коломъ или какимъ-либо инымъ орудіемъ, боясь возможности встрѣчи съ мертвецомъ, жаждущимъ мести за свой утраченный покой. Болѣе всѣхъ боялись этого мертвеца женщины и положительно отказывались куда бы то ни было идти ночью. Причиною такой боязни было и то повѣрье, что женщины—мертвецы болѣе любятъ нападать на женщинъ, чѣмъ на мужчинъ....

Бѣдная Матруся, какъ я уже сказалъ выше, отъ сильнаго испуга потеряла рассудокъ. Но ея умопомѣшательство изъ обостреннаго и безпокойнаго перешло въ тихое, меланхолическое. Она ни съ кѣмъ не вступала въ разговоры, сторонилась людей, искала уединенія, вела бесѣду шо-

потомъ, сама съ собою и, дождавшись лѣта, все чаще и чаще уходила изъ дома въ поле, къ берегамъ рѣкъ, на лоно природы, гдѣ проводила время, безмолвно любуясь всѣмъ, что окружало ее въ тѣ часы дня или ночи. Широта и просторъ поля нерѣдко приводили ее въ такой экстазъ восторга, что она начинала бѣгать по полю, пѣть, плясать и издавать звуки радости.

Нерѣдко она исчезала изъ дома на двое сутокъ, ночь проводила подъ открытымъ небомъ и ничего не ѣла. Если ее дома забирали и лишали возможности уйти, она забивалась въ какой либо узкій и темный уголокъ и тамъ по цѣлымъ днямъ тихо плакала и что то шопотомъ говорила сама съ собою. Но едва надзоръ за нею ослабѣвалъ, какъ она вновь уходила въ свое любимое поле, гдѣ она пѣла какія-то пѣсни или восторженно смѣялась, слѣдя пристально за движеніемъ облаковъ, или смотря на мерцаніе звѣздъ украинской ночи. Часто видѣли ее въ одной рубахѣ, босою, съ распущенными по плечамъ волосами и съ блуждающими глазами. Видавшіе ее въ такомъ нарядѣ, спѣшили уйти отъ нея и начинали сомнѣваться въ томъ, что они видѣли Матрусю, а не кого либо другого. Немало было и такихъ, которые принима-

ли ее за легендарную дѣвушку-мертвеца, ищущую того, кто разорилъ ея могилу.

Изъ числа такихъ пугливыхъ и расположенныхъ легко вѣрить всякимъ предразсудкамъ былъ Трофимъ Качановъ, парень лѣтъ восемнадцати, жившій мастеромъ у подрядчика кровельныхъ дѣлъ Сухотина. Худой, чахлый отъ постоянной возни съ варенымъ масломъ, страдающій астмой, малодушный, Трофимъ нерѣдко, по распоряженію своего хозяина, работалъ за городомъ и возвращался поздно ночью домой.

Однажды, при слабомъ свѣтѣ луны, Трофимъ возвращался съ одного изъ хуторовъ, расположенныхъ по берегу рѣки Немышли. Ночь была теплая. Переваливаясь съ ноги на ногу и мурлыча себѣ подъ носъ какую то нескончаемую пѣсню, Трофимъ, казалось, былъ въ веселомъ настроеніи духа и поглядывалъ на безбрежныя поля, разстилавшіяся передъ нимъ по правому берегу рѣки Немышли. Уже онъ приближался къ городу, и столбовая дорога, ведущая въ г. Чугуевъ и усаженная развѣсистыми вербами, уже была близка къ его пути. Вдругъ, неожиданно, въ глубокомъ тѣневомъ пятнѣ, образовавшемся вокругъ развѣистой вербы, мелькнула какая то бѣлая фигура, которая сразу выросла, сдѣлалась высокою и заша-

талась изъ стороны въ сторону, точно вѣтвь, колеблемая вѣтромъ.

Трофимъ остановился и началъ пристально присматриваться своими подслѣповатыми глазами, провѣряя, ужъ не обманывается ли его зрѣніе, что ему чудится что то непохожее на быль?

Но фигура выпрямилась, вышла изъ тѣневого круга и, оставивъ въ сторонѣ отъ себя вербу, подъ тѣнью которой она скрывалась, вышла на открытое мѣсто и, поднявши руки къ небу, еще полному блещущихъ звѣздъ, что то громко запѣла. Серебристымъ звукомъ разлился ея голосъ въ ночной тиши и тамъ, гдѣ то, далеко, далеко, замеръ въ воздухѣ...

Трофиму вспомнилось о дѣвушкѣ, которая по ночамъ встаетъ изъ своей разрушенной могилы и ходитъ по полямъ, желая найти того, кто нарушилъ ея вѣчный покой. Онъ присѣлъ, пригнулся къ землѣ, укрываясь за большимъ пнемъ полуразбитой вербы, и началъ слѣдить за ея движеніями, боясь быть ею замѣченнымъ.

Разсмотрѣвши, насколько могъ, что фигура, пѣвшая пѣсни, была женщина, онъ еще болѣе увѣрился въ томъ что это была, именно, та дѣвушка, которая встаетъ изъ своей могилы и по ночамъ бродитъ по землѣ.

На половину онъ былъ правъ.

Это была несчастная Матруся, которая, по обыкновенію, блуждала по полямъ и, отдаваясь вся созерцанію природы, легко приходила въ экстазъ, какъ человѣкъ чуткій къ возвышенной красотѣ и при этомъ больной нервами.

Пропѣвши какую то короткую пѣсню, обращая взоры свои къ небу, Матруся звонкимъ хохотомъ нарушила покой ночи и побѣжала по направленію къ межевому столбу, стоявшему вблизи ея. У столба она остановилась и, упавши на колѣни, залилась горючими слезами, поникнувъ головой къ землѣ.

Въ эти минуты, казалось, она была въ полномъ сознаніи и, созерцая величіе природы, впала въ молитвенное настроеніе своею чистою и еще нетронутою тлѣніемъ грѣха дѣтскою душою. Да и нельзя было не проникнуться благоговѣніемъ къ этой чудной и величественной картинѣ природы.

То тамъ, то здѣсь, какъ море, колыхались поспѣвавшія пшеница и рожь. Время было далеко за полночь, и къ восходу лучезарнаго солнца, точно къ празднику святому, готовилось небо, очищая себя отъ почивавшихъ на восточномъ его горизонтѣ облаковъ. Въ ближайшихъ хуторахъ слышался крикъ пѣтуха. Звѣзды начинали

меркнуть и исчезать въ эфирѣ неба; на Немыслѣ изрѣдка раздавались крики заночевавшихъ гусей; перепела во ржи перекликались; въ выси неба жаворонокъ пѣлъ утреннюю молитву Богу. И всю эту богатую плодами землю, и всѣхъ этихъ вѣщунъ близкаго разсвѣта утра, точно охраняя отъ безпредѣльной и всепоглащающей вѣчности, покрывалъ дивный куполъ неба, казавшійся высѣченнымъ изъ чистаго кобальта...

Матруся, закрывъ лицо руками, безмолвно молилась...

Между тѣмъ, Трофимъ, пользуясь тѣмъ, что она стояла къ нему спиною и не видала его, тихонько, почти ползкомъ, подошелъ къ ней и со всего размаха навыкшей руки кровельщика ударилъ ее зубиломъ по головѣ *).

Какъ скошенный стебель травы, свалилась Матруся и обагрила своею кровью только что расцвѣтшіе цвѣты полевого жасмина и бѣлой ромашки. Ея черепъ былъ раздробленъ до мозга, она была убита...

Трофимъ толкнулъ ногой свалившуюся Матрусю и, убѣдившись, что она убита, злобно промолвилъ:

*) Зубиломъ называется четырехгранная, толстая желѣзная полоса, на которой кровельщики выгибаютъ и загибаютъ желѣзные листы.

— Вишь, проклятая! Теперь не будешь ты пугать людей, да искать, кто разорилъ твою яму!..

Взваливши на плечо окровавленное зубило, Трофимъ быстро и съ спокойной совѣстью пошелъ по столбовой дорогѣ по направленію къ Харькову.

Возвратившись въ мастерскую, помѣщавшуюся, на Нетеченской набережной, въ домѣ, бывшемъ Карталова, у маленькаго мостика, черезъ протокъ рѣки Нетечи, Трофимъ встрѣтился со своимъ хозяиномъ, кровельщикомъ Сухотинымъ. Обрадованный такою встрѣчею, онъ поспѣшилъ ему рассказать, что онъ убилъ и какъ убилъ ту самую мертвячку, которая ходила по городу и искала того, кто разорилъ ея могилу.

— Ну, дяденька-хозяинъ! Теперь мертвячка проклятая не будетъ пугать людей и шлаться по ночамъ. Я ее зубиломъ убилъ! — весело, похваляясь своимъ подвигомъ, говорилъ Трофимъ.

— Да что ты, сумасшедшій, говоришь? — съ ужасомъ крикнулъ хозяинъ. Какую тамъ мертвячку ты убилъ?

— Ей Богу, убилъ! Вотъ посмотрите на зубило, — оно все въ ея чертовской крови!..

Недолго размышляя, Трофима связали и сдали полицейскому начальству, которое, не медля, препроводило его въ острогъ.

Начались допросъ и слѣдствіе. Восемь лѣтъ просидѣлъ Трофимъ въ острогѣ, пока судъ постановилъ рѣшеніе по его дѣлу. Ему уже было двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Быть можетъ, сидѣлъ бы онъ въ острогѣ еще большее число лѣтъ, если бы не встрѣтилась необходимость поспѣшить съ рѣшеніемъ по его дѣлу.

Въ похвалу того времени, нужно сказать, что тогда было меньше остроговъ и домовъ заключенія, чѣмъ теперь. И потому въ Харьковскую тюрьму приходилось заключать не только преступниковъ, совершившихъ преступленія въ г. Харьковѣ, но и въ другихъ городахъ. Это нерѣдко вело къ тому, что въ Харьковскомъ острогѣ становилось слишкомъ тѣсно и нужно было употребить экстренныя мѣры для освобожденія нѣсколькихъ мѣстъ ввиду ожидаемаго прибытія этапа арестантовъ изъ уѣздовъ губерніи. Началась провѣрка заголовковъ уголовныхъ дѣлъ, и откладывались къ немедленному рѣшенію тѣ дѣла, которыя ожидали резолюціи пять и болѣе того лѣтъ. А такъ какъ Трофимъ сидѣлъ въ острогѣ уже болѣе восьми лѣтъ, то его дѣло и было немедленно рѣшено и сдано къ немедленному исполненію.

— И зачѣмъ вы задерживаете такія старыя дѣла? — съ неудовольствіемъ гово-

рилъ предсѣдатель уголовной палаты своему секретарю.

— Тутъ недостаетъ свидѣтельскаго показанія о его умственныхъ способностяхъ!— отвѣтилъ секретарь.

— Какія тамъ умственные способности?— нетерпѣливо возразилъ предсѣдатель. Подсудимый—видимый дуракъ, а вы толкуете о его умственныхъ способностяхъ! Сегодня же напишите резолюцію: наказать его пятьюдесятью ударами плетей черезъ палача и сослать въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ! Вы знаете, что намъ нужно очистить въ острогѣ мѣсто для новаго этапа!?

Приказаніе было въ точности исполнено, и черезъ пять дней послѣ рѣшенія Трофима везли черезъ весь городъ на Конную площадь, на колесницѣ, фасонъ которой мною описанъ выше. А вслѣдъ за нимъ, въ послѣдующіе дни везли другихъ преступниковъ, такимъ способомъ очищая мѣсто для имѣвшихъ вновь прибыть арестантовъ. И для обывателей города на нѣсколько дней открывался даровой спектакль, напоминавшій арену римскаго цирка.

Толпами за колесницей шли и бѣжали старики, старухи и молодые дѣвушки, женщины съ грудными дѣтьми, дѣти всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ и, къ стыду

прошедшихъ лѣтъ, на площади, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ, стояли коляски или парныя сани, запряженные тысячными рысакими, которые горделиво храпѣли и рыли копытами землю, кичась, что въ экипажахъ, ими везомыхъ, сидѣли молодыя и старыя дамы, а рядомъ съ ними и красавицы—барышни. Умышленно умалчиваю о томъ, чьи были эти лошади и экипажи, такъ какъ не пристойно поминать лихомъ то, что давно уже миновало...

Тяжело смотрѣть на такія сцены, но тяжело и описывать ихъ. Трофимъ не выдержалъ тяжкаго наказанія и въ тюремной больницѣ, пролежавъ съ недѣлю, умеръ. А толпа, шедшая и бѣжавшая за его колесницей, возвращаясь домой, галдѣла на разные лады.

— Вишь, варваръ, Трошка! Такъ ему и надо!—говорили одни.

— Да какъ онъ, бѣдняга, не разглядѣлъ, что это не мертвячка, а живая дѣвушка? Знать, крѣпко выпивши былъ—говорили другіе.

— Ну, вотъ, пойдѣ же ты! Сказано мастеровой человѣкъ: шелъ съ работы ну и выпилъ...

— А тутъ дьяволъ подвернулся. Ужъ онъ радъ попутать человѣка крещеннаго,—

въ отвѣтъ заканчивалъ мысль своего собесѣдника шедшій рядомъ портной.

— Да, да! Истинно такъ! Правильно изволите говорить!—утвердительно отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Да такъ ему и надо!—гдѣ-то, въ сторонѣ, слышался возгласъ.

— Нельзя не наказывать. Только строгостью и можно исправить людей—съ достоинствомъ говорилъ какой-то маіоръ въ отставкѣ какой то шедшей съ нимъ разодѣтой барынѣ.

А дѣти?

О, дѣти, юныя и чистыя души, еще незапятнанныя кровью ближняго! Они группами возвращались съ этого занятнаго зрѣлища и, переполненные вынесеннымъ впечатлѣніемъ изъ видѣнной ими живой картины, перебивая и не слушая другъ друга, рассказывали, перечисляя малѣйшія подробности о томъ, какъ палачъ засучилъ себѣ рукава, да какая у него была плеть, да какъ крикнулъ подсудимый отъ перваго удара и какъ потомъ, на седьмомъ ударѣ, замолчалъ и ужъ больше не кричалъ.

— Нѣтъ на восьмомъ? Я сама считала,—увѣренно противорѣчила дѣвочка.

— На, восьмомъ? Ты много знаешь—съ негодованіемъ протестовалъ мальчикъ.

— Я самъ считалъ тоже—кричалъ второй мальчикъ. Онъ замолчалъ на десятомъ ударѣ. А потомъ началъ стонать...

— Да, да!—крикнула обрадованная извѣстіемъ дѣвочка. Онъ началъ стонать. А потомъ и замолчалъ...

И шли эти дѣти, все по прежнему жизнерадостно и горячо дѣлились они впечатлѣніями ими видѣннаго зрѣлища. И что сѣялось въ эти минуты въ ихъ души, представляющія собою неистощенную и разрыленную почву, на которой всякое зерно способно принести плодъ сторицею? И что кому изъ нихъ болѣе всего понравилось и что у кого запало глубоко въ сердце?... Никто не задавался такими вопросами и никто не вѣдалъ и не подозревалъ ничего, пока взрослое сѣмя не разрѣшалось расцвѣтомъ чернаго цвѣтка, полного безобразія и зловоннаго запаха, въ тяжелые годы ихъ возмужалости...

Среди всей этой толпы дѣтей, одна дѣвочка вела подъ руку брата своего калѣку, который, на костыляхъ и при помощи сестры своей, едва могъ идти, а все же шелъ и выстоялъ весь процессъ наказанія.

— А какъ думаешь, Вѣра, отчего это убійца пересталъ кричать?—спрашивалъ сестру свою калѣка.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, Миша! И зачѣмъ мы пришли сюда? Господи! какъ мнѣ жаль его!...

— Да что ты, Вѣра, — одурѣла? Убійцу тебѣ жалко? — сердито возражалъ калѣка, едва передвигая ноги.

— Миша, Миша, грѣхъ тебѣ будетъ! Уйдемъ скорѣй! — и Вѣра повернула за уголъ въ улицу, противоположную площади казни.

Описавши цѣлый рядъ способовъ и возможностей пользоваться развлеченіями и увеселеніями, совмѣстно съ зрѣлищами, какія выпадали на долю бѣднаго и трудолюбиваго люда того времени, я на этомъ послѣднемъ описаніи могъ-бы остановиться.

Но для полноты перечня всѣхъ развлеченій, я опишу еще нѣкоторыя изъ временныхъ увеселеній. Время отъ времени пріѣзжалъ въ Харьковъ циркъ, состоявшій изъ сборной, бродячей труппы клоуновъ, акробатовъ и наѣздниковъ. Онъ строилъ для себя временный балаганъ изъ шелевокъ на Михайловской площади. Большой величины обручъ, обставленный кругомъ сальными свѣчами, представлялъ собою люстру, которая висѣла посрединѣ цирка. По краямъ были сдѣланы стойла,

которыя назывались ложами, а затѣмъ амфитеатромъ шли скамьи вокругъ всей арены цирка.

Желая привлечь въ свой циркъ побольше зрителей, антрепренеръ цирка время отъ времени открывалъ по улицамъ города торжественныя шествія. Колесница, на двухъ колесахъ, древнеримскаго фасона, какія, обыкновенно, изображаютъ на фронтонахъ театровъ и на триумфальныхъ аркахъ, запрягалась парой лошадей. Молодая наѣздница, въ римскомъ костюмѣ временъ цезарей, или же молодой наѣздникъ, одѣтый въ трико и въ тогѣ, въ сопровожденіи клоуновъ и наѣздницъ, верхомъ, въ костюмахъ вакханокъ, съ жезлами въ рукахъ и въ вѣнкахъ изъ виноградныхъ листьевъ, въ день большого представленія, ѣздили по большимъ улицамъ города, трубили въ трубы и тѣмъ привлекали къ себѣ вниманіе жителей, возбуждая желаніе побывать въ циркѣ.

Также временно наѣзжалъ въ Харьковъ звѣринецъ и помѣщался съ своимъ балаганомъ на Николаевской площади, гдѣ въ настоящее время возвышается фонтанъ. Ревѣли по ночамъ львы, рычали гіены и раздирали уши своимъ крикомъ обезьяны. При звѣринцѣ, почти всегда, находился украинской породы быкъ или теленокъ, у

котораго, по странной игрѣ природы, была какая-либо аномалія въ наружныхъ частяхъ тѣла. Это считалось чудомъ изъ чудесъ, и звѣринецъ всегда посѣщался усердно публикою.

Наѣзжалъ также въ Харьковъ время отъ времени музей, въ которомъ было все, кромѣ рѣдкостей.

„Монаха Шварца былъ карманъ,
И знаменитой Ленорманъ
Тамъ были тройка, тузъ, валетъ,
Которыми она Наполеону
Вѣщала царскую корону;
Тамъ Лютера висѣлъ жилетъ,
Убийцы Генриха стилетъ,
И маслянный грояща Гектора портретъ.
Тамъ было все. Изъ золота морского слитки,
И инквизиціи тамъ были пытки,
Костюмъ Баття, весь изъ шелка...
Лишь не было тамъ рѣдкостей и толка“.

Приѣзжала въ Харьковъ и панорама, въ которой показывались города Европы съ непремѣннымъ Парижемъ и Стамбуломъ во главѣ. Были виды Венеціи, по каналамъ которой разѣзжали лодки, напоминавшія байдарки на Дону. Но виды городовъ Россіи, даже Москвы и Кіева—всегда отсутствовали. Не было недостатка и въ веселыхъ картинахъ. Показывали римскій карнавалъ и двухъ англійскихъ боксеровъ, съ оголенными по плечо руками и въ русскихъ рукавицахъ.

При панорамѣ, также и при музеѣ, какъ необходимость, безъ которой музей—

не музей, всегда, въ особомъ помѣщеніи и за особенную плату, показывалась прекрасная Венера. Въ панорамѣ, эту Венеру, изображенную красками на полотнѣ, представляла нагая, рыжая дѣвушка съ носомъ, вздернутымъ къ верху, и съ хорошо откормленнымъ тѣломъ. А въ музеѣ, — на оттоманкѣ, лежала восковая фигура, изображавшая нагую дѣвушку довольно жирную и некрасивую. Въ одной рукѣ она держала конецъ чубука отъ кальяна, тутъ же стоявшаго, а другою рукой поддерживала свою голову.

Глупо смотрѣла Венера стеклянными глазами на зрителей; а грудь ея вздымалась такъ высоко, что напоминала отдышку послѣ жирнаго обѣда и хорошей выпивки. На обывателей же города, эта дышащая Венера наводила и ужасъ, и удивленіе, заставляя потомъ много дней разсуждать о великомъ искусствѣ иностранцевъ.

Всѣ эти рѣдкости и дикости базарнаго искусства смотрѣли обыватели города за свои трудовые гроши. И составляли они по нимъ понятіе о предметахъ, о городахъ и людяхъ, съ которыхъ снимки были достояніемъ музеевъ и панорамъ...

Для законченности начертанной мною картины, я, ко всему сказанному, могу только прибавить еще нѣсколько словъ о

свадьбахъ, которыя въ длинные мясофды доставляли обывателямъ города немалое удовольствіе. Но что это было за удовольствіе! Это было время разгула и безобразной вакханаліи, въ продолженіе трехъ и болѣе дней, послѣ каждой свадьбы. Справлявшіе свадьбу, такъ же какъ и принимавшіе въ ней участіе, всѣ эти дни, кромѣ расхода и убытка, для себя ничего не имѣли. На другой день, свадьбы молодые, въ сопровожденіи сватовъ, свахъ и другихъ чиновъ свадебнаго штата, шли по улицамъ города съ музыкантами къ отцу и къ роднымъ, какъ жениха, такъ и невесты, и во время ихъ шествія картины скабрезнаго характера слѣдовали одна за другой. Напрасно канканъ приписываютъ изобрѣтенію парижанъ. Это танецъ архаическаго происхожденія и ведетъ свое начало со временъ до-историческихъ. Всѣ дикія племена совершаютъ свои скотскія оргіи съ этимъ танцемъ. И у нашего простаго народа свадебные танцы, даже танцы при религіозныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ сектантовъ, имѣютъ характеръ канкана. Тѣмъ же характеромъ отличаются танцы свадебные у малороссіянъ. Танцы—„журавель“, „метелица“ и др.—полны движеній, напоминающихъ симптомы болѣзней *pinfomani*-и и *satiriasis*-а. При этомъ поются

женщинами пѣсни такого содержанія, что ухо, облагороженное воспитаніемъ, не можетъ слушать ихъ равнодушно. И все это совершалось и пѣлось открыто, на улицахъ и площадяхъ, привлекая къ себѣ вниманіе мальчиковъ и дѣвочекъ, которые кучками бѣжали за свадебнымъ кортежемъ и съ малыхъ лѣтъ научались тому отвратительному обычаю, который въ зрѣлые годы служить почвой для развитія дурныхъ инстинктовъ.

Никто не рѣшится отрицать, что жизнь человѣческая дѣлится сама собою, безъ участія кого либо извнѣ ея, на двѣ существенныя половины: на половину, переполненную трудомъ, и на другую половину, предназначенную для отдыха и удовольствій. Правда, для многихъ, большая половина жизни приходится на трудъ, а меньшая—на отдыхъ и удовольствія. Но важно то, что нѣтъ такой силы и власти на землѣ, которыя бы могли подавить у человѣка стремленія къ удовольствію и отдыху. И потому, если нѣтъ отдыха и удовольствій высшаго порядка, которыя смягчаютъ нравъ, развиваютъ умъ и облагораживаютъ образъ жизни, то человѣкъ, согласуясь съ уровнемъ своего развитія, самъ создаетъ себѣ и отдыхъ, и удовольствіе, не спрашиваясь о томъ, хороши они или нѣтъ.

Но такими мыслями доброе старое время не задавалось, и потому простые обыватели города, къ сожалѣнію, какъ я уже указалъ выше, пользовались и отдыхомъ, и удовольствіями жизни, заставлявшими желать многого лучшаго.

Къ разсказу объ удовольствіяхъ, какими пользовались обыватели Харькова, считаю нелишнимъ присовокупить кое-что и о тѣхъ *неудовольствіяхъ*, какія нерѣдко выпадали на долю ихъ отъ самоуправства и хищнической воли богатыхъ жителей города. Особенно страдали отъ этого крестьяне, привозившіе на базаръ, въ воскресные дни, сѣно, овецъ, муку, живую птицу и другіе сельскіе продукты для продажи. Затѣмъ, жертвами самоуправства и хищничества являлись торговки, которыя, живя на окраинахъ и въ предмѣстьяхъ города, на Ивановкѣ, на Журавлевкѣ и на Основѣ, занимались приготовленіемъ къ продажѣ различной птицы, масла, творогу и разной огородной зелени. Но эти постоянныя торговли городского базара, насколько страдали отъ самоуправства богачей и власть имѣвшихъ, настолько и сами изощрялись въ смѣломъ и хищническомъ способѣ пріобрѣтенія вышеперечисленныхъ продуктовъ отъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ сельскихъ жителей.

Торговки, въ субботу, вечеромъ, и въ воскресенье, съ разсвѣтомъ дня, цѣлыми группами, раздѣляясь при этомъ по специальностямъ своей торговли—на птичницъ, на масляницъ и на огородницъ,—выходили за версту и болѣе того за городъ на дороги, по которымъ, обыкновенно, везли крестьяне свои продукты, въ Харьковъ, для продажи. Едва такая подвода успѣла приблизиться къ группѣ женщинъ, ожидавшихъ ее, какъ ея хозяина—крестьянина обступали кругомъ, лошадь съ подводой останавливали и начинали приторговывать всю птицу или весь продуктъ, помѣщавшійся на возу. Торгъ шелъ ожесточенный, и отъ крестьянина требовали, чтобы онъ огуломъ продалъ свой товаръ за такую-то сумму. При этомъ шли неистовыя божбы, клятвы и увѣренія, что на базарѣ ему не дадутъ такой высокой цѣны за товаръ, какую онѣ ему предлагаютъ. Настаиванія и увѣренія были такъ горячи и отличались такимъ враждебнымъ тономъ, что ихъ нельзя было отличить съ перваго взгляда отъ настоячивыхъ требованій и даже болѣе того.

Крестьянинъ, добродушный и довѣрчивый, послѣ борьбы съ этими пѣшими амазонками, наконецъ, сдавался на капитуляцію и продавалъ имъ весь свой товаръ, не довезя его до базара. Быстро покупщи-

цы, отдавши деньги, разбирали товаръ по рукамъ и возвращались въ городъ, предварительно согласившись между собою держать цѣну. Было не мало въ Харьковѣ чиновниковъ и купцовъ, которые приходили на базаръ, выбирали для себя необходимый товаръ и, назначая сами за него цѣну, швыряли деньги крестьянину или торговкѣ и уѣзжали съ отнятымъ товаромъ домой. Особенно отличался такимъ способомъ покупки жизненныхъ продуктовъ весьма богатый купецъ Кутильниковъ, имѣвшій домъ на Николаевской площади, нынѣ принадлежащій Васильеву. Кутильниковъ былъ извѣстенъ всѣмъ подѣ именемъ „Прима“. Онъ имѣлъ привычку почти за каждымъ словомъ говорить: „примъ сказать“, (сокращеніе—примѣромъ сказать) и потому его всѣ и знали подѣ именемъ „Примъ“.

Появленіе „Прима“ на базарѣ, среди торговкѣ, производило панику. Первая торговка, увидавшая его, спѣшила передать даже недругу своему—сосѣдкѣ, что по базару ходитъ „Примъ“. Что было особенно рѣдкаго и дорогого, немедленно пряталось; но „Примъ“, на подобіе Чингизъ-хана, настигалъ ихъ и выхватывалъ своими затребуемыми руками то, что ему приходилось по сердцу. Если же какая либо торговка не желала брать за товаръ предлагаемую

цѣну, то его камышевая палка немедленно начинала убѣждать торговку въ безразсудномъ ея упорствѣ и тщательно массировала спину и ребра несговорчивой продавщицы. Впрочемъ, „Примъ“ не составлялъ собою исключенія.

Если „Примъ“ выбиралъ себѣ два—три воза сѣна или овса, то, не спрашивая крестьянина о цѣнѣ, приказывалъ везти возы съ сѣномъ въ его домъ, слѣдуя за ними экипажемъ, нагруженнымъ разными жизненными продуктами, приобретенными при посредствѣ камышевой палки. Во дворѣ своемъ „Примъ“, сложивши сѣно, отдавалъ крестьянину ту сумму денегъ, какую онъ желалъ ему дать. Всякое сопротивленіе крестьянина оканчивалось тѣмъ, что его выгоняли со двора и запирали за нимъ ворота. И не было во всемъ городѣ ни мѣста, ни человѣка, у котораго обиженный крестьянинъ могъ бы найти для себя судъ и защиту...

Мнѣ приходилось не разъ слышать хвастливые отзывы о томъ, что въ настоящее время санитары тщательно слѣдятъ на базарахъ за доброкачественностью и свѣжестью провизій. Но и въ описываемое мною время еще съ большимъ тщаніемъ слѣдили за тѣмъ-же. Особенно ревностно слѣдилъ за этимъ квартальный Дудыш-

кинъ, съ которымъ я недавно познакомилъ читателя моихъ воспоминаній.

Дудышкинъ, обыкновенно, приходилъ на базаръ въ сопровожденіи полицейскаго солдата, который несъ изъ редюги большой мѣшокъ. Пройдя къ торговкѣ, у которой была битая птица, онъ приказывалъ солдату взять въ руки указанную имъ индѣйку и понюхать, не имѣетъ-ли она запаха испорченнаго продукта.

— Ну, что?—спрашивалъ квартальный у солдата. Воняетъ?

— Воняетъ, ваше —скородіе! — отвѣчалъ солдатъ.

— Я такъ и думалъ!—съ негодованіемъ говорилъ Дудышкинъ. Вотъ такъ довѣряться имъ,—этимъ сатанинскимъ душамъ. Клади индѣйку въ мѣшокъ!!.

— Да что вы, ваше высокородіе?—вопила торговка. У меня вся птица ночью рѣзана, теперь видите какой морозъ. Ей-Богу—свѣжая!..

— Молчи, молчи, глупая, а не то я весь товаръ твой забракую!...—сердито и внушительно отвѣчалъ Дудышкинъ и продолжалъ пересматривать овощи у ея сосѣдокъ, тщательно откладывая въ мѣшокъ все, по его мнѣнію, негодное для пищи, радѣя, конечно, о здоровьѣ городскихъ жителей. А солдатъ-экспертъ, какъ

неподкупный гигиенистъ, опредѣлялъ достоинство и качество товара...

Такою жизнью униженныхъ и оскорбленныхъ, безправныхъ и угнетенныхъ, жило значительное большинство населенія Харькова въ описываемые мною сороковые и пятидесятые годы. Жизнь этого населенія, при неусыпномъ трудѣ и скудномъ заработкѣ, при полной зависимости отъ произвола оцѣнки труда и работы, при скудныхъ удовольствіяхъ сомнительнаго достоинства; жизнь, какая-то полумонастырская, при ограниченномъ кускѣ хлѣба и безъ духовной и умственной пищи, тянулась вяло. Въ молчаніи проводили люди дни и годы своей жизни, ходили въ тѣмѣ ощупью и руководились преданіями своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Безъ крика и шума надвигалась новая полоса жизни. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, и люди уже не разъ, послѣ радостной встрѣчи первой своей весны, переживали зиму и стужу непроглядной старости, сознавая въ душѣ, что

„Старья свои, чай, кости,
Пора покоить на погостъ...”

Шло время, говорю я, а на востокѣ, едва замѣтною полосой, занималась, между разорвавшимся пластомъ нависшей тучи, свѣтлая, отрадная заря новой жизни...

Севастопольская война была въ полномъ разгарѣ. Отчаянный бой защиты своей родины дошелъ до крайней степени своего подъема.

Не только военные люди, но и граждане города, обыватели селъ и деревень, какъ будто, слились въ одну неразрывную силу, въ титаническую мощь легендарнаго богатыря земли русской, и ополчились на врага, отстаивая пядь земли, когда то омытой кровью русскаго солдата. Не было дня, чтобы въ Харьковъ не пріѣзжали изъ Севастополя раненные и выздоравливающіе воины славной рати. И что за чудные дни жизни переживали въ то время харьковцы, слыша постоянно отъ храбрыхъ бойцовъ за родную землю о различныхъ подвигахъ храбрыхъ солдатъ, о чудодѣйственной храбрости Корнилова, Тотлебена, Хрулева и о различныхъ пластунахъ-охотникахъ, искусно и удачно дѣлавшихъ вылазки противъ непріятеля.

Раненные и выздоровѣвшіе, но уволенные въ продолжительный отпускъ на поправку, по распоряженію начальства, размѣщались по домамъ, на частныхъ квартирахъ, бесплатно. На содержаніе же ихъ отпускались суммы тѣмъ, которые не желали безвозмездно кормить раненныхъ. Не утверждаю, чтобы всѣ, но не помню та-

кихъ, которые бы желали получать провіантныя деньги. Всѣ богатые и зажиточные люди города съ радушіемъ давали защитникамъ отечества пріютъ, покой и пищу.

Высшіе чины и офицеры дѣйствующей арміи имѣли квартиры въ домахъ и семьяхъ богатыхъ дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. И лишь немногія изъ богатыхъ купеческихъ семей отказывали имъ въ квартирахъ и на свой счетъ нанимали для нихъ номера въ гостинницахъ, платя свои деньги за содержаніе. Причиною этого, въ большинствѣ случаевъ, были взрослые дочери, при которыхъ принимать въ домъ молодыхъ квартирантовъ считалось неподходящимъ дѣломъ. Но такихъ семей и домовъ было весьма немного. Они преимущественно принадлежали богатымъ купцамъ старообрядческаго толка.

Объ этомъ я буду говорить болѣе подробно въ слѣдующихъ главахъ. Итакъ, какъ я сказалъ, что отрадная заря уже загоралась на востокѣ, то свѣтлый разсвѣтъ радостнаго утра чувствовался всѣми. Не смотря на то, что въ мѣстныхъ „Вѣдомостяхъ“, какъ и вообще въ прессѣ, не было никакихъ намековъ на нововведенія, но Богъ вѣсть почему, начали блуждать среди народа слухи о какой то волѣ, о

какихъ-то отпускныхъ и объ уничтоженіи дней барщины. Хотя не мало было стариковъ, которые этимъ слухамъ не придавали серьезнаго значенія и даже совершенно игнорировали ихъ, слухи, тѣмъ не менѣе, не переставали циркулировать среди народныхъ массъ, производя на нихъ отрадное впечатлѣніе.

Такъ вешнія воды ничтожнымъ и едва замѣтнымъ отверстіемъ пролагаютъ себѣ путь черезъ запруды и уносятъ то, что мѣшаетъ имъ широко разлиться на нивы, жаждущія влаги...

Насталъ 1855 годъ, и точно всеразрушающій громовой ударъ раскатился по всѣмъ городамъ и весямъ Россіи, оповѣстивши о смерти Императора Николая I-го.

Для харьковцевъ такая неожиданная и скорбная вѣсть о смерти любимаго Царя не могла пройти безслѣдно. Сильно призадумались харьковцы. Во многихъ семьяхъ (скажу безъ преувеличенія) плакали подъ давленіемъ скорби объ утратѣ Царя-рыцаря, надежды всея Россіи; а также и отъ какого-то страха за судьбу Россіи, а Севастополя и Крыма—въ особенности.

Въ послѣдней статьѣ моей я остановился на рубежѣ шестидесятыхъ годовъ. Но я былъ-бы не правъ, если бы въ настоя-

щее время повелѣть рѣчь о Харьковѣ, какимъ онъ былъ съ своими обывателями въ шестидесятыхъ годахъ. Много еще не сказано о томъ, что творилось въ пятидесятихъ годахъ, и потому мнѣ не разъ прійдется возвращаться къ этимъ годамъ, чтобы заполнить образовавшіеся пробѣлы, такъ замѣтные для наблюдательнаго читателя.

Возвратившись изъ за границы, я, какъ художникъ, былъ озабоченъ, когда мнѣ сказали мои товарищи по профессіи, что въ Харьковѣ не требуются ни картины вообще, ни пейзажи въ особенности, и въ художникахъ Харьковъ не нуждается. Что же касается скульптуры, то о таковомъ звѣрѣ харьковцы даже не имѣютъ никакого представленія, если не считать за скульптурныя произведенія гипсовыхъ копій, качающихъ на проволоку своими головами. Хотя спѣшу сказать, что въ то время въ харьковскомъ университетѣ былъ небольшой музей изящныхъ искусствъ, а на кафедрѣ по исторіи изящныхъ искусствъ былъ академикъ Репнинъ, домъ котораго находился на углу Екатеринославской улицы и Жандармской площади. Кроме почтеннаго академика Репнина, въ то время въ Харьковѣ были художники: два брата Колтуновскіе, Савицкій, Карпо,

Гринфельдъ, Гленцнеръ, Волошиновъ, Безперчи и одинъ изъ выдающихся живописцевъ—Куликовскій, имя котораго осталось въ названіи Садово-Куликовской улицы, на которой онъ первый поселился, почти среди лѣса, и имѣлъ собственный домъ съ живописною мастерскою. Его конкурентомъ по работѣ, не менѣе талантливымъ, былъ живописецъ Д. О. Ланевскій. Что касается художниковъ академическаго образованія, то, безспорно, въ то время выдающимся художникомъ былъ Безперчи, который, послѣ попытокъ Венеціанова и Оедотова начать писать картины изъ народной жизни, однимъ изъ первыхъ, остановился на народныхъ сюжетахъ, — изъ жизни малороссіянъ. Не менѣе талантливымъ художникомъ по портретной живописи былъ художникъ Ладинъ, сынъ извѣстной и талантливой актрисы Ладиной, имѣвшей амплуа коммическихъ старухъ, свахъ и ворожей. Затѣмъ, художникъ Волошиновъ, специальность котораго была перспектива и *nature morte*, неустанно трудившійся надъ изученіемъ избраннаго имъ жанра искусства.

Кромѣ этихъ представителей искусства, въ Харьковѣ, въ тѣ годы, я засталъ помѣщицу Звѣреву, имѣвшую свой домъ на Михайловской площади, нынѣ принадле-

жащій С. Ф. Морошкину. Любили также рисовать маслянными красками—г-жа Танская, помѣщица Кульчицкая, дѣвица лѣтъ восемнадцати, съ которой художникъ Ладинъ, какъ портретистъ по специальности, написалъ прелестный портретъ, съ извѣстной въ то время красавицы княжны Ахматовой, произведшій хорошее впечатлѣніе на академической выставкѣ въ Петербургѣ. Помѣщица Кульчицкая хорошо работала акварелью портреты-миніатюры на слоновой кости, но не жила постоянно въ городѣ, а наѣзжала изъ своего богатаго имѣнія въ Харьковъ, преимущественно въ Троицкую ярмарку. Если помнить читатель, я упомянулъ уже о студентѣ К. А. Поплавскомъ, прекрасно писавшемъ портреты на слоновой кости. Но было-бы грѣшно умолчать объ акварелистѣ студентѣ Левдикѣ, писавшемъ портреты. При университетѣ въ то время былъ синдикомъ Касинскій; какъ диллетантъ и любитель, онъ рисовалъ маслянными красками и считался непогрѣшимымъ судьей по оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. А если къ этому перечню мы прибавимъ три—четыре иконописныхъ мастерскихъ, имѣвшихъ до пятнадцати живописцевъ, то недочетъ въ перечнѣ художниковъ выразится въ лицѣ двухъ-трехъ личностей, не иг-

равшихъ особенно важной роли въ дѣлѣ искусства.

Еще въ тѣ годы былъ извѣстенъ живописецъ Грицко Хмара, страстно любившій искусство и положившій животъ свой за него. Но о немъ, впрочемъ, буду говорить особо.

Въ Харьковѣ въ описываемые годы не было ни одного магазина картинъ и эстамповъ, гдѣ бы можно было купить какую-либо гравюру или какой-либо эстампъ. О городскомъ музеѣ и помышлять не было никакой возможности уже потому, что никто никогда о немъ не говорилъ и никто въ немъ не нуждался. Если же иной разъ молодой чиновникъ проѣздомъ изъ Петербурга хвастливо заводилъ рѣчь объ Эрмитажѣ и его драгоцѣнностяхъ, что нѣсколько щекотало и возбуждало умы юныхъ обывателей города, то на сожалѣнія, что у насъ нѣтъ картинной галлерей, немедленно появлялись возраженія со стороны отцовъ и дѣдовъ, столповъ и мудрецовъ богоспасаемаго града, его же твердыню ни громы не поколеблять, ни разверзшіяся хляби не подмоютъ, дондеже

старцы мудрые не умрутъ и градъ велій не оставятъ на руцѣхъ юности неразумной.

— Да что ты, Павелъ, глупыя желанія лелѣешь въ душѣ своей? Развѣ можно намъ, провинціаламъ, намъ, маленькимъ человѣчкамъ, мечтать о музеяхъ, о картинахъ, объ Эрмитажѣ? Эта роскошь только царямъ въ пору, да богачамъ. Да и на что намъ эти картины?—обыкновенно, отвѣчалъ отецъ своему сыну, увлекшемуся разсказомъ проѣзжаго петербуржца объ Эрмитажѣ и его сокровищахъ.

И мудрый отецъ по своему былъ правъ.

Въ Харьковѣ, въ предмѣстьѣ „Основа“, въ собственномъ имѣніи, жилъ богатый помѣщикъ Квитка, у котораго была прекрасная и весьма разнообразная картинная галлерей, вмѣщавшая въ себѣ картины кисти извѣстныхъ художниковъ шестнадцатаго столѣтія. А изъ современныхъ тому времени знаменитостей были картины Айвазовскаго и Калама. Кромѣ того эта картинная галлерей была богата значительнымъ количествомъ эстамповъ, гравюръ, акварелей и набросковъ карандашемъ извѣстныхъ мастеровъ. Но никто не интересовался этимъ хорошимъ собраніемъ художественныхъ произведеній, относясь къ нему не съ любовью, а скорѣе терпѣливо, какъ къ слабости богатаго русскаго барина.

Весьма интересныя картинныя галлерей были у Кузина и Алфераки. Но о ихъ существованіи знали весьма немногіе, хотя доступъ къ нимъ былъ не такъ труденъ, какъ, быть можетъ, это думали.

Въ небольшой картинной галлерей Кузина была весьма выдающеюся художественной работы картина внушительныхъ размѣровъ нашего извѣстнаго баталиста и любимца Николая Павловича, академика Бабаева, „Взятіе крѣпости Гуниба, на Кавказѣ—мѣстѣ резиденціи Шамиля“. Не менѣе прекрасной работы написаны имъ на мѣстные образа въ домово́й церкви архіерейскаго дома по заказу архіепископа Филарета. Василий Великій, совершающій литургію, особенно вышелъ удачнымъ по экспрессіи и правдѣ вѣрной натурѣ. Бабаевъ писалъ всѣ предметы, вошедшіе въ сюжетъ образа: ризы, престолъ, чаши, дискосъ, евангеліе, свѣтильники и пр., и пр., съ натуры, почему образъ представляетъ собою нѣчто жизненное, влекущее къ себѣ и возбуждающее религіозное настроеніе у молящагося. Къ сожалѣнію, по неизвѣстной причинѣ, съ образовъ кисти Бабаева написанны копи и вставлены въ иконостасъ, а оригиналы развѣшены по стѣнамъ домово́й церкви...

Не менѣе интересенъ и талантливъ по работамъ былъ художникъ Безперчи. Онъ разрабатывалъ сюжеты изъ народной жизни малороссіянь. Размѣръ его картины всегда былъ небольшой, кабинетный, но по сюжетамъ всегда его картины были полны интереса и жизненной правды. Особенно, мнѣ памятна картина его работы: крестьянка, лѣтъ четырнадцати, ведетъ своего сѣдовласаго старика—отца, нѣсколько охмелѣвшаго, домой „до своей хаты“, изъ шинка. Все небо покрыто темною, грозовою тучею. Вѣтеръ уже началъ крѣпчать, и вотъ, вотъ туча заволокнетъ собою солнце, яркимъ пятномъ отразившее свои лучи на смугломъ лицѣ старика и на бѣлой сорочкѣ дѣвочки, со страхомъ смотрящей на движеніе тучи.

Не менѣе прекрасны были пейзажи Гринфельда. Его—„Пожаръ въ деревнѣ ночью“ и „Задній дворъ малороссіянина“, особенно, были хороши и правдивы.

Все это было и говорило само за себя; а среди харьковской публики не находило себѣ сочувствія.

За исключеніемъ весьма немногихъ личностей, большинство настолько относилось холодно и индифферентно къ искусству,

что живопись считалась несерьезнымъ занятіемъ, не продуктомъ таланта и влеченія, а забавой, (правда, благородной, желательной забавой) въ свободное время. А потому меня на первыхъ порахъ поражали требованія знакомыхъ, посылаемые по моему адресу, „написать картинку“ то тому, то другому, не придавая никакого значенія труду и искусству, могущему быть затраченными на выполненіе такого интереснаго заказа. Да и вообще, какъ я уже сказалъ, на это занятіе смотрѣли, какъ на пріятное препровожденіе времени.

— А вы все картинки рисуете?—задаетъ вопросъ внезапно зашедшій къ художнику гость, заставшій его за работой. Занятное, я вамъ скажу, дѣло. Но только не прибыльное. Вы бы лучше на службу поступили. Знаете-ли,—все какъ-то виднѣе, и прибыльнѣе.

И такъ говоритъ—другой, третій...

И, вотъ, художникъ, насидѣвши въдоволь безъ заказовъ и безъ продажи картинъ, начинаетъ хлопотать о мѣстѣ и, пристроившись въ гимназію учителемъ чистописанія и рисованія, складываетъ свои художественскіе достѣхи и начинаетъ выводить прежде элементы буквы, а потомъ отдѣльныя буквы и, наконецъ, цѣлыя слова. А впереди... старость, со слабостью зрѣ-

нія и пряжка за сорокъ лѣтъ службы безъ пенсіи. И для того, чтобы закончить такія великія блага міра сего, нужно было строить громадное зданіе академіи, съ за-виднымъ штатомъ служащихъ, а учащимся,—пробыть на скамьяхъ не менѣе шести лѣтъ, а затѣмъ, художникамъ, съ выдающимися способностями, ѣхать на три года пансіонерами за границу для пріобрѣтенія и высшихъ знаній по искусству, и высшаго званія по академическому уставу.

По возвращеніи изъ-за границы, незамѣтно тратится еще годъ на заботы по отчетности въ качествѣ пансіонера и претендента на высшую степень. И такъ десять лѣтъ усидчивой двѣнадцатичасовой работы, утромъ и вечеромъ, въ классахъ академіи, пребываніе за границей, высшая степень, специализація въ отдѣлахъ живописи, все это сводится къ одному жалкому знаменателю: къ обученію дѣтей чистописанію (?) и, (самое счастливое положеніе!)—къ превращенію себя въ мастера иконописныхъ дѣлъ. Я съ умысломъ не упомянулъ объ урокахъ рисованія, идущихъ рядомъ съ уроками чистописанія. Какъ въ мужскихъ гимназіяхъ, такъ и въ частныхъ пансіонахъ того времени мужскихъ и женскихъ, уроки рисованія—это были часы нравственной пытки для учи-

теля. На урокахъ рисованія, обыкновенно, рисовать не учились, а шалили. Крикъ, шутки, ѣда пироговъ и разной закуски, переписка стиховъ и спряженіе глаголовъ на французскомъ языкѣ, насмѣшки надъ учителемъ, киданіе шариковъ и жеванной бумаги въ потолокъ и на классную доску и пусканіе посредствомъ щелчковъ бумажныхъ пѣтушковъ на классный журналъ,— вотъ тѣ занятія, которыя сопровождали каждый разъ классъ рисованія. Ни угрозы учителя, ни ласковыя просьбы, ни даже плохія отмѣтки въ журналѣ за поведеніе и успѣхи—ничто не помогало. Да оно и понятно. Классы рисованія стояли внѣ рамокъ распредѣленія лекцій. Отмѣтки по рисованію не принимались во вниманіе, и самый предметъ рисованія считался приватнымъ, ненужнымъ, бесполезнымъ...

Я сказалъ выше, что художникъ, посвятившій себя иконописному искусству, какъ сдѣлалъ это баталистъ Бабаевъ, Безперчи, Репнинъ, да и всѣ другіе, былъ въ то время еще въ положеніи завидномъ. Но что это за работа была и какіе заказы приходилось исполнять ради насущнаго куска хлѣба? Для иллюстраціи этого, я

прошу читателя проѣхаться со мною по городамъ и весямъ, чтобы воочию увидѣть заказы и заказчиковъ.

Въ имѣніи вдовы генерала Тарасова, Воронежской губерніи, я работалъ иконы для вновь выстроенной ею въ деревнѣ церкви. Почтенная старушка имѣла двухъ молоденькихъ внучекъ, которыя, къ сожаленію, умерли, заставивши ее послѣдніе годы своей жизни оплакивать ихъ преждевременную кончину.

У нея остались два небольшіе портрета, писанные акварелью, и, по ея замѣчанію, очень похожіе на усопшихъ ея внучекъ. Имъ было лѣтъ по пятнадцати, не болѣе. Добрая и чадолюбивая бабушка захотѣла увѣковѣчить ихъ красоту и поставила мнѣ въ обязанность написать съ ихъ портретовъ на сѣверныя и южныя двери архангеловъ: Михаила и Гавріила, сохраняя при этомъ въ лицахъ точное сходство съ портретами.

Дилемма была такова: или весьма интересный заказъ и полное расположеніе заказчицы, или—отказъ съ плохимъ отзывомъ обо мнѣ, какъ о художникѣ. Я выбралъ первое и написалъ двухъ архангеловъ съ портретовъ ея любимыхъ внучекъ.

Исполнивши ея заказъ, я, по ея же рекомендаціи, получилъ заказъ въ сорока

верстахъ отъ ея имѣнія у брата ея мужа, тоже генерала Тарасова, когда то служившаго на Кавказѣ и вслѣдствіе серьезной раны вышедшаго въ отставку.

Генераль, по своему характеру, былъ противоположною доброй и любезной сестры своей. Онъ былъ настойчивъ, грубъ и даже деспотиченъ. Не любилъ генераль противорѣчій, почти не имѣлъ терпѣнія выслушивать мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ, и при малѣйшемъ съ нимъ несогласіи немедленно принималъ видъ наступающаго воина и переходилъ въ разговоръ съ *вы* на *ты*.

Иконы для его церкви я писалъ зимою у себя на дому, а лѣтомъ привезъ ихъ на мѣсто назначенія, предполагая сдать работу и возвратиться въ Харьковъ. Но мои надежды не оправдались.

Боевой генераль принялъ меня весьма радушно, отвелъ въ мое распоряженіе цѣлый флигель въ шесть комнатъ и три прислуги съ отдѣльнымъ экипажемъ и парой лошадей, такъ какъ, вслѣдствіе задержки работъ по иконостасу, мнѣ предстояло прожить въ его имѣніи около мѣсяца.

Генераломъ послано было для меня очень мягко, но спать оказалось твердо.

Распаковавъ иконы и приведя ихъ въ должный видъ, я сдѣлалъ въ отведенномъ

мнѣ флигель выставку и пригласилъ генерала осмотрѣть исполненный мною его заказъ.

Генераль тщательно осмотрѣлъ иконы, на нѣкоторыхъ попробовалъ пальцемъ доброту красокъ и грунта, спросилъ, употребляю ли я охру, и если употребляю, то какую—простую или заграничную, и, наконецъ, перешелъ къ добротности лака, которымъ должны быть покрыты иконы.

— Вотъ ужъ я бы на лики Іисуса Христа и Матери Божіей совсѣмъ не употреблялъ охры. Помилуйте! Охрою полы красятъ, и ею божественный ликъ пишутъ! Совсѣмъ не пристало!..

— Почему же?—возразилъ я. Охра это общепринятая краска. А въ академіи она считается основною краскою...

— Да что академія? И въ академіи вашей болваны учатъ дѣлать несообразности.

Наконецъ, генераль подошелъ къ изображенію архангела Михаила.

— Это кто такой?—спросилъ генераль указывая на архангела.

— Это — архангелъ Михаилъ, — отвѣтилъ я.

— Гм! Что же это онъ? Не холодитъ и не грѣетъ; не мылитъ и не брѣетъ?

— То есть какъ это? Я васъ не понимаю, генераль.

— Да очень просто! Онъ—воинъ. Его миссія—побѣждать дьявола. А вы написали не то юношу, не то душеньку, которая сердится за то, что модистка новаго платья не несетъ. Куда этакому съ дьяволомъ сражаться? Будь у меня въ строю такой солдатъ, я бы его сдалъ въ госпиталь. А на войну онъ не годится...

— Но видите ли, генераль,—началь было я въ свое оправданіе...

— Да что тамъ видѣть! Вы, конечно, не виноваты. Это академія васъ такъ учитъ. Когда я былъ въ Петербургѣ, то былъ приглашенъ въ комиссію по пересмотру академическаго устава. Я тогда доказывалъ, что для прогресса искусства необходимо вмѣнить въ обязанность гг. преподавателямъ придерживаться не античной красоты лицъ и фигуръ, а соотвѣтствія типамъ изображаемыхъ лицъ. Если архангелъ былъ воинъ,—ну и надо изобразить браваго, рослаго и сильнаго воина. А это у васъ кто такой?—спросилъ генераль, указывая на Іуду, на иконѣ „Тайная вечеря“.

— Это, конечно, Іуда!—отвѣтилъ я. Вотъ и кошелекъ съ деньгами онъ держитъ въ своихъ рукахъ.

Вотъ опять несообразность. Вы мнѣ изобразите его въ сивой шапкѣ, чтобы всякій, кто взглянетъ на него, сразу бы узналъ...

— Но...

— Да что тамъ но? Я говорю—значить, надо сдѣлать, чтобы намъ не ссориться и разстаться такъ, какъ встрѣтились. Ты, меня, другъ, не сердь! закончилъ генераль и вышелъ изъ моего флигеля.

Я терялся и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Но, говорятъ: „человѣкъ ночь переспить и уже другимъ становится“. Проспавъ плохо ночь, я утромъ отправился къ священнику съ желаніемъ посовѣтоваться съ нимъ о такомъ капризномъ требованіи генерала.

Отецъ Стефанъ, старенькій священникъ, тихій нравомъ, отчасти флегматичный, по экспрессіи лица, какъ будто, чѣмъ то удрученный и приниженный, выслушалъ мой разсказъ о требованіи генерала Тарасова.

— Чтожъ я вамъ скажу, милый молодой человѣкъ,—разведя руками сказалъ мнѣ отецъ Стефанъ. Сказано въ писаніи: „твори волю пославшаго тя“,—стало быть, и надо творить, такъ какъ вы не будете грѣшны, а онъ будетъ грѣшенъ противъ соборныхъ постановленій по иконописанію. А тутъ, видите-ли, скажу вамъ, дорогой мой: генераль нашъ ужъ очень крутенецъ. Вотъ третьяго года пріѣхалъ къ нему молодой, вотъ какъ вы, землемѣръ, вызванный по его желанію для промѣрки земли. Дѣло въ томъ, что сосѣди генерала, казенные крестъ-

яне, оспаривали у него полторы десятины земли, которыя онъ будто бы неправильно присвоилъ себѣ. Молодой землемѣръ сдѣлалъ промѣръ его земли, и оказалось, что, противъ утвержденнаго плана, у генерала не полторы, а почти двѣ десятины лишнихъ. Но землемѣръ объ излишкѣ уже молчалъ. Между тѣмъ, Тарасовъ требовалъ, чтобы землемѣръ отказался. Между нимъ и генераломъ начались пререканія и несогласія. А знаете ли, чѣмъ все это окончилось? Генералъ завелъ землемѣра въ свой сарай и тамъ его высѣкъ, какъ должно быть.

— Что вы, отецъ Стефанъ, говорите? — вскочивши, съ своего мѣста возразилъ я почтенному старцу. Да какое же онъ имѣлъ право на это? Да куда же смотрѣли, наконецъ, гг. исправникъ, становой и прочія власти?

— И полноте! Все это люди свои. Будутъ они ради землемѣра за правду стоять. Вы знаете, какъ генералъ принимаетъ на праздникахъ причтъ церковный?.. Вотъ въ прошедшую святую Пасху пришелъ я къ нему съ причтомъ поздравить его съ праздникомъ и похристосоваться. Но куда тутъ христосоваться, коли онъ никому руки не подаетъ?

— Да, да! — поспѣшилъ я подтвердить сказанное. Онъ и со мной повидался, не подавая мнѣ руки. Я къ нему, а онъ объ руки заложилъ за спину, да такъ со мной и разговаривалъ все время.

— Онъ со всѣми такъ, за исключеніемъ равныхъ и высшихъ себѣ. Да. Такъ вотъ мы пришли къ нему съ поздравленіемъ. Онъ вышелъ, помолился, поцѣловалъ крестъ и, пробормотавъ въ полъ-голоса: воистину воскресъ, ушелъ, ничего не сказавши. Ждемъ мы и ждемъ, а уйти не имѣемъ права, пока онъ не выплететъ сказать, что мы можемъ уйти. Наконецъ, лакей выносить на подносѣ всѣмъ намъ троемъ по рюмкѣ водки и по куску пасхи. А на каждомъ кускѣ лежатъ деньги по чину: священнику, — мнѣ, — одинъ рубль, діакону — полтинникъ, и пономарю — четвертакъ, что мы и приняли, по указанію его лакея, который, раздавши намъ великую и богатую милость своего властелина, сказалъ: „теперь баринъ сказалъ, что вы можете идти домой“. И такъ каждый годъ.

Не могу я не остановиться на личности священника отца Стефана Покровскаго. Худой, высокаго роста, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и съ длинною, мягкою,

какъ лень, бороною съ кроткими голубыми глазами, аскетъ по жизни, вдовецъ по положенію, семидесяти шести лѣтъ, отецъ Стефанъ своимъ радушнымъ обращеніемъ и всегда кроткимъ голосомъ невольно привлекалъ къ себѣ того, которому суждено было встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути. Несмотря на свои лѣта и на режимъ жизни, напоминавшій жизнь аскета, о. Стефанъ не переставалъ интересоваться всѣмъ, что творилось въ текущей жизни и желалъ стоять *au courant* всего, что совершалось на бѣломъ свѣтѣ. Но болѣе всего его интересовали вѣрованія и убѣжденія русскихъ людей и взгляды ихъ на религію. Изучая съ полною любовью къ дѣлу жизнь и убѣжденія крестьянъ, онъ подмѣтилъ характерныя черты ихъ нравовъ и сѣумѣлъ взглянуть въ потайные уголки ихъ души. Уже онъ мечталъ о школахъ грамотности и лелѣялъ эту мечту, придавая школамъ даже преувеличенное значеніе въ ихъ вліяніи на благосостояніе народа. Въ бесѣдахъ съ нимъ, нерѣдко до утренней зари, при теплыхъ іюльскихъ ночахъ, мнѣ пришлось выслушать отъ него не мало вѣскихъ замѣчаній касательно благосостоянія и развитія народа русскаго. Отецъ Стефанъ, хотя былъ вдовецъ, но жилъ не одинъ. Въ его чистенькомъ домикѣ, совмѣстно съ нимъ, жила

сестра его, старушка почти шестидесяти лѣтъ, а по цѣлымъ днямъ толкались въ его домѣ крестьянскія дѣти, мальчики и дѣвочки, которыхъ онъ училъ самъ грамотѣ, а главное—по нѣскольکو разъ въ день, велъ съ ними бесѣды, безспорно приносившія дѣтямъ не мало пользы.

Заинтересовалъ онъ и меня своими бесѣдами съ дѣтьми. Выждавъ время, когда его окружили дѣти въ его небольшомъ садикѣ, гдѣ стояло нѣскольکو ульевъ съ пчелами, а на особенномъ столбикѣ, покрытомъ крышею, былъ врѣзанъ въ дерево образокъ св. Зосима и Савватія, я присоединился къ ихъ кружку, чтобы послушать рѣчи добраго и сердечнаго старика.

Человѣкъ восемь дѣтей обоего пола, отъ десяти до двѣнадцати-лѣтняго возраста, окружили старика и, жизнерадостно улыбаясь, забрасывали его различными вопросами и жалобами на своихъ сотоварищей.

— Тихе, тихе, дѣти, шалуны вы этакіе!—усаживаясь посреди ихъ, весело обратился къ нимъ отецъ Стефанъ. Ну вотъ ты, Петруша, подойди-ка ко мнѣ поближе, я у тебя спрошу кое что?

Къ старику подошелъ весело курчавый, свѣтлый шатень, съ голубыми глазами, мальчикъ и, почтительно наклонившись передъ

евященникомъ, протянулъ къ нему руку за благословеніемъ.

— Ну, мой умникъ, голубчикъ, вотъ ты скажи мнѣ: Господня заповѣдь говоритъ: „не убій“. Хорошо. Если ты возьмешь толстую дубину или топоръ и ударишь имъ человѣка такъ что тотъ умретъ; будетъ ли это убійство?

— Конечно, будетъ, — смѣло отвѣтилъ мальчикъ.

— Умно, голубчикъ, умно! Ну, а если ты напрасно обвинишь въ чемъ либо своего товарища, и его, повѣривши твоимъ словамъ, жестоко наказываютъ?

— Все равно! — отвѣтилъ Петруша. И это будетъ убійство, но только убійство душевное, а не тѣлесное, за которое будешь отвѣчать передъ Господомъ...

— Такъ, мой дорогой, такъ, мой голубчикъ, — радостно сказалъ отецъ Стефанъ и поцѣловалъ мальчика.

— А скажите, отецъ Стефанъ, они грамотные? — спросилъ я у старика.

— Да эти то дѣти грамотныя! — отвѣтилъ мнѣ священникъ. Но только что же это? — Капля свѣта въ морѣ невѣжества и тьмы. Да русскихъ дѣтей недостаточно учить грамотѣ. Ихъ воспитать нужно — такъ я думаю. Ну, а какое уже тутъ воспитаніе, коли нѣтъ ни школъ, ни учителей, ни любви къ нимъ,

ни радѣнія объ ихъ участи? А ужъ куда какъ хороши и пригожи въ душѣ русскія дѣти... Я ихъ достаточно изучилъ и убѣдился: — если бы не отказали мы имъ въ нашей любви и вниманіи, наше дорогое отечество скоро бы не сравнялось съ государствами Запада, а стало бы впереди многихъ изъ нихъ.

— А вотъ, говорятъ, что скоро будетъ уничтоженіе крѣпостного права! — сказалъ я въ отвѣтъ чадолюбивому старцу. Тогда, повѣрьте, займется заря новой жизни.

— Слышалъ и я объ этой радостной вѣсти. Дай Богъ чтобы было такъ! Но... мнѣ ужъ не дожидаться этой зари, съ тяжелою грустью отвѣтилъ старикъ.

Въ это время къ намъ въ садикъ пришелъ крестьянинъ и попросилъ о. Стефана окрестить его ребенка.

— Хорошо, хорошо, другъ мой! Приходи съ кумовьями, я окрещу.

— Что же вы, батюшка, прикажите заплатить вамъ? — спросилъ крестьянинъ, кланяясь.

— Святѣмъ крестомъ, мой другъ, не торгуютъ. Ты приходи съ кумовьями, и я окрещу твоего ребенка.

— Вы слишкомъ снисходительны! — сказалъ я, проводивши глазами крестьянина.

— Да мы, я вамъ скажу, такъ ужъ сроднились съ черствыми чувствами себялюбія, что если кто на линію отступить отъ общепринятаго правила, ужъ онъ кажется лучшимъ изъ людей. А на самомъ дѣлѣ—онъ такой же, какъ и всѣ, повѣрьте мнѣ...

Разошлись изъ садика дѣти, и послѣдніе лучи заходящаго солнца уже потухали на верху старой развѣсистой березы. Я поднялся съ своего мѣста и началъ прощаться съ отцомъ Стефаномъ.

— Да ужъ посидѣлъ бы еще, нехотя подавая руку,—сказалъ мнѣ старикъ. Такъ вотъ что то меня гнететъ и тянетъ за сердце; ужъ не пришелъ ли часъ моей смерти?

Что вы, что вы, отецъ Стефанъ? Вы очень устали, вамъ отдыхъ нуженъ, вотъ и все! А вы о смерти думаете!—усокоивая старика, говорилъ я.

Отецъ Стефанъ, простившись со мною, пошелъ къ себѣ въ домъ и легъ спать. Но недолго онъ отдавался сну. Сердечный недугъ не давалъ ему покоя. Онъ всталъ и пошелъ по направленію къ церковной оградѣ, заросшей сиренью и акаціей. Въ этомъ тихомъ уголку, у могилы отца своего, который въ этомъ храмѣ началъ свое священство и прослужилъ въ немъ пять-

десять пять лѣтъ, отецъ Стефанъ склонился на свои старческія колѣни и, припавъ къ основанію креста, началъ горячо молиться. Часъ перехода ночи ко дню окуталъ всю землю сѣрою дымкой, и не было предмета, который бы далъ отъ себя хотя слабую тѣнь. Солнце еще всходило за горою; луна уже скрылась на западномъ горизонтѣ; ночь отошла въ вѣчность, а дню еще не пришелъ часъ. И въ эти минуты междуцарствія природы какое то странное чувство охватывало душу старика, и онъ молился горячо, орошая слезами подножіе креста, вокругъ котораго тѣсною семьею цѣлая группа незабудокъ, чуя приближеніе разсвѣта, раскрывала свои крохотныя голубыя головки, какъ бы готовясь къ утренней молитвѣ. А окрестъ молящагося старца уже пробуждалась новая и молодая жизнь. Пѣлъ жаворонокъ въ голубой выси неба. Хоръ мелкихъ птицъ, порхая съ вѣтки на вѣтку, чирикалъ на разные лады, а лепестки полевого жасмина насыщали ароматомъ воздухъ, развертывая все шире и шире свою лейковидную чашечку. Все готовилось къ новой жизни. Готовилось, и не напрасно. На восточномъ горизонтѣ, сквозь прогалины и бреши деревьевъ, уже розовымъ свѣтомъ рдѣла и горѣла новая заря восходящаго солнца. Начался раз-

свѣтъ новаго дня. Радостный лучъ солнца освѣтилъ стѣну алтаря храма и улегся яркимъ пятномъ на вершинѣ креста, у могилы отошедшаго въ иной міръ отца Петра Покровскаго. Отецъ Стефанъ поднялъ голову свою къ небу, съ глазами, полными слезъ, и началъ молиться.

Когда солнце поднялось выше горизонта, и день вполне расцвѣлъ радостнымъ утромъ, церковный сторожъ, по заведенному обычаю, вышелъ изъ своей сторожки, помолился на образъ, висѣвшій на стѣнѣ главнаго фасада храма, надъ входною тяжелою дверью, и повернулъ въ правую сторону церковной ограды, чтобы обойти вокругъ храма и удостовѣриться въ благополучно прошедшей ночи. Подойдя къ восточной стѣнѣ храма и приблизясь къ могилѣ усопшаго о. Петра, онъ увидалъ о. Стефана, который колѣнопреклоненно стоялъ у подножія креста и, обнявъ его обѣими руками, молча молился. Сторожъ Фалалей, увидавши священника, машинально остановился. Но замѣтивъ, что отецъ Стефанъ не трогается съ мѣста и продолжительное время стоитъ въ неподвижной позѣ, съ поникшей головой, Фалалей рѣшился подойти на близкое разстояніе къ священнику и окликнуть его. Не получивши отвѣта и не замѣчая никакого движенія со стороны мо-

лившагося, онъ, наконецъ, рѣшился рукою тронуть своего батюшку. И тогда только онъ убѣдился, что любимый и чтимый всѣми отецъ Стефанъ умеръ.

Однажды я былъ приглашенъ Андрономъ Трифоновичемъ Жигаловымъ, валуйскимъ 1-й гильдіи купцомъ, въ г. Валуйки, Воронежской губерніи. За мною, въ Харьковъ, былъ присланъ тарантасъ, запряженный тройкою рослыхъ и хорошо кормленныхъ лошадей, причемъ, на козлахъ, совмѣстно съ кучеромъ, сидѣлъ мальчикъ изъ лавки богатаго купца, который былъ присланъ мнѣ въ качествѣ слуги на время дороги. Казалось, на первый взглядъ, заказъ былъ весьма интересный и обѣщалъ при такомъ хорошемъ началѣ хорошій конецъ. Ъхалъ я съ кормежкой лошадей черезъ каждые тридцать верстъ, что въ лѣтнюю пору, при хорошей погодѣ, доставляло не малое удовольствіе. Въ то время г. Валуйки представлялъ собою что-то курьезное, необычайное. Когда смотришь, бывало, на улицу города по перспективной линіи, въ глазахъ рябитъ и пляшетъ, точно при сильно мерцающемъ свѣтѣ волшебнаго фонаря. Это происходило потому, что вся улица состояла изъ маленькихъ и большихъ домовъ,

образуя сильно ломаную линію, то возвышавшуюся, то понижавшуюся, какъ пульсъ горячечнаго больного. Маленькій, въ одинъ этажъ, домикъ имѣлъ сосѣдомъ каменный домъ, въ три этажа. Затѣмъ опять шелъ домъ въ одинъ этажъ съ сосѣдомъ—домомъ въ два этажа. И такъ далѣе, пока, наконецъ, дома заканчивались длинными, погнувшимися заборами. И опять домишки и дома, и опять желѣзная крыша, съ высоты своего трехъэтажнаго величія съ презрѣніемъ смотрѣла на крышу, крытую соломой, на пріютившемся у ея подножія мѣщанскомъ домикѣ. А для полноты картины, среди всей этой ломаной линіи, неожиданно, стояли развалины сгорѣвшей хаты, съ уцѣлѣвшей отъ огня печью и высокою трубою, и съ ворохомъ кирпича и мусора, отъ давности лѣтъ покрытаго позеленѣвшею травою, то отцвѣтшимъ уже бурьяномъ и быльемъ, болѣе темныхъ коричневыхъ тоновъ.

Въ городѣ, по набережной рѣки, шла какая-то насыпь, которая называлась „топталищемъ“. Это было единственное мѣсто для прогулокъ жителей города. На протяженіи всего топталища не было ни одной скамьи, почему ни одинъ изъ гулявшихъ не могъ лишить себя моціона, столь полезнаго для здоровья.

Вечеромъ, когда сядетъ солнце, и прохлада смѣнитъ денной зной, „топталище“ оживлялось гуляющимъ людомъ и весьма напоминало мѣсто, куда выпускались на прогулку больные изъ дома умалишенныхъ.

Большіе дома города почти все принадлежали 1-й гильдіи купцу Андрону Трифоновичу Жигалову, почему, при появленіи его на улицѣ, прохожіе ему кланялись, почтительно снимая шляпы. Андронъ Трифоновичъ кому кланялся, кому приподнималъ немного съ головы свой картузь, съ длиннымъ козырькомъ, иному же онъ отвѣчалъ на поклонъ милостивымъ взглядомъ.

У Андрона Трифоновича было нѣсколько лавокъ разнаго рода. На мой вопросъ у одного изъ приказчиковъ, мнѣ объяснили, что онъ торговалъ: „косой, пенькой, щетиной, вощиной и драной телятиной“. Но когда я спросилъ у самаго Жигалова, то онъ мнѣ далъ иной отвѣтъ. Низенькій, маленькій человѣкъ, съ скудною бородкою, съ бурыми пятнами на лицѣ отъ сулемы, которою вытравливаютъ крестьяне оспу, Андронъ Трифоновичъ никогда не смотрѣлъ своими сѣрыми глазами на человѣка. Разговаривая, онъ, обыкновенно, одной рукой теръ себѣ лобъ, дѣлая изъ руки щитокъ отъ свѣта надъ глазами.

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ вы, Андронъ Трифоновичъ, торгуете? — какъ-то спросилъ я у своего почтеннаго хозяина и старосты городского собора.

— Да я, изволите ли видѣть, — отвѣтилъ мнѣ Андронъ Трифоновичъ, потирая лобъ своей рукою и держа ее надъ глазами въ видѣ щитка; — я, изволите ли видѣть, прежде жилъ скотомъ, и теперь живу скотомъ. Такъ-съ!..

— Какъ это такъ скотомъ? — переспросилъ я его, не понявши отвѣта.

— Да, стало быть, я нагуливалъ скотъ и отправлялъ его въ Москву на убой... Да таперича такъ-же я нагуливаю его и отправляю-съ. Да-съ... А вотъ въ послѣдніе годы я началъ еще торговать муками.

— Какими муками? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Да, стало быть, разными муками: и ржаной, и пшеничной, и крупчатой, и первакомъ-съ. Извѣстное дѣло, разными муками-съ.

Когда коснулось дѣло заказа иконъ для иконостаса собора, то мы въ цѣнѣ не сошлись и я уже готовъ былъ собираться въ обратный путь, если бы не задержало

меня новое, неожиданное предложеніе, о которомъ я не замедлю рассказать.

— И такъ-съ, стало быть, вы уступочки-съ на иконки не сдѣлаете-съ? спросилъ меня, щурясь, Андронъ Трифоновичъ.

— Не могу, почтенный Андронъ Трифоновичъ! — поспѣшилъ утвердительно отвѣтить я. А меня, признаться, удивляетъ, что вы скупитесь. Дѣло идетъ о святыхъ иконахъ для храма Божьяго; стало быть, что-же тутъ скупиться?

— Да оно, изволите-ли видѣть-съ, такъ-съ. Но и вы для храма Господня собираетесь труды свои посвятить, а вотъ, стало быть, дорожитесь. Я, доложу вамъ, не дорожился-бы, если-бы рѣчь шла о позолотѣ главы на храмъ или о кованной одеждѣ изъ серебра на престолъ Господень. А тутъ рѣчь идетъ объ иконахъ. А иконы, изволите ли видѣть-съ, — это одно только напоминаніе-съ, — стало быть, изобрази ихъ рукою простого живописца, и будетъ хорошо. А коли одѣнешь ихъ въ серебряныя съ позолотой ризы, то будетъ уже совсѣмъ благолѣпно... Я знаю-съ и видѣлъ-съ вашу работу. Вы напишете хорошо — вотъ какъ-съ: точно живые будутъ стоять! Да что же-съ? Такая работа годна и нужна господамъ для украшенія стѣнъ. А во храмахъ Божіихъ

на счетъ живописи и плохая работа свое дѣло сдѣлаетъ...

Я не сталъ возражать почтенному старостѣ и рѣшилъ забыть объ этомъ заказѣ. Но за вечернимъ чаемъ Елена Козминична Жигалова, супруга старосты, во время отсутствія своего супруга, предложила мнѣ написать портретъ съ ея дочери Вѣры Андроновны, восемнадцатилѣтней красивой дѣвушки, годъ всего какъ окончившей курсъ въ воронежскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Несмотря на то, что Елена Козминична одѣвалась весьма просто и ходила съ повязанной платкомъ головой, въ такъ называемомъ „очипкѣ“, она говорила хорошимъ языкомъ и представляла собою интеллигентную по тому времени особу.

Что же касается Вѣры Андроновны, то она была очень энергичная дѣвушка, съ глубокими и блестящими огонькомъ, черными глазками, весьма граціозная и даже кокетливая барышня. Она была любимцей матери, и, какъ видно, инициатива писать съ нея портретъ принадлежала ей.

Какъ бы то ни было, но я не замедлилъ поставить холстъ на мольбертъ и началъ писать съ нея портретъ.

Наши сеансы шли очень успѣшно и продолжались два и три часа. Мы позна-

комились и, уже не боясь другъ друга, начинали скучные и молчаливые сеансы разнообразить бесѣдами, ставя вопросы о симпатіяхъ и дружбы на первую очередь...

Но не долго пришлось мнѣ писать портретъ съ симпатичной Вѣры Андроновны. Жена ея брата передала своему мужу о нашихъ веселыхъ сеансахъ, а мужъ передалъ съ своимъ заключеніемъ папашѣ, и... на пятомъ сеансѣ я поспѣшилъ окончить портретъ и уѣхалъ обратно въ Харьковъ.

Полагаю, я привелъ достаточное количество случаевъ изъ практики профессиональнаго художника, для того, чтобы до нѣкоторой наглядности познакомить читателя съ отношеніемъ публики къ художнику, а также и съ тѣми требованіями, какія были предъявляемы обществомъ къ искусству, какъ въ г. Харьковѣ, такъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Хотя Харьковъ и служилъ мѣстомъ, изъ котораго, какъ изъ источника, черпали художественныя силы сосѣднія губерніи, но всѣ эти требованія сводились къ тому, чтобы написать новые образа, или же реставрировать старые. Что же касается заказовъ на картины, то художникъ не имѣлъ ихъ. Художники всѣхъ специальностей, для то-

го, чтобы хотя какъ нибудь существовать, должны были приниматься за иконописное мастерство, отбросивъ, какъ не нужный хламъ, всѣ пріобрѣтенные въ академіи пріемы композиціи, письма, колорита, перспективы, пластической анатоміи и даже экспрессіи лицъ, такъ какъ въ иконописной живописи надъ всѣми состояніями человѣческаго духа царитъ неизмѣнно одно благоговѣйно-созерцательное, святое настроеніе. Костюмы, лица, цвѣтъ волосъ и платья, глаза и окладъ бороды, атрибуты, окружающіе святого,—все подчинено строгимъ условіямъ, изъ рамокъ которыхъ нельзя выходить никому. Но кромѣ этихъ тяжелыхъ условій, художникъ долженъ былъ подчиняться мастерамъ серебряныхъ ризъ, которые, выковывая одѣянія для иконъ изъ благороднаго металла, оставляли для художника только незначительныя отверстія для лицъ и рукъ, не обязывая его писать всю икону. Но было бы слишкомъ поверхностно, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, сдѣлать заключеніе что люди того времени не любили искусства. Дѣло въ томъ, что русскому искусству не повезло въ его развитіи. По введеніи христіанства греки принесли въ Россію искусство византійское, аскетическаго характера, строго условное и направленное

только къ служенію религіознымъ цѣлямъ. Русскій народъ воспринялъ всею душой христіанскую религію, а съ нею и искусство, занесенное ему греками. Кромѣ религіозныхъ сюжетовъ, всѣ другія задачи искусства были отодвинуты на задній планъ, какъ принадлежащія къ разряду искусствъ, составляющихъ предметъ роскоши.

Съ открытіемъ Императрицею Екатериною Второю академіи художествъ, казалось, для русскаго искусства были сдѣланы ясли, въ которыхъ его вскормятъ, воспитаютъ и возрастятъ. Но тутъ, къ несчастію, всему благому помѣшало вѣяніе идей того времени. Въ академіи за учителей искусства были приняты антики древнихъ грековъ и великіе геніи XVI столѣтія, времени возрожденія искусства въ Италіи. Учиться искусству въ академіи того времени значило подражать во всемъ вышеупомянутымъ учителямъ. Въ талантахъ—и даже большихъ размѣровъ талантахъ—не было недочета среди русскихъ людей. И появился цѣлый рядъ картинъ на мотивы изъ греческой міѳологіи, совершенно чуждой русской душѣ и потому не нашедшей къ себѣ ни сочувствія, ни любви среди общества. Академія художествъ, а съ нею и ея питомцы—художники стояли въ сто-

ронѣ отъ народной жизни; а народъ самъ по себѣ стоялъ вдалекѣ отъ академіи и ея искусства. И только тамъ, гдѣ искусство проявляло себя сюжетами изъ народной жизни, оно находило къ себѣ сочувствіе среди русскихъ людей. Это весьма выразительно сказалось въ симпатіяхъ народа къ художникамъ—Вениціанову („*Причащеніе старости Маланьи*“, „*Вотъ, те и батькинъ обѣдъ*“)! и Оедотову („*Пріѣздъ жениха*“, „*Поздравленіе съ Новымъ годомъ*“, „*Къ милашкѣ въ гости*“), и др. Въ Харьковѣ мы видѣли такія же симпатіи къ картинамъ изъ народнаго быта художниковъ Д. И. Безперчи, Гринфельда и другихъ, писавшихъ на жанровыя темы.

Въ Харьковѣ въ тѣ годы былъ иконописецъ, малороссіянинъ Хмара. Все свободное отъ занятій иконописью время онъ употреблялъ на то, чтобы съ натуры изображать природу Малороссіи и семейный бытъ ея обитателей:

„И ставокъ,
И млынокъ,
И вишневый садокъ“.

И его картины, небольшихъ размѣровъ, раскупались за недорогою цѣну охотно.

Среди харьковскихъ художниковъ находился въ то время живописецъ вѣвѣсокъ и гербовъ, Иванъ Козьмичъ Хамло-Сокира.

Въ юношескіе годы Сокира пользовался расположеніемъ извѣстнаго писателя Г. Ө. (Грицько-Основьяненко), который любилъ Хамла-Сокиру за его несомнѣнный и выдающійся талантъ. Поддерживая его матеріальными пособіями, какъ человѣка совсѣмъ бѣднаго, Квитка готовилъ его въ академію и давалъ ему средства на пріобрѣтеніе средняго образованія. И, казалось, у Хамла-Сокиры все шло хорошо. Онъ былъ нелѣнливъ и послѣ трехлѣтнихъ занятій съ двумя студентами сдѣлался неузнаваемъ въ манерахъ, въ обращеніи и въ своихъ сужденіяхъ. Но неожиданно его благодѣтель умеръ. Это такъ поразило Ивана Козьмича, что онъ на семнадцатомъ году, почти готовый къ поступленію въ академію, началъ пить, опустился и скоро умеръ.

Онъ съ большою любовью иллюстрировалъ маслянными красками повѣсти и рассказы Григорія Квитки. Я видѣлъ двѣ его картины: „Козырь-Дивка“ и „Солдатскій Патреть“. По композиціи и силѣ экспрессіи онѣ были полны задатковъ крупнаго таланта. Однажды, возвращаясь въ морозный вечеръ съ Журавлевки со своими художественными принадлежностями, Хамло-Сокира настолько увлекся закатомъ солнца, превратившаго снѣжную долину въ перла-

мутровую сплошную пластину, (что нерѣдко бываетъ), что, недолго думая, нашелъ у какого-то безконечнаго плетня безлюдный тихій уголокъ и усѣлся набрасывать съ натуры эскизъ. А чтобы морозъ не мѣшалъ ему, онъ поставилъ возлѣ себя бутылку „дешевки“ *). Долго ли рисовалъ онъ, — неизвѣстно. Его нашли замерзшимъ въ сидячемъ положеніи. На колѣняхъ его стояла шкатулка съ картономъ и красками, а о бокъ его — пустая бутылка изъ подъ „дешевки“.

Былъ еще въ Харьковѣ иконописецъ Павелъ Кудряшевъ, который долгое время жилъ мастеромъ у иконописца Куликовского. Онъ имѣлъ страсть писать картинки юмористическаго характера, преимущественно изъ еврейскаго быта. Копія одной изъ такихъ картинъ долгое время циркулировала въ Харьковѣ среди публики. Картина изображала „Какъ свинья съѣла жида“. А если мы вспомнимъ, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ вышли изъ Харькова такіе крупные таланты, какъ Рѣпинъ, Крамской, Семирадскій и Крюковъ, — то упрекнуть Харьковъ и харьковцевъ въ отсутствіи художественныхъ стремленій будетъ грѣшно.

*) „Дешевкою“ въ то время называлась водка, купленная въ кабацѣ за городомъ. Она была крѣпче городской и дешевая.

Я упомянулъ выше, что у богатыхъ помѣщиковъ того времени были картинныя галлерей. Но, въ большинствѣ случаевъ, это были картины, купленные нерѣдко за весьма дорогую цѣну за границей и на самомъ дѣлѣ неимѣвшія никакой цѣны, за отсутствіемъ художественныхъ достоинствъ. Почти не было галлерей, въ которой бы не висѣло двѣ-три картины Рафаэля или Мурильо. Оказывалось, что эти два генія писали (вѣроятно, для русскихъ баръ) и стада коровъ, и кузни, и пейзажи. А ужъ Мадоннъ ихъ кисти не было числа!..

Приобрѣтатели этихъ картинъ плохо понимали или совсѣмъ не понимали ничего въ искусствѣ, и ихъ иностранцы обманывали. Да оно и не удивительно. Нельзя же приобрѣсти понятіе о чемъ бы то ни было изъ воздуха, а тѣмъ болѣе запас-тись понятіемъ объ искусствѣ. Откуда же было приобрѣсти эти понятія хотя-бы харьковцамъ, а помѣщикамъ тѣмъ паче? Въ гимназіяхъ, въ институтахъ, въ кадетскихъ корпусахъ и лицеяхъ преподавалось искусство *ad libitum*, составляя собою приватный предметъ. Выставки картинъ были только въ Петербургѣ и то одинъ разъ въ годъ — академическая выставка. Харьковъ не имѣлъ никакого представленія о выставкахъ, а когда мнѣ, въ шестидеся-

тыхъ годахъ, вздумалось въ собственной квартирѣ, для ознакомленія публики съ работою прозрачными красками на стеклѣ, по методу Мюнхенской королевской школы, выставить на четырехъ—аршинномъ зеркальномъ стеклѣ икону: „Взятіе на небо Божіей Матери“ (по Мурильо), то на наши многократныя приглашенія (бесплатно) пожаловать смотрѣть икону дружно отозвались только гг. художники, проживавшіе въ г. Харьковѣ, да преподаватели гимназій и профессора университета. И все это происходило не отъ равнодушія къ искусству, а отъ совершенной новизны приглашенія. Когда, въ первый годъ открытія своей дѣятельности, „Общество передвижниковъ“ открыло выставку въ Е—вѣ, то на нее явилось счетовъ семь человѣкъ, при чемъ одинъ изъ этихъ семи подошелъ къ распорядителю выставки съ вопросомъ:

— А позвольте васъ спросить, когда начнется представленіе?

— Какое представленіе?

— Да, вѣдь, должно же быть какое либо представленіе!

— Никакого представленія не будетъ, и напрасно вы будете ожидать его...

— Вотъ оно какое дѣло! Ну, извините за беспокойство.

Простоявши не болѣе недѣли, выставка была закрыта, вслѣдствіе отсутствія посѣтителей.

Вспомнивъ о харьковскихъ художникахъ былого времени и объ отношеніи харьковцевъ къ искусству, не могу не рассказать о печальной судьбѣ первой натурщицы, попавшей въ Харьковъ и здѣсь нашедшей трагическую кончину. Начну, однако, ab ovo.

При академіи художествъ всегда есть пять—шесть такъ называемыхъ присяжныхъ натурщицъ. Онѣ не получаютъ опредѣленнаго жалованья, но по требованію художника, работающаго въ академической (казенной) мастерской, позируютъ и получаютъ отъ казны за каждый сеансъ въ три часа по пяти рублей. Эти же натурщицы бывають на сеансахъ и на частной квартирѣ художника по добровольному соглашенію о цѣнѣ за сеансъ.

Въ числѣ такихъ натурщицъ была очень миленькая „субретка“, изъ петербургскихъ мѣщанокъ, лѣтъ восемнадцати, Елизавета, извѣстная всѣмъ художникамъ подъ именемъ Лели. Счастливая наружность этой Лели давала ей хорошій заработокъ, и она почти всегда была ангажирована на сеансы по академическимъ студіямъ къ профессорамъ академіи. И ужъ чего съ этой Лели

не писали, кого она не изображала собою на академическихъ сеансахъ!

Леля изображала и св. Парасковью, и Марию Египетскую, съ нея писали и архангеловъ. Семь разъ съ нея изобразили Цирцею; три раза формы ея тѣла запечатлѣны въ мраморѣ, изображая Діану; два раза она была прелестной Психеей, а профессоръ Неефъ съ нея изобразилъ своихъ восхитительныхъ нимфъ и наядъ. Всегда веселая, живая, игривая и находчивая, Леля прекрасно понимала, какую экспрессию нужно придать тѣлу при изображеніи того или другого лица. Художникъ, писавшій съ нея или изсѣкавшій ее изъ мрамора, лаконически, отрывистою фразой заставлялъ ее дать поворотъ или движеніе такіе, какіе были необходимы въ данномъ случаѣ.

— Торсъ прямѣе! Сильнѣе перегибъ талии! Больше движенія въ рукахъ! Скромность въ глазахъ! Сильнѣе выразить ямки на щекахъ! — Всѣ эти техническія выраженія были для нея понятны, и потому Леля была одна изъ выдающихся натурщицъ.

„Les peuples heureux n'ont pas d'histoire“, говорятъ французы. Натурщица Леля не принадлежала къ тому народу, который не имѣлъ своей исторіи. Ея судьба болѣе чѣмъ плачевна, а потому я оста-

навливаю мои воспоминанія на этомъ эпизодѣ прошедшей жизни.

Въ Харьковѣ пріѣхалъ въ срединѣ пятидесятихъ годовъ сынъ очень богатаго помѣщика Херсонской губ., художникъ академіи, Валерій Петровичъ Мечниковъ. Попалъ онъ въ Харьковъ проѣздомъ въ имѣніе своихъ родителей, находившееся въ Херсонской губ.; остановившись на время въ нашемъ городѣ, онъ нанялъ для себя квартиру въ цѣлый этажъ и немедленно занялся живописью, держа себя особнякомъ и почти ни съ кѣмъ не знакомясь. Онъ еще въ Петербургѣ задумалъ писать картину: „Эвридика прощается съ Орфеемъ, увозимымъ Харономъ“.

Для выполненія такой картины требовалась нагая натура для фигуры Эвридики. А такъ какъ въ то время о нагой натурѣ, даже мужского пола, среди нашего провинціального общества невозможно было и мечтать (у себя дома писать съ нагой женской натуры было бы преступленіемъ, а родители Мечникова по отношенію къ нравственности стояли высоко и отъ всякихъ соблазновъ держали себя далеко), то молодой и нетерпѣливый художникъ, не стѣснявшійся въ средствахъ, недолго думая, рѣшилъ остановиться на полъ-пути въ Харьковѣ и на свой счетъ выписать

изъ Петербурга натурщицу Лелю. Обезпеченная съ избыткомъ на проѣздъ изъ Петербурга и обратно, при прекрасныхъ условіяхъ гонорара за трудъ, Леля не замедлила пріѣхать къ молодому художнику и остановилась, по его же предложенію, у него на квартирѣ, на все время необходимыхъ для картины сеансовъ. Все это было настолько ново, настолько необычно, что, спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда Лели, и Мечниковъ, скрывавшій себя отъ любопытныхъ взоровъ обывателей, и Леля пріѣхавшая къ нему какъ натурщица, сдѣлались притчею во языцѣхъ и произвели небывалую сенсацію, поднявши даже на ноги полицейское начальство, которое, въ лицѣ уже знакомаго намъ квартальнаго Дудышкина, являлось къ Мечникову за справками: какую картину онъ желаетъ писать, и что это за люди—натурщицы, которыя позволяютъ раздѣвать себя донуга. Но встрѣтившись съ сыномъ богатаго и заслуженнаго дворянина и заглянувъ въ его кошелекъ, Дудышкинъ, какъ развитой человѣкъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и удалился навсегда изъ квартиры художника, порицая невѣжество толпы...

А въ городѣ ходила изъ семьи въ семью новость о томъ, какъ прибылъ въ Харьковъ художникъ-безобразникъ и пишетъ кар-

тину ужаснаго содержанія, и какъ онъ для этого выписалъ изъ Петербурга какую-то натурщицу.

Да, да!—говорила почтенная дама почтенному господину. Ужъ эти художники! Вотъ мнѣ ненавистны за это доктора и художники...

— Что вы, сударыня!—спѣшилъ возразить ей почтенный господинъ. Доктора—еще бы туда и сюда. А вотъ художники... и господинъ въ молчаніи разводилъ руками. Художники—не доктора. Доктора дѣло имѣютъ съ трупами, хотя и съ нагими, а все же съ трупами. А художники...—и господинъ шепнулъ что-то на ухо почтенной дамѣ.

— Да какъ же это такъ?—чуть не съ ужасомъ спросила почтенная дама.

— Да такъ, какъ мать родила—въ полголоса и пригнувшись къ дамѣ, сказалъ господинъ.

— Ахъ ты, Господи, помилуй! Чего-же это полиція смотреть! Вѣдь, это соблазнъ!—отвѣчала дама, качая головой отъ удивленія.

Между тѣмъ шло время; безобразникъ Мечниковъ, запершись въ своей квартирѣ, писалъ свою картину на погибель всего челоѣчества, а натурщица Леля—это исчадіе ада—позировала ему въ извѣстные

часы дня, стоя на нарочно сдѣланномъ для нея постаментѣ. И все это не прошло безъ вниманія среди публики, и обо всемъ шелъ толкъ на разные лады. Дѣвицы не имѣли права произнести ея имени и должны были строго играть роль „незнаекъ“. Что же касается дамъ, то многія соглашались съ мнѣніемъ, что натурщица Леля не христіанскаго вѣроисповѣданія, а, вѣроятно, турчанка, убѣждавшая изъ гарема.

— Всѣ, всѣ говорятъ: натурщицы въ Петербургѣ—турчанки изъ гарема!—говорила Ульяна Матвѣевна Прасковья Ѳеодоровна. Потому—согласитесь сами—христіанская дѣвушка развѣ согласится на такое дѣло?

— Да и зачѣмъ эта натура?—разсуждала Прасковья Ѳеодоровна. Ну, нарисовалъ бы такъ, какъ съумѣлъ, а то—смотрите-ка?...

— Ахъ, ужъ не говорите! Въ Петербургѣ въ академіи, говорятъ, рисуютъ... И Ульяна Матвѣевна на ухо Прасковья Ѳеодоровна что-то сообщила.

— Скажите пожалуйста... — пораженная извѣстіемъ, отвѣтила Прасковья Ѳеодоровна. Ужъ хотя бы посмотрѣть, какая она тамъ на лицо, эта турчанка-то.

— Видали, голубушка, видали. Говорятъ, настоящая турчанка: и носъ, и глаза,

все, все, какъ у турчанки. И сидитъ, говорятъ, поджавши ноги, какъ турчанка.

Но какъ бы ни было, а время сжалось надъ обывателями города, и Мечниковъ, окончивъ фигуру Эвридики, свернулъ въ трубку холстъ и уѣхалъ изъ Харькова, щедро одаривши Лелю за ея труды.

Лелѣ, не долго думая, собраться бы и уѣхать по добру, да по здорову изъ Харькова въ Питеръ, но ее нелегкая дернула остаться въ Харьковѣ, въ расчетъ на заработанныя деньги открыть маленькую швейную мастерскую, составить себѣ партію и, выйдя замужъ, зажить мирною жизнью хозяйки, жены и матери. Благія намѣренія, и нужно сказать, что на первыхъ порахъ у нея было не мало заказовъ. Ей отдавали шитье многіе только для того, чтобы посмотрѣть на турчанку изъ гарема.

— Скажите, модистка, вы родомъ турчанка?—неожиданно спрашивала у нея заказчица.

— Нѣтъ, сударыня, я русская. Зовутъ меня Елизаветой, а фамилія моя Петрушкина.

— А вѣры вы магометанской?

— Нѣтъ, я христіанка...

— А давно выкрестились? и пр.

И заказчица спѣшила передать ею видѣнное и слышанное своимъ знакомымъ

при закрытыхъ дверяхъ, съ разными коммента́ріями.

Я сказалъ выше, что Леля была очень хорошенькая и граціозная дѣвушка, и это вовлекло ее въ большую бѣду.

Когда то Лафонтенъ сказалъ устами своего сверчка: „*Pour être heureux, il faut être caché*“. Но такой совѣтъ, полагаю, можетъ быть годнымъ для сверчка, что же касается дѣвушки, то я готовъ утверждать, что дабы быть счастливой, надо быть уродливой.

Не мало у Лели было заказовъ, но въ тоже время не мало было у нея и поклонниковъ. Стремясь выйти замужъ и довѣрчиво относясь къ ухаживавшимъ за ней, она довѣрялась многимъ и пріобрѣла такимъ путемъ поклонниковъ, которые не терпѣли никакой конкуренціи. Особенно настойчиво за нею ухаживалъ какой-то богатый ремонтеръ, мѣшая своимъ присутствіемъ и щедрыми приношеніями тѣмъ, которые имѣли намѣреніе жениться, но не получали на то отъ нея отвѣта. Какъ петербургская ловкая субретка, она настоящихъ двухъ-трехъ жениховъ держала въ резервѣ, а съ ремонтера, какъ съ барана Рамбулье, снимала шерсть.

Надоѣло, наконецъ, женихамъ видѣть со стороны Лели такое вѣроломство.

Въ туманное зимнее утро, несчастное для Лели, ее нашли въ Университетскомъ саду повѣшенною на суку черноклена. Она была раздѣта до нага, и у ногъ ея лежало ея платье.

Кто совершилъ преступленіе и какимъ путемъ она могла попасть въ зимнюю пору въ садъ, — и по сей день для всѣхъ осталось тайной. И, вѣроятно, нарочно, съ издѣвательствомъ, жестокосердый Отелло-душегубъ раздѣлъ ее донага, не желая воспользоваться ни ея костюмомъ, ни ея цѣнными вещами, которыя были при ней.

Я уже говорилъ о томъ, что Государь Императоръ Николай Павловичъ ежегодно посѣщалъ г. Харьковъ, проѣзжая въ г. Чугуевъ для смотра войскъ и для производства маневровъ. Ему нравился г. Харьковъ, онъ всегда останавливался въ немъ на нѣсколько дней и посѣщалъ милостиво учебныя заведенія, а также бывалъ на балахъ дворянскаго собранія, даваемыхъ спеціально въ честь Его Величества. Не менѣе охотно, онъ посѣщалъ балы въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. И что это были за балы?! Залъ всегда декорированъ былъ съ изящнымъ вкусомъ и съ полною роскошью.

Изъ дальнихъ уѣздовъ губерніи, а также изъ отдаленныхъ отъ города имѣній съѣзжались въ г. Харьковъ помѣщики, среди которыхъ не мало было стариковъ камергеровъ, гофмейстеровъ и флигель-адъютантовъ Его Величества. Среди танцующей и приглашенной на балъ молодежи, пестрѣли въ роскошныхъ костюмахъ парадной формы гвардейцы, изъ числа которыхъ особенно выдѣлялись ординарцы, адъютанты и офицеры конвоя Его Величества. Балъ украшали красавицы дѣвицы и молодыя дамы, костюмы которыхъ были роскошно убраны брилліантами и драгоценными камнями. Государь всегда пріѣзжалъ къ открытію бала въ 10 час. веч. Его Величество сопровождали всѣ власти и начальствующіе города. Кромѣ начальницы института, совмѣстно съ классными дамами, встрѣчали обожаемаго Государя воспитанницы института всѣхъ классовъ. Одѣтыя по бальному, хотя съ простотой, прилично воспитанницамъ учебнаго заведенія, многія дѣвицы высшаго класса и выпуска имѣли костюмы изъ дорогихъ тканей. Въ то время такое явленіе было почти заурядное уже и потому, что среди дворянъ губерніи не мало было такихъ, котитыхъ дочери, состоя воспитанницами института, получали отъ родителей по сто и болѣе

рублей въ мѣсяцъ на конфекты и прочія лакомства. Это, конечно, вело къ тому, что институтки нерѣдко на свой счетъ заказывали эконому института приготовить имъ къ обѣду какое нибудь любимое блюдо, купить лакомство, принести фруктовъ и т. д., что исполнялось съ полною аккуратностью. Но болѣе всего, эти средства приберегались институтками для счастливыхъ дней пріѣзда Государя Императора. Для своего бала, на которомъ обѣщаль быть Государь, институтки на свой счетъ украшали залъ, лѣстницу и даже дворъ института различными декоративными деталями. Желая своего драгоценнаго Гостя принять съ наивозможнымъ великолѣпіемъ, институтки просили свое начальство о томъ, чтобы на ихъ счетъ, кромѣ общепринятыхъ площаекъ и вензелей, все зданіе института было украшено роскошною иллюминаціею. И въ ночь бала все зданіе института, точно усеянное милліонами рубиновъ, изумрудовъ и брилліантовъ, горѣло, переливалось всевозможными цвѣтами. Окна зала, въ которомъ происходилъ балъ, были отворены; лучшій оркестръ музыки Фодлера или Хорвата увлекалъ танцующихъ въ вихрѣ волшебныхъ звуковъ вальса. Всѣ отъ души веселились, радовались и были вполне счастливы, видя вблизи себя Царя, обожа-

емаго всей Россіей. Передъ зданіемъ института стояла толпа народа, заглушая поэтическіе звуки оркестра восторженными кликами „ура“. Если ночь удавалась теплая, то допоздна народъ толпами ходилъ по Сумской улицѣ, и среди этой толпы въ роскошныхъ экипажахъ ѣхали семьи богатыхъ купцовъ, чтобы хотя издали посмотрѣть на пышный балъ и увидеть Царя-Батюшку.

Однимъ изъ такихъ пышныхъ баловъ въ институтъ былъ балъ, данный въ честь Государя Николая Павловича, въ 1842 г. Николай Павловичъ, возвращаясь съ маневровъ въ Петербургъ, посѣтилъ этотъ балъ. Балъ былъ блестящъ по обстановкѣ и вслѣдствіе расположенія духа Государя — оживленъ и веселъ. Не только цвѣтущая молодежь, но даже и почтенная старость, въ лицѣ помѣщиковъ, въ чинѣ генералъ-лейтенантовъ и въ званіи гофмейстеровъ и камергеровъ — участвовали въ первой фигурѣ мазурки, такъ какъ Государь самъ во главѣ всѣхъ и въ первой парѣ прошелъ одинъ туръ мазурки съ окончившей курсъ два года назадъ дѣвицей Оконечниковой, дочерью купца 1-й гильдіи, поставщика на всю армію юга Россіи фуража для солдатъ конницы и пѣхоты.

На этомъ же балѣ было семейство помѣщика, генералъ-лейтенанта Щетинина.

Молодой Щетининъ — кавалергардъ, любимый ординарецъ Государыни, въ чинѣ подпоручика, одѣтый въ бальную форму своего полка, былъ однимъ изъ первыхъ красавцевъ на балу.

Сестра молодого офицера Григорія Львовича Щетинина, Елена Львовна, воспитывалась въ институтѣ вмѣстѣ съ Ольгой Θεодоровной Оконечниковой, извѣстной въ то время красавицей, — темной шатенкой съ голубыми глазами, граціозной и стройной, какъ пальма. Григорій Львовичъ, посѣщая сестру свою, давно уже былъ знакомъ съ Ольгой Θεодоровной и съ согласія родителей своихъ рассчитывалъ на ней жениться. Но генералъ Щетининъ не могъ допустить, чтобы его сынъ просилъ у купца Оконечникова руки его дочери, не узнавъ прежде основательно, что Оконечниковъ не откажетъ ему въ рукѣ своей дочери и даже за честь великую сочтетъ принять такое лестное предложеніе отъ сына богатаго и знатнаго генерала. А между тѣмъ, стороною было слышно, что Оконечниковъ, хотя и не пренебрегалъ войти въ родство съ генераломъ, намѣревался еще нѣсколько лѣтъ дать дочери свободу и потомъ уже подумать о ея замужествѣ, которое, при ея красотѣ, и средствахъ отъ нея не уйдетъ. По этому вопросу о сватовствѣ Щетинина стоялъ открытымъ.

На только что описанномъ балу, этотъ вопросъ совершенно неожиданно для всѣхъ былъ рѣшенъ Государемъ, къ счастью, для молодыхъ влюбленныхъ.

Государь въ первой фигурѣ мазурки прошелъ полонезъ съ Ольгой Ѳеодоровной Оконечниковой, которая своею красотой и острымъ умомъ произвела на него весьма пріятное впечатлѣніе.

Подойдя къ Оконечникову, Государь похвалилъ его дочь.

— Ну, Оконечниковъ, тебя Богъ наградилъ дочерью, которой нужно жениха, достойнаго ея по красотѣ и уму — сказалъ Государь.

— Да ужъ, Батюшка-Государь, кого Господь пошлетъ ей въ женихи, тотъ и мужемъ ея будетъ — отвѣтилъ Оконечниковъ, низко кланяясь Государю, на его привѣтливое слово.

— А вотъ возьми меня въ сваты, я ей выберу жениха, который и дочь твою осчастливить, и меня, какъ свата, не сконфузить. Хочешь, старина? ласково спросилъ Государь.

— Ваше Величество, Государь нашъ батюшка! съ радостною покорностью, отвѣтилъ Оконечниковъ. И я, и дочь моя въ Божьихъ рукахъ, въ твоей волѣ, Государь!

Не взыщи за нескладность моей рѣчи. А ужъ вотъ какъ: отъ души говорю!

Государь подозвалъ къ себѣ молодого Щетинина.

— Я тебѣ, Щетининъ, невѣсту нашелъ! — сказалъ Государь. Хочешь, посватаю?

— Я счелъ-бы за великое счастье имѣть невѣсту по выбору Вашего Величества.

— Ну, вотъ тебѣ и женихъ твоей дочери! — сказалъ Государь, обратясь къ Оконечникову. Желаешь?

Оконечниковъ сдѣлалъ глубокій поклонъ и прослезился.

Ольга Ѳеодоровна Оконечникова была засватана за Григорія Львовича Щетинина, и тутъ-же на балу влюбленные были объявлены женихомъ и невѣстой.

— Ну, Оконечниковъ! — сказалъ Государь. Ты всегда хорошій фуражъ поставляешь для моей арміи. А теперь взялся поставлять для моихъ офицеровъ и красавицъ-невѣстъ. За это поздравляю тебя коммерціи совѣтникомъ!

Такимъ образомъ балъ ознаменовался радостными событіями, въ которыхъ живѣйшее участіе принималъ Государь Императоръ Николай Павловичъ.

Когда по окончаніи всѣхъ свадебныхъ пировъ и церемоній, молодые Щетинины пріѣхали въ Петербургъ и были предста-

влены Государю и Государынѣ, то Ольга Оеодоровна, по желанію Императрицы, была назначена камеръ-фрейлиной.

Государь не дождался конца бала и началъ прощаться съ воспитанницами, которыя, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, усердно просили, чтобы онъ оставилъ имъ что-либо на память. Николай Павловичъ отдалъ имъ на всѣхъ два своихъ носовыхъ платка. Дѣвицы подхватили этотъ драгоценный подарокъ, отъ котораго чрезъ нѣсколько минутъ остались мелкіе клочки.

Когда Государь сѣлъ въ свою коляску, оглушительные крики „ура“ несмѣтной толпы народа нарушили покой ночи. Но когда Государь доѣхалъ до театра, то народъ пришелъ въ такой восторгъ, видя своего любимаго Монарха, что, ухватившись за колеса быстро катившагося экипажа, остановилъ его, выпрягъ лошадей и на своихъ раменахъ повезъ обожаемаго Государя.

Въ это время двоихъ простолюдиновъ сильно помяли.

Государь приказалъ положить ихъ въ лазаретъ, и вылечить на казенный счетъ, а при выпускѣ изъ лазарета одарить ихъ отъ имени Императора, десятью рублями cadaго.

Я уже сказалъ, что Николай Павловичъ любилъ г. Харьковъ, и потому, видя его не разъ утопающимъ въ невылазной грязи и желая хотя нѣсколько облагородить его, назначилъ генераль-губернаторомъ города С. А. Кокоткина, сказавъ ему: „*вытащи мнѣ Харьковъ изъ грязи!*“ Съ неимовѣрною энергіей и неустанной бдительностью, Кокоткинъ принялся за это трудное дѣло. Но слова Государя — „*вытащить. Харьковъ изъ грязи*“ — онъ понялъ широко и разносторонне, почему его первая и настоячивая дѣятельность начала чувствоваться жителями города во всѣхъ деталяхъ городской жизни. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на полицію и на думу. Городской голова, полиціймейстеръ и квартальные суетились, подпрыгивая и подскакивая, точно куклы на щетинѣ, во время игры на фортепьяно. Среди этихъ лицъ, зависящихъ отъ генераль-губернатора по службѣ, Кокоткинъ былъ тотъ Эзоповъ Журавль, которому Юпитеръ приказалъ Тевтейское болото очистить отъ жабъ и лягушекъ. Журавль, безъ сожалѣнія и не задумываясь, началъ хватать лягушекъ и проглатывать ихъ цѣликомъ. Лишь настаетъ, бывало, Божье утро, какъ уже и есть новость, гласящая, что такой то квартальный въ отставку, а писецъ при думѣ уво-

лень, а секретарю—выговоръ данъ, а градскому головѣ губернаторъ лично самъ сдѣлалъ внушеніе и пригрозилъ арестомъ на гауптвахтѣ.

— Слыхали?—говорили граждане другъ другу, при встрѣчѣ. Уже квартального 4 квартала нѣтъ.—Проглотилъ!

— Вотъ диво?—отвѣчалъ собесѣдникъ. Да вы знаете? Онъ всею этою мелкотою закусываетъ; а градскою думою—обѣдаетъ.

Но какъ бы ни было, а болото родного нашего города всколыхалось и начало плескаться о берега свои, заражая воздухъ зловоніемъ.

Съ увольненіемъ то того, то другого чиновника въ отставку, начали вскрываться такія дѣлишки, которыя объяснили давно томившіе многихъ и неразгаданные вопросы: откуда, напр., взялся домъ у секретаря такого то; или на какія средства пріобрѣлъ хуторъ секретарь сиротскаго суда; или почему это такъ малоодоходна Благовѣщенская церковь, въ которой старостой купецъ Л—нъ,—онъ же и засѣдатель отъ купечества въ сиротскомъ судѣ? И оказывалось, что секретарь сиротскаго суда прикарманилъ себѣ немало сиротскихъ суммъ; а опекуны сиротъ Хвощевыхъ, купецъ Култынниковъ, чрезъ посредство секретаря Басова, испросилъ разрѣшеніе Сената и

продалъ за *ветхостію* черноземную землю съ усадьбою и съ домашнимъ скотомъ. Выручилъ онъ за этотъ „*ветхий*“ черноземъ со всѣмъ остальнымъ скарбомъ шестьдесятъ три тысячи, оставилъ десять тысячъ триста рублей сиротамъ, а на остальную сумму Басовъ купилъ себѣ хуторъ на Немышлѣ, а Култынниковъ устроилъ себѣ на своемъ хуторѣ лошадиный заводъ. И все это было такъ хорошо и добросовѣстно сдѣлано, что всѣ остались довольны. Сироты Хвощевы въ радостяхъ хвалились, что у нихъ десять тысячъ денегъ есть; даже купившій землю „*ветхую*“ съ черноземомъ черезъ четыре мѣсяца продалъ ее за девяносто семь тысячъ рублей.

И со всѣми гражданами города Кокошкинъ обращался одинаково, не различая купца 1-й гильдіи отъ купца 3-й гильдіи или мѣщанина.

Однажды, призвавъ къ себѣ купца Л—на, Кокошкинъ спросилъ его:

— Скажи мнѣ, Л—нъ, тебѣ нравится жить въ Харьковѣ?

— Да почему бы не нравилось мнѣ жить въ Харьковѣ, ваше—ство?—недоумѣвая отвѣтилъ купецъ.

— Городъ Харьковъ—хорошій городъ?—продолжалъ подшучивать Кокошкинъ.—Въ немъ жить и тепло, и весело?..

— Да почему же бы и не такъ, ваше—ство?—все еще недоумѣвая, отвѣчалъ купецъ.

— Ну, такъ вотъ что!—серьезнымъ тономъ отвѣтилъ Кокошкинъ. Чтобы ты мнѣ непременно въ это же лѣто церковь выбѣлилъ и ремонтировалъ, какъ снаружи, такъ и внутри! Чтобы эта церковь была доходная—непременно! И въ третьихъ, чтобы ты за этотъ годъ всѣ церковные доходы показалъ мнѣ—непременно! Въ противномъ случаѣ, я не посмотрю, что ты 1-й гильдіи купецъ и сошлю тебя въ Иркутскъ! Слышишь?

— Да помилуйте, ваше—ство! За что же? Я же...—началъ было оправдываться Л—нъ.

— Ну—довольно! Ступай домой и не забывай того, что я тебѣ сказалъ,—отвѣтилъ Кокошкинъ и ушелъ изъ пріемнаго зала.

И съ того часа не одинъ день шли толки по городу о нелюбезномъ пріемѣ Кокошкинымъ именитаго и почтеннаго купца Л—на.

Церковь черезъ три дня послѣ этой аудіенціи у Кокошкина бѣлилась, штукатурилась и вообще ремонтировалась заново. И доходы церкви съ каждымъ днемъ все росли и росли...

Не менѣе ревностно Кокошкинъ слѣдилъ за выпрямленіемъ улицъ города. Кривыхъ улицъ онъ не выносилъ.

Едва онъ замѣчалъ, что какая либо улица шла извѣстное разстояніе прямо, а потомъ неожиданно поворачивала вправо или влево, онъ немедленно принимался за выпрямленіе. И въ этомъ дѣлѣ для него препятствій не существовало. Особенно-же ревниво наблюдалъ онъ за главными улицами города. Но болѣе всѣхъ улицъ привлекала его вниманіе—Сумская улица, такъ какъ по Сумскому шоссе всегда въѣзжалъ и выѣжалъ изъ города Государь Императоръ, и на Сумской же улицѣ находился институтъ благородныхъ дѣвицъ, который такъ любилъ посѣщать Государь Императоръ. Сумская улица того времени представляла собою странную смѣсь города съ деревней, крайней бѣдности съ богатствомъ, круглаго невѣжества съ высокою культурою европейскихъ институтовъ. Громадное, каменное зданіе института благородныхъ дѣвицъ стояло на ряду съ убогой лачугой, въ три окошечка, срубленной въ стояны и заклинцованной въ смазку, глиной съ конскимъ навозомъ. Это глиняно-хворостяное зданіе, крытое соломой, принадлежало бублейницѣ Марьянѣ Ковалихѣ; въ хижинѣ, вмѣсто воротъ, на ночь, закладывались какія

то доски, а вмѣсто забора или плетня совсѣмъ ничего не было. А все же у наивныхъ людей крѣпко держалось мнѣніе, что внѣ воротъ ходить нельзя.

— Напрасно хлопочете, Марьяна Ѳедосѣевна? — бывало, кто либо скажетъ ей, видя, какъ она брешь, образовавшуюся на мѣстѣ, гдѣ должны быть ворота, тщательно закладываетъ полусгнившими и поколотыми досками. Вѣдь, подумайте: ворота заложили досками, а плетня и забора совсѣмъ нѣтъ?

— И вотъ чудные люди? — отвѣтитъ съ неудовольствіемъ Марьяна Ѳедосѣевна. Кто же пойдетъ во дворъ, по мѣсту, гдѣ долженъ плетень или заборъ стоять? На это ужъ надо быть туркомъ-нехристомъ!...

За этой лачугой стоялъ домъ въ два этажа, купца Кожевникова. Затѣмъ еще два-три дома и опять лачуга, съ нескончаемымъ покосившимся заборомъ, и опять въ два этажа домъ Гринченкова — купца и подрядчика, нынѣ купца Гладкова. А отъ института, вверхъ, шелъ обширный Университетскій садъ, который отъ институтской стѣны дѣлалъ уклонъ влѣво и доходилъ до начала двухъэтажнаго дома ветеринарнаго училища, а нынѣ квартиры директора ветеринарнаго института. Садъ этотъ, уклоняясь косвенно отъ фронтальной линіи улицы, едва имѣлъ ограду и на всемъ протя-

женіи, гдѣ въ настоящее время находятся дома Сухомлинова, Толочина и далѣе вправо, влѣво и вглубь, шла земля, принадлежавшая купцу Котлярову, который когда то былъ богатъ, а впослѣдствіи настолько обѣднѣлъ, что, кромѣ этой земли, у него ничего и не осталось. Эту землю въ тѣ годы никто ни за какую цѣну не желалъ пріобрѣтать. А впослѣдствіи уже наслѣдникъ Котлярова продавалъ ее по 30 копѣекъ за кв. сажень. Нисколько не задумываясь, Кокошкинъ отъ стѣны института протянулъ прямую линію и, отрѣзавъ такимъ способомъ значительный кусокъ земли купца Котлярова въ пользу Университетскаго сада, началъ строить каменную рѣшетку съ двумя воротами, а вслѣдъ за симъ каменный заборъ съ воротами, которые въ настоящее время принадлежать ветеринарному институту. Такимъ образомъ, лѣвая сторона Сумской улицы получила красивую, прямую линію до мѣста, гдѣ въ настоящее время стоитъ кіоскъ конно-железнодорожной дороги. Что касается купца Котлярова, то, за смертью его, малолѣтній наслѣдникъ не сдѣлалъ противъ такого захвата никакого возраженія и уже въ весьма серьезныхъ лѣтахъ, когда Кокошкина не стало, при Императорѣ Александрѣ II, онъ возвратилъ права на свою

землю и получилъ, какъ отъ университета, такъ и отъ ветеринарнаго института, слѣдующія ему за землю деньги.

Что касается правой стороны Сумской улицы, то отъ конца ограды храма, во имя Жень Мироносицъ, и до мѣста, гдѣ останавливается трамвай, не было ни одного дома и улицы: Сорокинская, Мироносицкая, Чернышевская и т. д., почти до Нѣмецкой улицы—все пространство представляло собою жалкій пустырь, заросшій бурьяномъ и служившій мѣстомъ отдохновенія бродячихъ собакъ.

Не менѣ ревностно Кокоскинъ заботился о предупредительныхъ мѣрахъ противъ пожаровъ, которые, къ сожалѣнію, въ то время были очень часты.

Пожарная команда города весьма немного была лучше той, которую въ настоящее время можно видѣть въ деревнѣ, возлѣ сельской расправы. Когда изъ трубъ начинали качать воду, то пожарная кишка прорывалась, сычала отъ напора воды и, наконецъ, лопалась, лишая, всякой возможности, посредствомъ ея, гнать воду вверхъ нагнетательнымъ насосомъ. Лѣстницы при пожарной командѣ—тоже были плохи и скорѣе представляли собою дрова, окрашенные маслянной краской, чѣмъ пожарный обозъ, въ серьезномъ смыслѣ этого

слова. Кромѣ того, эта смѣшанность построекъ, наполнявшая собою всѣ главныя улицы города, уже не говоря объ улицахъ второстепенныхъ и объ окраинахъ города,—постоянно служила къ усиленію пожаровъ. Солома въ большинствѣ случаевъ, гонтъ и безыменка, составлявшіе крыши домовъ небогатыхъ и бѣдныхъ обывателей, наконецъ, плетни и заборы, деревянные лѣстницы и т. д., представляли собою хорошую пищу для огня. Кокоскинъ приказалъ ставить на крышахъ, крытыхъ соломой, гонтомъ и безыменкой, кадки съ водою и помѣщать большихъ размѣровъ мочальныя швабры.

Этими приспособленіями во время пожара должны были пользоваться, какъ надежнымъ средствомъ отъ огня. Немедленно было циркулярно разослано обывателямъ города приказаніе поставить у дымовыхъ трубъ кадки съ швабрами. Срокъ на это давался отъ трехъ до четырнадцати дней. Къ тѣмъ, кто противился такому распоряженію или медлилъ исполненіемъ его, на крышу немедленно являлись отъ казны плотники съ готовымъ матеріаломъ и начинали свою работу. Несмотря, на то, что Харьковъ, въ то время, не могъ быть названъ городомъ, любящимъ искусство, но тѣмъ не менѣ на это изобрѣтеніе Кокос-

кина появилось разновременно три каррикатуры. На первой каррикатурѣ, Кокошкинъ стоялъ на одной изъ таковыхъ крышъ, которая горѣла. Но изобрѣтатель оставался невредимъ, курилъ покойно сигару, а шваброй отгонялъ отъ себя мухъ. Другая каррикатура изображала всю семью Кокошкина, расположившуюся на крышѣ. А на третьей каррикатурѣ Кокошкинъ приспособилъ кадку на крышѣ къ обсервациі небеснаго свода. Онъ сидѣлъ съ громаднымъ телескопомъ и смотрѣлъ на звѣзды. Надпись гласила: „Какую-бы мнѣ просить звѣзду за такое изобрѣтеніе?“ Въ то же время губернской инженеръ Петровскій, изображенный въ видѣ чорта, выглядывалъ изъ трубы, адресуясь съ такою рѣчью къ Кокошкину:

— Что же ты только себѣ звѣзду выбираешь? Ты и на мою долю не забудь выбрать!...

Всѣ эти каррикатуры, появившіяся разновременно, ходили по рукамъ среди богатаго люда. Но объ нихъ говорили шопотомъ; а показывали ихъ другъ другу при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ очень боялись, чтобы Кокошкинъ не узналъ, что у нихъ есть каррикатуры. Но несмотря на предпринимаемыя предосторожности, все же не обошлось безъ курьеза.

Былъ въ Харьковѣ богатый купецъ В. И. Болотовъ. Въ его роскошномъ магазинѣ можно было найти предметы роскоши: люстры, лампы, столики, портъ-табаки, чернильницы, бювуары и проч.

Болотовъ былъ старый холостякъ, а потому не лишень былъ характерной странности холостяковъ—имѣлъ порнографическія картинки заграничной фабрикаціи. Конечно, были у него и каррикатуры на Кокошкина. Держалъ и показывалъ онъ ихъ бережно. Но *„на всякаго мудреца довольно простоты“*. Болотовъ былъ добрый человѣкъ, но большой руки чудакъ, а по торговлѣ—плутъ. Отличался онъ юркостью характера и большою разсѣянностью. О томъ, что у него есть каррикатуры, генералъ-губернаторъ зналъ; но черезъ своихъ полицейскихъ агентовъ онъ не имѣлъ возможности изловить Болотова, такъ какъ на полицейскихъ съ его стороны вліяло только одно приказаніе; а со стороны Болотова вліяли на нихъ—приказаніе и деньги.

Однажды, къ Болотову въ магазинъ пріѣхалъ Кокошкинъ за покупками, а можетъ быть и за развѣдками. Долго и внимательно разсматривалъ онъ въ его магазинѣ различныя вещи, бралъ ихъ въ руки, поднималъ съ пьестала, передвигалъ на столахъ и присматривался къ вещамъ, то

наклоняясь поближе, то поднимая свою голову кверху. У одного угла стояли двѣ роскошныя тумбы, на которыхъ стояли не менѣе роскошныя канделябры изъ вѣнской золоченой бронзы. Съ намѣреніемъ или случайно, Кокошкинъ, подойдя къ этимъ канделябрамъ, ничего не говоря, взялъ одинъ изъ нихъ и приподнялъ изъ тумбы. Подъ нимъ оказались какіе то листы бумаги. Съ быстротою вьюна, Болотовъ подскочилъ къ тумбѣ и снялъ съ нея листы.

— Покажи мнѣ сейчасъ же эти листы!— грозно и внушительно сказалъ Кокошкинъ.

Болотовъ отъ страха не только оробѣлъ, но и онѣмѣлъ. Онъ, молча, дрожащею рукою протянулъ листы Кокошкину.

Кокошкинъ развернулъ три листа бумаги и увидалъ собственное изображеніе, въ трехъ видахъ, на крышѣ.

— А... а... а? Такъ вотъ какую ты ведешь торговлю?—сказалъ Кокошкинъ.

— Ва... ва... бы... бы...?—что-то силился сказать полуонѣмѣвшій отъ страха Болотовъ, упавъ предъ нимъ на колѣни.

— Прислать ко мнѣ на-домъ эти два канделябра съ тумбами? А съ тобою я раздѣляюсь! сказалъ повелительно и грозно Кокошкинъ и вышелъ изъ магазина.

Бѣдный Василій Ивановичъ такъ и остался на колѣняхъ, потерявъ силы подняться на ноги.

Нѣтъ сомнѣнія, что канделябры съ тумбами немедленно были отправлены въ домъ генераль-губернатора, а самъ Болотовъ отправился къ Родзянкѣ, занимавшему видный постъ при канцеляріи генераль-губернатора. Родзянко, дворянинъ по роду, университетскаго образованія и, какъ малороссіянинъ,—большой юмористъ, острый какъ бритва, и мѣткій, какъ стрѣла богатыря.

Разсказалъ Василій Ивановичъ Родзянкѣ свое горе и проситъ сказать ему, чего ожидать и что дѣлать.

— Та шо тутъ дожидаты, друже, колы погано?—отвѣтилъ Родзянко на малорусскомъ нарѣчій. Гляды, шобъ не пришлось тобі въ полиціи полежать пузомъ на лавци?

— Для чего?—не понявъ остроты, спросилъ простодушно Болотовъ.

— Для чего?—Да ты будешь отдыхать, а солдаты на тебе будутъ махать, чтобы мухи не сидалы?...

— Ахъ, Боже мой? Что вы говорите?—пораженный такимъ извѣстіемъ, возразилъ Болотовъ.—Да я-же первогильдейный?

— Хе, хе,—смѣясь, отвѣтилъ Родзянко. Хиба ты не знаешь нашихъ законовъ?

Статья напысана велькими буквами—*нельзя пороть!* А пидъ нею маленьки буквы. Ото вже значить—*выпороть!*..

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Пока ничего не знаю. Приходь дня черезъ два. А пока машну *) готовъ. Безъ ней необійдышься!..

На третій день, утромъ, частный приставъ Судейкинъ, по распоряженію генераль-губернатора, явился къ Болотову, чтобы препроводить его къ Кокошкину.

Василій Ивановичъ хотѣлъ прежде повидаться съ Родзянко, но ему этого не позволили и онъ на парномъ извозчикѣ отправился съ Судейкинымъ къ генераль-губернатору.

Долгенько пришлось Болотову потомиться въ пріемной, совмѣстно съ другими, пока Кокошкинъ соблаговолилъ выйти изъ своихъ комнатъ въ пріемный залъ.

Наконецъ, вышелъ Кокошкинъ и, минуя всѣхъ, подошелъ къ Болотову.

— Ну что, купецъ, какъ будто вышучивая его, сказалъ генераль. Мнѣ съ тобой надо за твой товаръ разсчитаться. Говори мнѣ сейчасъ, гдѣ ты взялъ картинки?

— Да я, ваше—ство!—началь было свою рѣчь испуганный Болотовъ.

*) Карманъ съ деньгами.

— Не смѣть мнѣ отпѣкиваться! Говори сейчасъ, я тебѣ приказываю!

Болотовъ молчалъ.

— Ты знаешь г. Нерчинскъ? Я тебя, каналью, туда сошлю съ твоимъ товаромъ! Понимаешь ты это?

— Ваше—ство! Помилуйте, простите!—рыдая, просилъ Болотовъ разгнѣваннаго генерала.

— Вотъ тебѣ мое милосердіе!—сказалъ Кокошкинъ. Ты одинокій человѣкъ, а денегъ у тебя много. Теперь идетъ постройка зданія Благотворительнаго общества. Выбирай любое: или ты будешь сосланъ въ Нерчинскъ, или пожертвуешь на благотворительное общество пять тысячъ рублей, и я прощу тебѣ твою вину?

Болотовъ предпочелъ внести пять тысячъ рублей и генераль отпустилъ его съ миромъ.

Но, потерявъ сразу такой кушъ денегъ, онъ приуupalъ и долженъ былъ войти въ сдѣлку съ кредиторами, чтобы хотя какъ нибудь удержать торговлю и не разориться въ прахъ.

Между тѣмъ, кто-же нарисовалъ эти три картинки? Вопросъ оставался открытымъ и мозолилъ душу генерала. Среди студентовъ университета, былъ нѣкій студентъ Сципура, который владѣлъ карандашомъ и

не разъ помогалъ профессорамъ, рисуя съ труповъ части человѣческаго тѣла. Его то и заподозрилъ въ этомъ грѣхѣ генералъ-губернаторъ и попечитель харьковскаго учебнаго округа С. А. Кокошкинъ. Но бывшій въ то время знаменитый хирургъ, профессоръ Ванцети, защитилъ его, такъ какъ зналъ его за одного изъ лучшихъ студентовъ.

Кокошкинъ въ концѣ концовъ успокоился и оставилъ розыски виновника появления трехъ каррикатуръ на него.

Ведя энергичную борьбу съ частыми пожарами, разорявшими г. Харьковъ, Кокошкинъ въ тоже время ничего не упускалъ изъ жизни обывателей города и на всякомъ выдающемся происшествіи и даже курьезѣ останавливалъ свое пытлиное вниманіе, сразу парализуя дальнѣйшее развитіе недобраго дѣла. Въ Харьковѣ въ то время былъ архіепископомъ знаменитый проповѣдникъ Иннокентій (Борисовъ). У него была завидная пара каретныхъ вороныхъ лошадей. Къ сожалѣнію, одна изъ нихъ пала. Много употребилъ и времени, и заботъ всѣми чтимый пастырь для того, чтобы найти пару къ оставшейся въ живыхъ лошади. Кому не извѣстно, какъ не

только граждане Харькова, но и помѣщики всей губерніи почитали и любили знаменитаго проповѣдника. Тѣмъ не менѣе найти лошадь для преосвященнаго, ни въ городѣ, ни по уѣздамъ, не оказалось возможности. Архіепископъ уже былъ склоненъ продать оставшуюся лошадь, а для себя купить новую пару лошадей, хотя бы и другой масти, но рослыхъ и стройныхъ, но неожиданно для всѣхъ одинъ изъ гражданъ города, почтенный и очень богатый человѣкъ, предложилъ его высокопреосвященству совершенно подходящую по стану и росту красивую и молодую вороную лошадь. Это былъ нѣкто Петровскій, одинъ изъ первыхъ въ то время портныхъ, имѣвшій два большихъ дома, нынѣ домъ Винтерфельдъ, на Николаевской улицѣ, а другой на Мѣщанской улицѣ—нынѣ домъ Григорьева. Лошадь была осмотрѣна, найдена вполне подходящею къ оставшейся одиночкѣ, и пріобрѣтена у Петровскаго за тысячу сто рублей. Архіепископъ былъ очень доволенъ своимъ пріобрѣтеніемъ, выхваляя при каждомъ удобномъ случаѣ христіанскую заботливость о немъ благороднаго Петровскаго. Но нѣтъ продолжительной радости на землѣ. Все кратковременно и суетно. А потому и архіепископу не долго пришлось радоваться своей находкѣ. Начались дожди, а съ

ними и грязная погода, и у лошади оказались двѣ ноги бѣлыя до колѣнъ. Благородный Петровскій ихъ выкрасилъ какою-то черною краскою, которая не замедлила смыться, обнаживъ настоящий цвѣтъ волосъ на лѣвой (передней) и правой (задней) ногахъ лошади.

— Что-же это вы мнѣ продали крашеную лошадь? — съ изумленіемъ и неудовольствіемъ спросилъ Петровскаго Иннокентій.

— А что-жъ, ваше преосвященство? — отвѣтилъ спокойно Петровскій. Развѣ нельзя ее еще и еще разъ покрасить? Вотъ если-бы ноги у лошади поломаны были, — это дѣло другого рода...

— Такъ вы, значитъ, не признаете въ этомъ вины своей? — спросилъ раздраженно архіепископъ.

— Да что же это за вина?

— Ну Богъ вамъ судья! Уйдите съ моихъ глазъ! — сказалъ архипастырь и удалился въ свои комнаты. Петровскій торжествовалъ, что его обманъ окончился вполне благополучно. Но онъ ошибся. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ его съ архіереемъ, онъ былъ призванъ къ Кокошкину.

— Ты что-же это? Крашенныхъ лошадей начинаешь людямъ продавать? — на-

прямикъ спросилъ Кокошкинъ у явившагося къ нему Петровскаго.

— Ваше — ство... началъ было оправдываться Петровскій.

— Молчать, первогильдейный плутъ! Тотчасъ, не медля ни минуты, приказываю тебѣ взять лошадь свою назадъ, возвратить его преосвященству деньги и явиться ко мнѣ. Слышишь? Я тебѣ покажу, какъ надо красить лошадей. Пошелъ вонъ!!!

Петровскій, молча, вышелъ отъ Кокошкина и не на шутку задумался. Для чего онъ все это продѣлалъ, онъ и самъ себѣ не могъ дать отчета. Правда, лошадь ему стоила триста пятьдесятъ рублей, а онъ за нее взялъ тысячу сто рублей. Барышъ баснословныхъ размѣровъ, и самъ Шейлокъ позавидовалъ-бы ему, но въ деньгахъ Петровскій не нуждался. Онъ былъ очень богатъ, дѣтей не имѣлъ и, съ своей старухой-женой, жилъ скромною жизнью почтеннаго человѣка. Тутъ руководила имъ одна привычка хищника, — не упускать ни одного случая сорвать, содрать, или, какъ они выражаются, — *нажить*, если представляется на это случай, въ лицѣ благороднаго, довѣрчиваго человѣка, будь этотъ человѣкъ дѣвушка, женщина, ребенокъ, духовное лицо, — все равно, отъ такой привычки никому пощады не бываетъ. Ло-

шадь была обратно взята Петровскимъ, а возвратить деньги тысячу сто рублей ему было такъ легко, что онъ, не задумываясь, исполнилъ того-же дня. Но тѣмъ не менѣе чувство проснувшейся совѣсти зашевелилось въ душѣ Петровскаго. Обмани онъ человѣка равнаго себѣ, онъ не затосковалъ-бы, а—напротивъ—посмѣивался бы, опираясь на пошлую поговорку: *на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ*, но такъ какъ тутъ рѣчь шла о духовномъ и высокопоставленномъ лицѣ, то совѣсть заговорила въ Петровскомъ очень громко.

Исполнивши приказаніе генераль-губернатора, Петровскій явился къ нему съ повинной головой, ожидая своей горькой участи.

— Ну? Взялъ обратно лошадь, возвратилъ деньги его преосвященству? Все исполнилъ?

— Все исполнилъ ваше—ство?—отвѣтилъ Петровскій. Но я прощенія прошу и прошу принять отъ меня другіе тысячу сто рублей на храмъ Божій.

— Нѣтъ, плутъ, ты однѣми деньгами за такой проступокъ отъ меня не отдѣлаешься. Ты прежде пойди къ преосвященному, поклонись ему въ ноги и попроси у него прощенія. Вотъ если онъ проститъ тебя, а деньги, жертвуемые тобою,

найдетъ удобнымъ принять отъ тебя, тогда и я тебя прощу. Ступай!!..

Его преосвященство простилъ покающагося грѣшника, деньги отъ Петровскаго были имъ помѣщены на построение сгорѣвшаго храма въ одной изъ деревень харьковской епархіи, и Кокошкинъ отпустилъ Петровскаго съ миромъ, не подвергая его наказанію.

Какъ ни радѣлъ ревностно Сергѣй Александровичъ за постановкой на крышахъ бочекъ, а все-же эти бочки не принесли никакой существенной пользы городу, не уменьшили числа пожаровъ, и многоведерныя кади съ роскошными швабрами изъ чесаной мочалы пожирались дерзкимъ и нахальнымъ огнемъ, не уважавшимъ генеральскаго изобрѣтенія. Сергѣй Александровичъ, не на шутку объявившій войну огню, призывалъ на борьбу съ нимъ резервы въ лицѣ пожарныхъ и полицейскихъ солдатъ, а иногда и солдатъ изъ состоявшаго при городѣ гарнизона.

Каждое утро Кокошкинъ ѣздилъ по разнымъ улицамъ города, имѣя при себѣ верхового полицейскаго солдата, у котораго въ сумкѣ черезъ плечо было нѣсколько кусковъ мѣла. Едва генералъ до-

ѣзжалъ до хаты или до домика, покрытаго соломой, гонтомъ или дранью, какъ правая его рука съ указательнымъ пальцемъ поднималась и указывала полицейскому всаднику на домъ или на хату. Верховой солдатъ немедленно подъѣзжалъ къ дому или къ хатѣ, мѣломъ писалъ на ней крестъ и спѣшилъ догнать своего повелителя. Домъ такой или хата обрекались безповоротнo къ сломкѣ. Таковой-же участи подвергались старые заборы и плетни. Послѣ каждой поѣздки, на другой день, разсылалась всѣмъ хозяевамъ, обреченнымъ къ сломкѣ домовъ и хатъ, бумага, съ требованіемъ расписаться на ней: „читалъ такой-то“, гласившая, что домъ и заборъ должны быть сломаны въ теченіе одного мѣсяца, или же заборъ долженъ быть поставленъ новый, а домъ или хата должны быть покрыты желѣзомъ.

Проходилъ мѣсяцъ, а дома и хаты, обреченные къ сломкѣ, стояли крытыми соломой и гонтомъ.

Тогда отрядъ изъ солдатъ пожарнаго депо или полицейскихъ городскихъ, съ топорами и ломами, безъ шума и „гика“, а какъ цивилизованные представители порядка и благочинія, являлись къ обреченнымъ на сломъ домамъ и, не входя въ разсужденія съ хозяевами, начинали раз-

рушать крыши и разбрасывать гонтъ и соломѣ; а на другихъ улицахъ, — отъ лезвія топора и грубаго напора ломовъ, валились плетни и заборы, обнажая дворы и большія пустоши несчастныхъ бѣдняковъ, и безъ такихъ мѣръ проводившихъ жизнь полуобнаженными. И были дни, въ которые вставало солнце красное не на радость многимъ и вызывало изъ устъ разоренныхъ молитву: „наказуй насъ, Боже, огнемъ ненасытнымъ; но храни насъ, Святый, отъ бича неумолимаго“! И нерѣдко многимъ хозяевамъ приходилось проживать въ раскрытыхъ, безъ крышъ, хатахъ и домикахъ по нѣсколько мѣсяцевъ, проводя осеннюю распутицу въ жильѣ, съ потолка котораго то капало несчетными каплями, то текло студеными и грязными ручьями, орошая одежду, бѣлье и весь скарбъ жильцовъ. А огонь, въ свое время, не переставалъ дѣлать свое дѣло. Дома и хаты съ желѣзными крышами нерѣдко горѣли также исправно, какъ горятъ ихъ собраты съ крышами, крытыми гонтомъ и соломой.

Каждое утро, въ извѣстные часы, хозяева домовъ и хатъ, на которыхъ не успѣлъ указать фатальный палецъ властелина, выбѣгали на улицу, озираясь то въ ту, то въ другую сторону, съ выраженіемъ

испуга на лицѣ, съ тревожно-блуждающимъ взглядомъ, и высматривали, не ѣдетъ ли генераль, чтобы снять съ ихъ жалкихъ хатенокъ ихъ соломенную голову за то, что она не желѣзная.

Какая нерѣдко тяжелая и безвыходная страда выпадаетъ на долю русской женщины!

Среди бѣднаго населенія гор. Харькова, жившаго кой какимъ ручнымъ трудомъ, подъ соломенной крышей, на Екатеринославской улицѣ, гдѣ въ настоящее время — гостинница „Россія“, въ небольшой хатенкѣ, въ два окна, съ дворомъ, обнесеннымъ старымъ, покосившимся плетнемъ, жила мѣщанка Олимпіада Марковна Дьяконова, мать троихъ малолѣтнихъ дѣтей и жена столяра, отъявленнаго лѣнтяя, лежебока и пьяницы.

Она была извѣстна среди небогатаго люда, какъ повариха, она же ставила пѣвки, ухаживала за больными, убирала покойниковъ, готовила поминальные и именинныя обѣды, была свахой и даже жила по нѣсколько дней въ домахъ, замѣняя собою экономку и хранительницу чужого добра. Честная и всегда вѣрная своему слову, она пользовалась расположеніемъ и

вниманіемъ къ себѣ даже въ домахъ богатыхъ купцовъ и дворянъ. Но вслѣдствіе тяжелой зависимости отъ мужа, всегда отбиравшаго и даже кравшаго у нея деньги, она была крайне раздражительна и, защищая себя или дѣтей своихъ, доходила иногда до отчаянныхъ пріемовъ въ борьбѣ съ насиліемъ мужа.

Весьма понятно, что ея домишко, крытый полусгнившей соломой и огороженный старымъ плетнемъ, болѣе чѣмъ другіе дома и хаты давно уже требовалъ ремонта и безобразилъ собою Екатеринославскую улицу.

На домѣ ея давно уже былъ начертанъ мѣломъ большихъ размѣровъ крестъ. Но Олимпіада Марковна сама лично и черезъ посредство другихъ просила уже два раза Кокошкина отсрочить сломъ крыши ея дома и дать ей льготу. Ея просьбы были уважены и, наконецъ, лѣтомъ ей дана была третья льгота впредь до слѣдующей весны, почему на углу дома была прибита, доска съ надписью — „до весны такого то года“. Но и весна пришла, и даже уже миновала, а Олимпіада Марковна не бралась за ремонтъ своего домика.

Въ началѣ сентябрю мѣсяца, Кокошкинъ, по обычаю своему, ѣхалъ съ верховымъ

городовымъ мимо домика Олимпіады Марковны.

— Прочитай, когда назначенъ срокъ сломки!—крикнулъ генераль своему верховому.

— Срокъ былъ — весна этого года,—отвѣчалъ городской.

— Завтра съ утра послать пожарныхъ солдатъ сломать крышу и плетень, и чтобы къ семи часамъ утра все было убрано и свезено въ сторону!

— Слушаю-сь!—отвѣтилъ городской и поспѣшилъ на своемъ конѣ за быстро удалявшимся въ коляскѣ генераломъ.

На другой день, въ четыре часа утра, десять человекъ солдатъ пожарнаго депо съ топорами, съ вилами и съ веревками подошли къ домику Олимпіады Марковны и, не говоря хозяевамъ ни слова, быстро взлѣзли на крышу и начали сбрасывать солому и подрубливать стропила и латы. А двое изъ нихъ, стоя внизу, занялись размоткой веревки, которою нужно было валить стропила крыши.

На поднявшійся стукъ и говоръ солдатъ, вышла Олимпіада Марковна изъ своей деревянной норы и начала протестовать противъ сломки крыши на ея домѣ. Начались со стороны солдатъ насмѣшки, а потомъ весь разговоръ переишелъ въ ругань. А,

между тѣмъ, солдаты дѣлали свое дѣло и солома съ стропилъ крыши цѣлыми снопами летѣла внизъ, осыпая хозяйку дома соромъ и пылью.

Двое солдатъ, размотавъ веревку, собирались бросить ее на крышу, дабы обвязать стропила и валить ихъ на землю.

У Олимпіады Марковны дрогнуло сердце, и она бросилась отнимать у солдатъ веревку.

— Оставьте, не ломайте!—вопила Олимпіада. Гдѣ же намъ жить, когда вы сломаете послѣднее наше убѣжище?

— Вишь какая явилась!—смѣялись солдаты. Еще для нея жилье нужно!..

— Да я не о себѣ хлопочу. Меня не возьметъ чортъ, я и подъ плетнемъ переночую. Я о дѣтяхъ забочусь, я объ нихъ, голубкахъ моихъ родныхъ, плачусь. Идетъ осень, вотъ дожди пойдутъ, а они, бѣдненькія въ некрытой хатѣ жить будутъ. Пожалѣйте ихъ, родимые, порадоуйте объ ихъ участи!

И Олимпіада, рыдая, умоляла солдатъ не продолжать начатое.

Но два дюжихъ парня оттолкнули несчастную мать и съ обычнымъ равнодушіемъ продолжали исполнять начатое разореніе несчастной семьи.

На эту неурядицу вышелъ мужъ Олимпіады Марковны и, видя, что она спорить съ солдатами, крикнулъ имъ:

— Да бейте ее—эту чортову бабу! Вишь увязалась! Отъ нея и солдатамъ нѣтъ свободы. Вотъ настырная сатана! причитывалъ Антонъ Дьяконовъ, усѣвшись на завалинкѣ, точно въ праздничный день.

— Ахъ ты, извергъ, извергъ!—вскринула Олимпіада.

Мгновенно подхвативъ лежавшій у ся ногъ пожарный топоръ, обезумѣвшая женщина бросилась на своего мужа и разсѣкла ему голову.

Безжизненнымъ трупомъ Антонъ свалился съ завалинки хатенки, но вмѣстѣ съ нимъ, безъ чувствъ, въ обморокѣ, свалилась и несчастная Олимпіада...

Къ семи часамъ утра все было убрано, а также Олимпіада и трупъ ея мужа. И на мѣстѣ, гдѣ, часъ тому назадъ, произошла кровавая драма, безмолвно стояла раскрытая хатенка, а въ ней пищало трое малолѣтнихъ дѣтей.

Генераль-губернаторъ отличался особенной любовью къ прямой линіи.

Противъ каедральнаго собора и въ тѣ годы, какъ и теперь, стояло большихъ

размѣровъ казенное зданіе присутственныхъ мѣстъ. Зданіе было весьма прочное и обѣщало еще долгую жизнь. Но фронтовой фасадъ его представлялъ собою хорду круга и потому былъ ненавистенъ для прямолинейной души Кокошкина. Все зданіе было сломано, и на мѣсто его выстроено то, которое въ настоящее время мозолить глаза своею однообразною, прямою линіею. Не легко было достигнуть идеальной прямой линіи при постройкѣ этого зданія, такъ какъ не только въ длину, но и въ высоту стѣнъ зданія Кокошкинъ зорко слѣдилъ за выполненіемъ прямой линіи.

Въ то время извѣстнымъ и весьма капитальнымъ подрядчикомъ по постройкѣ большихъ казенныхъ зданій былъ купецъ Елюкинъ, которому и была поручена постройка этого зданія. Но фронтовая стѣна его въ разныхъ мѣстахъ, по приказанію генераль-губернатора, нѣсколько разъ разбиралась до основанія и на счетъ подрядчика строилась вновь. Пріѣдетъ, бывало, Сергѣй Александровичъ на постройку, станетъ съ боку стѣны и посмотритъ, прищуривъ одинъ глазъ. Криво—говоритъ,—ломать до основанія! Ему и то, и это—ничего не помогаетъ. Наконецъ самъ Елюкинъ, на другой день, утромъ, дожидаетъ

его приѣзда. Съ ватерпасомъ и съ отвѣсомъ въ рукѣ, онъ доказываетъ Кокошкину, что стѣны совершенно ровны и потому не подлежатъ сломкѣ. Но прямолинейный Сергѣй Александровичъ не принималъ никакихъ доказательствъ и требовалъ, чтобы такая то часть стѣны немедленно была сломана.

— Ваше—ство! — наконецъ, возразилъ Еліокинъ. Вѣдь, если я начну ломать, то это будетъ уже въ четвертый разъ. Помилосердуйте-же! Кирпичъ, известъ, песокъ, вода, наконецъ, поденная стоимость каждаго рабочаго,—все это приноситъ мнѣ тяжелые убытки!..

— Ты что это пустился со мною резонировать? — внушительно возразилъ въ свою очередь подрядчику генералъ. Или ты забылъ, съ кѣмъ говоришь? Если сегодня не будетъ начата тобою сломка стѣны, то завтра утромъ я пришлю роту солдатъ и они исполнятъ мое приказаніе!..

Еліокину изъ двухъ золъ нужно было выбирать меньшее, чтобы окончательно не разорить себя отъ постройки этого зданія.

Казалось бы, можно было этимъ тяжелымъ урокомъ научить любого подрядчика не увлекаться предложеніями Кокошкина взять на себя тотъ или иной подрядъ. Выстроивъ зданіе арестантскихъ ротъ, на

Холодной горѣ, и испытавъ уже на этомъ подрядѣ желѣзную волю генерала, Еліокинъ на постройкѣ зданія присутственныхъ мѣстъ еще болѣе убѣдился въ необходимости на будущее время уклоняться отъ всякихъ казенныхъ подрядовъ. Но не то готовила жизнь трудолюбивому и добросовѣстному подрядчику.

Кокошкинъ, какъ попечитель харьковскаго учебнаго округа, затѣялъ строить зданіе ветеринарнаго института и предложилъ Еліокину, чтобы всѣ постройки и главный корпусъ зданія института онъ взялъ на себя. Еліокинъ уклонился отъ предложенія и даже не явился на торги. Съ торговъ постройка зданія должна была достаться купцу Гринченкову, домъ котораго былъ на Сумской улицѣ, на мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время—домъ Гладкова. Но Кокошкинъ нашелъ торги совершенными неправильно и рѣшилъ произвести постройку института экономическимъ способомъ, почему и послалъ за Еліокинымъ.

— Ну, мой незамѣнимый подрядчикъ! — любезно сказалъ генералъ явившемуся передъ его свѣтлыя очи Еліокину. Ты ужъ мнѣ выстрой институтъ!

— Ваше—ство! Боюсь, опять не угожу вамъ. Пожалѣйте меня. У меня дѣти малолѣтки. А я на зданіи присутственныхъ

мѣстъ болѣе тридцати тысячъ понесъ убытку. А строилъ зданіе арестантскихъ ротъ,—только приходъ съ расходомъ свелъ, а пользы никакой.

— Знаю, знаю я васъ, хитрецовъ! Вы все плачетесь, а кто знаетъ васъ, знаетъ и то, что вы плачете не о томъ, что въ сундукъ ничего нѣтъ, а о томъ, что отъ излишка денегъ сундукъ не запирается!..

— Ваше—ство! Не шутя говорю—боюсь взяться! Увольте, ради Бога!

— Ну, и я тебѣ не шутя скажу. Чтобъ я не сдѣлался твоимъ врагомъ, ты оставь за собою постройку этого зданія. А я тебя не обижу, слышишь? Ты подумай и завтра утромъ приходи ко мнѣ съ отвѣтомъ.

Нечего было дѣлать, Еліокинъ долженъ былъ постройку зданія ветеринарнаго института оставить за собою. Кокошкинъ остался очень доволенъ послушнымъ подрядчикомъ, и постройка зданія начата. Чѣмъ-то фатальнымъ отразилась эта постройка на судьбѣ Еліокина. Начиная съ фундамента и кончая крышей зданія, Кокошкинъ не упускалъ ничего въ своихъ наблюденіяхъ за постройкою. То фундаментъ былъ косъ, то цоколь недостаточно высокъ, то окна требовали расширить ихъ откосы. Стѣны, перегородки, печи, полы, все передѣлывалось по нѣсколько разъ,

и полъ въ музеѣ и въ торжественномъ залѣ, устланной паркетомъ, четыре раза весь слагивался и вновь стлался на счетъ несчастнаго подрядчика. Въ дополненіе нравственныхъ мукъ и тяжелыхъ убытковъ, Кокошкинъ удержалъ болѣе двѣнадцати тысячъ рублей, слѣдуемыхъ Еліокину за постройку зданія, и окончательно разорилъ подрядчика. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ наслѣдники умершаго Еліокина во вновь открытыхъ судахъ, наконецъ, выхлопотали право на полученіе слѣдуемыхъ имъ двѣнадцати тысячъ, и ветеринарный институтъ уплатилъ имъ эту сумму, по опредѣленію Сената.

Среди богатыхъ купцовъ Харькова того времени, былъ старожилъ города, богатый купецъ Скрынникъ. Онъ имѣлъ очень большую мастерскую, въ которой шились изъ простого валенаго сукна, темно-сѣраго цвѣта, малороссійскія свиты, съ капюшономъ (видлогой), лежавшимъ въ видѣ пелерины на плечахъ и спинѣ и служившимъ защитой головы и лица въ мятель и въ дождь. Свиты шились по всемъ правиламъ малороссійскаго кравецтва, и потому Скрынникъ былъ извѣстенъ во всей Малороссіи, какъ самый искусный портной

по части свитъ, и торговля его всегда шла успѣшно. Цѣлыми возами отправлялъ Скрынникъ свиты своей работы во все города и деревни Малороссіи. Кіевъ, Полтава, Черниговъ, Екатеринославъ, Херсонъ и Одесса пользовались свитами Скрынниковаго производства, и его свиты были извѣстны подъ общимъ названіемъ „скрыннокъ“.

Если богатая малороссіянка выходила замужъ за любимаго парубка (парня), то на другой день свадьбы, въ качествѣ сюрприза, дарила ему „скрынку“, и этотъ подарокъ бывалъ предметомъ зависти для многихъ.

Между тѣмъ, для арестантскихъ ротъ, тюремъ и этапныхъ домовъ Харьковской губерніи понадобилось значительное количество свитъ. А такъ какъ Кокошкинъ любилъ принимать во всемъ участіе, то и въ объявленномъ подрядѣ на поставку арестантскихъ свитъ для арестантскихъ ротъ и тюремъ энергичный генералъ былъ заправилой дѣла. Генералъ приказалъ пригласить къ себѣ купца Скрынника, чтобы предложить ему взять на себя подрядъ поставки необходимыхъ свитъ.

Но тутъ „нашла коса на камень“.

Скрынникъ зналъ хорошо, что значитъ взять подрядъ у Кокошкина, и порѣшилъ

отказаться отъ генеральскаго предложенія. Выслушавши предложеніе Кокошкина вступить въ подрядъ на поставку свитъ, Скрынникъ ни капли не смутился и далъ отрицательный отвѣтъ.

— Кланяюсь и благодарю ваше—ство за предложеніе, но я никогда ни въ какіе подряды не вступалъ и въ этотъ подрядъ вступать не желаю. А продать вашему—ству свиты на выборъ, сколько угодно штукъ—могу.

— Нѣтъ, Скрынникъ, ты возьмешь отъ меня этотъ подрядъ! внушительно сказалъ Кокошкинъ.

— Нѣтъ, ваше—ство. Я этого подряда не возьму!—покойно и тоже внушительно отвѣтилъ Скрынникъ.

— Такъ я тебя заставлю взять,—возвысивъ голосъ, сказалъ Кокошкинъ.

— Та це вы лякаете (пугаете) меня!—опять покойно отвѣтилъ Скрынникъ. Заставить вы меня не заставите, а я самъ тоже не возьму этого подряда, на томъ мы и разойдемся съ вами...

Скрынникъ почтительно поклонился генералу и, не дожидаясь никакихъ возраженій со стороны его, вышелъ изъ пріемнаго зала и уѣхалъ къ себѣ домой.

Кокошкина, не привыкшаго къ такимъ аудіенціямъ, такъ поразилъ Скрынникъ

своею невозмутимой смѣлостью, что онъ не могъ продолжать пріемъ и ушелъ въ свой кабинетъ, откуда выслалъ сказать, что пріемъ оконченъ. Начались толки по городу, и Скрынника большинство жителей оплакивало заблаговременно, какъ человека, который долженъ погибнуть отъ оскорбленнаго генерала. Но упорный хохоль не унывалъ. Не входя ни съ кѣмъ въ разговоры объ этомъ предметѣ, онъ покойно дѣлалъ свое дѣло.

Между тѣмъ, усердные люди, желавшіе услужить Кокошкину, уговаривали Скрынника войти въ подрядъ, и даже председатель казенной палаты совѣтовалъ Скрыннику согласиться на предложеніе генераль-губернатора.

Но все было напрасно. Скрынникъ невозмутимо стоялъ на своемъ рѣшеніи, никакіе соблазны не могли поколебать его.

Кокошкинъ волновался и никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что купецъ осмѣлился послушаться его и такъ стоекъ въ своемъ словѣ. Но болѣе всего его возмущало то, что врагъ неуязвимъ и что ему—полновластному генераль-губернатору, нѣтъ возможности, въ чемъ либо уличить Скрынника, чтобы въ возмездіе насолить ему.

Среди богатаго купечества того времени былъ купецъ и въ то время городской голова—Рудаковъ. Его, какъ и Скрынника, Кокошкинъ не долюбивалъ и называлъ ихъ мозолями.

— Ужъ эти два мозоля!—иногда говорилъ, генераль какъ бы шутя. А ужъ когданибудь я ихъ срѣжу!... Скрынникъ, какъ я уже сказалъ, былъ малороссіянинъ, и дѣдъ его былъ выходцемъ изъ Запорожья. А Рудаковъ былъ коренной русакъ, а по дѣду своему—новгородецъ. Оба они были другъ съ другомъ знакомы, но дружбы тѣсной не вели и съ недоверіемъ относились одинъ къ другому. Скрынникъ называлъ Рудакова „москалемъ“, а Рудаковъ обзывалъ Скрынника—„мазепой“.

Глубоко почитая и уважая мѣстнаго епископа, какъ тотъ, такъ и другой, за великую честь и даже за духовную благодать считали посѣщенія ихъ домовъ владыкою. Въ то время жизнь была проще, этикетъ соблюдался небольшой, а потому болѣе частое общеніе съ владыкой было явленіемъ обычнымъ, а, къ слову говоря, какъ Скрынникъ, такъ и Рудаковъ, оба были богатые люди и радушные хлѣбосолы. Такъ жили два денежныхъ туза, не питая другъ къ другу никакой вражды, хотя и безъ особенной дружбы. Но бываетъ ли

между людьми продолжительный миръ? Совершенно случайно оба богача носили одно имя. Какъ того, такъ и другого, звали Алексѣемъ. Тезки оказывались имянинниками въ одинъ день, 17 марта, на Алексѣя теплаго. Вотъ тутъ, какъ говорятъ нѣмцы, и „ist der Hund begraben“! Какъ Скрынникъ, такъ и Рудаковъ, каждый годъ, въ день своихъ имянинъ, въ приходской своей церкви, служили торжественно обѣдни и молебны о здравіи и благополучіи своемъ. Но такъ какъ Скрынникъ былъ приходомъ къ храму Благовѣщенія, а Рудаковъ—къ храму Св. Троицы, то для того, чтобы въ этотъ день видѣть въ своихъ приходскихъ церквяхъ архіерейское служеніе, имъ приходилось чередоваться по-годно: одинъ годъ Скрынникъ приглашалъ архіерея служить въ своей церкви, а другой—Рудаковъ. Такъ шло дѣло много лѣтъ. Но съ Рудаковымъ случилась весьма непріятная исторія. Онъ потерпѣлъ отъ пожара, а затѣмъ вошелъ въ немилость Кокошкина и по представленію генераль-губернатора былъ сосланъ въ Уфу на два года. Объ этой ссылкѣ я буду говорить подробно въ слѣдующей главѣ, а въ настоящее время буду продолжать разсказъ о временныхъ отношеніяхъ Рудакова и Скрынника. Перенеся такихъ два тяжелыхъ удара въ жизни и

перенеся ихъ, относительно говоря, благополучно, Рудаковъ устроилъ въ Троицкой церкви на свой счетъ престолъ во имя своего ангела Алексѣя Божьяго человѣка, а это дало ему право ежегодно просить мѣстнаго епископа служить 17 марта торжественную обѣдню въ придѣлѣ Троицкой церкви. Благодаря этому, Скрынникъ лишился навсегда возможности въ день своихъ имянинъ слушать въ Благовѣщенскомъ храмѣ архіерейскаго служенія.

— Вотъ такой-то москаль!—обыкновенно, говорилъ Скрынникъ при встрѣчѣ съ Рудаковымъ. Не даромъ у васъ, у москалей, Алексѣй называется „теплымъ“? И казаты ничего,—ты теплый, теплый москаль?...

— Ну, а ты какой? Ты—значить—Божій человѣкъ? Хорошъ тоже Божій человѣкъ! Вишь, вонъ, какой верзило, выросъ?... Скрынникъ дѣйствительно былъ высокаго роста. Съ тѣхъ поръ, при встрѣчѣ этихъ двухъ Алексѣевъ, Скрынникъ получалъ прозвище „Божьяго человѣка“, а Рудаковъ — „теплаго москаля“!

Тяжело было вступать въ подрядъ при Кокошкинѣ для сооруженія какого либо зданія, но еще тяжелѣе было брать у Кокошкина подрядъ на производство какихъ-

либо гидравлическихъ работъ. При устройствѣ дамбъ, плотинъ и мостовъ энергичный генераль бывалъ жестокъ и неумолимъ, какъ сатрапъ древней Персіи.

Давно уже генераль замышлялъ начать постройку моста черезъ рѣку Харьковъ, при концѣ Московской улицы. Наконецъ, былъ заключенъ контрактъ съ подрядчикомъ Авиловымъ, и сдана ему постройка того непоколебимаго моста, который и въ текущіе дни, какъ старый ветеранъ, стоитъ, не колеблясь, на своихъ основахъ, удивляя своею стойкостью современныхъ инженеровъ и строителей. А между тѣмъ, сколько лѣтъ вынесъ на своихъ раменахъ этотъ старина — мостъ, черезъ полотно котораго со дня его существованія много и много разъ проходили полки войскъ со своею тяжелою артиллеріею, тянулись несмѣтные обозы, нагруженные тяжелымъ товаромъ, и съ быстротою птицъ, по дорогѣ въ Чугуевъ, провозили много лѣтъ Императора Николая Павловича, а затѣмъ — Александра II. Полвѣка назадъ построенный, безъ всякой претензіи на красоту и изящество, но съ настойчивымъ требованіемъ сказочной прочности, мостъ этотъ, срубленный рукою новгородца, какъ неуклюжій слонъ, стоя крѣпко на своихъ устояхъ, дожилъ то того, что прихотливая цивилизація текущихъ

дней проложила по его ребрамъ желѣзный путь трамвая, и, точно лучемъ радостнаго дня, ярко освѣтила его морщинистое лицо электрическимъ свѣтомъ. И стоитъ онъ, кичась своею крѣпкою старостью; и не говоритъ онъ никому, сколькихъ жизней человѣческихъ стоила постройка его; и замалчиваетъ онъ цѣлые десятки драматическихъ сценъ, цѣлые ковши горючихъ слезъ и стенаній тѣхъ, которые жизнь свою кратковременную положили въ залогъ его полувѣковой прочности...

Кокошкинъ не жалѣлъ ни городскихъ суммъ, ни силъ и жизни работавшихъ его людей. Когда мостъ былъ оконченъ, расчетъ за него съ подрядчикомъ былъ отложенъ до весеннихъ водъ, для того, чтобы изслѣдовать прочность постройки и испытать ея устойчивость. Весна въ тотъ годъ была ранняя и теплая, а зима — снѣжная и богатая мятелями. Въ мартѣ мѣсяцѣ сошелъ снѣгъ и зашумѣли потоки и ручьи, вздулись рѣки, вышли изъ своихъ береговъ, и массы льда двинулись, точно на штурмъ, къ плотинамъ и мостамъ, разрушая ихъ, какъ ненавистныя преграды для быстрого теченія весеннихъ водъ. Подошли льды и къ Харьковскому мосту. Громадныя глыбы ихъ напирали на быки со всею силою своего наплыва. Взмывая на спины и головы

быковъ и покрывая ихъ собою, точно сплошною крышею, они давили быки книзу и леденили холодомъ своимъ ихъ бѣдныя головы. Но быки крѣпились и стояли, охраняя любимый генераломъ мостъ. Между тѣмъ, льдины, перебираясь черезъ ихъ вершины, съ грохотомъ падали въ воду, группируясь въ безобразныя горы у самаго моста. А вода все прибывала, разливаясь по берегамъ и отрѣзывая по обѣ стороны моста сообщенія съ нимъ. Мостъ трещалъ въ своихъ связяхъ, и быки значительно накренились въ сторону, не выдержавъ напора массы льда.

Вскрылась рѣка около пяти часовъ пополудни, и потому самая неотразимая сила напора водъ и льда началась съ восьми часовъ вечера. А въ одиннадцать часовъ ночи подъемъ силы напора льдовъ дошелъ до maximum'a и грозилъ мосту не на шутку. Одинъ изъ среднихъ быковъ былъ подмытъ и вывороченъ водоворотомъ такъ, что лежалъ бокомъ, покрытый льдомъ и водою.

Услышавъ о критическомъ положеніи моста, Кокоскинъ пріѣхалъ въ десять часовъ ночи и немедленно послалъ за арестантами. Прибыли арестанты и по распоряженію генерала взобрались на сугробы льда. Но работать не иначе можно было,

какъ только съ фонарями. А потому немедленно, несмотря на одиннадцатый часъ ночи, генераль-губернаторомъ было приказано купцамъ Карталову и Кочетову, торговавшимъ желѣзнымъ и скобянымъ товаромъ въ лавкахъ, нынѣ занятыхъ зеркальнымъ магазиномъ и чайною торговлею противъ биржи, отпереть свои лавки и выдать за счетъ казны двадцать фонарей, такъ какъ безъ огня работать было невозможно, а при полицейскихъ управленіяхъ нашлось только три фонаря.

Быстро прибывала вода, но быстро ставилъ препоны ей энергичный генераль. Арестанты ломали, разбивали плиты льда, которыя съ шумомъ валились въ воду, образуя густую массу, въ колыхавшейся и черной, какъ сама ночь, водѣ.

Нѣкоторые изъ арестантовъ были привязаны веревкой къ основѣ моста. Другіе, за недостаткомъ веревокъ, работали такъ. Фонари немедленно были зажжены и розданы арестантамъ. Сергѣй Александровичъ распоряжался, стоя въ своемъ экипажѣ, который былъ хотя и на берегу, но стоялъ въ водѣ выше подножекъ.

Вслѣдствіе сильнаго порыва вѣтра, вновь прибывшія глыбы льда сдѣлали напоръ на груды накопившагося раньше льда, которая всколыхнулась и такимъ движеніемъ

нарушила устойчивость почвы под ногами работавших арестантов. Неожиданно нѣсколько фонарей пошли ко дну, а вслѣдъ за ними скрылись съ глазъ и два арестанта. Ледъ быстро затеръ собою несчастныхъ и они пошли ко дну. На разсвѣтъ дня одинъ изъ нихъ былъ вытащенъ изъ воды, благодаря веревкѣ, которою онъ былъ привязанъ, а другого, четырнадцать сутокъ спустя, нашли всплывшимъ въ рѣкѣ Донцѣ, вблизи Святогорскаго монастыря. За двумя жертвами послѣдовали двѣ новыхъ: два городовыхъ по распоряженію генерала побѣжали по периламъ моста, чтобы передать фонари съ огнемъ на другую сторону моста, но какъ то оступились, упали въ рѣку и были затянуты теченіемъ воды подъ мостъ. И вотъ, не прошло и часу времени, какъ существованіе моста было обусловлено жертвою четырехъ живыхъ и здоровыхъ людей, обѣщавшихъ долгую и, быть можетъ, пелезную жизнь.

Невозмутимъ былъ Сергѣй Александровичъ при видѣ всего происшедшаго. Вдругъ на его глазахъ сильнымъ ударомъ громадной льдины вышибло изъ подъ моста одну сваю и быстрымъ теченіемъ внешнихъ водъ понесло ее подъ мостъ и далѣе. Увидѣвъ такое пораженіе своего любимаго дѣтища, генераль крикнулъ на арестантовъ и при-

казалъ имъ баграми ловить сваю. Но свая скрылась съ глазъ ловившихъ ее и не была поймана. Затѣмъ вышибло изъ гнѣздъ въ разныхъ мѣстахъ еще пять свай и унесло ихъ теченіемъ. Кокошкинъ сердился, кричалъ и волновался настолько, что, по временамъ, забывалъ свое положеніе и бранился крѣпкими словами.

По немедленному распоряженію его, несмотря на поздній часъ ночи, на мѣсто происшествія былъ доставленъ подрядчикъ, взявшій на себя постройку злосчастнаго моста. Накричалъ на него генераль-губернаторъ, затопалъ ногами, нѣсколько разъ съ досады выбранилъ его и приказалъ, чтобы по окончаніи половодья онъ приступилъ къ передѣлкѣ всего моста, прибавилъ бы свай, желѣзныхъ связей и болтовъ; въ противномъ случаѣ онъ отдастъ его подъ судъ, залогъ денежный оставить въ пользу казны и конфискуетъ все его имѣніе впредъ, пока не будетъ оконченъ мостъ кѣмъ либо другимъ.

Повинуясь приказаніямъ грознаго генерала и спасая семью свою отъ угрожавшаго ей нищенства, подрядчикъ долгое время то перемѣнялъ, то прибавлялъ сваи, пока разорился въ конецъ и на Основѣ, въ густомъ сосновомъ бору, повѣсилъ, оставивъ жену и троихъ дѣтей безъ средствъ къ существованію.

Умершаго подрядчика замѣнилъ другой. Но окончилъ этотъ фатальный мостъ уже третій подрядчикъ, который, на оставшіеся залого и проданную недвижимость первыхъ двухъ подрядчиковъ, почти весь мостъ передѣлалъ, вогнавъ въ дно рѣки, ставя сваю на сваю, болѣе двухъ-сотъ палъ.

И по сей день стоитъ этотъ мостъ—могила черная нѣсколькихъ человѣкъ—и, какъ старый ветеранъ, трясется онъ, содрагаясь всѣмъ своимъ тѣломъ даже отъ тихой ѣзды по немъ. И сторожатъ его отъ разрушенія такіе старые, какъ и онъ, быки, ожидая изъ года въ годъ, что прійдетъ иной человѣкъ, освободитъ ихъ отъ долготѣйшей службы и выстроитъ новый мостъ, болѣе красивый и прочный и нежадный къ такимъ человѣческимъ жертвамъ, какими богатъ этотъ дряхлый ветеранъ...

Но, кажется, далеко еще то время...

Съ не меньшею любовью и заботою С. А. Кокошкинъ слѣдилъ за работами по устройству набережныхъ на всѣхъ трехъ рѣкахъ города Харькова. Слѣды этихъ ровныхъ, прочныхъ и даже красивыхъ набережныхъ и теперь еще кой-гдѣ сохранились по теченію трехъ рѣкъ: Лопани, Нетечи и Харькова. Для такихъ работъ, распределенныхъ

по участкамъ, на нѣсколько лѣтъ въ Харьковъ были выписаны изъ глубокой Россіи грабари и землекопы,—люди, о которыхъ харьковцы до тѣхъ поръ знали только по наслышкѣ.

Нельзя было не удивляться той энергіи, съ какою генералъ одновременно занимался уравниемъ линій улицъ, постройкой мостовъ, усовершенствованіемъ противопожарныхъ мѣръ, обдѣлкою береговъ рѣкъ и, наконецъ, мощеніемъ мостовыхъ и исправленіемъ тротуаровъ. Но въ тоже время не могу умолчать о томъ, что онъ былъ въ этомъ дѣлѣ „одинъ въ полѣ воинъ“. Ему никто не сочувствовалъ, всѣ были противъ него, и много хорошихъ затѣй по благоустройству города не было приведено въ исполненіе или обошлось втрое дороже только потому, что граждане Харькова старались дѣлать ему подвохи и тормозить работы по доставкѣ матеріаловъ. Кокошкинъ былъ первымъ инициаторомъ проекта соединенія рѣки Донца съ харьковскими рѣками, устройства водопровода и водоотвода, углубленія фарватера рѣкъ. Имѣлся даже у него проектъ устроить ассенизацію для всего города. Но неподвижно было къ новшествамъ наше общество, и на всѣ его благія затѣи отвѣчало оно всѣми возможными и зависѣвшими отъ него ухищреніями

и препятствіями. Можно положительно сказать, что если бы не широкая власть, данная Кокошкину Государемъ, онъ ничего бы не могъ сдѣлать въ Харьковѣ хорошаго, и до нашихъ дней нашъ родной городъ принималъ-бы грязныя ванны и, какъ Нарцисъ, любовался собою, отраженнымъ въ лужахъ и заморнахъ, невысыхавшихъ на нѣкоторыхъ улицахъ даже въ дни засухи. И если наши сосѣди иностранцы—упрекаютъ русскихъ въ *inproductivité slave*, то харьковцы всегда первыми заслуживали этотъ упрекъ потому, что дѣйствительно отличались неподвижностью и непроизводительностью. Всматриваясь въ дѣла города того времени и въ упорное противодѣйствіе представителей городской думы всему, что затѣвалось даже грознымъ Кокошкинымъ, для благоустройства города, нельзя не удивляться той отчаянной борьбѣ, какую вели городскіе головы, ратманы и бургомистры, совместно съ богатымъ купечествомъ, отстаивая свою любовь ко всему старому, рутинному и отжившему. Рѣзокъ въ своихъ требованіяхъ и настойчивъ былъ генераль, не щадя иной разъ никого и ничего, во имя осуществленія намѣченнаго имъ предпріятія. Но и граждане города, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, иногда были упорны до изступленія и несговорчивы

до глупости. И если Кокошкинъ въ крайнихъ случаяхъ хватался за крайнія мѣры, чтобы совершить дѣло, предпринятое имъ, то и граждане города, чтобы помѣшать успѣху дѣла, или совсѣмъ затормозить его, не брезгали никакими средствами и иногда пускались на такія хитрости, которыя не могли не вывести изъ терпѣнія даже самаго сдержаннаго и покойнаго человѣка. И чего не придумывали, злорадствуя, ему?

То всѣ харьковскіе подрядчики, бравшіе на себя подряды по постройкамъ зданій или мостовъ и, конечно, имѣвшіе связи съ богатыми торговцами, подговаривались не брать ни одного подряда, и Кокошкинъ былъ вынуждаемъ выписывать подрядчиковъ изъ другихъ губерній, чтобы не откладывать дѣла на неопредѣленный срокъ, то, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ, ни у кого нельзя было купить необходимаго матеріала, что, на примѣръ, случилось при устройствѣ набережныхъ и мостовыхъ, такъ что необходимо было этотъ матеріалъ выписывать изъ Екатеринославской и другихъ губерній, платя за него тройную цѣну и нерѣдко ожидая три и четыре мѣсяца за распутицей и бездорожьемъ, чтобы перевезти его на мѣсто постройки. Казалось иной разъ—люди безъ ужасающей грязи, безъ тьмы кромѣшной по ночамъ, безъ

рѣкъ, полныхъ зловонія, не могли жить и считали себя несчастными потому, что явился среди нихъ человѣкъ, который задался мыслью освободить ихъ отъ этихъ ужасающихъ прелестей.

Для постройки мною описываемаго моста необходимо было выписывать подрядчиковъ-строителей даже изъ Москвы и Петербурга. И если бы не энергичная рука завзятаго генерала и не его желѣзная воля, то Мироносицкое кладбище, мною уже описанное и долго служившее картиною „мерзости запустѣнія“, ловушкой для проходящихъ и притономъ для бродячаго люда, еще долго и долго стояло-бы свидѣтелемъ тупоумнаго равнодушія гражданъ города къ удобствамъ городской жизни и къ благообразію его.

Когда Кокошкинъ увидалъ Мироносицкое кладбище и призвалъ въ то время бывшаго городскимъ головою Рудакова съ цѣлью поговорить съ нимъ о немедленной необходимости очистить все пространство, занимаемое кладбищемъ, отъ памятниковъ, крестовъ и оградокъ, засыпать могилы и сравнять мѣстность, то городская дума въ лицѣ всѣхъ представителей ея дала отъ себя отзывъ, что у нея „на такое предпріятіе, могущее быть отложеннымъ на болѣе продолжительное время, денегъ не находится“.

А сколько у васъ теперь есть денегъ на лицо?—спросилъ у городского головы Кокошкинъ.

Городской голова далъ приблизительный отвѣтъ.

— Немедленно принести мнѣ денежный ящикъ!—внушительно и безапелляціонно рѣшилъ Кокошкинъ.

И генералъ повѣрилъ сумму, записалъ къ себѣ въ книжечку и, отложивъ въ особый пакетъ за собственноручной подписью необходимую по смѣтѣ для очистки кладбища сумму, принялся за работу, употребляя гарнизонныхъ солдатъ и арестантовъ, которые по снятіи памятниковъ и засыпкѣ могилъ были отпущены обратно. Въ двѣ съ половиною недѣли все кладбище было снесено и перестало безобразить городъ. А среди обывателей слышались толки о томъ, что Кокошкинъ даже на святыню простеръ свою руку и уничтожилъ кладбище.

— Да чему-жъ тутъ удивляться!—говорили почтенные граждане. Онъ скоро зданія начнетъ скапывать съ мѣста?

И граждане не ошибались. Далеко отступая отъ церкви во имя св. Николая, стояла ветхая, безобразная деревянная колокольня, какъ отдѣльное, будто самостоятельное зданіе. Въ нижнемъ этажѣ этого

зданія, давно нуждавшагося въ капитальномъ ремонтѣ, съ поржавленнымъ отъ времени и погнутымъ отъ ветхости крестомъ, были лавченки, въ которыхъ продавались кресала, трутъ, хохлацкія люльки (трубки), мѣль, громадными глыбами, и въ небольшихъ шарахъ, желтая глина, гвозди, удочки, мочальные щетки для смазки глиной лежанокъ и загнетокъ русскихъ печей и, наконецъ, тарань, бадьянъ, шафранъ и мускатный орѣхъ для хохлацкихъ пасокъ.

Такъ какъ проѣздъ, въ довольно широкихъ размѣрахъ, былъ свободный по обѣимъ сторонамъ колокольни, то почти постоянно вокругъ этого зданія располагались пріѣзжіе хохлы съ парами воловъ, запряженныхъ въ неуклюжій возъ. Хохлы, не спѣша и съ похвальною предусмотрительностію, покупали люльку или кресало, выбирая долго, долго самыя наилучшія; иные сидя на возу, ѣли тарань; волы кушали сѣно. И тѣ, и другіе сорили и оставляли по себѣ удобреніе для почвы, и картина была полна чертъ мѣстной культуры, наглядно указывая наблюдателю ту ступень цивилизаціи, на которой мы, харьковцы, стояли въ тѣ годы.

Кокошкинъ, недолго думая, далъ торговцамъ люлками и кресалами для пріисканія себѣ другихъ помѣщеній два мѣсяца срока,

по истеченіи котораго служителями гарнизона сломалъ колокольню до основанія, а архитектору Тону приказалъ начертить фасадъ надстройки надъ входомъ въ храмъ помѣщенія для колоколовъ.

— А что? Не говорили ли мы, что онъ начнетъ и зданія ломать? — вопіяли обыватели города. Шутка-ли! И колокольню срылъ до основанія! И чѣмъ она ему мѣшала? За одну ветхость слѣдовало бы не ломать ее... Экій безбожникъ!...

Но какъ бы ни было, а чѣмъ ревностнѣй генералъ занимался благоустройствомъ города, тѣмъ чаще онъ наталкивался на враждебное отношеніе къ себѣ обывателей.

Кокошкинъ не переставалъ бороться съ ужасающею грязью города и тянулъ укладку мостовой по главнымъ улицамъ его. Но городъ предъявлялъ массу неотложныхъ нуждъ, требовавшихъ въ свою очередь расходовъ большихъ денежныхъ суммъ, а городская дума была такъ бѣдна статями дохода, что нужно было прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ увеличенія городскихъ средствъ. И вотъ для того, чтобы мостовыя можно было продолжать тянуть каждое лѣто безостановочно, прокладывая ихъ не только по главнымъ, но и по по-

бочнымъ улицамъ города, Кокошкинъ силою своей власти, черезъ думу, наложилъ на всѣхъ гражданъ Харькова, названный имъ, „мостовой налогъ“. Этотъ налогъ налагался на всякаго обывателя города Харькова, имѣющаго недвижимую собственность, обязанность, соразмѣряясь съ количествомъ квадратныхъ сажень, занимаемыхъ ихъ домами по улицѣ и до середины улицы, вносить каждый годъ извѣстную сумму денегъ для прокладки мостовыхъ.

Жители, не привыкшіе къ налогамъ и считавшіе великимъ бременемъ для себя исправно дѣлать взносы даже по тѣмъ статьямъ, какія искони существовали во всѣхъ городахъ Россіи, были возмущены такимъ налогомъ генераль-губернатора и подняли поголовный ропотъ противъ его распоряженія. Въ то время городскимъ головою былъ купецъ А. М. Рудаковъ. Торговалъ онъ колониальнымъ и бакалейнымъ товаромъ оптомъ и, какъ весьма богатый человекъ, былъ по характеру весьма самонадѣянъ и рѣшителенъ. Его окружали сотоварищи по профессіи,—богатые, какъ и онъ, торговцы,—и, вліяя на его самолюбіе, убѣдили его дожидаться проѣзда Государя черезъ Харьковъ въ г. Чугуевъ и при поднесеніи ему на блюдѣ хлѣба-соли подложить подъ хлѣбъ прошеніе-жалобу на Его Высочай-

шее имя, прося Государя отъ имени всѣхъ гражданъ города избавить ихъ отъ такого ненавистнаго и безжалостнаго генераль-губернатора, какимъ заявилъ себя съ первыхъ дней своего пріѣзда С. А. Кокошкинъ.

Какъ и всегда, въ этихъ случаяхъ, Государь принялъ хлѣбъ-соль и тотчасъ же передалъ блюдо своему адъютанту. Говорить-ли о томъ, что прошеніе, поданное Рудаковымъ за собственноручной подписью, было передано Государю, а Государь, прочитавъ жалобу, передалъ ее своему любимцу Кокошкину, требуя отъ него объясненія на всѣ изложенные пункты.

По разслѣдованіи, всѣ граждане, на которыхъ опирался Рудаковъ,—Сѣриковъ, Медвѣдкинъ, Скрынникъ, Кочетовъ, Ковалевъ, Рыжовъ, Кувшинниковъ, Медвѣдевъ и многіе другіе купцы—отреклись и отказались отъ участія своего въ составленіи жалобы и даже хвалили распоряженія генерала, благодаря Государя за то, что Онъ былъ настолько милостивъ къ городу, что приказалъ генералу „вытащить его изъ грязи“.

Рудаковъ неожиданно остался одинъ въ дѣлѣ протеста противъ генераль-губернатора и былъ сочтенъ не только за инициатора этого дѣла, но и за возмутителя

другихъ гражданъ города противъ поставленнаго надъ ними самимъ Царемъ начальника.

Между тѣмъ, Кокошкинъ, не желая губить Рудакова, а сознавая при этомъ крайнюю необходимость поддержать свой престижъ среди городского населенія и сразу ампутировать у горожанъ охоту заниматься протестами, просилъ Государя удалить Рудакова, безъ лишенія какихъ либо правъ и преимуществъ, по званію и состоянію ему присвоенныхъ, въ городъ Уфу, на два года, но придать этому удаленію, посредствомъ обстановки, значеніе ссылки по повелѣнію Государя Императора. Это было необходимо сдѣлать, какъ объяснилъ Кокошкинъ, для того, чтобы внушить гражданамъ духъ покорности и безусловнаго повиновенія его власти, которую давно уже подрывали и расшатывали, препятствуя дѣлать дѣло возрожденія города.

Государь Императоръ внялъ просьбамъ генерала и подписалъ указъ о ссылкѣ купца Рудакова въ г. Уфу, на два года, безъ лишенія правъ, присвоенныхъ ему по званію и состоянію.

Купецъ Рудаковъ былъ женатъ вторымъ бракомъ, отъ котораго онъ имѣлъ пяти

лѣтъ дочь Александу, а отъ перваго брака у него было три взрослыхъ сына и четыре дочери—невѣсты.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ было объявлено Рудакову Высочайшее повелѣніе: ему былъ данъ мѣсяцъ льготы для приведенія въ порядокъ своихъ торговыхъ дѣлъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ назначенъ былъ день его выѣзда или ссылки. Кокошкинъ позаботился выѣздъ въ ссылку Рудакова обставить насколько возможно картинно, чтобы онъ поражающимъ образомъ могъ повліять на толпу и тѣмъ стать внушительнымъ для всѣхъ и cadaго порознь.

На парномъ извозикѣ, съ открытымъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ съ саблями наголо, былъ препровожденъ въ десять часовъ утра А. М. Рудаковъ въ залъ харьковской городской думы, помѣщавшейся при полицейскомъ управленіи, на Николаевской площади. Тамъ ожидали его всѣ служащіе думы съ губернаторомъ во главѣ. Въ это же время въ думу были приглашены съ подпиской обязательной явки купцы и лучшіе обыватели города. Губернаторъ прочелъ Высочайшій указъ и затѣмъ Рудаковъ былъ посаженъ въ простую телѣжку, съ двумя жандармами по бокамъ съ саблями наголо. Тихимъ шагомъ телѣга двинулась черезъ весь городъ, дер-

жась самыхъ многочисленныхъ улицъ. Сзади и по бокамъ телѣги шелъ взводъ конныхъ казаковъ, а впереди телѣги ѣхало четыре конныхъ жандарма съ обнаженными саблями. Казалось, будто Рудаковъ былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ и жестокихъ преступниковъ, уже не разъ бѣжавшихъ изъ подъ стражи, почему въ данномъ случаѣ и назначенъ былъ за нимъ такой усиленный надзоръ. Между тѣмъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, все это было придумано и устроено ради картины, которой угрожали всѣмъ обывателямъ. Многотысячная толпа, состоявшая изъ всѣхъ обывателей города и изъ пригородныхъ селъ и деревень, начиная отъ малолѣтнихъ и кончая людьми, удрученными старостью, собирались смотрѣть, какъ будутъ отправлять въ ссылку купца Рудакова. Дѣти Рудакова отъ перваго брака, а также родственники его, большое количество дрожекъ, фазтоновъ, колясокъ и ландо, запряженныхъ лошадьми, цѣною отъ сорока рублей за лошадь и кончая тремя тысячами за пару, съ сѣдоками въ тысячныхъ шубахъ и сапогахъ, ѣхали, едва двигаясь, впередъ, пробираясь сквозь толпу и провожая въ ссылку осужденнаго, который сидѣлъ и открыто, не робѣя, а иногда и улыбаясь, посматривалъ изъ стороны въ сторону, отдавая

поклоны знакомымъ, какъ будто не признавалъ себя виновнымъ. Толпа народа, безъ преувеличенія говоря, ревѣла и стонала. Вопли и стенанія, причитыванія толпы, направляемая по адресу осужденнаго, говорили, что народъ съ живѣйшимъ участіемъ относится къ его участи и горячими слезами оплакиваетъ его горькую долю.

— Голубчикъ ты нашъ, защитникъ дорогой! — слышались причитанія изъ толпы. За насъ пострадалъ, ради насъ не пожалѣлъ себя!

Говорить-ли о томъ, что всѣ эти причитанія исходили въ большинствѣ изъ устъ женщинъ и дѣтей, которыя, точно густая масса тѣста, переливаясь съ мѣста на мѣсто, старались пробраться ближе къ повозкѣ Рудакова, чтобы посмотрѣть ему въ лицо.

Среди этой массы плакальщицъ большинство было и такихъ, которыя совсѣмъ не знали Рудакова и даже никогда не видали его.

Ревнивъ и строгъ былъ надзоръ за осужденнымъ. Взводъ казаковъ охранялъ съ трехъ сторонъ телѣгу. Едва толпа начала сильно колыхаться, направляясь къ осужденному, какъ казаки дружной и плотной окружали повозку и, поднимая вверхъ свои плети, съ розмаха опускали ихъ на тѣхъ, которые сильно напирали на

повозку. А въ это время, жандармы на коняхъ, крупами лошадей своихъ, несмотря, куда пятятся они и на кого напираютъ, осаживали и малыхъ, и старыхъ, постоянно оглушая воздухъ криками: „раздайся, осадь, берегись!“ И если къ этому мы прибавимъ двухъ барабанщиковъ, которые впереди жандармовъ шли и, не переставая, били тревогу, и не забудемъ упомянуть о ржаніи тысячныхъ лошадей, то передъ нами развернется картина, полная потрясающихъ душу эффектовъ, искусственно освѣщенная въ расчетѣ произвести удручающее впечатлѣніе на толпу...

День ссылки Рудакова былъ днемъ какого-то траурнаго празднества, и цѣлый день народъ ничего не дѣлалъ.

Пройдя немало улицъ, наконецъ, выбравшись за городъ, процессія не переставала идти въ должномъ порядкѣ еще двѣ версты. На третьей верстѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, стоялъ возокъ, запряженный четверикомъ рослыхъ и сильныхъ лошадей. Тутъ вся процессія остановилась, и картина измѣнилась по своему содержанію. Въ возкѣ сидѣла молодая жена Рудакова съ единственною своею дочерью пяти лѣтъ. Рудакова окружили всѣ его родные и знакомые, началось прощаніе, въ морозный воздухъ взлетѣла не

одна пробка съ шампанскаго, и Рудаковъ, — этотъ ужасный преступникъ, котораго нужно было охранять такою когортою солдатъ, спокойно сѣлъ въ возокъ, совмѣстно съ женой своею и дочерью, на козлахъ помѣстился жандармъ, укрывъ себя съ головою и съ ногами въ волчью шубу, припасенную для этого Рудаковыми, и возокъ, весело побрякивая колокольцами и бубенцами, двинулся въ путь.

— Эй, вы, родимые, да буланые! Пережбля вы, выжидаючи! Нутко по снѣжку, да по рылхому, пробѣжитесь быстрой иноходью!..

Такъ ямщикъ, выпившій хорошую чарку водки, поднесенную осужденнымъ, садясь и уминаясь на козлы, ободрялъ лошадей своихъ и, наконецъ, двинулся въ путь.

Все было окончено. Народъ началъ расходиться, пораженный чудесной метаморфозой. Онъ никогда не видалъ такъ уѣзжавшихъ преступниковъ. Что же это было? Театръ на открытой сценѣ, или маскарадъ съ переодѣваніемъ?

А. М. Рудаковъ вольготно ѣхалъ въ ссылку. Теплый и помѣстительный возокъ, всегда прекрасный четверикъ лошадей, казенная подорожная, дающая право не испытывать задержки при перемѣнѣ лошадей, охрана въ лицѣ жандарма и, нако-

нецъ, совершенная свобода останавливаться въ гостинницахъ по выбору и на болѣе продолжительное время,—все это, вмѣстѣ взятое, облегчало положеніе въ пути не только ссылаемаго, но и его жены съ малолѣтней дочерью.

Долго-ли, скоро-ли, прибылъ Рудаковъ въ г. Уфу, но все же путь его былъ оконченъ, и онъ остановился въ лучшей гостинницѣ, а затѣмъ поспѣшилъ представиться мѣстному губернатору. Губернаторъ прочиталъ бумагу, врученную ему жандармомъ, и, сдвинувъ плечами въ знакъ удивленія, спросилъ ссыльнаго:

— За что же тебя сослали сюда?

— То есть вотъ какимъ манеромъ, ваше—ство! — отвѣтилъ Рудаковъ. Полагаю за то меня сослали въ Уфу, что я за всю свою жизнь не бывалъ въ ней и не видѣлъ ея...

— Ну, такъ вотъ теперь посмотришь и увидишь! — отвѣтилъ губернаторъ. Ты здѣсь свободенъ. Иди и живи, гдѣ угодно и какъ угодно. Но только два года ты не имѣешь права выѣхать изъ Уфы за городъ далѣе двѣнадцати верстъ... Рудаковъ нанялъ большой деревянный домъ, съ антресолями и съ дворовыми постройками, и зажилъ въ немъ, какъ баринъ. Знакомство съ высокопоставленными лицами, лошади, эки-

пажи, прогулки за городъ и на рыбныя тони — были къ услугамъ богатой семьи и двухгодичная жизнь въ Уфѣ Рудакова была не ссылкой, а скорѣе продолжительнымъ пребываніемъ его въ гостяхъ.

Желая разнообразить свою жизнь, Алексѣй Михайловичъ началъ въ Уфѣ учиться столярному ремеслу, которое ему далось весьма легко, и онъ сдѣлалъ двѣ модели съ того дома, въ которомъ онъ жилъ въ „ссылкѣ“.

Наконецъ, срокъ ссылки окончился, и Рудаковъ выѣхалъ обратно въ Харьковъ и, какъ преступникъ, отбывшій узаконенный срокъ наказанія, долженъ былъ явиться къ генералъ-губернатору Кокошкину.

— Ну что, Рудаковъ, — обратился къ нему Кокошкинъ, какъ тебѣ въ Уфѣ было жить?

— То есть вотъ какимъ манеромъ: здѣсь — Сибирь, — указывая на Харьковъ, отвѣтилъ Рудаковъ, — а въ Уфѣ — рай!..

— Ну вотъ видишь, куда я тебя сослалъ. А ты еще сердишься на меня...

Любя хорошихъ лошадей, Рудаковъ привелъ изъ Уфы двѣ пары чистокровныхъ вятковъ. Малорослыя лошадки цвѣта верблюжьей шерсти, покойныя и, несмотря на малорослость, красивыя, въ то время были совершенною новинкой въ Харьковѣ и мно-

гихъ интересовали собой. Эта новость дошла до слуха Кokoшкина, который, недолго думая, приказалъ Рудакову явиться.

— Вотъ зачѣмъ я призвалъ тебя къ себѣ, Рудаковъ,—сказалъ Кokoшкинъ. У тебя, говорятъ, двѣ пары хорошихъ вятокъ.

— Да, есть, ваше — ство!—отвѣтилъ Рудаковъ.

— Ну, ужъ ты мнѣ продай парочку, по старому знакомству,—смѣясь сказалъ Кokoшкинъ.

— То есть, вотъ какимъ манеромъ, ваше — ство!—смѣло отвѣтилъ Рудаковъ, я никогда не цыганилъ лошадыми и потому продать—не могу. А прислать вамъ пару вятокъ—пришлю. Ёздите на нихъ на здоровье.

И того же дня Алексѣй Михайловичъ приказалъ отвести пару вятокъ въ квартиру генераль-губернатора.

И это было послѣднее столкновѣніе и свиданіе Рудакова съ Кokoшкинымъ.

Но какъ ни счастливо и покойно жилось Рудакову въ Уфѣ, все таки его двух-годовое отсутствіе изъ Харькова весьма тяжело отразилось на его большой и завидно поставленной колоніальной торговлѣ. Товаръ былъ расхищенъ и розданъ въ кредитъ неблагонадежнымъ лицамъ, почему получить за товаръ деньги было весь-

ма трудно. Между тѣмъ, собственные долги оставались неоплаченными. Положеніе по торговлѣ Рудакова было трудное, и онъ поѣхалъ въ Москву, чтобы войти въ соглашеніе съ кредиторами и отсрочить на болѣе дальній срокъ платежи, по неоправданному кредиту.

Тяжела и трудна была эта поѣздка для Алексѣя Михайловича, привыкшаго всегда оправдывать кредитъ даже двумя—тремя днями раньше срока, и нужна была большая рѣшимость и сила воли, чтобы этому гордому человѣку рѣшиться стать лицомъ къ лицу съ своими кредиторами и заявить имъ, безъ обвиняковъ, что онъ разоренъ, что онъ платить тотчасъ полнымъ рублемъ не можетъ. Но и въ данное время, считая себя правымъ, онъ съ открытой головой пошелъ на встрѣчу тяжелому самоуничиженію.

Но какова же была его радость, когда московскіе купцы и фабриканты, болѣе двадцати-пяти лѣтъ знавшіе Рудакова, какъ примѣрнаго плательщика, и знавшіе причину упадка его торговаго дѣла, а также незаслуженную имъ ссылку, встрѣтили его въ Москвѣ съ открытыми объятіями, сдѣлали ему почетный обѣдъ, не жалѣя яствъ, не считая дюжинъ шампанскаго, и чествовали его, какъ человѣка,

который пострадалъ не за свои личные, а за общественные интересы. Ему половина долга была прощена, другая половина отсрочена, и данъ былъ товаръ въ кредитъ на большую сумму.

Торговля Рудакова пошла вновь блестящимъ образомъ, и еще такъ недавно приниженный и опозоренный человѣкъ вновь возсталъ и началъ новую жизнь, при достаткѣ и общемъ почетѣ со стороны всѣхъ гражданъ города.

Началась жизнь новой гласной думы, и онъ вновь былъ избранъ въ число гласныхъ ея. Но Рудаковъ отказался отъ этой чести далеко до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ, и жизнь его изъ открытой, общественной, сдѣлалась замкнутой и доступной для весьма немногихъ...

Я уже говорилъ, что генераль Кокошкинъ въ своей дѣятельности касался нерѣдко не только общественныхъ и городскихъ интересовъ, но и частныхъ недоразумѣній и столкновений, которыя были ему извѣстны вслѣдствіе принесенныхъ ему жалобъ обиженнымъ или обиженной. Начну съ общихъ, чтобы перейти къ частнымъ. Въ 1852 году, въ городѣ Харьковѣ, вы-

палъ настолько крупный градъ, что, среди общей величины градинъ въ вишню, попадались градины неправильной формы, величиною въ куриное яйцо. Всѣ стекла въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ гимназій, въ присутственныхъ мѣстахъ и вообще въ большинствѣ домовъ города, имѣвшихъ окна на востокъ, были выбиты. Обнаружилась дѣйствительная нужда въ стеклахъ. Несмотря на большой оптовый складъ стеколъ въ магазинѣ генерала Мальцова, а также и въ другихъ посудныхъ стекольныхъ лавкахъ, стекла приходилось экстренно выписывать изъ Полтавы и изъ Курска, какъ изъ ближайшихъ городовъ къ Харькову. Нѣтъ сомнѣнія, это повело къ стачкѣ между торговцами, и цѣны на стекла подняты были до баснословной величины. За шипку полубѣлаго стекла нужно было платить рубль серебромъ. Что же касается бѣлаго стекла, то за шипку такового платили по рублю пятидесяти копѣекъ. Кокошкинъ однимъ взмахомъ пера установилъ свои цѣны на стекло: за шипку полубѣлаго—двадцать пять копѣекъ, а за шипку бѣлаго—пятьдесятъ копѣекъ. И, несмотря на такое усиленное пониженіе цѣнъ на стекло, граждане города понесли тяжелую потерю отъ этого града.

Вслѣдствіе плохого улова рыбы тарани (воблы), какъ извѣстно, весьма любимой во всей Малороссіи, цѣна на эту рыбу поднялась съ трехъ коп. за штуку до пятнадцати коп. Говорить-ли о томъ, что всѣми рыботорговцами, а также всѣмъ базаромъ была сдѣлана стачка, почему цѣна на тарань такъ и повысилась. Малороссіяне повѣсили головы и зажурились. Для малоросса тарань и трубка тютюна—это фондъ благополучія и радости жизни. Кто бывалъ среди коренныхъ малороссіянъ, особенно среди косарей, тому, вѣроятно, приходилось не разъ слышать:

— Якъ тарани, та люльки не стане и сонъце свитыты перестане! (Если тарани и трубки не станутъ, тогда и солнце свѣтить перестанетъ).

Описываемое время, вслѣдствіе вздорожанія тарани, близилось къ тому, чтобы солнце Малороссіи померкло. И потому нужно было предпринимать мѣры для предупрежденія такого выдающагося несчастья. Кокоскинъ установилъ повсемѣстно цѣну, и тарань за штуку начали продавать не дороже семи копѣекъ.

Также энергично и быстро отнесся Кокоскинъ и къ стачкѣ продавцовъ муки и хлѣба, вслѣдствіе бывшаго въ тотъ годъ недорода въ Харьковской, Полтавской и

Курской губерніяхъ. Дороговизна муки и хлѣба просуществовала только два дня, а затѣмъ были Кокоскинымъ восстановлены нормальныя цѣны.

Но перейдемъ къ частнымъ случаямъ.

У генерала, ревнителя благонравія и благочинія, былъ лакей Мартынь, а у генеральши была горничная Ефимія. Такъ какъ Мартынь состоялъ при буфетѣ, куда, по порученіямъ генеральши, нерѣдко являлась горничная Евфимія, а Мартынь былъ одинъ изъ заядлыхъ *Herzfresser'*овъ, то въ концѣ концовъ частыя столкновенія этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ дали искру, которая заставила говорить о себѣ весь генеральскій дворъ. Дѣло въ томъ, что милый Мартышичка обѣщалъ Химочкѣ на ней жениться. Химочка отнеслась съ полнымъ довѣріемъ къ его обѣщанію и, не дождавшись вѣнца, полюбила молодца. А молодецъ клятвы свои позабылъ и Химочкѣ измѣнилъ. Не выдержала Химочка такой жестокой лжи и пожаловалась на Мартышичку своей генеральшѣ, которая поспѣшила все слышанное ею передать своему генералу. А генералъ, не долго думая, Мартына высѣкъ розгами при полицейскомъ управленіи, а потомъ женилъ его на Химочкѣ и оставилъ у се-

бя служить буфетчикомъ. И Мартышичка съ Химочкой зажили мирно, какъ голубки, воркуя о быломъ...

Такой покровительный взглядъ генерала на отношенія одного пола къ другому ободрилъ многихъ дѣвицъ и вдовъ среди обывателей города. Жалобы ихъ на Донъ-Жуановъ изъ ихъ среды начинали сердить генерала, отнимая у него не мало времени, и онъ, наконецъ, сталъ на сторожѣ. И вотъ молодая дѣвушка Авдотья Пузанкова задумала принести жалобу генералу на одного молодого повара, 23 лѣтъ, служившаго въ его кухнѣ, Игнатія Сапуна, красиваго и юркаго ловеласа.

Генераль призвалъ его къ себѣ на аудіенцію.

— Ну, безъ дальнихъ околичностей, говори мнѣ, что и какъ было? Но только помни, что ты говоришь мнѣ, а потому—предупреждаю—не лги. Ты былъ коротко знакомъ съ этой женщиной?—спросилъ его строгій генераль.

— Виноватъ, ваше—ство!—отвѣтилъ безъ запинокъ поваръ.

— Молодецъ, что не врешь!—ободряя подсудимаго, сказалъ генераль. А жениться на ней ты обѣщался?

— Обѣщался, ваше—ство! Такъ точно!—отвѣчалъ поваръ.

— А ты повѣрила его обѣщаніямъ?—обратясь къ Пузанковой, спросилъ генераль.

— Да какъ же не повѣрить? Такъ ладно, значить, мы съ нимъ жили и не повѣрить? Конечно, повѣрила. А онъ, ваше—ство, обманулъ меня.

— Ну, такъ вотъ мое рѣшеніе!—сказалъ генераль. Тебя, чтобы ты впредь не вѣрила на слово, а тебя, Сапунъ, чтобы ты велъ свои дѣла съ бабами такъ, чтобы онѣ не лѣзли ко мнѣ съ жалобами, выѣчь при полиціи, каждому по сорокъ розогъ. Взять ихъ сейчасъ въ полицейское управленіе!—сказалъ генераль дежурному квартальному и самъ удалился въ свой кабинетъ.

Но какъ ни былъ Кокошкинъ кратокъ и рационаленъ въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, а все же не обошлось безъ случая, который налагаетъ тѣнь на него, какъ на юриспрудента, представителя нелицепріятной и строгой Оемиды.

Во время севастопольской кампаніи, въ г. Харьковъ, присылали немало офицеровъ изъ дѣйствующей арміи, выпущенныхъ изъ госпиталей и лазаретовъ и нуждавшихся въ продолжительномъ отпускѣ,

для поправки своего здоровья, послѣ перенесенныхъ ранъ и поврежденій. Почти не было ни одной богатой семьи, ни одного богатаго дома, гдѣ не жилъ на квартирѣ, по назначенію городского управленія, офицеръ, присланный съ театра войны на поправку. И къ чести гражданъ города, несмотря на отпускаемую плату за квартиру и столъ, никто не бралъ денегъ, и съ открытымъ сердцемъ всѣ принимали пострадавшихъ воиновъ въ свои дома, окружая ихъ и почетомъ, и радушнымъ приемомъ, и сердечнымъ уходомъ.

Весьма немного было среди такихъ жильцовъ людей пожилыхъ, женатыхъ и вдовцовъ. Въ большинствѣ случаевъ, на долю харьковцевъ выпадали жильцы, составлявшіе собой цвѣтъ юной молодежи, офицеры, полные надеждъ, здоровья и упованій на все лучшее, радостное, живое.

Этотъ періодъ времени, когда въ Харьковѣ проживали офицеры, былъ періодомъ обновленія жизни. Въ воду, долго стоявшую при самомъ однообразномъ колебаніи, была влита новая, свѣжая струя, которая придала ей и цвѣтъ, и видъ, радовавший глазъ. Среди военныхъ было не мало гвардейцевъ, моряковъ и офицеровъ генеральнаго штаба. Почти всѣ они принадлежа-

ли къ богатому дворянскому сословію и были съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ.

Городъ Харьковъ не былъ бѣденъ любовью къ музыкѣ. Но съ появленіемъ этихъ новыхъ гостей, харьковскіе аршинники впервые познакомились и полюбили Бетховена, Моцарта и Гайдна. Чѣмъ-то радостнымъ и небывалымъ заявили себя тріо и квартеты на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ. И, наконецъ, пѣніе, которое совсѣмъ до этого времени не было въ модѣ, вдругъ огласило залы и гостинныя богатыхъ домовъ романсами Алябьева, Дюбюка, Глинки, Даргомыжскаго, Варламова и др. композиторовъ того времени. И Харьковъ, имѣвшій до этихъ дней не мало хорошихъ піанистокъ, пробавлявшихся пьесами Бейри, фантазіями на русскія пѣсни: „Соловей“, „Что ты, вѣтка бѣдная“, „Вотъ мчится тройка удалая“ и пр., и пр., началъ ласкать слухъ любителей музыки, чудными аккордами Бетховена и мелодією, полного думъ, Шуберта, и Шопена. Несмотря на недостатокъ преподавателей пѣнія, не замедлили появиться на домашней сценѣ дружнаго, семейнаго кружка прекрасныя пѣвицы, съ голосами даже завидными и жадно ожидавшими хорошаго ментора—для своей разработки. Среди воен-

ныхъ, украшенныхъ Георгіевскими крестами, были завидные пѣвцы, съ голосами преимущественно баритонами и иногда тенорами. Образовались частные кружки для совмѣстнаго пѣнія; и даже нѣмцы, проживавшіе въ городѣ, образовали общество, названное „Liedertaphel“. Два раза въ недѣлю, члены этого общества, среди которыхъ были и военные, собирались въ особо нанятую для этого квартиру, въ домѣ Ковалева, нынѣ Укше, и пѣли хоромъ преимущественно „Lieder ohne worte“ Мендельсона, Бартольди и Шуберта. Жизнь семейная какъ-то оживлялась и каждый день давала новыя впечатлѣнія. Оживились вечера и танцами, и чтеніемъ литературныхъ произведеній, среди всей семьи, за круглымъ столомъ вечерняго чая, подъ симпатичный шумокъ волшебника-самовара, —въ которомъ кипѣла вода къ чаю, а вмѣстѣ съ нею кипѣли и сливались во - едино мечты и чувства всѣхъ сидящихъ вокругъ стола и горячо бесѣдовавшихъ о музыкѣ и о ея обаятельномъ вліяніи на душу. Сколько любви въ тѣ дни было вызвано къ жизни, разбужено отъ сна, освобождено отъ летаргіи. Сколько молодыхъ, свѣжихъ и трепетныхъ сердецъ было завоевано молодыми Марсами не на полѣ битвы, а на полѣ мира, дружбы и взаимнаго до-

вѣрія. Сколько свадебъ, а рядомъ съ ними и грустныхъ романовъ совершилось въ тѣ дни, богатые радостными встрѣчами и слезами разлуки?

Жилъ-былъ въ Харьковѣ богатый купецъ Верстовскій, а у него была красавица дочка Любаша. Купецъ Верстовскій когда-то торговалъ винами, а послѣ закрылъ торговлю и началъ заниматься, какъ онъ выражался, — дисконтомъ, а на самомъ дѣлѣ — ростовщичествомъ. И странно: купецъ Верстовскій хотя и былъ простъ, а ужъ объѣхать своимъ дисконтомъ кредитора такъ умѣлъ ловко и чисто, что кредиторъ нерѣдко въ ноги кланялся дисконтеру и благодарилъ его за оказанное благодѣяніе.

— Да что вы, что вы?—какъ бы пораженный приливомъ благодарности кредитора, говорилъ Верстовскій. Я никакихъ вамъ благодѣяній не сдѣлалъ. А я только по божески рассчитался съ вами. Потому, —повѣрьте мнѣ, всѣмъ намъ помирать надо, истинно вамъ говорю. А тамъ, на томъ свѣтѣ? Подумать, другъ мой, страшно?... Вотъ оно что, мой милый. Все надо по божески дѣлать!...

И кредиторъ, умиленный мудрою рѣчью, а особенно открытою Верстовскимъ истинною, что всѣмъ намъ помирать надо, шелъ съ восторгомъ домой и ужъ только тамъ, дома, оглядываясь на себя и видѣлъ, что онъ пошелъ къ Верстовскому въ рубахѣ, а пришелъ домой безъ рубахи. И думалъ, думалъ кредиторъ, гдѣ и какъ могла исчезнуть его рубаха, да такъ и не додумывался.

Хороша и пригожа была Любаша, что твоя краля бубновая, была она нарядная, да приглядная. А въ домѣ ея отца стоялъ на квартирѣ поручикъ Ганевскій, сынъ помѣщика Орловской губерніи, имѣвшаго болѣе трехъ тысячъ душъ крестьянъ. Оеодоръ Михайловичъ Ганевскій, двадцати трехъ лѣтъ офицеръ, получилъ рану въ грудь. Но пуля прошла подъ третье ребро, поранивъ нижнюю конечность лѣваго легкаго и затѣмъ, пройдя подъ кожей, остановилась подъ лѣвой лопаткой. Выпущенный изъ лазарета, поручикъ Ганевскій получилъ на три мѣсяца отпускъ и былъ откомандированъ въ г. Харьковъ на поправку. Судьба дала ему квартиру у купца Верстовскаго. Тяжела, скучна и нерадостна была жизнь поручика въ домѣ Верстовскаго, который ложился спать въ 10 часовъ вечера, соблюдалъ со всею строго-

стью посты, по средамъ и пятницамъ, и не любилъ принимать у себя гостей. А когда онъ былъ имянинникомъ, то сзывалъ къ себѣ во дворъ и кормилъ нищихъ или отправлялъ въ острогъ арестантамъ пироги. Рояль хорошей конструкціи стоялъ закрытымъ, ноты лежали въ пыли.

Затосковалъ Ганевскій, квартируя въ домѣ Верстовскаго, и даже порывался заявить начальству, чтобы его перевели куда-либо въ другой домъ. Но Любаша, съ которой видѣлся каждый день поручикъ Ганевскій за обѣдомъ и за вечернимъ чаемъ, нравилась ему и потому онъ откладывалъ со дня на день свое желаніе перейти на другую квартиру. Между тѣмъ, и Любаша, истомившись въ конецъ монастырскимъ режимомъ жизни и видя, какъ ея подруги въ другихъ домахъ проводятъ время среди молодежи, въ свою очередь затосковала о своемъ положеніи и начала чаще проситься въ гости то къ тѣмъ, то къ другимъ знакомымъ. Родители не препятствовали Любашѣ веселиться и слѣдили только строго за тѣмъ, чтобы Ганевскій не бывалъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывала Любаша. Но кто же и когда перехитрилъ любовь?

Въ то время, какъ папаша читалъ Четьи-Минеи, Любаша вмѣсто того, чтобы при-

мо идти въ домъ знакомыхъ, отпускала горничную и шла подъ руку съ Оедюшей, не переставая смотрѣть ему въ глаза, слушала и слушала его сладкую и радостную пѣснь любви. Такъ шли дни за днями. Мальчишка-Амуръ дѣлалъ свое дѣло, избравши Любашу и Оедюшу мишенью своей охоты и, наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ, прекрасный Марсъ увезъ Любашу въ одну изъ деревень, за сорокъ верстъ отъ Харькова, съ цѣлью перевѣнчаться въ деревенскомъ храмѣ, гдѣ заранѣе все было подготовлено. Но на этотъ разъ горничная измѣнила своей барышнѣ, потому что въ ней встрѣтила самую опасную свою соперницу, которую тѣмъ или инымъ способомъ пожелала удалить. Горничная, возвратясь домой, поспѣшно все рассказала отцу и матери Любашы. Верстовскій, который доставлялъ въ буфетъ генерала разныя вина, зная, какъ губернаторъ радѣетъ о благонравіи, не долго думая, поѣхалъ къ нему и просилъ защиты. Кокоскинъ немедленно послалъ двухъ квартальныхъ и двухъ полицейскихъ въ догоню, приказавъ не допускать вѣнчанія.

Какъ ни спѣшили, однако, строгіе блюстители благонравія, какъ ни быстро ѣха-

ли квартальные Дудышкинъ и Шумейко, а все-же они нагнали молодыхъ уже въ деревнѣ и застали ихъ стоявшими подъ вѣнцомъ. Уже были надѣты вѣнцы и молодые обведены вокругъ аналая три раза, уже они обмѣнялись кольцами, какъ вдругъ Дудышкинъ и Шумейко явились въ храмъ и начали требовать, чтобы вѣнчаніе было пріостановлено.

— Теперь, если вы этого желаете, можно вѣнчаніе и пріостановить!—отвѣтилъ смиренно священникъ. Но бракъ совершенъ, вошелъ въ полную свою силу и по законамъ церкви святой не можетъ быть расторгнутъ!—отвѣтилъ священникъ квартальнымъ надзирателямъ.

Квартальный Шумейко, не останавливаясь, продолжалъ заявлять свои требованія, но два молодыхъ воина—товарищи Ганевского, нисколько не церемонясь, вывели обоихъ представителей власти и порядна изъ церкви и, затворивъ за ними двери, стали у ея раствора на сторожѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ перевѣнчанные молодые, веселые и полные надеждъ на счастье и любовь, вышли изъ храма, сѣли на свою тройку и уѣхали обратно въ Харьковъ, въ гостиницу „Харьковъ“, помѣщавшуюся на Николаевской площади, на мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время на-

ходится городской домъ. Въ гостинницѣ ихъ ожидали три роскошно убранные номера, съ женской прислугой и съ товарищами молодого мужа, которые встрѣтили его съ бокалами шампанскаго.

Въ той же гостинницѣ былъ ужинъ и только не доставало музыки и танцевъ, чтобы свадьба была исполнена по всѣмъ правиламъ общепринятаго этикета.

Какъ-бы то ни было, а свадьба была отпразднована на славу. Но слышно было среди людской молвы, что будто-бы Оеодоръ Михайловичъ Ганевскій очень сердился на погоню за нимъ, даже писалъ объ этомъ въ Петербургъ. Не утверждая правдивости этихъ слуховъ, спѣшу только сказать, что вслѣдствіе ли случайнаго сопаденія, или по какимъ либо другимъ причинамъ, но только консерваторъ благочинія и благонравія съ тѣхъ поръ отказался совсѣмъ отъ вмѣшательства въ любовныя дѣла и закрылъ навсегда свою камеру суда.

Но описавъ этотъ комичный случай, закончившійся свадьбой, я не могу обойти молчаніемъ другой романъ, который интересенъ уже и потому, что онъ представляетъ собою характерную черту того времени.

Генералъ-губернаторъ всегда интересовался колодцами, которыми вообще богата Малороссія, да и Харьковъ никогда бѣденъ не былъ ими. Едва начиналъ огораживать себя съ улицы и отъ сосѣдей новый жилецъ, купившій мѣсто, какъ уже намѣчалось мѣстечко для колодца, хотя-бы у сосѣда и былъ уже колодезь и не запрещалось никому пользоваться изъ него водою. Эта страсть къ колодцамъ частію объясняется и тѣмъ, что малороссіанинъ вообще очень домовитъ и любитъ окружать себя на недалекомъ разстояніи всѣми благами обыденной жизни. Другая причина не менѣе важная хранится въ томъ, что въ Малороссіи, особенно въ степныхъ мѣстахъ, вообще чувствуется недостатокъ воды. Колодцы же въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ себѣ или солонцеватую воду или же съ осадкомъ известково-глинистаго ила, придающаго водѣ особенный вкусъ. На всемъ пространствѣ, какое занимаетъ раскинувшійся на всѣ четыре стороны Харьковъ, онъ искони имѣлъ только одну Карповскую криницу, которая безспорно заключала въ себѣ обильный ключъ чистой и вкусной воды. Затѣмъ, такъ называемая, Бѣлгородская криница и многіе другіе колодцы, всегда были необильны водами и не отличались вкусомъ водою.

Весьма понятно, что заботливый генералъ Кокошкинъ, если видѣлъ, что у кого либо во дворѣ копаютъ колодезь, непременно останавливалъ на немъ свое пытлиное вниманіе и интересовался тѣмъ, какая вода окажется въ колодезѣ. Если же ему представлялся случай при казенной постройкѣ выкопать колодезь, то для достиженія этого желанія его никто и ничто не могло остановить. Такъ, строивши на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города зданіе ветеринарнаго института, онъ выкопалъ во дворѣ его колодезь въ сорокъ восемь съ половиною саженой глубины и достигъ дѣйствительно хорошей воды. Но вода на такой большой глубинѣ часто задышалась и становилась противною для питья, что и побудило упразднить навсегда этотъ колодезь. А между тѣмъ при рытьѣ этого колодца не обошлось безъ человѣческой жертвы. Одинъ изъ грабарей на разсвѣтѣ спустился на дно шахты, чтобы продолжать работу, и задохся отъ собравшихся за ночь удушливыхъ газовъ.

Въ послѣдней моей бесѣдѣ я затронулъ лучшее время жизни г. Харькова. Я бесѣдовалъ съ читателемъ о тѣхъ мѣсяцахъ, когда въ Харьковъ изъ дѣйствующей арміи присылали раненыхъ на поправку, размѣщая ихъ по домамъ богатыхъ обывате-

лей. Но все мною сказанное было такъ кратко, такъ неполно, что я не могу не остановить вниманія читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ и особенностяхъ этихъ мѣсяцевъ, богатыхъ новыми впечатлѣніями, вновь испытанными чувствами.

Опять мечты, опять воспоминанья
О жизни прожитой,
Какъ хартія забытаго преданья,
Она—передо мной.
И годы юности, счастливые, бывые
Переживаю вновь,
И призраки душъ моей родины
Волнують кровь...

Въ кругу этихъ семей, кто желалъ, всегда могъ завестись свѣжими силами для борьбы съ жизнью...

Противъ „Астраханской“ гостиницы, теперешній домъ гг. Альшвангъ, въ описываемые годы принадлежалъ весьма богатому купцу Телкову, который торговалъ золотыми и парчевыми товарами, а также и шерстью, покупая ее большими партіями и отправляя въ Москву.

Торговля Телкова шла всегда бойко, и онъ наживалъ хорошія деньги. Но кромѣ указанныхъ мною товаровъ, которыми торговалъ Дмитрій Петровичъ, былъ у него еще одинъ ресурсъ, дававшій ему весьма завидную прибыль.

Въ то время въ Одессѣ существовало порто-франко и потому, хотя евреи не имѣ-

ли права жить въ г. Харьковѣ, но все-же, по христіанской добротѣ квартальныхъ — Дудыпкина, Стуколкина — и братіи, они пробирались въ Харьковъ и потихонько проживали въ городѣ по два и по три дня. Спеціальныя занятія этихъ временныхъ жильцовъ Харькова — состояли въ томъ, что они привозили тайкомъ изъ Одессы товаръ, не оплаченный пошлиной, и сбывали знакомымъ торговцамъ — любителямъ быстрой и легкой наживы, преимущественно оптомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этого товара было привозимо ими въ достаточномъ количествѣ. Привозили эти евреи шелковыя матеріи, настоящее голландское полотно, дорогіе часы, различныя бронзовыя вещи, какъ предметы изысканной роскоши, кружева, настоящій ліонскій бархатъ, тюль, рюшъ, блонды, батистъ, настоящія французскія перчатки, англійскіе духи и вообще произведенія того чудодѣйственнаго алхимика изъ Парижа, который когда-то хлопоталъ превратить все въ золото, а въ девятнадцатомъ столѣтіи съюзилъ программу своей задачи и спеціально занялся превращеніемъ безобразныхъ женщинъ въ неземныхъ существъ, хотя и съ очень земными помыслами...

Этихъ евреевъ знали весьма немногіе, и потому они дорожили и своими покупате-

лями, и съ полнымъ довѣріемъ относились къ нимъ. Въ числѣ такихъ покупателей, однимъ изъ самыхъ важныхъ былъ Телковъ. Еврей-контрабандисты вообще избѣгали этого важнаго покупателя, но кто хотя разъ побывалъ у него и довѣрился ему, тому оставить Телкова, миновать его, не продать ему своего товара было невозможно. И потому хотя и не желали, но шли къ нему и продавали ему свой товаръ, скрѣпя сердце.

Дѣло въ томъ, что Телковъ, какъ очень богатый купецъ, жилъ открыто и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми сановниками города. А потому ему ничего не стоило еврея-контрабандиста, обошедшаго его въ продажѣ привезеннаго имъ товара, передать въ руки начальства и тѣмъ наказать неразумнаго ослушника. А такъ какъ эти случаи уже были, то его и боялись, чѣмъ либо обидѣть. Но какъ ни были осторожны евреи, а все же не мало ихъ попадалось въ руки Телкова. Обыкновенно, еврей приносилъ къ Телкову контрабанду и предлагалъ ее купить. Телковъ, не торгуясь, давалъ продавцу ту цѣну, которую просилъ онъ, но никогда не расплачивался и, въ крайнемъ случаѣ, уплачивалъ только половину стоимости всего товара. Остальную-жъ сумму онъ требовалъ оста-

вить у него въ кредитъ на близкій или дальній срокъ. И вотъ съ этого часа начиналъ надъ головою еврея дрожать и колебаться Дамокловъ мечъ. Когда еврей прїѣзжалъ въ назначенный срокъ и, конечно, съ новымъ багажемъ контрабанды, Телковъ весь новый товаръ оставлялъ за собою и опять назначалъ на платежъ за него условный срокъ. Но когда еврей обращался къ нему съ просьбой заплатить ему деньги по старому счету и опирался на имъ же назначенный срокъ, то Телковъ съ удивленіемъ выслушивалъ заявленіе еврея.

— Какія деньги? За что деньги? — пораженный требованіемъ еврея, возражалъ почтенный купецъ.

— Ну какъ за что? — въ свою очередь съ удивленіемъ возражалъ еврей. Я вамъ товаръ доставилъ, а вы сказали подождать вамъ деньги. Ну, я и ждалъ вамъ деньги. А теперь срокъ пришелъ, я и прошу отдать мнѣ деньги.

— Да какой товаръ ты мнѣ доставилъ? О чемъ ты говоришь? — продолжалъ не понимать Телковъ.

— Да извѣстно какой. Такой же, какъ сегодня вы у меня купили? — спѣшилъ отвѣтить еврей.

— А сегодня какой я у тебя купилъ товаръ?

— Извѣстно, какой товаръ. Я васъ никогда не обманывалъ. Это настоящій заграничный товаръ — контрабанда! — отвѣчалъ еврей.

— А... а... а!! Такъ ты контрабандой торгуешь? Такъ ты и тогда, значить, мнѣ контрабанду продалъ? И я, честный купецъ, и я, именитый гражданинъ, былъ введенъ тобою въ государственное преступленіе? Ахъ, ты, негодный жидъ! Я тотчасъ ѣду къ губернатору и докладываю ему, что у меня въ лавкѣ подъ надзоромъ находится еврей — контрабандистъ, а вотъ и товаръ, привезенный имъ, на лицо?..

Еврей падаетъ передъ честнымъ купцомъ и именитымъ гражданиномъ на колѣни и начинаетъ умолять его о пощадѣ.

— Господинъ купецъ, ваше именитое — ство! — вопіялъ еврей. — Пощадите и не губите отца — кормильца семерыхъ дѣтей...

— Нѣтъ, для меня имя и честь дороже твоихъ дѣтей!.. Ты знаешь, кто я такой? Ты знаешь, что у меня губернаторъ обѣдаетъ и архіерей чай пьетъ? Ты знаешь, негодяй, что мнѣ губернаторша ручку подаетъ? Ты знаешь?.. Да ты знаешь, каналья этакій?..

И честный купецъ топалъ ногами и начиналъ тѣснить своею фигурой несчастнаго еврея.

Еврей ползалъ по полу потайной комнаты магазина и, валяясь у ногъ именитаго гражданина, слезно умолялъ его о пощадѣ, обѣщая не требовать съ него денегъ ни за привезенный товаръ, ни по кредиту прошедшаго долга.

Вставай, мерзавецъ, и моли своего Бога, что онъ тебя отдастъ въ руки христіанина,—наконецъ, милостиво произнесъ свое рѣшеніе добрый человѣкъ.—Иди себѣ съ Богомъ и помни, что Телковъ вспыльчивъ, но отъ него не одинъ еще человѣкъ не пошелъ по міру. Уходи!!..

И еврей, схвативъ шапку въ охапку, спѣшилъ, не оглядываясь, уйти, убѣжать отъ честнаго купца и выгоднаго покупателя...

Купецъ Телковъ имѣлъ троихъ сыновей, которые воспитывались въ коммерческой академіи, въ Москвѣ, и очень красивую дочь институтскаго воспитанія, за которой онъ далъ тридцать тысячъ денегъ, нажитыхъ имъ честнымъ трудомъ. Дочь была замужемъ за докторомъ медицины Калининымъ. Всѣ три сына блестяще окон-

чили курсъ ученія и были извѣстны въ городѣ, какъ молодые люди прекраснаго воспитанія и при этомъ весьма талантливые музыканты. Старшій сынъ, Дмитрій, служилъ въ Петербургѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ и при этомъ былъ хорошимъ ксилографомъ, участвуя въ различныхъ журналахъ, а также въ художественномъ листкѣ, издававшемся художникомъ Тимомъ. При этомъ онъ игралъ на віолончели. Другіе два сына, Иванъ и Павелъ, жили въ Харьковѣ, причемъ Иванъ былъ хорошій скрипачъ, а Павелъ игралъ на віолончели. И эта поэтическая и высокой культуры семья произошла отъ такого честнаго и именитаго купца, какимъ считалъ себя Телковъ! Но выдающеюся женщиной по уму и сердцу была его жена, и, какъ мать, она передала своимъ дѣтямъ всѣ свои прекрасныя качества. Купецъ Телковъ умеръ внезапно, оставивъ дѣтей еще неокончившими курсъ наукъ, и только дочь его была замужемъ, какъ я сказалъ выше, за докторомъ медицины, Калининымъ. Вдова купца Телкова, желая поддержать состояніе мужа, вскорѣ послѣ смерти его вышла замужъ за своего старшаго приказчика Лимова, и не ошиблась. Лимовъ—это былъ идеально честный и добрый человѣкъ и, какъ коммерсантъ, обладалъ

знаніемъ торговаго дѣла. Торговля дѣла Лимова пошла успѣшно. Торговлю парчею онъ прекратилъ и началъ торговать моднымъ товаромъ и шерстью, отправляя большіе транспорты ея въ Москву и въ Петербургъ, на имя различныхъ фабрикантовъ суконъ и шерстяныхъ матерій. У Лимова было двѣ дочери—красавицы: Ольга—окончившая курсъ въ институтѣ, и Капитолина, самая меньшая и тоже дѣвушка выдающейся красоты. И вотъ въ лѣтніе мѣсяцы, во второмъ этажѣ углового дома, вечеромъ, когда суета города и грохотъ экипажей умолкали, отворялись нерѣдко окна ихъ квартиры, и дуэты, тріо и solo на роялѣ начинали напоять воздухъ чудною гармонією звуковъ, привлекавая къ себѣ толпу слушателей, располагавшихся группами на площади и даже въ переулкѣ. Къ этому импровизированному концерту нерѣдко присоединялись голоса пѣвцовъ,—знакомыхъ офицеровъ, защитниковъ Севастополя. Но недолго суждено было Лимову вести счастливо торговлю. Какъ я уже сказалъ выше, Лимовъ отправлялъ шерсть фабрикантамъ. Въ Москвѣ въ это время былъ извѣстный фабрикантъ суконныхъ товаровъ—Александровъ, который ежегодно покупалъ у Лимова шерсти на тридцать и на сорокъ тысячъ рублей.

Но такъ какъ Лимовъ самъ много кредитовался въ Москвѣ, между тѣмъ, въ то время было не легко большія суммы денегъ перевозить почтовымъ трактомъ на большія разстоянія, то вслѣдствіе долгихъ и дружественныхъ отношеній съ Александровымъ, Лимовъ отсылалъ къ нему шерсть въ кредитъ, а пріѣзжая въ Москву самъ за покупками, зналъ, что у Александрова лежатъ для него готовыя тридцать—сорокъ тысячъ рублей, безъ всякихъ обезпеченій, векселями и росписками. Теперь такое безусловное довѣріе—немыслимо, а въ то время оно было далеко не рѣдкость.

Однажды, Лимовъ пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью оправдать свой кредитъ и купить вновь товара для весенняго сезона. Но каково же было его удивленіе, когда его другъ Александровъ на вопросъ Лимова, когда онъ назначить ему придти для полученія тридцати пяти тысячъ рублей, которые должны у него храниться на случай его пріѣзда, отвѣчалъ категорически, что у него никакихъ денегъ не хранится, что онъ ему ничего не долженъ.

Лимовъ въ первыя минуты такой отвѣтъ принялъ за неумѣстную шутку. Но еще нѣсколько минутъ объясненій и онъ понималъ, что Александровъ не шутилъ и что онъ обобранъ... Вышелъ Лимовъ отъ Алек-

сандрова, едва сознавая, куда онъ идетъ и что дѣлаетъ. Впереди у него ничего не было, кромѣ всей его семьи, а также трехъ молодыхъ людей умершаго Телкова. Едва помня себя, Лимовъ, взойдя на середину Москворѣцкаго моста и увидавъ крупною зыбью подернутую воду, съ размаха бросился съ моста въ рѣку и скрылся подъ водою. Но черезъ минуту—двѣ Лимовъ вынырнулъ и показался надъ водою. Немедленно была подана ему съ двухъ лодокъ помощь и онъ былъ спасенъ отъ смерти, хотя, искупавшись въ ноябрьской водѣ, перенесъ сильный тифъ.

Какъ я уже сказалъ выше, старшій сынъ Телкова, Дмитрій, служилъ въ Петербургѣ и потому былъ спасенъ отъ потери самообладанія, но Иванъ Телковъ сдѣлался безповоротнымъ пьяницею, а Павелъ сошелъ съ ума.

Но Александровъ долго еще жилъ и, умирая, передалъ большой капиталъ своимъ дѣтямъ.

Что касается прекрасной и талантливой Ольги, то она была обманута молодымъ и богатымъ студентомъ, вслѣдствіе чего отравилась и умерла въ Москвѣ въ городской больницѣ, оплаканная обнищавшими отцомъ и матерью.

Были въ Харьковѣ богачи—купцы, которые въ тѣ годы были извѣстны подъ именемъ „медвѣжьихъ пестуновъ“.

Въ то время, между народомъ ходила и упорно держалась легенда, будто-бы въ г. Нахичевани есть одинъ жилой дворъ, въ укромномъ уголкѣ котораго былъ потайной ходъ въ довольно обширный погребъ. Входъ этотъ закрывается плотно деревяннымъ помостомъ (лядой), на которомъ постоянно пребывалъ, на цѣпи прикованный къ столбу, медвѣдь, внушительной величины. Въ этомъ погребѣ, хранимомъ медвѣдемъ, была фабрика фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, или какъ они назывались „печерицы нахичеванскихъ погребовъ“. „Печерицы нахичеванскихъ погребовъ“ разносились по югу Россіи агентами различныхъ типовъ.

Агентомъ этого дѣла былъ и купецъ—богачъ, потерявшій всякое понятіе о чести и долгѣ; былъ и нѣмецъ, пришедшій изъ своей родины, въ которой онъ былъ послѣднимъ, а у насъ, на Руси, мечталъ быть первымъ, и еврей, среди самихъ евреевъ признанный за безцеремоннаго плута; былъ тутъ и французъ, гдѣ-то бросившій свою шарманку и очень желавшій поступить въ гувернеры—воспитатели русскаго юноше-

ства, но вслѣдствіе неудовлетворенной привычки каждый день подкрѣплять себя пищей, попавшій въ агенты медвѣжьей фабрики. Были тутъ и русачки, несчастные неудачники, и выросшіе на улицѣ дѣти, никогда не знавшія своихъ отца и матери. И вотъ такіе-то агенты получали въ кредитъ нѣсколько пачекъ фальшивыхъ ассигнацій и гдѣ пѣшими, а гдѣ присѣвшими на облучекъ ямщика, передвигались изъ села въ село, изъ города въ городъ и развозили и разносили эти медвѣжьи дары по всякъ землѣ русской. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были среди богачей, какъ дворянъ, такъ и купцовъ, такіе пріятели, у которыхъ они всегда имѣли и пріютъ, и столъ, и даже приличный костюмъ съ барскаго плеча.

— Среди такихъ-то пріобрѣтателей медвѣжьихъ денегъ, въ Харьковѣ тоже, какъ упорно гласила молва, было нѣсколько купцовъ, тяготѣвшихъ къ быстрой и легкой наживѣ и не стѣнявшихся для этой цѣли средствами. И вотъ, одинъ изъ такихъ купцовъ, Е., извѣстный въ то время торговецъ шерстью и особенно большимъ шертомойнымъ заведеніемъ, богатѣлъ быстро и былъ, будто, заговоренъ ворожбою отъ обѣднѣнія. Бывали случаи, что вслѣд-

ствіе неожиданнаго пониженія цѣнъ на шерсть его сотоварищи по торговлѣ въ одинъ день несли убытки въ десять и двадцать тысячъ рублей, бѣднѣли и даже разорялись, а Е. сидѣлъ на своей мойкѣ или въ своемъ саду, и пробки съ шампанскаго, какъ ракеты, летѣли въ воздухъ, вѣщая о ликованіи счастливца, незнавшего убытковъ.

Былъ у этого Е. знакомый нѣмецъ Іоганнъ Фрахтъ. Низенькаго роста, съ глазами, пораженными трахомой, — нѣмецъ, плохо говорившій порусски и любившій крѣпко выпить, какъ неудавшійся механикъ, пріютился у медвѣжьей фабрики въ Нахичевани, и скоро сдѣлался весьма способнымъ агентомъ, по распространенію фальшивыхъ кредитокъ, среди довѣрчивой толпы и ненасытныхъ сребролюбцевъ. Характерная особенность этого Іоганна Фрахта состояла въ томъ, что онъ пьянымъ былъ геніаленъ въ своей находчивости и умѣніи сбыть фальшивыя кредитки, и смѣнять ихъ на настоящія. И чѣмъ сильнѣе хмель овладѣвалъ его головою, тѣмъ труднѣе было его обойти. Когда же онъ былъ трезвъ, что, впрочемъ, случалось съ нимъ рѣдко, онъ былъ скорѣе глупъ, чѣмъ уменъ, и неумѣстно хвастливъ. И это второе свой-

ство его погубило. Гдѣ-то, какъ-то, онъ проговорился и потому былъ арестованъ и взятъ подъ стражу. Этапомъ онъ былъ препровожденъ въ харьковскій тюремный замокъ и, какъ русскій подданный, родомъ изъ Риги, долженъ былъ быть судимъ по русскимъ законамъ.

Объ этомъ неожиданномъ происшествіи узнали тѣ, которые имѣли съ нимъ, какъ съ медвѣжьимъ агентомъ, дѣло. Узналъ и Е. Былъ сотворенъ общій совѣтъ и по всестороннемъ обсужденіи пришли къ такому умозаключенію: для того, чтобы спасти себя, необходимо было постоянно спаивать нѣмца, а такъ какъ этого невозможно было сдѣлать въ тюремномъ замкѣ, то, во имя собственнаго сбереженія, лучше не пожалѣть денегъ, положить за него залогъ, и взять его на поруки. Такъ порѣшили, такъ и сдѣлали. Но такъ какъ Е. былъ богаче другихъ, а слѣдовательно, и болѣе чѣмъ другіе обязанъ Іоганну Фрахту, то, недолго думая, онъ взялъ его на поруки къ себѣ и помѣстилъ его на шерстомойномъ заведеніи, въ маленькомъ домикѣ, въ одну комнату, съ сѣнями, гдѣ когда-то помѣщался сторожъ, а потомъ этотъ домикъ — сторожка стоялъ уже много лѣтъ пустымъ и, находясь безъ всякаго ремонта и поддержки,

медленно разрушался. Въ этомъ домикѣ и помѣстился Іоганнъ Фрахъ, котораго, частью въ благодарность за прошлое, а частью изъ опасенія, что его могутъ призвать къ допросу, постоянно спаивали водкой. Но недолго пришлось Іоганну Фрахту вольготно и на готовой выпивкѣ пожить въ избушкѣ Е.

Въ іюльскую ночь весьма жаркаго лѣта, на праздникъ пророка Іліи, загорѣлся домикъ, гдѣ безмятежно спалъ агентъ медвѣжьей фабрики, а черезъ полчаса потолокъ хатенки провалился и придавилъ Фрахта. Всѣ служащіе, на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, спали на шерстомойнѣ непробуднымъ сномъ, и когда кто-то изъ нихъ проснулся, то сторожки уже не было, а на мѣстѣ ея стояла печь съ трубою и дымился ворохъ обломковъ, покрытыхъ золою, мѣстами рдѣвшею огнемъ. По раскопкѣ пепелища, найденъ былъ трупъ Іоганна Фрахта, по положенію котораго можно было заключить, что порадавший моментально былъ лишенъ жизни, вѣроятно, тяжестью упавшаго на него потолка, такъ какъ кровать, на которой лежалъ Фрахтъ, была разбита въ осколки и почти вся сгорѣла. Такъ какъ слѣдствіе по дѣлу сбыта Фрахтомъ фальшивыхъ кре-

дитныхъ билетовъ еще не было начато, то за смертью подсудимаго дѣло было прекращено и сдано въ архивъ. Что-же касается пріятелей его, то они благонаправно продолжали вести свои торговые дѣла и были почтенными и примѣрными гражданами города Харькова.

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

Отзывы газетъ и журналовъ.

За іюнь и іюль мѣсяцы 1899 г., въ „Новомъ Времени“, по одному отзыву.

За августъ мѣсяць 1899 г., № 8427, въ „Новомъ Времени“.

За іюль мѣсяць 1899 г., № 86, въ газетѣ „Россія“.

За іюнь мѣсяць 1899 г., № 160, въ газетѣ „Новости“.

Въ журналѣ „Кіевская Старина“, томъ LXVI, 1899 г., августъ мѣсяць, стр. 59.
